

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

КАЗНЬ без
ЗЛОГО умысла

Annotation

Анастасия Каменская и ее бывший коллега Юрий Коротков приехали в далекий сибирский город Вербицк. Настин брат собирается построить здесь дорогой пансионат и попросил их найти подходящее место.

Однако властям Вербицка не до московских инвесторов. В самый разгар предвыборной гонки по городу прокатилась волна таинственных убийств экологов. Люди во всем винят чиновников. Уж больно рьяно мэр и его друзья отстаивают звероферму, притаившуюся в глухом таежном лесу. А ведь говорят, что именно она – ферма – вредит местной экологии. Разумеется, это дело увлекло Каменскую намного сильнее, чем поиски какого-то там участка...

- [Александра Маринина](#)

- - [Пролог](#)
 - [Понедельник](#)
 - [Вторник](#)
 - [Среда](#)
 - [Четверг](#)
 - [Пятница](#)
 - [Суббота](#)
 - [Воскресенье](#)
 - [Понедельник](#)
 - [Вторник](#)
 - [Среда](#)
 - [Четверг](#)
 - [Пятница](#)
 - [Суббота](#)
 - [Воскресенье](#)
 - [Понедельник](#)
 - [Эпилог](#)
-

Александра Маринина

Казнь без злого умысла

Иллюстрация на обложке И. Хивренко

© Алексеева М.А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Сумка с взятыми в библиотеке книгами была невероятно тяжелой, но Нина Ляшенко радовалась этой тяжести: муж оправился после инсульта, завтра он едет в санаторий восстанавливаться, попросил принести книг побольше, значит, снова почувствовал вкус к жизни. Все, что дома было, перечитано уже по многу раз. Нина свободной рукой набрала код, толкнула дверь подъезда, мысленно чертыхнулась в адрес тех, кто в очередной раз то ли разбил, то ли вывернул лампочку, на ощупь вставила ключик в замок почтового ящика, едва поймала вываливающиеся местные газеты, рекламные листки, конверты с письмами, сунула всю кипу бумаг под мышку и порадовалась, что подниматься невысоко – всего на второй этаж. Когда-то, когда они с мужем только-только получили эту квартиру от предприятия, Нина расстраивалась: шумно, тротуар узкий, машины чуть ли не по голове у жильцов ездят, а они привыкли спать с открытыми окнами. Теперь радуется: муж еще плохо ходит, но со второго этажа спуститься ему вполне по силам и домой подняться тоже, а вот с третьего и выше – пожалуй, не сумел бы. Дом-то без лифта. Да и сумки тяжелые с возрастом носить становилось не легче. А так все-таки второй этаж...

Войдя в квартиру, Нина скинула короткие сапожки и прямо в пальто направилась в комнату, к мужу, проверить, все ли в порядке. Слава богу, ничего не случилось, муж сидел в кресле и смотрел телевизор. Вот теперь можно перевести дух и раздеться. После инсульта прошел почти год, а Нина так и не избавилась от страха прийти домой с работы и обнаружить мужа лежащим на полу. Как тогда...

– Вот книги. – Она поставила сумку рядом с креслом. – Вот почта. Опять рекламы накидали, деваться от нее некуда. Хотела прямо в подъезде бросить, у нас там теперь специальная коробочка стоит, ты видел. Но там конверты какие-то – счета, наверное, или из пенсионного фонда... Лампочку опять разбили, темно, ничего не видно. Я побоялась вместе с этой макулатурой что-нибудь нужное случайно выбросить. Ты сам разбери, ладно? А я пойду ужин готовить.

– Конечно, Ниночка, – кивнул муж. – Счета я сам... Счета – это дело серьезное.

Нина удовлетворенно улыбнулась. Конечно, левые рука и нога слушаются пока еще совсем плохо, но все равно прогресс налицо. Не сравнить с тем, что было. А конверты можно и одной рукой вскрывать, муж

натренировался.

Через полчаса ужин был готов, Нина внесла в комнату поднос и принялась накрывать на стол.

– Ну что там? – спросила она. – Счета? Много накапало?

– Как обычно. Телефон, квитанции за квартиру. Я думал, квартплату поднимут, вроде грозились, я по телевизору слышал. Но нет, пока все то же самое. Молодец наш мэр, обещания свои держит, настоящий мужик. А одно письмо вообще не нам, по ошибке в наш ящик кинули. И кто там у них на почтах этих работает? Не понимаю! Ясно же написано на конверте: Северная, дом шестнадцать, квартира пять. А у нас дом восемнадцать. Куда они смотрят? Нинуля, ты завтра по дороге на работу занеси в соседний дом письмо, ладно? Брось в ящик. А то нехорошо, человек, может, ждет...

– Как же я войду? – возразила она. – Там ведь кодовый замок, как у всех, а цифр я не знаю. Это надо или кого-то из жильцов караулить, или на почту нести.

Муж неожиданно смутился.

– Нет, на почту не надо... И жильцам тоже... Я же на адрес не сразу посмотрел, конверт вскрыл... неаккуратно... Прочитал. Ничего не понял, засомневался, вот тогда и на конверт повнимательнее взглянул. Вижу – улица правильно указана, квартира тоже пятая, как у нас, а дом не наш, соседний. Но конверт... Нинуля, стыдно людям показывать.

– Но ведь тот человек, которому письмо адресовано, все равно увидит рванный конверт и поймет, что письмо читали, – рассудительно заметила Нина. – Чего уж тут стесняться... А там что, что-то очень личное? Любовное?

– Да нет, там по делу... Что-то про экологию. Ничего личного.

– Про экологию? – Она насторожилась.

А ведь тот мужчина, которого недавно убили, был как раз из соседнего дома. Уж не ему ли письмо? Как же его звали-то? Никто ничего о нем, в сущности, не знал, говорили – нелюдимый был, с соседями не общался, даже фамилии его назвать не смогли. Но в газете местной много писали об этом убийстве, там и фамилия была. Господи, да как же...

Она нетерпеливо схватила грубо разорванный конверт, прижала пальцами обрывки, прочитала имя адресата. Ну точно, Семушкин. Все правильно. Именно про него писали в газетах. Нина бесцеремонно достала письмо и принялась читать:

«Не могу с тобой связаться, телефон не отвечает, а письма с электронки возвращаются с пометкой, что твоя почта не работает. Я закончил свою часть отчета, теперь экологическая картина вырисовывается

полностью, это убойный материал, они все пойдут под суд, можешь мне поверить. Срочно объявись в лаборатории. Ты куда-то уехал, что ли? Дверь не открываешь, телефон не берешь, пришлось письмо посылать, как в доисторические времена. Не тяни, вопрос срочный».

– Вот, значит, как, – протянула негромко Нина, присаживаясь на краешек дивана. – Это не на почту надо идти, а в полицию.

– Почему в полицию? – испугался муж. – Я же не нарочно... Так получилось. Случайно.

– Это письмо Семушкину. Тому, которого убили. Судя по письму, он занимался экологией. Ты понимаешь, что это значит?

– Ох ты, господи! – выдохнул муж. – Ничего себе... Думаешь, это опять?..

Понедельник

Из кухни, отделенной от просторной гостиной раздвижной дверью, донесся звон – там что-то разбили. Похоже, тарелку. Анастасия Каменская бросила быстрый взгляд сначала на брата, потом на Короткова: это ведь их жены там, на кухне, и именно они что-то расколотили. Коротков едва заметно дернулся, а брат Саша и бровью не повел, знал, что его любимая жена бьет посуду так же отменно, как и готовит. Привык.

– Сань, там девушки что-то разбили, – осторожно заметила Настя.

– Разбили, – невозмутимо отозвался Александр. – Но это никак не меняет постановку вопроса. Я специально вас собрал, чтобы можно было все обсудить, все порешать и не играть в испорченный телефон. Стасов, ты что скажешь?

Владислав Николаевич Стасов, Настин давний друг, а в последние годы – еще и начальник, только пожал могучими плечами.

– Я не возражаю. Какая мне разница, где будет работать мой сотрудник? Договорчик заключим с твоим банком, а хочешь – с тобой лично, как с частным лицом, пропишем в нем, что командировочные и накладные расходы за твой счет, никаких проблем. То есть у меня – как у начальника твоей обожаемой сестры – нет ни одной причины ее не отпускать в этот твой, как его...

– Вербицк, – пряча улыбку, подсказал Каменский.

Настя метнула в шефа испепеляющий взгляд. Ну почему Владик так легко ее отпускает?! Можно подумать, она спит и видит, как бы ей съездить «на халяву» в этот Вербицк, к черту на кулички, куда-то в Перовскую область, в Западную Сибирь. И главное, совершенно непонятно, что она там будет делать. Юрка Коротков – вопросов нет, он и так у Саши Каменского работает директором пансионата в Подмосковье, уж кому, как не ему, знать, какие нужны условия для строительства и организации такой же базы отдыха. У Сашкиного банка открылось за последние годы множество филиалов по всей Сибири, и Каменский решил построить еще, по крайней мере, один пансионат, где смогут с комфортом и удовольствием проводить отпуска, праздники и выходные дни сотрудники этих филиалов. Тут все понятно. Но она-то, Настя, здесь каким боком? Чем она будет там заниматься? У нее от одного только слова «коммуникации» судороги делаются!

Она умоляюще посмотрела на мужа: может, хотя бы Чистяков ее

защитит? Вот пусть бы он сейчас прекратил молчать и высказался в том духе, что, дескать, он против... Хотя почему он должен быть против? После стольких лет совместной жизни как-то смешно прозвучат слова «не хочу расставаться надолго» или «буду скучать», и еще более нелепым выглядело бы его заявление о том, что он, дескать, не может жить один и с хозяйством не справится. Уж кто-кто, а Чистяков справится получше иной хозяйки. Можно, конечно, выкатить так называемую ревность, сославшись на то, что жена, мол, в дальний путь... да с чужим мужиком... да неизвестно, чем они там будут заниматься... Нет, не пройдет. Юрку Короткова Настя знает тридцать лет, и столько же лет его прекрасно знает Чистяков. Не прокатит... Господи, как же ехать-то не хочется!

– Хорошо, – обреченно вздохнула Настя. – И что я там должна буду делать?

Александр собрался было ответить, но его внимание привлекли какие-то новые звуки из-за двери, разделяющей гостиную и кухню. Настя насторожилась: похоже, кто-то плакал.

– Дамы! – во весь голос заорал хозяин дома. – Что там у вас стряслось?

Отодвинулась створка раздвижной двери, из кухни выглянула Ирина, жена Короткова, яркая пышнотелая красавица.

– Саша, там Дашка разбила твою любимую чашку и рыдает. Говорит, что ты ее сам выбирал в какой-то поездке в какой-то памятный вам обоим день, и эта чашка для тебя что-то вроде талисмана, и ты без нее жить не можешь, и что Дашку ты просто убьешь. Убьешь, что ли? Правда? – Ирина весело подмигнула Каменскому и подбежала к мужу, чтобы чмокнуть его в темечко.

Коротков не удержался и с видимым удовольствием схватил жену за ягодицы. Жест был грубоватым и весьма «мужицким», но в нем было столько тепла, нежности и нескрываемого мужского интереса, что все невольно улыбнулись.

– Саша, ты когда моего благоверного из Москвы отошлешь? – спросила Ирина. – А то мне через две недели на съемки в Минск ехать, надо Анечку к кому-то приладить.

– А вот прямо завтра и отошлю, – пообещал Александр.

– И надолго? Он успеет вернуться до моего отъезда?

– Вот уж не знаю, – развел руками банкир, – это как пойдет. Может, они за три дня справятся, а может, и месяц просидят в сибирской ссылке.

– Понятно, – вздохнула Ирина. – Тогда буду на всякий случай договариваться. Слава богу, у нас няня вменяемая. Только заплатить придется побольше за то, чтобы она у нас жила постоянно.

– Об этом не волнуйся, – тут же откликнулся Каменский, – все расходы я возмещу. А хочешь – привози няню с девочкой сюда, пусть на свежем воздухе поживут. Места много, никто никому не мешает. Конечно, Подмоскowie – это не Альпы, но, в любом случае, лучше, чем загазованная Москва.

– Спасибо, Сашенька, мы подумаем, – кивнула Ирина и скрылась в кухне, откуда по-прежнему доносились горестные всхлипывания Даши.

За большим овальным столом снова воцарилось разнородное молчание: Коротков молчал умиротворенно и спокойно, Александр Каменский – сосредоточенно, Стасов – рассеянно, Настя – настороженно и недовольно. А вот муж ее Алексей... Настя подумала, что если бы нужно было как-то охарактеризовать молчание Чистякова, то она сказала бы, что он молчит насмешливо. Интересно, что его развеселило? Неужели тот факт, что Юрка Коротков до сих пор так трепетно влюблен в свою вторую жену? Или то, что Дашенька, мать двоих детей и вообще вполне взрослая и самостоятельная женщина постбальзаковского возраста, может столь отчаянно рыдать, разбив «так много значившую для мужа» чашку? Смешно, право слово! Или он тихо радуется перспективе остаться хотя бы на короткое время соломенным холостяком? Почему-то эта мысль была ей неприятна.

А вот пусть сам скажет! В конце концов, Лешка все эти тридцать лет всегда был полноправным членом их рабочего коллектива.

– А что ты молчишь, Чистяков? – сердито проговорила она. – Ты сам-то понимаешь, зачем меня Саня отправляет в этот Вербицк?

– Конечно, – усмехнулся Алексей. – Асенька, я, в отличие от тебя, имею глупое обыкновение читать всякие новости, поэтому я более или менее в курсе. Просто я предоставил возможность Саньке самому все объяснить.

Всхлипы на кухне не утихали, и Александр Каменский со вздохом поднялся из-за стола.

– Леха, будь другом, расскажи моей строптивой сестре, что к чему, а я пойду Дашку успокою.

– Ага, – воодушевился Стасов, – давай, расскажи, мне тоже интересно, ради каких таких пряников у меня забирают лучшего сотрудника на неопределенный срок.

– А ты не подлизывайся, – огрызнулась Настя. – Продал девушку в рабство за три копейки... И торговался, между прочим, весьма бойко. Мы все слышали. И при этом ни разу не вспомнил про лучшего сотрудника. Предатель ты, Стасов!

В отличие от Александра, который был превосходным финансистом и умелым организатором, но весьма посредственным рассказчиком, Алексей Чистяков, имевший многолетний опыт чтения лекций в аудиториях самого разного уровня, изложил суть проблемы коротко и внятно. Дороги в России всегда были слабым местом, это общеизвестно. На сегодняшний день федеральная трасса «Сибирь» доходит только до Кемеровской области, но существующей Федеральной программой дорожного строительства предусмотрено финансирование продления трассы через соседнюю, Перовскую, область. Проект еще не утвержден, рассматриваются два варианта прокладки трассы, но в обоих вариантах дорога обязательно пройдет через крупный город Вербицк. Город окружен густыми таежными лесами и озерами, и местность является чрезвычайно привлекательной для всякого рода рекреационных предприятий – пансионатов, домов отдыха, санаториев, реабилитационных клиник. И, само собой, для частной коттеджной застройки. Но только при условии наличия хорошей дороги, то есть подъездных путей. Вопрос в том, как именно, с какой стороны Вербицка будет проходить трасса. Зная это точно, можно уже сейчас по вполне приемлемой цене скупить необходимое количество земли под застройку. Когда проект будет утвержден официально, цена земли вырастет в разы, а когда построят трассу – в десятки раз. Поэтому покупать нужно сейчас.

Ситуация осложняется тем, что мэр Вербицка собирается идти на второй срок, выборы через несколько месяцев. Мэра поддерживает группа бизнесменов, заинтересованных в том, чтобы трасса проходила с южной стороны города, а главный конкурент мэра на этих выборах – ставленник другой группы, которая имеет финансовые интересы с другой стороны, северной. Каждая из двух группировок имеет довольно существенный административный ресурс на уровне области, и ресурс этот позволяет как одним, так и другим «продать» выгодный им проект прокладки трассы.

Таким образом, от Короткова и Каменской требуются две вещи: первая – собрать информацию о том, какая группировка имеет лучшие шансы на победу и, соответственно, какой именно вариант проекта будет представлен на утверждение в Правительственную комиссию; вторая – на территории, прилегающей к наиболее вероятному маршруту прохождения трассы, подыскать место, отвечающее всем необходимым требованиям, как с точки зрения коммуникаций, так и с точки зрения инфраструктуры.

Услышав ненавистные слова «коммуникации» и «инфраструктура», Настя поморщилась.

– Но я ничего в этом не понимаю.

– Зато я понимаю, – весело отозвался Коротков. – Отлично все понимаю. Не бойсь, Пална, совладаем!

Юркиной радостной уверенности она не разделяла... Мэры, выборы, финансы, бизнес, группировки и вообще вся эта политика... Ну настолько это все не «ее»! Никогда у Насти Каменской не было к подобным задачкам ни вкуса, ни интереса.

– Да ну... – удрученно пробормотала она. – Мне бы труп... Убийство бы... Как-то оно роднее, привычнее. В трупах я хоть что-то понимаю. Мало, конечно, но хоть что-то. А в водопроводах и электросетях ваших вообще ни кукареку. И в выборах, кстати, тоже.

– Специально для тебя, – рассмеялся Чистяков, – по заявке трудящихся, так сказать, сообщаю, что электорат города Вербицка всерьез озабочен экологическими проблемами...

– Нет! – Настя в ужасе замахала руками. – Только не это! Экологии я уже не вынесу.

– А ты не кричи раньше времени, ты послушай, – невозмутимо продолжал Алексей. – Вербицк – город крупный, без малого миллионник, градообразующим стал в свое время металлургический комбинат, потом добавился большой химкомбинат. Потом все пришло в упадок, потом все перedelили и перекупили, и сейчас производство продолжается, хотя уже не в таких масштабах, как раньше. Но экологическая обстановка в городе всегда была сложной, и жители издавна привыкли о ней думать и придавать ей значение. В таких городах обычно бывает сильна гражданская инициатива в этом направлении. И вот, понимаешь ли, какая незадача, начали в Вербицке убивать экологов...

Настя, до этого момента слушавшая мужа с откровенной скукой, оживилась и вскинула глаза на Чистякова.

– В интернет постоянно вбрасываются материалы, изобличающие бездействие городской администрации и лично мэра, а также лично начальника городского УВД в деле раскрытия этих убийств.

– И много их, убийств-то? – с интересом спросила Настя.

– Уже три. И ни одно не раскрыто. В упомянутых материалах совершенно недвусмысленно утверждается, что мэр не заинтересован в раскрытии, потому что погибшие экологи провели какие-то исследования и собирались обнародовать факты, которые должны помешать принять тот проект трассы, который выгоден мэру. Более того, у мэра на протяжении всего четырехлетнего срока были прекрасные позиции в глазах населения, он очень много сделал для города, и вообще приятный во всех отношениях человек. Никто не сомневался, что он легко пройдет на второй срок и его

конкуренты – только видимость для соблюдения процедуры, потому что реальных сильных претендентов на должность мэра не было. Но из-за этих убитых экологов позиции мэра сильно пошатнулись, население перестает ему верить, и его победа на предстоящих выборах на текущий момент под большим вопросом.

Вот теперь Алексею удалось полностью завладеть вниманием жены. Настя даже не заметила, как вернулся и снова сел за стол ее брат. На его белоснежном свитере отчетливо виднелись темные разводы и пятна: похоже, Даша рыдала, уткнувшись лицом в мужнино плечо, и оставила на свитере следы потекшей туши.

– Но я же не могу заниматься раскрытием убийств, – неуверенно произнесла Настя. – У меня и прав никаких нет. И вообще...

– А тебя никто и не просит, – ответил Александр. – Ты просто должна иметь это в виду, когда будешь оценивать вероятность принятия того или иного варианта проекта трассы. И вообще, Аська, мне нужно понимать, насколько город чист от криминала и можно ли начинать там дело. Сибирь большая, таежные леса огромные, я, в принципе, могу построиться в любом другом месте. Проблема в том, что там, где федеральная трасса уже есть, земля очень дорогая, а там, где ее в ближайшее время не будет, строиться нет резона. Перовская область в этом смысле для меня оптимальна. Трасса будет в ближайшее время, а цены на землю, пока не утвержден проект, остаются еще приемлемыми. Но ведь Перовская область – это не только Вербицк, там и другие города есть, пусть не такие крупные и богатые, но тоже неплохие. Конечно, лично мне как владельцу выгоднее именно крупный и богатый город, потому что пансионат я хочу построить большой и практически пятизвездочный. Для сотрудников банка путевки будут дешевыми, а то, что пойдет через коммерческий отдел, будет дорогим. Жители близлежащего города это как раз потенциальная клиентура. Но если нужно будет строиться в другом месте, то придется пересмотреть весь бизнес-план и сделать пансионат попроще и подешевле. Ничего смертельного. Чисто финансовый вопрос.

Даша, наконец, перестала оплакивать безвременную кончину «многозначачей» чашки, и дальнейший разговор протекал за чаем. Коротков задавал уточняющие вопросы, Саша давал подробные инструкции.

К концу вечера Насте Каменской стало окончательно понятно, что ее нежелание ехать в далекий сибирский Вербицк не вызвало ни у кого из присутствовавших ни понимания, ни поддержки. Даже Ирина не встала на ее сторону, хотя она, по идее, должна была категорически воспротивиться

длительной отлучке Короткова: с тех пор, как Юрка отсудил у своего сына-алкоголика и его спившейся жены право воспитывать внучку, добившись лишения родительских прав, ей постоянно приходилось согласовывать графики съемок с занятостью мужа. Бабушка Анечки, первая жена Короткова, всегда готова была с радостью взять малышку к себе на любой срок, но за время судебной опеки у давно разведенных супругов настолько испортились отношения, что лишней раз вступать в контакт с Лялей не хотелось ни самому Короткову, ни тем более Ирине. Конечно, у них была няня, но все равно одно дело, когда муж, пусть и поздно, но каждый вечер возвращается домой, и совсем другое – когда он в командировке неизвестно на какой срок. И Стасов тоже... Предатель! Саня специально пригласил и его как Настинного шефа и работодателя, и Чистякова, и Иринку, чтобы выслушать все возражения и сразу же решить все проблемы, если таковые у кого-то возникнут, и хоть бы кто-нибудь заикнулся, хоть бы кто-нибудь возразил! Такое впечатление, будто все, кроме нее, просто-таки мечтали, чтобы эта поездка состоялась. Вся рота в ногу идет, одна она, Настя Каменская, не в ногу... Впрочем, как обычно.

– Ну и что ты загрустила, старушка моя? – спросил Чистяков, когда они возвращались в Москву. – Неужели так сильно ехать не хочешь?

– Не хочу, – вздохнула она.

– Почему? Тема неинтересная?

– Не знаю, – рассеянно ответила Настя и в этот момент вдруг поняла, что сказала чистую правду.

Она действительно не знает, почему не хочет ехать. Вот просто не хочет – и все. Необъяснимо. Она не хочет сидеть в аэропорту, лететь в самолете, жить в гостинице, ездить на непонятно какой машине с непонятно каким водителем... Она хочет жить в своей маленькой привычной квартирке, спать на своем привычном диване, мыться в своей ванной и находить все выключатели с закрытыми глазами.

– Ну, хорошо, – кивнул Леша, – пусть ты не хочешь, пусть. И пусть даже ты не знаешь почему. Но Санька – твой брат, ты его любишь, он сделал тебе много хорошего, и ты не можешь ему отказать. Значит, ехать все равно придется. Поэтому – что, старушка моя?

– Не находишь в себе желания – найди мотивацию, – уныло ответила Настя и жалобно попросила: – Леш, найди мне мотивацию, а? Что-то у меня плохо получается.

– Да легко! – рассмеялся Чистяков, не отрывая взгляда от дороги. – Целых две, выбирай любую или бери обе. Первая: интерес. Новое место, другая природа, другие люди, другие нравы, другая архитектура, другой

акцент, местные жаргонизмы. Ты же там не была никогда, ничего этого не видела, не слышала. Неужели не любопытно?

– Не-а. – Она отрицательно помотала головой. – Не любопытно.

– Тогда второй вариант: Коротков без тебя не справится. Он работает на Саню, Саня платит ему зарплату, и очень немаленькую, Коротков должен ее отрабатывать. Он один это задание просто не потянет. И не потому, что Юрка глуп, отнюдь, он очень умный, даже умнее тебя, – уточнил Алексей, пряча улыбку, – но ты сама знаешь, старушка, что в любом деле необходим второй глаз, а лучше – и третий, и четвертый. Пока смотришь одним глазом, велик риск что-то упустить. Юрке в любом случае нужен напарник. Кого ты можешь предложить на эту роль?

Настя молчала. Возразить было нечего.

– Вот именно, – продолжил Леша после паузы. – Нужен человек, равный Юрке по опыту и квалификации, причем такой, с которым ему будет комфортно, которому он может доверять и – самое главное – который может вот так, на ровном месте, за здорово живешь, сорваться и поехать неизвестно куда неизвестно на сколько. Кто еще, кроме тебя, отвечает всем этим критериям? Ты сможешь и своему брату, и своему старому другу и коллеге. Разве этого мало для мотивации?

– Умный ты, Лешка, до полной невозможности, – улыбнулась Настя. – Сомнений моих ты не развеял, но чувство долга пробудил. Уговорил. Буду звонить.

– Кому?

– Кому-кому... Для начала – брату любимому, а там посмотрим. Если он хочет, чтобы мы ему помогли, пусть сначала сам нам поможет.

Она вытащила из кармана куртки телефон и нашла в списке контактов нужный номер.

– Завтра мы не полетим, – заявила она Александру без долгих предисловий. – Полетим послезавтра. За завтрашний день тебе придется напрячь свои связи и организовать звонок начальнику Вербицкого УВД из области, от кого-нибудь повыше. А лучше – из Москвы. Это уж как сможешь. И еще: я в интернете посмотрю отели Вербицка, выберу нам с Юркой жилье... Нет, Санечка, я сама выберу... Нет, сама. Никто лучше меня не знает, что именно мне нужно. И машину с водителем в аренду, но машину такую, как я скажу. Да в гробу я видела ваши эти «Мерседесы» навороченные! Мне нужна такая машина, которую в случае необходимости я смогу сама вести. Ну мало ли, что Коротков может любую... А я вот не могу. У Короткова водительский стаж – сто лет, а у меня постоянной практики всего три года. В общем, Саня, если ты хочешь, чтобы мы

работали, сделай, пожалуйста, как я прошу.

– Круто ты с братцем, – заметил Чистяков, когда она закончила разговор.

– Разве? По-моему, я была предельно вежлива.

– Ага. Ты бы слышала свой голос... Просто-таки лауреат конкурса на звание «самого ужасного начальника».

– Надо же... – пробормотала Настя. – Я и не заметила.

Она подумала еще пару минут и снова взялась за телефон. Когда Чистяков парковал машину возле дома, Настя Каменская уже заручилась обещаниями как минимум десяти человек поискать знакомых в Вербицке или хотя бы в областном центре.

Первым отзвонился Назар Захарович, или просто дядя Назар, как величали его все бывшие коллеги и ученики, старый опытный сыскарь, Настин первый наставник в уголовном розыске, по сей день преподающий на кафедре оперативно-разыскной деятельности. Дядя Назар выполнил свое обещание быстрее всех и дал координаты знакомого опера из Вербицкого УВД.

– Там уже ночь глубокая, я звонить не стал, эсэмэску кинул ему с просьбой перезвонить, думал, может, завтра он со мной свяжется, а этот старый перечник, оказывается, на сутках, дежурит. Я ему про вас с Юркой сказал, он готов посильную помощь оказать, конечно, но ты на него особо не рассчитывай, – говорил дядя Назар. Настя слушала журчащий в трубке говорок своего наставника, одной рукой держа телефон, а другой пытаясь расшнуровать кроссовки. – Попивает он изрядно, да и вообще его теперь мало что волнует, как мне показалось. У него вся семья в авиакатастрофе погибла – жена, двое детей и теща, он тогда по-черному запил, с должности начальника убойного отдела слетел, до простого опера докатился. Ну, с учетом стажа и былых заслуг числится старшим опером, но по факту... Ты уж прости, Настасья, но больше у меня в тех краях никого нет. В Кемеровской области есть хорошие надежные ребята, в Омской есть, в Новосибирской, а вот в Перовской – никого. Могу найти тех, которые из соседних областей, если надо, может, они в Вербицке кого-нибудь знают. Даже наверняка знают, сибиряки – народ дружный, не то что мы, москвичи.

– Спасибо, дядя Назар! Если будет нужно, обращусь к вам еще раз, можно?

– Само собой. Так что имя и телефончик я тебе сброшу. Счастливого пути, дочка, удачи тебе.

Весь следующий день Анастасия Каменская посвятила подготовке к поездке. Сначала выпалась как следует, потом полезла в интернет,

поискала сведения об отелях Вербицка, внимательно прочла всю информацию, рассмотрела фотографии, изучила карту города, сделала несколько телефонных звонков и, наконец, определилась с выбором. Затем начала читать все подряд: географическая характеристика региона; промышленность и экономика; администрация; социальная политика; грядущие выборы мэра; преступность; культурная жизнь. Одним словом, все, что было в сети о городе Вербицке.

К вечеру глаза ломило от напряжения, но зато Настя чувствовала, что к поездке готова. Ну, конечно, не полностью, но настолько, насколько вообще возможно было подготовиться к работе за один день.

Вторник

Константин Кириллович Смелков не любил летать на вертолете. Но ехать до областного центра пять часов, пусть и на очень хорошей машине, но по очень плохой дороге, и потом столько же – в обратную сторону он не любил еще больше. Да и не было у него этих лишних свободных десяти часов. Если занимаешь пост мэра в таком городе, как Вербицк, приходится учитывать каждую минуту. Особенно в предвыборный период, когда к ежедневной работе по управлению городом добавляются необходимые, но такие нудные мероприятия по мотивированию электората.

После вертолетного путешествия всегда подташнивало и накатывала головная боль, посему дорога от площадки до центра города обычно приводила Константина Кирилловича в самое мерзкое настроение. Весь ближний круг об этом знал и с этим считался. Не в том смысле, что любимого мэра берегли и старались оградить в такие периоды от необходимости решать насущные проблемы, нет, разумеется. Мэра никто беречь не собирался, на то он и мэр, народный избранник, поставленный, точнее – посаженный в кресло, чтобы решать проблемы. Берегли себя: старались не соваться в высокий кабинет без особой нужды, чтобы не огрести по полной.

Из нынешней поездки в Перов мэр Вербицка возвращался расстроенным и недовольным. Собственно, целью визита в высокие кабинеты было очередное «вентилирование» процесса подготовки проекта Федеральной трассы. Утверждать его будет Правительственная комиссия в Москве, поскольку средства на строительство будут выделены из Федерального дорожного фонда, но разрабатывают проект здесь, на месте, в области. И вариантов этого проекта на сегодняшний день существует два. А в Москву на утверждение будет направлен только один. Какой из двух? Вот в этом весь вопрос.

Смелков располагает довольно мощными связями на областном уровне и среди ближайшего окружения губернатора, но у его противников, заинтересованных в другом проекте, связи не менее обширные. Борьба идет на равных. И на сегодняшний день самое главное – выиграть выборы в Вербицке и остаться в кресле главы города на второй срок, потому что влияние мэра в любом случае сильнее, чем влияние того, кто выборы проиграет. До тех пор, пока неясно, кто будет руководить городом в ближайшие четыре года, авторитет у Смелкова и его главного конкурента

Горчевского в глазах областных деятелей примерно равный, а вот когда выборы пройдут, ситуация станет совсем иной. Кто мэр – тот и прав. Если Смелков победит, ему удастся продавить тот проект прокладки трассы, который ему нужен. Если победит Горчевский – в Москву на утверждение представят совсем другой проект. И тогда все станет очень сложно. И опасно. И вообще плохо. По проекту, в котором заинтересованы оппоненты мэра, трасса должна пройти мимо Вербицка с северной стороны, как раз через то место, где сейчас расположена норковая ферма, одна из двух в области. Звероферму ликвидируют, поголовье продадут за бесценок Перовскому пушному зверохозяйству, которое давно зарится на выведенное в Вербицке элитное племенное ядро. Допустить уничтожения зверофермы Смелков не может. Никак. Ни при каких условиях. А Горчевскому и тем представителям бизнеса, которые стоят за ним, на звероферму наплевать, им нужна земля к северу от Вербицка, они там уже все скупили и поделили и теперь в нетерпении потирают ручонки, ожидая начала строительства Федеральной трассы. Трасса дело выгодное – сразу же появляются желающие перекупить участки под магазины и торговые центры, рестораны, склады, придорожные кафешки и заправки. А уж о жилой застройке вообще говорить не приходится. Вербицк – город традиционно экологически неблагополучный, металлургический и химический комбинаты исправно вносили свой вклад в загрязнение окружающей среды на протяжении десятилетий, поэтому желание построить дачу или загородный дом присуще каждому жителю города. Вопрос только в деньгах. У кого они есть – будут строиться. Значит – будут покупать землю. И покупать именно там, куда можно доехать. А не в глухой тайге.

За звероферму Константин Смелков готов был биться до последнего вздоха. И бился, не щадя себя. В какой-то момент ему показалось, что дело сдвинулось с мертвой точки и его пламенные речи о вековых традициях российского пушного звероводства, о ведущем месте русской пушнины в мировом меховом бизнесе, которое мы потеряли после перестройки и которое сейчас нужно завоевывать снова, наконец, были услышаны. Его вызвали в область, в комитет по транспорту и дорожному строительству, сопроводив приглашение словами: «Есть мнение, что звероферму вашу нужно постараться сохранить». Константин Кириллович воспрянул духом, полетел в Перов, но услышал от высоких чиновников совсем не то, что ожидал и хотел. Трасса пройдет через территорию зверофермы. А саму ферму просто перенесут в другое место. Километров на десять восточнее.

Такая постановка вопроса мэра категорически не устраивала.

Смелков сидел на заднем сиденье, прикрыв глаза и пытаясь не

сосредоточиваться на нарастающей головной боли. Впереди, на пассажирском сиденье рядом с водителем, покачивались в такт попадающим под колеса выбоинам мощные плечи охранника Саши, выполнявшего в поездках еще и функцию помощника.

– Соедини меня с Деревянко, – проговорил Константин Кириллович, едва шевеля губами.

Зоя Григорьевна Деревянко была гендиректором Вербицкой зверофермы, прошла весь путь от простой работницы-звероведа до бригадира, потом, получив образование, доросла до старшего зоотехника, потом до главного зоотехника, а теперь возглавляла все хозяйство. И никто лучшее ее, пожалуй, во всем Вербицке проблемой не владел.

Через пару минут помощник-охранник обернулся и протянул Смелкову телефон:

– Деревянко на проводе.

Смелков глубоко вздохнул и взял трубку.

– Зоя Григорьевна, вы могли бы подъехать сегодня? Нет, я еще не в городе, буду у себя минут через двадцать. Попозже? Хорошо, жду вас в девятнадцать часов. Но непременно сегодня, вопрос не терпит отлагательства. Да, насчет фермы.

Закончив разговор, поморщился, вытащил из портмоне конвалюту с таблетками от головной боли, сунул в рот две пилюли, разжевал, проглотил и запил несколькими глотками воды из бутылки, стоящей в специальном держателе. Задумчиво посмотрел на телефон и следующий номер набрал сам:

– Олеся, запиши Деревянко на девятнадцать часов и вызови ко мне Баева. Да, сейчас. Я буду через пятнадцать минут. В приемной есть кто-нибудь? Пусть не ждут, я сегодня никого не приму. Распиши всех на завтра. Кто? Лаевич? Пусть приходит к девятнадцати, он мне будет нужен вместе с Деревянко.

Геннадий Лаевич возглавлял предвыборный штаб Смелкова. Молодой, креативный, он частенько находил оригинальные ходы, казавшиеся на первый взгляд глупыми или нелепыми, но в итоге, к всеобщему удивлению, дававшие очень неплохие результаты. Пусть подумает вместе с Зоей, что еще можно предпринять, чтобы избиратели поняли: ни при каких обстоятельствах норковую ферму трогать нельзя. И только избрание Константина Смелкова на новый четырехлетний срок позволит ее сохранить. Если выберут Горчевского – ферма неизбежно погибнет.

Как и во многих других городах, мэрия Вербицка располагалась в здании, где когда-то находились бок о бок горисполком и горком партии.

Конечно, внутри все было заново отремонтировано и приведено в более или менее современный вид, но сама постройка и красивый сквер перед ней оставались все теми же, какими их помнил Смелков с юности. Правда, в центре сквера возвышался раньше памятник Ленину, как было принято повсюду. Памятник убрали, но постамент остался. Долго судили-рядили, как его использовать, кому монумент воздвигнуть, так ни до чего и не договорились, и вид пустого постаamenta, первое время резавший глаз, тоже в конце концов стал привычным.

Константин Кириллович легко взбежал по ступеням, ведущим в здание, и так же без малейших усилий поднялся по лестнице на второй этаж, где находился его кабинет. Несмотря на так и не прошедшую головную боль, широко и обаятельно улыбнулся секретарю Олесе. Хоть и молодая девочка, а толковая, подумал он, всех отправила, приемная пустая. Хотя... Он же просил вызвать начальника УВД полковника Баева. Где он?

– Все в порядке? – спросил Смелков.

– Да, все как вы велели. Всех со срочными вопросами записала на завтра, с не очень срочными – на послезавтра, некоторых приняли ваши замы, это их компетенция. Игорь Валерьевич будет через три минуты, он вышел покурить, – четко доложила Олеся. – Что вам сделать? Чай, кофе, бутерброды, печенье?

– Мне, будь добра, чайку крепкого и сладкого. А Игорю Валерьевичу – что попросит. И Сашу чаем угости. – Он кивнул на плечистого охранника, вошедшего следом за ним и стоявшего в сторонке.

– Обязательно, – улыбнулась Олеся.

Константин Кириллович знал, что этот новый охранник ужасно симпатичен Олесе, и ничего не имел против их легкого флирта. И потом, это же так демократично, так по-свойски, по-отцовски – опекать, «курировать» чувства молодых людей! Демократичность, доступность и обаяние – вот три кита, на которых зиждется народная любовь к мэру Смелкову. И китов этих нужно кормить, ухаживать за ними и вообще всячески поддерживать в рабочем тоне. А кто первый и главный распространитель в народе сведений о руководителе? Конечно же, секретарша, это всем известно.

Грузный, с нездоровым отечным лицом, начальник УВД вошел в кабинет, когда Смелков уже сидел за своим столом. Следом за полковником Баевым вплыла Олеся с подносом: чай для мэра, крепкий эспрессо для гостя, сдобное печенье для обоих.

– Плохо выглядишь, – заметил мэр, внимательно разглядывая своего старого друга. – Не болен, часом?

– Здоров, – коротко ответил Баев. – Что случилось? Что сказали в области?

– Предложили перенести ферму в другое место. Сам понимаешь, это не вариант. Я там кое-что замутил, хочу поставить в позу ответственности департамент транспорта, через день-другой узнаю результат. Пусть второй зам будет мне должен, а то его люди Горчевского солидно прикормили. Но я тебя по другому вопросу вызвал. Игорь, ты разберешься когда-нибудь с этими экологами, в конце концов? Еще на вчерашний день разговоры шли о трех убитых, а сегодня их уже стало четыре! Что вообще происходит? Кого опять убили? Почему я должен узнавать об этом по радио, а не от тебя лично?

– Ты собрался от меня лично получать оперативную информацию? – недобро усмехнулся Игорь Валерьевич. – Новых убийств не было. Просто появилась информация о том, что некий Семушкин, обнаруженный мертвым на улице почти две недели назад, тоже был экологом и тоже проводил какие-то исследования в какой-то неизвестной нам лаборатории. До сегодняшнего дня никто этого покойника с экологией не связывал.

– Какая же это оперативная информация, если она на радио просочилась? – недовольно ответил Смелков. – Что у тебя в ведомстве происходит?

– Я разберусь. Это уже не в первый раз, когда кто-то сливает информацию журналистам.

– Игорь, я не понимаю твоего спокойствия. Весь город на ушах стоит из-за этих убитых экологов, я теряю очки в глазах населения, мой рейтинг стремительно падает, потому что все эти разговоры про убийства обрастают слухами. Якобы есть какая-то лаборатория, в которой провели исследования и доказали, что звероферма приносит огромный вред людям. А мэр, то есть я, хочет, чтобы трасса пролегла не с севера, а с юга, потому что у него там финансовые интересы. И на саму звероферму мэру, то есть мне, плевать, но я ею будто бы прикрываюсь, чтобы не допустить строительства трассы с северной стороны. – Смелков, сам того не замечая, начал постепенно повышать голос. – Ты должен – слышишь? – должен в кратчайшие сроки раскрыть эти гребаные убийства и найти мне эту гребаную лабораторию! Потому что до тех пор, пока преступления не раскрыты, журналисты и все прочие будут орать на каждом углу, что я, именно я, а не ты, заинтересован в укрывательстве преступников от возмездия, потому что именно мне выгодно скрыть правду об экологической опасности зверофермы. Не можешь найти убийц – найди хотя бы лабораторию! И мы сами посмотрим, чего они там наисследовали.

Я больше чем уверен, что результаты этих исследований можно толковать как угодно, так всегда бывает, и всегда все можно повернуть в нужную сторону. Но народ надо успокоить, Игорь. До выборов осталось три месяца. Ты же сам все понимаешь.

Полковник одним глотком опустошил маленькую чашечку с крепчайшим кофе и поставил ее на блюдце. Смелков так за всю жизнь – а они с Баевым знали друг друга и дружили еще с детского сада – и не привык к тому, что сначала очень крупный и мускулистый, а с годами ставший грузным и оплывшим Игореха умел быть таким точным, аккуратным и неслышным в движениях. Соприкосновение чашки с блюдцем не породило ни единого, даже самого тихого звука.

– Костя, все намного хуже, чем ты думаешь, – негромко произнес полковник. – Поверь мне, мои ребята делают все, что нужно и возможно, чтобы раскрыть эти убийства. Они ночами не спят, они есть-пить не успевают. Но не нашли ни единой зацепки. Ни единой! Никакой информации ни о самих убийствах, ни об этой клятой лаборатории. И если все так, как мы думаем, то речь идет об очень хорошо законспирированной организации. А это, как ты понимаешь, невозможно без очень хорошего финансирования. Значит, у кого-то есть в этом большой и крепкий интерес.

– Ничего нового я не услышал, – презрительно хмыкнул Смелков. – Все эти разговоры мы с тобой вели и три дня назад, и неделю назад. Что изменилось? Ничего! Так почему же ты говоришь, что все намного хуже, чем я думаю?

– Потому что появилось письмо, адресованное этому Семушкину, убийство которого у нас висит уже почти две недели, но которым мы пока совсем не занимались, потому что все силы брошены на убийства экологов. Из этого письма совершенно очевидно, что сам Семушкин тоже занимался вопросами экологии, равно как и автор письма, и они там в лаборатории закончили какое-то исследование, результаты которого позволяют – цитирую: «всех отдать под суд».

– Кого – всех? – растерянно спросил Константин Кириллович. – Ты что, тоже веришь в то, что наша звероферма представляет собой экологическую опасность? Но это же бред! Этого не может быть! Никогда еще клеточное разведение пушных зверей не приносило никакого вреда! Никому!

Баев усмехнулся.

– Ты уверен, Костя? А вот известен ли тебе такой документик, который называется «Нормы технологического проектирования звероводческих и кролиководческих ферм»? И не какие-нибудь доисторические нормы, а

вполне себе постперестроечные, двухтысячного года. Ну да, ты же мэр у нас, большой начальник, куда тебе с такой мелочовкой связываться. А я, знаешь ли, попроще, чином помельче, я вот не погнушался и почитал. И знаешь, что там написано?

Баев достал из папки файл с распечатанным документом, перелистнул несколько страниц, нашел строчки, выделенные цветным маркером.

– Вот, зачитываю тебе дословно. «Основными источниками загрязнения атмосферного воздуха являются выбросы систем вентиляции из зданий с регулируемым микроклиматом, газодымовые выбросы из котельных. В выбросах вытяжных вентиляционных систем содержатся вредные и дурно пахнущие газы (аммиак, сероводород), пыль и микрофлора, а также водяные пары и углекислый газ. Вредность газодымовых выбросов от котельных зависит от вида топлива и принятой системы дымоочистки». Повторяю, если ты невнимательно слушал: вредные и дурно пахнущие газы – аммиак и сероводород. Ты знаешь, какое топливо используется у Зои на ферме? Ты этим интересовался? А какая система дымоочистки у нее стоит, тоже спросил? А как насчет охраны поверхностных и подземных вод от загрязнения? А в стоках, между прочим, содержатся фосфаты, хлориды и соли аммония. Так что о безвредности пушного звероводства ты своей внучке расскажи лет через пятьдесят. А о том, как в нашей стране соблюдается технология очистки, я тебе рассказывать не буду, сам не маленький.

– Да что ты голову мне морочишь! – возмутился Смелков. – Зоя приличный человек, знающий, в звероводстве всю жизнь проработала, если она мне гарантирует, что у нее на ферме все чисто, я ей верю.

– Да верь, ради бога, – пожал плечами начальник УВД. – Просто на всякий случай имей в виду, что все может быть. И вредные выбросы, и нарушение системы очистки. Одним словом, не забывай о том, что написано в письме: есть основания для возбуждения уголовного преследования. И если все подтвердится, народ горой встанет за то, чтобы ферму ликвидировали раз и навсегда. Против металлургического и химического комбинатов никто слова не скажет, это рабочие места для города и огромные деньги в бюджет, вон один только Петька сколько налогов со своего производства отчисляет! А с фермы этой нашей толку – как с козла молока в общегородском масштабе, никто за нее цепляться не станет. Но это еще не самое плохое.

– Что еще?

– Из Москвы едут какие-то мутные люди. Якобы бывшие сотрудники МВД, давно в отставке. И якобы их направляет банк «АПК» для решения

вопроса о возможности покупки земли в нашем районе под строительство пятизвездочного пансионата.

– Что-то много у тебя «якобы» получилось, – покачал головой мэр.

– А это потому, Костя, что ни одному слову в этой легенде я не верю. Только вчера появилось письмо со словами о лаборатории и о результатах исследования, и уже сегодня мне звонят из Москвы и предупреждают, что приедут два человека, и просят оказать содействие, если будет нужно. Ты понимаешь, что все это может значить?

– Плохо, – выдохнул Смелков. – Все это очень, очень плохо. Думаешь, ФСБ?

– Все может быть, – неопределенно ответил начальник УВД.

– Может, Петьку попросим помочь?

– Придется. Хоть ты и не прав был, когда от него дистанцировался, но сейчас это может как раз сыграть нам на руку. Ладно, пойду я, дел много.

И снова Смелков отметил про себя, насколько бесшумно отодвинул стул полковник. Ни скрипа, ни шороха. И как ему это удастся?

«И все равно Игореха плохо выглядит, – подумал Константин Кириллович, глядя на закрывающуюся за другом дверь. – Мы ведь ровесники, с одного года. А я по сравнению с ним просто парень жениховского возраста. И веса лишнего у меня нет, и морщин куда меньше, и здоровье явно лучше».

До прихода гендиректора зверофермы Зои Григорьевны Деревянко оставалось время, которое мэр посвятил работе с бумагами, накопившимися за день, ведь в область он уехал, а точнее – улетел, с раннего утра.

Зоя Григорьевна, полная энергичная седая женщина чуть за шестьдесят, с возмущением отмела все предположения о нарушениях в работе зверофермы. И Смелков ей поверил. Впрочем, он никогда не отличался излишней недоверчивостью, ему так было проще. Когда же речь зашла о возможном переносе фермы на десять километров к востоку, попросила принести карту района. Верная Олеся (впрочем, с удовольствием проводившая время в приемной в обществе нового охранника Саши), не уходящая домой раньше шефа, тут же принесла карту и разложила ее на столе для совещаний.

– Во-первых, сюда переносить нельзя. – Зоя Григорьевна ткнула карандашом в место на карте, обозначая участок, где предлагалось построить новую ферму. – Нам природоохрана не разрешит, здесь территория заповедника. Во-вторых, на ферме должны работать люди, а это значит, что они будут туда как-то приезжать и как-то уезжать домой. Как?

На крыльях, что ли? Вы дадите денег на строительство дороги от города до фермы? Здесь же заповедные леса, человек только пешком пройдет. Трассы-то еще не будет, ведь прежде, чем ее строить, нужно ферму убрать, а куда ее убирать, если новая не построена? Значит, сначала строим новую ферму, а только потом прокладываем Федеральную трассу, а никак не наоборот. Как вы собираетесь туда технику подгонять для строительства? Ну ладно, под технику вырубите лес, с вас станется, сделаете просеку. А дальше что? Построите ферму, а как на ней работать? Нужны пути для доставки кормов, это обязательное требование. А возят их не в легковушках и даже не на «газелях», а огромными фурами, которые по проселочной дороге не проедут. Нужна строго определенная роза ветров, чтобы наши запахи не доходили до жилых домов. Здесь направление ветров такое, что никто разрешения на строительство зверофермы не даст. Короче, Константин Кириллович, все эти словеса о переносе фермы – просто детский лепет на лужайке. Проект ни в одной инстанции не пройдет.

Про розу ветров и про необходимость путей для доставки кормов Смелков слышал впервые, и это не укрылось от внимания Лаевича, руководителя предвыборного штаба. Лаевич внимательно слушал гендиректора зверофермы и не произносил ни слова, только то и дело бросал изучающие взгляды на мэра.

– Константин Кириллович, а вы сами давно на ферме были? – неожиданно спросил он.

– Да я ж ее вот этими самыми руками строил! – воскликнул Смелков.

Это было сущей правдой. В 1979 году окончивший школу, провалившийся в институт и ожидавший осеннего призыва в армию Костя Смелков действительно работал на строительстве Вербицкой зверофермы. Простым рабочим. Этот факт стал одним из основополагающих в фундаменте всей аргументации мэра в защиту фермы. Выступая перед избирателями и давая интервью журналистам, он постоянно повторял: «Я знаю, как это больно и несправедливо, когда ради чьей-то выгоды или каких-то непонятных мифических благ уничтожается то, что ты сам когда-то сделал своими руками, что любил и чем гордился. Я горжусь тем, что начинал свой путь обычным чернорабочим на стройке, и я не дам в обиду нашу звероферму, которую сам строил вместе с другими жителями нашего города». Обычно это производило хорошее впечатление на слушателей...

– Строили, – кивнул Лаевич, молодой человек лет тридцати с небольшим, невзрачной наружности, с длинноватыми, но очень чистыми блестящими волосами, падающими на лицо косой челкой и почти полностью закрывающими один глаз. – Но с тех пор были хоть раз?

Мэр пожал плечами.

– Не был. А что мне там делать?

– Это надо исправить.

– Каким образом? Говорить на всех углах, что я там был только вчера?

– Ну зачем же, – усмехнулся Лаевич. – Ложь – это всегда плохо. Это неправильно. И это не наш путь. Наш путь – правда, причем легко проверяемая. И этим наша политика ведения предвыборной кампании выгодно отличается от политики Горчевского. Вы должны будете поехать на ферму вместе с телевизионщиками, чтобы это увидел весь город. И вы должны будете ходить по нашей ферме так, как ходит хозяин по своей земле. Вы меня понимаете, Константин Кириллович?

– Не совсем...

Мэр испытующе посмотрел на молодого человека. Не ошибся ли он, сделав его руководителем предвыборного штаба? Может быть, нужно было поставить на это место другого человека, проверенного, того, кто руководил штабом во время прошлых выборов и привел Константина Смелкова к победе? Лаевича рекомендовали как человека, умеющего придумывать неординарные ходы, не выходящие за рамки этики и тем более закона, и мэр сперва намеревался сделать его просто одним из членов штаба, но потом как-то все так сложилось... Прежний руководитель, проверенный, уже давший согласие возглавить штаб, тяжело заболел и работать не смог, а из тех, кто в тот момент был под рукой, Лаевич показался самым деловитым, организованным и сообразительным. Положа руку на сердце, у Смелкова не было к молодому человеку никаких претензий, ибо ни одно из предложенных им решений до сих пор не оказывалось неудачным. Но все равно, когда тебе пятьдесят три, трудно безоговорочно принять мысль о том, что тридцатилетние могут работать не хуже, а порой и лучше, чем твои ровесники. Вот и эта идея с фермой... Ладно, если это поможет – он готов не только на ферму ехать, но и дохлах мышей жрать. А вот что значит «ходить как хозяин по своей земле»? Клетки чистить, что ли? Или что?

– Я, Константин Кириллович, в отличие от вас, на ферме бывал, – спокойно пояснил Лаевич. В этом месте Зоя Григорьевна тихонько фыркнула и с трудом подавила улыбку. – Вот и Зоя Григорьевна смеется, потому что помнит, как это было в первый раз. Как я явился к ней в костюмчике и в начищенных ботиночках и попросил провести меня по ферме, показать, как там все устроено. Она меня в тот же момент развернула и выперла под зад коленкой. А знаете почему?

– И почему же? – спросил мэр с интересом.

О том, что руководитель его предвыборного штаба ездил на звероферму, он действительно слышал впервые. Интересно, что этому пацану там понадобилось?

– А потому, что на звероферму, туда, где звери находятся, никто не ходит в своей одежде, все переодеваются и переобуваются. Запахи там такие, которые мгновенно пропитывают все, что на вас надето, и не выветриваются они потом очень и очень долго. В цивильном можно только в административный корпус проходить, туда, где руководство сидит. А для визита к зверям необходима сменная одежда. И сапоги. И рукавицы. Без рукавиц брать зверя на руки нельзя, а без картинки «мэр берет из клетки очаровательную норочку» никакого эффекта не получится. Кроме того, в организации звероводства довольно много специальных терминов, и если вы не будете ими владеть, в репортаже сразу станет видно, что вы там никогда не бывали. Вы центральный проход шеда от поперечного отличите? Вообще знаете, что такое «шед»? Вот вы приедете, переоденетесь, тележурналист задаст вам вопрос: а покажите-ка, Константин Кириллович, что именно вы тут строили. Вы хотя бы саму постройку узнаете? И сможете правильно сказать, что это такое? Кормоцех? Или убойный пункт? Или, может быть, это вообще теплая стоянка для кормораздатчиков? Или пункт первичной обработки шкурок? И зайдете вы в этот пункт, внутрь, и придется вам журналистам рассказывать и показывать, где тут что: где остывочная, где шкуроръемочная, где обезжировочная, где дообезжировочная, где правилочная, где сушильное помещение, а есть еще помещение съемки шкурок с правилки, помещение откатки шкурок по мездре и волосу, помещение доработки и очистки, сортировочная и, наконец, склад готовой продукции. Я все перечислил, Зоя Григорьевна? Ничего не упустил?

– Ничего не упустил, – со смехом подтвердила Деревянко. – Молодец, Гена, хороший ученик.

– И это я вам только пункт первичной обработки шкурок обрисовал, – продолжал Лаевич. – А если пойдете в кормоцех? Там тоже много всяких помещений, которые имеют разное предназначение и разные названия. И если вы, Константин Кириллович, будете этими терминами легко оперировать, то произведете впечатление человека, которому действительно небезразлична судьба зверофермы. А если вы там будете ходить как экскурсант, который все это видит впервые и знает только понаслышке, то в ваше желание сохранить ферму никто не поверит.

– До сих пор верили, – сердито буркнул Смелков, которому перспектива визита на звероферму уже не казалась такой беспроblemной,

как в первый момент.

– Как показывают последние соцопросы, эта вера значительно пошатнулась. Ее заметно подорвал скандал с убийствами экологов. И дело нужно поправлять, – твердо заявил Лаевич. – Заодно вы можете перед камерами поговорить с Зоей Григорьевной об экологии, пусть она расскажет, какое топливо используется, как устроены очистные сооружения, то есть пусть профессионал сам дезавуирует слухи об экологической опасности зверофермы. Этому поверят больше, чем мэру, который на ферме никогда не бывал.

«Надо не перед камерами выпендриваться, а убийства раскрыть и внятно рассказать людям, наконец, кто и за что убил экологов, вот тогда народ действительно поверит, – раздраженно подумал Смелков. – А еще лучше – накрыть эту лабораторию, доказать, что все ее выводы сфальсифицированы, найти тех, кто эту фальшивку проплатил, и вывести на чистую воду». Но вслух, разумеется, ничего говорить не стал. Не надо при Зое высказывать недовольство работой начальника УВД. Он, мэр Вербицка, сам сделал Игоря Баева, своего давнего близкого друга, начальником городского управления, и для всех они – одна команда. Что, впрочем, полностью соответствует действительности. Не нужно, чтобы зародились подозрения в разладе между ними. Да и нет никакого разлада, просто временные трудности в работе.

В голове у Смелкова включилась кнопка «демократ», он подавил недовольство и раздражение и выдал во внешний мир одну из своих самых располагающих улыбок.

– А вы что скажете на такое предложение, Зоя Григорьевна?

– Гена все правильно говорит, – тут же отозвалась гендиректор зверофермы, – вы не волнуйтесь, Константин Кириллович, мы вам все организуем. Приедете к нам пару раз в рабочем порядке, я вам выделю самого опытного зверовода, который больше меня знает, он вам все покажет, все расскажет, вы все запишете, если трудно будет запомнить. Не захотите зверовода – я сама с вами буду ходить всюду. Как вы скажете – так и сделаем. Лишь бы только помогло, Господи! Я уж готова сама вам шпаргалки написать, только бы польза была!

– Хорошо, – подытожил мэр, поняв, что от затеи со зверофермой и телерепортажем открутиться, пожалуй, не удастся. – Так и решим. Гена, согласуй с Зоей Григорьевной и с моим расписанием время поездки. Когда я буду готов к общению с журналистами, Валентина с ними свяжется.

Валентина была пресс-секретарем мэра. Кнопка «демократ» все еще горела, поэтому первой он упомянул занятость гендиректора, а только

потом – свое расписание. Это происходило автоматически, без всякого усилия. Руководящей работой Константин Смелков занимался давно, и осознанная необходимость некоторых вещей столь же давно стала просто привычкой.

Среда

Юрий Коротков с наслаждением вытянул ноги, устроившись в удобном кресле в салоне бизнес-класса.

– Как просторненько-то, – с удовлетворением отметил он, оглядывая заполненный пассажирами салон. – Никогда в таких условиях не путешествовал. А ты?

Настя кивнула, не поднимая головы, – она снимала кроссовки, чтобы надеть толстые носочки, выдаваемые авиакомпанией вместе с дорожным набором.

– Мне приходилось, – сказала она, закончив манипуляции с переобуванием, – но не часто. Спасибо Стасову, он в тех случаях, когда клиент требовал моего присутствия где-то вне Москвы, всегда оговаривал райдер. Модное словечко, его теперь не только к звездам шоу-бизнеса применяют.

– А теперь спасибо твоему братцу, не жалеет он денег на свои затеи, – усмехнулся Коротков. – Ну, давай, рассказывай, делись информацией.

Настя открыла папку, извлеченную из сумки, и почти все время полета пересказывала Короткову то, что успела узнать за день, потраченный на подготовку.

– Значит, опереться нам в Вербицке особо не на кого, – констатировал Коротков. – Сашкин банк, точнее его филиал, начальник УВД и какой-то старый спившийся опер – вот и весь резерв ставки главнокомандующего. В банке нам, конечно, помогут с бытовыми вопросами и с информацией о бизнесе в городе, начальник УВД будет иметь нас в крупном виду и не поможет ничем, это и так понятно. А вот старый опер – ценный кадр, главное, чтобы в запой не ушел. Но он один... Нам бы еще хотя б одного человечка из ОБЭПа и одного спеца по организованной преступности, который знает расклад сил в местном криминалитете. Ну да ладно, что есть – то есть.

– Нужно будет – поищем, дядя Назар обещал поспрашивать в соседних областях.

Самолет совершил посадку в сплошной пелене дождя.

– У тебя зонт есть? – озабоченно спросил Коротков.

– В багаже.

– Вот черт! И у меня тоже. Если будет не рукав, а автобус, поймем мы с тобой... Еще не хватало простудиться и заболеть!

– А давай всех пропустим и выйдем последними, – предложила Настя. – Выждем, когда перед нами все спустятся по трапу, и бегом по ступенькам, так быстрее будет, чем тащиться в общей толпе, толпа же всегда тормозит – там и пожилые, и пассажиры с детками или с большими сумками.

Но пассажиров бизнес-класса попросили покинуть самолет первыми, о чем Настя, как водится, совершенно забыла: опыт у нее хоть и был, но действительно небольшой. Внизу у трапа стояли два автобуса и микроавтобус с надписью «VIP». Перед микроавтобусом ждала девушка с зонтиком и с табличкой, на которой под логотипом ВИП-зала красовались фамилии Короткова и Каменской.

– Смотри-ка, – радостно заметил Юра, – это за нами. Во дает твой брательник!

Даже за те несколько секунд, которые потребовались, чтобы спуститься по трапу и подойти к микроавтобусу, они вымокли до нитки под обильными холодными дождевыми струями.

– Водитель ждет вас в ВИП-зале, – мило прощепетала сотрудница аэропорта, – позвольте ваши багажные квитанции.

– Что, и багаж сами принесут? – шепотом осведомился у Насти Коротков.

– Даже не сомневайся, – усмехнулась она в ответ.

Пока доставляли багаж, они успели выпить в ВИП-зале по чашке кофе и познакомиться с водителем, симпатичным добродушным мужчиной по имени Володя, который сообщил, что его прислал банк «АПК», что машина взята в аренду и будет круглосуточно в их полном распоряжении и что сам он, Володя, доставит их куда угодно, потому что вырос в этом городе, много лет работал в такси и знает здесь каждую улицу и каждый дом, а управляющий филиалом банка «АПК» их ожидает в офисе и готов выполнить любые посылные просьбы и пожелания.

Одним словом, начиналось все совсем неплохо...

Александр Каменский знал, что пытаться переубедить сестру – занятие пустое, поэтому гостиницу организовал именно ту, которую нашла Настя, а вовсе не ту, которую предпочел бы он сам. Он, конечно, выбрал бы для себя маленький, но дорогой элитный отель с апартаментами где-нибудь в зеленой зоне на окраине. Но Настя попросила заказать номера в самом крупном отеле в центре Вербицка.

– Не хочу, чтобы мы были заметными, – объяснила она брату. – Совершенно не нужно, чтобы весь персонал знал, когда мы ушли, когда пришли и кто к нам приходил. Это мешает. Чем больше гостей, тем проще

затеряться среди них. И потом, большой отель – много сотрудников, а люди – это главное в нашем деле. Чем больше людей, тем больше шансов найти надежные источники.

Номера Александр забронировал самые лучшие, просторные, двухкомнатные. Оба номера находились рядом, на шестом этаже, в самом конце длинного запутанного коридора – архитектура отеля оказалась весьма затейливой. Более того, между номерами обнаружилась дверь, которую отпирали, когда приезжал какой-нибудь особый гость с пожеланиями иметь апартаменты с двумя спальнями. Тогда оба номера объединялись в один.

– Вам дверь открыть? – вежливо поинтересовался портье, провожавший их до номеров и тащивший багаж.

– Зачем? – пожал плечами Коротков.

И одновременно с ним Настя Каменская ответила:

– Откройте, пожалуйста.

По лицу портье промелькнула скабрезная ухмылочка, дескать, все понятно, приехала парочка командированных, дама собирается воспользоваться предоставленной свободой, а ее спутник явно такую перспективу даже не рассматривает. Но вслух, разумеется, ничего не сказал, достал ключ, открыл дверь, предложил гостям осмотреть номера и убедиться, что все в порядке, халаты и тапочки на месте, все светильники горят, мини-бар полон, вода из кранов течет, окна открываются, после чего с достоинством удалился.

– Зачем тебе дверь? – с недоумением спросил Коротков, когда они остались одни.

– А фиг его знает. – Настя беспечно махнула рукой. – Мало ли, как сложится... Никогда не знаешь, где и с кем нарвешься на неприятную неожиданность. А так мы будем друг у друга под рукой.

– Ты так говоришь, словно мы все еще работаем на Петровке и приехали сюда какое-нибудь кошмарное убийство раскрывать.

– Да я вообще плохо себе представляю, зачем мы сюда приехали и что будем здесь делать. Поэтому на всякий случай... Ладно, переодеваемся в сухое и поедem в УВД, представимся местному руководству.

– А в банк?

– В банк потом, они нас подождут, не переломятся, все-таки мы для них люди самого хозяина. А для начальника УВД мы никто и звать нас никак, и ждать он не будет, а время уже скоро семь.

– Как семь? – ахнул Коротков. – Мы же рано утром выехали...

– Плюс три часа, ты забыл? Нам еще в самолете об этом сказали, я уже

и часы перевела. А ты сладко дрых во время посадки и все прослушал.

– Тьфу ты! – с досадой крикнул Юра. – Тогда ты права, поехали в УВД. Еще вопрос, застанем ли мы начальника на месте.

* * *

Слова Насти оказались пророческими: начальник УВД полковник Баев напрочь забыл, что накануне ему звонили из Москвы. Вероятно, звонивший ему высокий чин ни малейшим авторитетом в глазах полковника не пользовался. А может, у начальника УВД других проблем хватало, и держать в голове каких-то командированных отставных милиционеров он и не собирался. Или, как многие начальники, просто делал вид, что забыл, чтобы у гостей не появилось вредных иллюзий насчет собственной значимости. Дежуривший в приемной подтянутый сержант в ладно сидящей полицейской форме доложил по телефону, что прибыли господа Коротков и Каменская из Москвы, и, судя по выражению его лица, из трубки донеслось что-то вроде «Кто такие? Я не вызывал!».

– Вам звонили вчера, – осторожно напомнил сержант.

Вероятно, полковник все-таки вспомнил о звонке, потому что уже через минуту Настя и Коротков перешагнули порог его кабинета. Начальник УВД, грузный, нездорового вида человек, бросил на них взгляд недовольный и одновременно настороженный.

– Слушаю вас. Чем могу помочь?

– Спасибо, Игорь Валерьевич, нам ничего не нужно, – начал Коротков. – Мы сами в прошлом офицеры милиции, работали в уголовном розыске на Петровке, оба полковники в отставке, до полиции не дослужили. И мы понимаем, что никакому начальнику УВД не понравится, если в его город приедут бывшие опера и начнут что-то вынюхивать и собирать информацию. Вы же профессионал, значит, узнаете об этом максимум через два дня. Поэтому мы хотели просто представиться, объяснить цель нашего приезда и ответить на ваши вопросы, поелику таковые у вас появятся.

Заканчивая заранее заготовленную фразу, Юра с трудом сдержал улыбку. Это слово – «поелику» – он освоил совсем недавно, влюбился в него всей душой и употреблял теперь при каждом подходящем случае. И хотя Настя несколько раз по дороге в УВД просила его не выпендриваться и не дразнить гусей, он все-таки не удержался. Они еще загодя решили, что говорить будет Коротков, а Настя помолчит. И вступительную речь

отрепетировали в самолете.

– Я могу взглянуть на ваши документы?

Они молча положили на стол перед начальником паспорта и пенсионные удостоверения. Баев внимательно просмотрел их и вернул.

– Так с какой целью вы прибыли в наш город?

– Банк «АПК» хотел бы приобрести участок под строительство большого пансионата для сотрудников сибирских отделений. Разумеется, часть путевок будет реализовываться через коммерческий отдел всем желающим, так что жители Вербицка и любых других городов тоже будут иметь возможность там отдохнуть. Нам поручено выяснить, есть ли в окрестностях города подходящие участки, кто их владелец, какова цена и вообще существует ли возможность их приобрести. Кроме того, мы должны прояснить вопрос с рабочей силой, то есть с трудовыми ресурсами, с транспортными коммуникациями, со всей инфраструктурой. Ну и, сами понимаете, немаловажным является криминальная ситуация в городе. Банк крайне не хотел бы оказаться в эпицентре каких бы то ни было разборок. Поэтому, если правовой статус тех участков, которые покажутся нам подходящими, будет вызывать сомнения, банк откажется от намерения строить в Вербицком районе и поищет возможности для организации пансионата в другом месте.

– Под правовым статусом участка вы понимаете...

Баев выжидающе глянул на Короткова. Настю, стоявшую молча, он будто бы вообще не замечал.

– Именно так, Игорь Валерьевич. И сугубо правовую сторону, отраженную в официальных документах, и оперативную информацию, касающуюся наличия интересов преступных группировок. Если мы и попросим вас о помощи, то только в этой части. Думаю, у вас найдутся сотрудники, которые владеют информацией и смогут нас просветить хотя бы в самых общих чертах.

– И это все? – недоверчиво спросил полковник.

– И это все, – твердо ответил Коротков. – А, нет, обманул я вас, не все. Еще у нас просьба от нашего бывшего коллеги найти его товарища и передать ему овеществленный привет.

С этими словами он показал на весьма выразительной формы пакет, который держал в руке. Содержимое пакета недвусмысленно звякнуло.

– Этот товарищ работает у нас?

– Да. Майор Егоров, бывший начальник убойного.

Глаза полковника Баева едва заметно сощурились.

– Бывший, бывший... Знаю такого. И подарок, как я понимаю,

тематический. Сами будете искать или помощь нужна?

– Или мы не сыщики? – широко улыбнулся Коротков. – Хоть и бывшие.

И осекся, почувствовав едва заметный тычок локтем.

– Нужна, товарищ полковник, – сказала Настя. – Мы здесь никого не знаем. И даже не знаем, где у вас что находится. Будем благодарны, если нам кто-нибудь посодействует в поисках майора Егорова.

Глаза Баева, когда он посмотрел на Настю, были напряженными, а взгляд тяжелым. Полковник снял трубку, позвонил в дежурную часть, спросил, где Егоров. Оказалось, что майор на месте.

– Убийный отдел в левом крыле, второй этаж, там найдете. Если возникнут проблемы или вопросы – обращайтесь.

– Спасибо, Игорь Валерьевич. Всего доброго.

Сержант в приемной толково объяснил, как пройти внутренними переходами в левое крыло и в каких именно кабинетах второго этажа сидят сотрудники убийного отдела. Выяснилось, что любовь к замысловатой архитектуре была свойственна и тем, кто строил здание УВД. Впрочем, возможно, у проектов гостиницы и этого здания был один и тот же автор.

– И что это было? – сердито спросил Коротков, когда они покинули приемную и двинулись по указанному маршруту. – Мы же договорились, что разговор веду только я, а ты изображаешь тупого статиста, чтобы не раздражать женоненавистников.

– Юр, не кипятись, – миролюбиво ответила Настя. – Мы договорились никак не давать понять, что мы готовились к поездке. Мы договорились делать вид, что мы правильные, но не сильно умные и ловкие. Именно поэтому мы с тобой решили поставить Баева в известность о том, что нам нужно найти Егорова и передать ему подарок. Чтобы никто потом не удивлялся, что мы вообще с ним знакомы и общаемся. У нас же есть телефон Егорова, мы могли просто позвонить ему. Но в рамках того, что мы правильные, но не сильно ловкие, нам следует именно просить помочь его найти, а не рассказывать Баеву, какие мы с тобой крутые сыщики. И все УВД должно знать, что мы с тобой его искали как обычные люди с улицы. Пусть Баев спит спокойно и знает, что мы давно уже не сыщики и все навыки растеряли, если они у нас и были когда-то.

– Ну давай хоть сейчас этому Егорову позвоним, может, его на месте и нет, вышел куда-нибудь или вообще ушел, пока мы до него добираемся.

– Нет, – Настя помотала головой, – нельзя. А вдруг он не один в кабинете? Не нужно, чтобы кто-то слышал, как он с нами разговаривает, пока мы с ним официально не познакомились. Какому начальнику

понравится, что его подчиненный в обход руководства общается с непонятными людьми из столицы? Только подставим мужика. А так – все официально, с ведома Баева.

В кабинете с табличкой, извещавшей, что здесь находится начальник убойного отдела, они Егорова искать и не пытались, а из остальных дверей открытой оказалась лишь одна. Именно за ней и обнаружился бывший начальник, а ныне старший опер отдела по раскрытию убийств Виктор Егоров. Был он высоким, морщинистым и изможденно-худым, какими частенько бывают сильно пьющие люди. Возраст, если верить дяде Назару, у него был далеко не пенсионный, но выглядел майор стариком. Сидел он развалившись на стуле, в полном одиночестве, и звук быстро задвигаемого ящика стола не оставлял ни малейших сомнений в том, какому занятию Егоров предавался на рабочем месте.

– От дяди Назара? – равнодушно переспросил он. – Ага, ну давайте, проходите.

Содержимое пакета с подарком его удовлетворило, глаза маслено блеснули, он тут же запер изнутри дверь кабинета, достал стаканы и предложил «принять за знакомство». Настя уклонилась, выразив полную готовность чокнуться с мужчинами кружкой с чаем, а Короткову пришлось принимать огонь на себя, ибо отказываться было никак нельзя.

– До полковников дослужились, – с пьяной завистью тянул Егоров, – конечно, у вас там в столицах-то все проще, народу служит в полиции – тьма, всем места хватает, и звания раздавать не жалко. Когда я пацаном был, генералов в милиции на всю страну было – по пальцам можно пересчитать, а сейчас их в одной только Москве как собак нерезаных. Мне вот ничего уже не светит, так и выйду на пенсию майором. Вам, небось, уже шепнули, что меня с должности начальника отдела выперли, в виде большого одолжения старшим опером оставили в моем же отделе. Народ весь разбежался, работать никто не хочет, все хотят только деньги получать, а убийства раскрывать никому теперь не интересно. А какой может быть интерес, если вон человека обокрали, а он даже заяву не подает, потому что ему размер ущерба – тьфу и три копейки, а я, между прочим, на такие деньги мог бы несколько лет жить как человек.

– Богатые у вас потерпевшие, – заметила Настя. – А откуда же вы узнали, что его обокрали, если он заяву не подавал? Неужто кто-то явку с повинной написал?

– Да прям! – фыркнул Егоров. – Сибиряки, чтобы вы знали, народ упертый, сами никогда не сдадутся, пока их совсем уж в угол не загонишь, да и там еще царапаться будут до последнего. А вон, гляньте, в углу

чемодан стоит, вот его и уперли у кого-то. Бомж на вокзале у зазевавшегося пассажира позаимствовал, утащил к себе в норку, а открыть не смог, замок там кодовый. Подручного инструмента, видать, не оказалось, он решил проблему завтра порешать, а сегодня еще попьанствовать, сели они с дружкой за бутылочкой, посидели, выпили, поговорили, потом добавили политуры какой-то, у дружка-собутельника крышу-то и снесло. Приговорил он товарища своего боевого, черепушку ему раскроил, расстроился сильно и заснул тут же. Там его и повязали, прямо на месте. И чемодан забрали. Убивец протрезвел, в душегубстве сознался, а про чемодан ничего сказать не может. Дружок ему похвалился, что, мол, разжился чемоданом, надо бы вскрыть, только аккуратненько, чтобы не покоцать, а то сбить потом не удастся. А у кого украл, когда украл – ничего не знает. Мы все ждали, что терпила объявится, а его нет и нет.

– И давно нет? – с любопытством спросила Настя.

– Да уж недели три.

– А вы чемодан открыли?

– Ну само собой! А как иначе? Только никаких документов там не оказалось. И вообще ни одного предмета, по которому можно установить личность владельца. Только вещи, одежда там, туалетные принадлежности, короче, стандартный набор командированного.

– Можно, я посмотрю?

– Да смотри, жалко, что ли! Так он и стоит тут в кабинете, все до камеры вещдоков не донесем.

Настя подошла к стоящему в углу чемодану и сразу увидела логотип известного на весь мир бренда. Она примерно представляла себе, сколько может стоять такой чемоданчик. Значит, владелец – человек отнюдь не бедный. Куда же он делся? Почему не заявил о краже? Если сам чемодан и все его содержимое не представляет для него никакой ценности, значит, это человек не просто небедный, а очень-очень небедный.

– Может, его уже в живых нет? – предположила она. – Потому и не заявил.

– Искали. – Егоров допил содержимое стакана и подлил себе еще. – Все трупы в морге перешерстили, не только неопознанные, но вообще все, каждого к этому чемодану примеряли. Никто не подошел.

– А в соседних городах? Может, потерпевший не местный житель?

– Да тоже запросы рассылали, ничего не нарыли. Нет, вот ты представь: если продать этот чемодан и все, что в него напихано, то нормальному человеку вроде меня можно безбедно жить и не работать, а кому-то такие деньжищи – грязь из-под ногтей. И где справедливость?

– Нигде, – вздохнула Настя. – Справедливости вообще нигде нет, а в Москве особенно. Можно, я открою чемодан? Мне просто любопытно.

– Да открывай, мне-то что. Только не умыкни чего-нибудь, – хитро улыбнувшись, добавил Егоров. – Хотя там же все мужское, тебе без надобности. Если что стянешь – имей в виду, все осмотрено и в опись включено, а опись у меня в сейфе, так что все равно узнаю.

Пока Коротков умело поддерживал разговор об отсутствии в подлунном мире добра, ума и справедливости, Настя положила стоящий на колесиках чемодан на пол и расстегнула молнию. Одежда – джинсы, брюки, джемпера, рубашки, футболки, носки, трусы. Две пары обуви сорок второго размера в бежевых матерчатых мешочках. Домашние тапочки в отдельном пакетике. Шарф, вязаная шапочка. Несессер из натуральной кожи с мужскими туалетными принадлежностями. Бумажник, совершенно пустой. И прочие нужные, полезные, но абсолютно невыразительные предметы.

– Бумажник пустой, – заметила она вслух. – В нем что-нибудь было? Вообще-то странно, что человек возит бумажник в чемодане. Обычно его кладут вместе с документами или в сумку, или в карман. Но уж никак не в чемодан.

Егоров обиженно нахмурился.

– Думаешь, если кругом тайга, так тут все воры? Пустой он был, с самого начала пустой. Я тогда и подумал, что, видать, он с этим бумажником ехал, потом купил себе новый, в него деньги переложил и в карман спрятал, а старый жалко было выбрасывать, вот он его и сунул в чемодан.

– Прости, Витя, не хотела тебя обижать. Просто подумала вслух. Слушай, а что это за разговоры про убитых экологов? Их даже в Москве слышно.

– Да хрень полная! – с досадой произнес Егоров. – Можно подумать, у вас в Москве мокрых висяков нет.

– Есть, конечно, – засмеялся Коротков. – Они всюду есть. Это справедливости нигде нет, а вот мокрых висяков всюду навалом. Так что с экологами-то?

– А тебе зачем? – с подозрением спросил майор. – Ты ж вроде как от банка приехал, а не с проверкой из главка.

– Так именно потому, что от банка! Нам же пансионат строить надо, а какой может быть пансионат в районе с плохой экологией? Это у вас по бумажкам все чистенько, а раз экологов убивают, значит, они чего-то накопили про экологическую обстановку. Логично?

– Да иди ты со своей логикой! – рассердился Егоров. – Ну, был труп, человек одинокий, ни с кем не общался, никто ничего толком про него не знал. Лежал себе в морге несколько месяцев, никто и не парился, дело давно в архив ушло как нераскрытое, у нас и так работы выше головы, а людей грамотных не хватает. Потом еще один такой же жмур образовался, баба, похоже было на разбой с убийством, при ней сумки не нашли. Тоже не раскрыли. И вдруг где-то пару месяцев назад всплывает информация, что оба эти трупа, пока еще живыми были, интересовались вопросами экологии и в свободное от основной работы время подвизались в какой-то лаборатории. Где эта лаборатория, что это за лаборатория – никто не знает. Народ шуметь начал, пресса бурно отреагировала, на мэра волну погнали, ну и начальник наш, Баев, тоже задержался, потому что его мэр нынешний привел, и если мэра на новый срок не выберут, то и Баева выкинут к чертям. Короче, Баев нам всем тут хвоста накрутил, все бросились как угорелые дела из архива поднимать. А тут пресса нам выкидывает очередной подарочек: якобы год назад еще одного эколога-любителя грохнули, тоже не раскрыто. Проверили – и правда, был такой труп. Итого трое, получается. И вот прямо на днях приходит в дежурку тетка какая-то и приносит письмо, которое по ошибке ей в почтовый ящик кинули. Адресовано оно недавно убитому кренделю, про которого вообще все забыли, потому что в последние два месяца ничем, кроме экологов этих, никто не занимается. А из письма следует, что он тоже в этой загадочной лаборатории пробавлялся какими-то исследованиями. И якобы прям они там такого накопили, что все под суд пойдут.

– Хреново, – протянул Коротков. – Четыре убийства. Экологи. Да накануне выборов.

– Ну! А я о чем?! Мне-то фиолетово, кого в мэры выберут, мне что при Баеве, что при любом другом начальнике дороги нет. Выгнать – не выгонят, работать некому, а карьера моя и так давно закончилась. Так что я этими убийствами не заморачиваюсь, пусть те, кто хочет перед начальством выслужиться, задницы рвут, им вверх двигаться надо, а мне по барабану. Я потихоньку свое рутинное дело делаю, бытовые убийства оформляю, всяких душегубов, которые за мобильник или за кошелек людей мочат, отлавливаю, это у меня пока еще хорошо получается.

Он горько усмехнулся и снова потянулся к бутылке.

Коротков поднялся и стал натягивать куртку.

– Спасибо тебе, Витя, за гостеприимство, – тепло произнес он. – Я так понимаю, оперативные позиции в городе у тебя крепкие, так мы обратимся, если что? Не возражаешь?

– Обращайтесь, – кивнул майор Егоров. – Друзья дяди Назара – мои друзья. Слышь, Настя, а мне про тебя дядя Назар рассказывал. Только я думал, ты старше.

– Да ладно, – засмеялась Настя, – я уже древняя старуха, пенсионерка. Лет на десять старше тебя.

– Иди ты! – неподдельно изумился Виктор. – А выглядишь... Вот что значит – в Москве жить.

– Вить, – Коротков понизил голос, – Москва тут ни при чем. Просто она не пьет. Совсем. Ничего. Потому и выглядит хорошо. Не то что мы с тобой. А разве настоящий опер может быть непьющим? Вот то-то и оно. Так что мы с тобой – заложники призвания, а Настюха у нас так, примазавшаяся.

Виктор тоже поднялся и быстро прибрал стол, оставив его во вполне приличном состоянии.

– Я тоже пойду, пожалуй, нечего мне сегодня тут отсиживать.

– Подвезти? – предложила Настя.

– Да нет, я пешочком, мне тут недалеко.

Из здания УВД вышли втроем, на крыльце распрощались. Теперь можно было и в банк ехать.

* * *

Полковник Баев стоял в своем служебном кабинете у окна, курил и смотрел, как на крыльце московские гости прощались со старым пьяницей Витькой Егоровым. Загасил окурок и взял со стола мобильный телефон.

– Петя, надо встретиться, – глухо проговорил он. – Ты где сейчас? Дома? Ладно, я подъеду.

Через полчаса машина начальника УВД въезжала в ворота участка с симпатичным особняком на окраине города. Хозяин дома – один из самых состоятельных людей Вербицка, Петр Сергеевич Ворожец, невысокий, худощавый и вообще какой-то хлипкий, ждал на дорожке перед домом, играя с двумя лабрадорами, крупной породистой сукой и полугодовалым щенком.

От предложения поужинать Баев отказался, и хозяин пригласил его в кабинет. Рассказ о москвичах много времени не занял.

– Кривые они ребята, ох, кривые, – подытожил полковник. – Партию разыграли как по нотам, мужик выступал, баба молчала, типа она не при делах и вообще ее сюда в качестве любовницы взяли. А у самой глаз

острый, вся как струна натянутая, и как только мужик чуть-чуть оступился – сразу поймала момент и исправила. Не нравятся они мне.

– Да брось ты! – беззаботно рассмеялся Петр Сергеевич. – Чего тебе бояться? Что тебе этот банк «АПК»? Знаю я, вполне приличный банк.

– Да лажа это все, Петя! Банк – это прикрытые, неужели ты до сих пор не понял? Это либо из главка ребята с липовыми пенсионными ксивами, либо вообще из ФСБ. Экологи эти, будь они неладны... Уже и до Москвы дошло. Теперь не отмоемся.

– Думаешь? – Петр Сергеевич озадаченно потер пальцами лоб. – А ты у Ананьева спрашивал?

Ананьев был начальником управления ФСБ по Вербицку, и полковник Баев поддерживал с ним нейтральные, но вполне дружественные отношения.

– Так он и скажет, дожидайся. Но я разговор завел, почву прощупал, он в отказе полном. Чего и следовало ожидать. Петя, нужна твоя помощь.

– Конечно, – с готовностью отозвался Ворожец. – Не вопрос. Что нужно?

– Пригласи этих москвичей к себе пожить дня на три-четыре, присмотришь к ним, послушай, о чем говорят, обрати внимание, как ведут себя. Войди в доверие, информацию подай, как надо. Ну, короче, ты понял, не в первый раз. Я должен точно понимать, зачем они приперлись к нам и что собираются здесь вынюхивать.

– Ты обалдел, что ли?! С какого перепугу я буду приглашать людей, которые меня знать не знают? Да они пошлют меня сразу же, и правильно сделают. Я бы на их месте тоже отказался.

– А ты, Петенька, пригласи так, чтобы они не отказались, – вкрадчиво проговорил полковник. – Ты же умеешь, я не сомневаюсь. Ты что, не понимаешь, что выборы на носу? Забыл, чем все может кончиться, если Костя не пройдет на второй срок? Да мы с тобой костями должны лечь, чтобы этого не допустить! Это не только Косте нужно, это и нам с тобой нужно не меньше, чем ему.

– Не меньше, говоришь? – Глаза бизнесмена сузились в злобном прищуре. – А почему тогда ты один приехал меня просить об одолжении? Где же наш любимый друг Костенька? Замараться боится?

– Ну перестань. – Баев заговорил мягко, как мудрый дедушка с неразумным внуком. – Что ты, как малыш в песочнице, право слово... Ты же прекрасно понимаешь, что накануне выборов Костя не может открыто наносить частные визиты представителям бизнеса, это неправильно. Мы с ним еще вчера говорили о москвичах, и он сам попросил меня обратиться к

тебе, но я решил сперва дождаться этих гостей, чтобы посмотреть на них. Вот, посмотрел и пришел к выводу, что без твоей помощи нам не обойтись. Костя тебя просит. И я тебя прошу. Конечно, Костя мог бы позвонить тебе, но вопрос стрёмный, не надо его по телефону обсуждать. Если это действительно ФСБ, то не исключено, что и Костин, и мой телефон уже слушают.

Ему противно было унижаться и просить, но иного выхода он не видел. Конечно, Петьку можно понять, они ведь друзья с детства, со школьных времен, всегда были вместе, всегда друг друга поддерживали и выручали. Но Петькина жизнь сложилась не так благополучно, вернее – благопристойно, как жизни Костика и его, Игоря. По благополучности-то он своих друзей давно обогнал, это понятно. Петя Ворожец с молодых ногтей связался с криминалом, в девяностые даже отсидел, правда, не очень долго, но все равно... И бизнес свой построил на грязных деньгах. И до сих пор закон нарушает, в этом полковник Баев не сомневался. Но нарушает по-крупному и умно, не мелочится и не беспредельничает. Баев, заняв должность начальника Вербицкого УВД, поступил честно – предупредил Петра: если лажанешься – прикрыть не смогу, так что ты уж постарайся, а если что – не обижайся на меня. А вот Косте не хватило не то душевных сил, не то мудрости открыто поговорить с другом, он просто официально дистанцировался от Петра, хотя и продолжал общаться с Ворожцом, приезжал к нему в гости, постоянно звонил и всячески изображал дружбу в узком кругу. Однако на праздничных приемах в мэрии, куда приглашали деловую элиту города, Петра Ворожца, владельца Вербицкого химкомбината и большого числа предприятий помельче, не видели. А ведь весь город знает о давней дружбе бизнесмена с мэром. И уже в определенных кругах пошли смутные слухи... Само собой, Петьке это все не нравится. Ему обидно.

Но какое значение имеют такие детские глупые обидки, когда у троих взрослых мужчин есть объединяющая их цель?

Ах, как плохо... как все плохо...

– Ладно, не расстраивайся. – Щуплый Ворожец покровительственно похлопал массивного Баева по плечу. – Сделаю я все, что надо, раскручу твоих москвичей, на молекулы и атомы разложу. Ты прав, Игореха, не следует нам рядиться и ведерки с песочком друг у друга отбирать, мы все трое одной цепью связаны. Сделаю. Я ж понимаю, это Генка Лаевич, хлыщ патлатый, ему в уши дует, против меня настраивает. Костика успокой, скажи: никаких обид. Он должен выиграть выборы. И наша с тобой задача – ему помочь. У Димки день рождения скоро, соберемся, как обычно,

посидим, все будет как раньше. Ведь соберемся?

Он вопросительно посмотрел на полковника.

– Обязательно соберемся. Димка – это святое.

Петр Сергеевич открыл бар и прикоснулся пальцами к горлышку бутылки виски.

– Ну что, по чуть-чуть?

Баев отрицательно покачал головой и поднялся с кресла.

– Поеду я. Устал. Завтра день тяжелый.

– Как знаешь. Пойдем, провожу.

Дорога от особняка Ворожца до улицы, где жил полковник, пролегла мимо храма. И, как всегда в последние месяцы, при виде увенчанных крестами подсвеченных куполов Баев ощутил болезненный толчок в сердце.

Зайти... Покаяться...

Нет. Нельзя.

* * *

Съеденный в гостиничном ресторане ужин тяжелым комом лежал в животе, и Настя Каменская кляла себя за то, что поддалась на провокацию Короткова, уговаривавшего ее непременно отведать знаменитых сибирских пельменей с мясом и лесными грибами. Порцию принесли огромную, ей хватило бы и одной трети, но, к сожалению, пельмени оказались дивно хороши, и когда Настя спохватилась, метаться оказалось уже поздно, а дышать – трудно. Не помогло ни запивание травяным чаем, ни даже рекомендованный все тем же всезнающим Коротковым глоток водки. Вкусные сибирские пельмени никак не желали перевариваться и дать Насте покой.

Визит в банк надолго не затянулся, управляющий записал все их просьбы, куда-то позвонил и договорился, что на следующий же день их примут в Кадастровой палате, где покажут карту со всеми доступными участками. В Вербицкэнерго их тоже примут и ответят на все вопросы, так же как и в Вербицкводоканале и департаменте природопользования.

Настя и Коротков договорились выезжать назавтра в десять утра, а в девять встретиться и пойти позавтракать. Поставив будильник на 8 часов, Настя с наслаждением приняла душ, долго стояла под горячей водой, с удивлением замечая, что почему-то не может согреться. Ее все время познабливало. С неудовольствием отметила, что полотенце совсем новое и

оттого пока еще плохо впитывает воду. Зато халат оказался именно таким, как она любила: длинным и на пару размеров больше, чем нужно. В такой халат так удобно уютно завернуться, и как бы ни села – ноги не высовываются и не мерзнут. Побродив еще несколько минут по просторному номеру, Настя открыла окно и забралась под одеяло, мечтая о сладком крепком сне.

Но не тут-то было. Окна и гостиничного ресторана, и ее номера выходили на одну сторону. А в ресторане гуляла свадьба. Широкая, щедрая, веселая. С размахом такая свадьба. Звуки джаз-банда и голоса профессиональных исполнителей, певших со сцены, сменялись нестройным, но зато громким хоровым пением, взрывы смеха перемежались взрывами петард. Настя вздрагивала, ворочалась в постели, натягивала одеяло на голову, но все равно уснуть не могла. Встала, закрыла окно. Стало вроде потише, но через какое-то время она поняла, что ей душно. Снова открыла окно.

Через полтора часа тщетных попыток погрузиться в сон она встала, закуталась в халат и осторожно подошла к двери, ведущей в номер Короткова. Приоткрыла ее, стараясь не издавать лишних звуков, прислушалась. Со стороны спальни доносился мощный храп. Юрка спал как убитый, хотя ресторанные шумы доносились сюда точно так же хорошо. «Дала же природа некоторым людям умение спать в любой обстановке, – с завистью подумала она, – а меня обделила».

Вторая попытка заснуть тоже закончилась полным провалом, Настя встала, включила свет и уселась за привезенный с собой ноутбук. «Наверное, мне не шум мешает спать, а мысли», – рассеянно думала она, вводя в поисковик название «Ларри Соррено», – логотип именно этого бренда красовался на загадочном чемодане и почти на всех предметах, находящихся внутри его. Про фирму «Ларри Соррено» Настя знала только одно: продукция ее славится своей немислимой дороговизной. А вот на вид – ничего особенного, неярко, не изысканно, одним словом – совсем обычно. Может, она чего-то не понимает? Вкуса у нее нет, что ли? Или вообще не разбирается в дорогих вещах? Впрочем, откуда ей иметь такие знания и умение разбираться? Но все равно хочется понять, что в этих вещах такого особенного и почему они при внешней невзрачности стоят таких безумных денег.

Официальный сайт оказался на итальянском языке, ибо фирма была миланской, но это Настю Каменскую ничуть не смутило: итальянский язык она знала очень неплохо еще с детства. Вооружившись очками для чтения, она погрузилась в изучение истории семейного бизнеса Соррено,

начавшегося еще в конце девятнадцатого века. Секрет дороговизны изделий прояснился весьма скоро: основатель бренда Ларри Соррено сделал ставку на износостойкость своего продукта, начинал он с дорожных кофров, саквояжей и сундуков, и все это, благодаря изобретениям его брата-химика, долгие годы сохраняло товарный вид. Постепенно ассортимент расширялся, внук основателя производил уже не только сундуки и кофры, но и сумки, портмоне, кошельки и портфели. В начале шестидесятых годов двадцатого столетия очередной Соррено взялся за производство одежды, но это было чистым баловством: сделать ее ноской и долговечной не удалось, и эта часть бизнеса, хотя и сохранилась до нынешнего времени, особого развития не получила. Зато к сегодняшнему дню наличествовал широчайший выбор сумок и портфелей всех мыслимых и немыслимых размеров и целевой принадлежности, кошельков, косметичек, несесеров, ремней, папок, обложек для всевозможных гаджетов, ну и, само собой, чемоданов, от самых маленьких до поистине огромных. А девизом бренда стала фраза: «Наш товар вы можете использовать долгие годы и подарить своим правнукам, он будет как новенький».

Разобравшись с историей вопроса, Настя полезла в каталог прошлого сезона. Цены ее просто убили. Это какие же бабки нужно было вгрохать в затею наполнить целый средних размеров чемодан вещами такой безумной стоимости! Просто даже интересно... Виктор Егоров сказал, что если все продать, то можно несколько лет жить безбедно. Неужели правда? Или он просто так ляпнул, для красного словца?

Она достала из лежащего на письменном столе бювара чистую бумагу и приготовилась записывать стоимость. Чемодан, тот самый, который стоял в кабинете у Егорова, вернее, точно такой же, обнаружился сразу, цена была проставлена в евро, в рублях же цифра получилась оглушительной, а ведь если покупать в России, то выйдет существенно дороже. Больше ничего в каталоге коллекции 2013 года найти не удалось. Настя ушла в каталог предыдущего, 2012 года, пытаясь как можно точнее вспомнить, какие именно предметы она видела в чемодане, потом перешла к 2011-му, потом к 2010-му... Наметилась кое-какая система, не очень четкая, конечно. Все, что ей удалось вспомнить и идентифицировать по каталогам, относилось к коллекциям разных лет, самым ранним оказался брелок для ключей – его Настя нашла в каталоге 1992 года, в 1994 году было, судя по всему, приобретено то самое портмоне, которое обнаружилось в чемодане совершенно пустым. «Двадцать лет прошло, – подумала она, – а выглядит, будто только вчера из магазина, ни пятнышка, ни единой потертости, ни

царапинки!» Маленький несессер с аккуратно уложенным набором ниток и иголок относился к 1996 году, а вот несессер побольше, в котором, как она помнила, лежали станок для бритья, флаконы с пенкой, шампунем, гелем для душа и мыльница, выпускался в 1998 году. Брючный ремень – 2003-м, джинсы – 2008-м, шапочка и шарф – 2009-м...

Выстроив содержимое чемодана в хронологическом порядке, она обратила внимание, что стоимость покупок неуклонно возрастала из года в год. Человек становился все более состоятельным и мог позволять себе все более дорогие вещи. Но при этом не менял старые предметы на новые. Собственно говоря, зачем их менять? Они в прекрасном состоянии, и если верить девизу фирмы, еще правнукам владельца исправно послужат. С другой стороны, у богатых свои причуды, и Настя Каменская отлично знала, какое количество людей покупают вещи не потому, что старые пришли в негодность, а исключительно потому, что это «новая коллекция». Носить сумку, туфли или шубу из прошлогодней коллекции в определенных кругах считается неприличным. Такой подход всегда казался Насте верхом идиотизма, но он существовал, и с этим приходилось считаться.

Однако человек, которому принадлежал украденный чемодан, к упомянутому кругу явно не относился. Он просто любил вещи Ларри Соррено и регулярно покупал их, сообразуясь с собственными доходами. Заработал – купил. Заработал побольше – купил подороже. Одним и тем же несессером он пользовался без малого два десятка лет, брючным ремнем – десять лет, джинсы «Соррено-мен» носил как минимум лет пять. Интересно, а что он покупал в другие годы? Наверняка обложку для паспорта, сумку для ноутбука, футляр для очков, папку-обложку для айпада, портфель, футляр для ключей, визитницу для кредитных карт... Всего этого в чемодане не было. Но наверняка было в сумке, которую владелец чемодана держал в руке. Компьютер, гаджеты, деньги, документы, ключи и очки – всегда с собой, чтобы были под рукой.

Слушая рассуждения майора Егорова и глядя на чемодан, Настя представляла себе эдакого полукриминального типа, внезапно разжившегося огромными шальными деньгами и решившего экипировать себя для поездки в самом дорогом магазине. Пришел и одним махом все закупил. И почувствовал себя кумом королю, по меньшей мере. Денег он хапнул столько, что даже эти колоссальные траты выглядели каплей в море, поэтому, когда чемодан сперли, он не стал заморачиваться обращением в полицию. Самое ценное и трудновосполнимое – документы, ключи, кошелек и кредитки – не пропало. А все остальное он снова купит. Кроме

того, он мог опасаться, что полицейские вполне обоснованно начнут интересоваться: откуда это у него такие деньги появились? Может быть, он – фигура, хорошо знакомая оперативникам, и демонстрировать им внезапно и необъяснимо возросшее благосостояние глупо и неосмотрительно. Еще тогда, в кабинете у Егорова, Настя хотела спросить, не было ли в Вербицке или вообще в области в последнее время крупной кражи, ограбления или финансовой аферы. Хотела – и не спросила. Неловко ей стало. Получилось бы, что она такая умная, из самой Москвы приехала местных оперов работе учить. Наверняка Егоров сам до всего додумался и тысячу раз все перепроверил.

Теперь же она радовалась, что промолчала. Потому что хозяин чемодана выглядел, по ее представлениям, совсем иначе. Спокойный, рассудительный человек, не гонящийся за модой, не тусующийся в гламурных кругах, а если и тусующийся, то абсолютно и категорически плюющий на принятые в этих кругах правила. Очень «сам по себе». Любящий и ценящий свой жизненный путь, свою карьеру, бережно хранящий память о каждом этапе, о каждой ступени.

Но тогда почему же он не обратился в полицию с заявлением о краже? Если ему так дороги эти вещи, если каждая из них обозначает определенную веху в его финансовом достатке, в его карьере, то почему до сих пор не объявился? И вот еще пустой бумажник... Тоже смущает. Если он не склонен менять старые, хорошо сохранившиеся вещи на новые, то зачем купил новый бумажник, когда старый в отличном состоянии? Впрочем, у данного факта может быть простое и очевидное объяснение: кто-то очень близкий и дорогой, например, мама или жена, подарил человеку новый бумажник, и чтобы не обижать дарителя, приходится пользоваться подарком. Ну ладно, допустим. Но зачем тогда возить старый бумажник в чемодане? Лежал бы себе дома в тумбочке... И снова ответ прост и понятен: подарок сделан во время пребывания в командировке. Например, командировка длительная, а тут день рождения случился, жена или любимая женщина приехала к имениннику на денек, поздравить и вручить подарок. Или, как вариант, у хозяина чемодана сделался пылкий роман здесь же, в Вербицке, если он приехал из другого города, или в другом городе, если сам он из Вербицка, и новый бумажник – подарок новой возлюбленной. Одним словом, пустой бумажник в чемодане объяснить легко. А вот отсутствие заявления о краже этого самого чемодана – трудно.

Ответ показался ей очевидным: хозяина чемодана действительно нет в живых. И тот факт, что среди умерших и погибших его не обнаружили, ни

о чем не говорит. Искали-то в судебно-медицинском морге, а он мог умереть в любой из больниц Вербицка. Обнаружил кражу чемодана, стало плохо с сердцем или инсульт хватил прямо там же, на вокзале, упал, приехала «Скорая», увезли в стационар, а человек умер, не приходя в сознание. И никому не успел рассказать о краже. Надо будет все-таки спросить у Егорова как-нибудь аккуратно и необидно, проверяли ли они морги городских больниц.

Хотя зачем? Что ей этот чемодан и его владелец? Она приехала участок под строительство искать. Ну и в качестве факультативного развлечения, может быть, если сильно повезет, ей разрешат чуть-чуть поковыряться в деле об убитых экологах. А кража чемодана и убийство бомжем своего собутыльника к делу ни малейшего отношения не имеют. Это она просто себя занимает видимостью работы, чтобы убить время, пока утихнет громкая разгульная свадьба, окончание которой, казалось, не наступит никогда.

Ей стало грустно. Она так любила свою работу! То, чем ей приходится заниматься сейчас, в частном детективном агентстве Владислава Стасова, нравится ей куда меньше. Разумеется, свою новую работу она делает добросовестно, порой даже душу вкладывает, и иногда – хотя редко-редко – даже бывает интересно, но... Это не то. Все не то. И не так.

Настя чихнула и полезла в сумку за пачкой бумажных платков. Пока искала их, чихнула еще два раза. Как только она оторвалась от компьютера, мозг вновь обрел способность контролировать тело, и результаты контроля немедленно выдали три факта, один хуже другого: ее до сих пор познабливало, заложен нос и противно царапает в горле. «Приехали, – зло подумала она. – Вот только простуды мне сейчас не хватало! И когда успела-то? Вымокла до нитки между салоном самолета и микроавтобусом? Да ерунда полная! Ну вымокла... В первый раз, что ли? Правда, после этого довольно долго пробыла в мокрой одежде, и пока кофе пили, сидела, кажется, под самым кондиционером... Дура! Ну какая же я нелепая дура!»

От злости на саму себя невольно выступили слезы. Отлично! Расплакаться сейчас – самое оно! И без того нос заложен, а если разревется, так и вовсе дышать нечем станет. И вообще, тетка пенсионного возраста плачет в номере гостиницы в чужом далеком городе... Мелодрама дешевая! Настя сердито помотала головой и решила все-таки лечь в постель. Свадьба, кажется, рассасывается, громких звуков уже намного меньше. Есть надежда, что удастся уснуть, она поспит хотя бы часа три и встанет бодрая и веселая. Купит в аптеке какой-нибудь спрей для носа, а горло само пройдет, оно жить не мешает.

Она поплотнее закуталась в одеяло, положила на ухо вторую подушку. Перед глазами продолжали мелькать картинки из каталогов Соррено – бесконечные кошельки, сумки, портфели, чемоданы, обложки...

Четверг

Когда зазвенел будильник и Настя Каменская открыла глаза, ей показалось, что она и вправду чувствует себя намного лучше. Во всяком случае, поход в душ и процесс одевания дались ей без особых затруднений. Ровно в девять, как и было договорено, она открыла смежную дверь и вошла в номер Короткова. Юра, вполне свежий и выспавшийся, сидел в кресле и щелкал пультом, переключая каналы в телевизоре.

– С добрым утром! – весело сказала она.

Вернее, хотела сказать. Потому что сказать не получилось. Ни весело, ни грустно. Вообще никак не получилось. Губы и язык произвели все положенные к случаю манипуляции, а вот из горла вместо звуков вырвался невнятный сип.

Юра с ужасом посмотрел на нее.

– Это что такое?! – почти закричал он. – Ты что, заболела? Ты себя в зеркале вообще видела?

– Видела, – просипела Настя, но, почувствовав сильную боль в горле, замолчала и просто кивнула. Потом добавила еле слышным шепотом: – Когда умывалась. В зеркале все было очень прилично.

Шепотом говорить было не так больно, даже почти совсем не больно.

Коротков вскочил с кресла, схватил ее за руку и подвел к зеркалу в своем номере. То, что Настя там увидела, было как-то не очень похоже на отражение, которое она созерцала у себя в ванной. Лицо оказалось значительно бледнее и отдавало в зеленцу, под глазами непонятно откуда (ведь их еще полчаса назад не было!) появились темные круги, и вообще... Приличным людям такое показывать нельзя, это однозначно.

– Ох-ты-горе-ты-мое! – на выдохе произнес Коротков, качая головой. – А знаешь, почему все так вышло? Потому что ты не пьешь! Дернула бы вчера у Егорова полстакана, и никаких болезней не было бы. Вот с меня пример бери. Я ведь точно так же промок, но принял профилактические меры – и как огурчик.

Он задумался на пару секунд, потом с сомнением посмотрел на нее.

– До ресторана-то доковыляешь? Или позвонить и заказать завтрак в номер?

Настя, не полагаясь на речевой аппарат, постаралась лицом и руками изобразить полную готовность самостоятельно спуститься на завтрак.

– Ну, смотри сама. Если что – подавай сигнал сразу, я тебя в номер

верну и попрошу еду сюда принести.

Есть ей не хотелось совсем, но бросить Короткова и оставить без компании не хотелось еще больше. И вообще, надо позавтракать, потому что они ведь поедут по делам и когда смогут пообедать – неизвестно.

Шведский стол в ресторане не поразил их воображение разнообразием блюд, выбор оказался невелик, но зато всего было много. И все оказалось очень вкусным – и рисовая каша, и копченая рыба, и блины, и сосиски, и яичница. По крайней мере, именно так утверждал Коротков, который набрал себе всего понемногу. Настя, с трудом преодолевая отвращение, которое вызывал у нее вид еды, ограничилась двумя чашками кофе и круассаном. Круассан был воздушным, хрупким и невероятно вкусным, с шоколадным кремом внутри.

Юра ел с аппетитом и то и дело поглядывал на нее.

– Совсем ты плоха, матушка, – вынес он, наконец, вердикт. – Никуда не поедешь, сейчас я тебя отведу в номер, разденешься и ляжешь. И будешь лежать, пока не обретишь человеческий облик.

Настя попыталась что-то возразить, но в ресторане было полно людей, и за гулом их голосов Коротков вряд ли смог расслышать ее слабый шепот. Она почувствовала себя какой-то беспомощной и еще почему-то несправедливо обиженной. На этот раз удержаться от слез ей не удалось.

– И не реви, – строгим голосом велел Юрий. – Реветь совершенно не о чем. Сейчас придет машина, я мигом сгоняю в аптеку, куплю все, что нужно, и будешь интенсивно лечиться, отряжаю тебе на болезнь два дня максимум, сегодня и завтра. Послезавтра должна быть на ногах, все поняла? Землеустройство, энергетические сети и водоснабжение – это в любом случае не твое, ты в этом ничего не понимаешь, в отличие от меня. Так что с этими вопросами я сам разберусь, а ты лежи и лечись. Я тебе Иркино расписание запишу, тебе задание – поймать ее в скайпе и стребовать доклад, как они там без меня справляются. Все поняла?

Настя снова кивнула, молча вытирая бумажной салфеткой скатывающиеся по щекам слезы. Ей было стыдно плакать в общественном месте, но она ничего не могла поделать, слезы лились сами, слезы злости на себя и обиды на обстоятельства. Мало того, что ей не удалось выспаться из-за этой дурацкой свадьбы, так еще и заболела... И Юрку подвела. И теперь плачет у всех на глазах в ресторане, позорит и себя, и его. И почему-то с каждой минутой чувствует себя все хуже и хуже, а ведь, когда проснулась – была очень даже ничего.

– Ну? – Коротков посмотрел на нее в полном недоумении и отправил в рот свернутый в несколько раз блин. – Чего ты реवेशь-то? Подумаешь,

сопли! Большое дело! В первый раз, что ли?

И ведь не ответишь ничего... Настя беспомощно оглядела стол в поисках ручки и бумаги, ничего, естественно, не нашла и схватилась за телефон. Быстро набрала текст и отправила Короткову, телефон которого через пару секунд издал знакомое блямканье.

– От тебя, что ли? – усмехнулся он, вытаскивая из нагрудного кармана рубашки мобильник. – Ну-ну, почитаем, полюбопытствуем.

Цитата из старого, хорошо знакомого фильма заставила ее улыбнуться сквозь слезы.

– Я никчемная, – начал вслух читать Юрий, – я беспомощная дура. Я для тебя обуза.

С непроницаемым видом он убрал телефон и приступил к кофе со слоеными пирожками.

– Вкусно, – констатировал Коротков, – зря не ешь. С яблоками, между прочим. Значит, так. По поводу твоего высказывания: все, что ты тут понаписала, – наплевать и забыть. Глупости обсуждать – только время зря тратить, жизнь и так короткая. А вот за идею написать эсэмэску хвалю, молодец, что додумалась. Поскольку ты пока без голоса и по телефону разговаривать не можешь, будешь слать мне сообщения, поняла? Нужно что-то – ты написала, я позвонил куда следует, тебе принесли. Вот таким порядком и будем действовать. Ирке я тоже напишу, чтобы она не удивлялась, когда ты до нее дозвонишься, а четко и быстро доложила тебе обстановку. Пусть Анютку тебе покажет обязательно, посмотри, нет ли у нее диатеза, ей шоколад нельзя, но она любит его до умопомрачения, и Ирка, добрая душа, не может устоять, когда ребенок просит. Дает тайком от меня. Поняла?

Мимо их столика пробежала хорошенькая официантка с подносом, на котором стояли два кофейника и маленькие кувшинчики с молоком.

– Красавица! – окликнул ее Коротков.

Девушка поставила кофейники гостям за соседним столиком и подошла к ним.

– Слушаю вас. Вам что-нибудь принести?

– Нет, нам только сказать. – Коротков весело подмигнул ей. – Есть ли в вашем благословенном отеле доктор или хотя бы медсестра?

– Конечно, у нас медпункт, там круглосуточно дежурит врач, – сообщила девушка, улыбнувшись в ответ. – И на первом этаже, сразу за банкоматом, аптечный киоск.

– Во! – обрадовался Коротков. – И в аптеку ехать не надо, все здесь купим.

Он посмотрел на часы:

– Тридцать пять минут десятого, у нас почти полчаса на то, чтобы порешать проблему. Пошли, хватит питаться.

Он отодвинул стул и потянул Настю за руку. Через десять минут ее, уже переодевшуюся в гостиничный халат, осматривал врач – пожилая румяная женщина, похожая на добрую бабушку с рекламного плаката молочной продукции.

– Все отечное и воспаленное, – проговорила она, исследовав Настино горло и выслушав фонендоскопом бронхи и легкие, – махровый ларингит, но вниз пока не спустилось. Так что, деточка, будем давить вашу простуду, пока она наверху. Дайте-ка я еще носик ваш как следует посмотрю.

Понажимав на какие-то точки вокруг носа и под глазами, доктор удовлетворенно кивнула.

– Есть хорошие шансы. Вы к народной медицине как относитесь? Или химию предпочитаете?

Настя схватила приготовленные заранее листок бумаги и ручку и написала: «Мне все равно, мне надо быстро поправиться и работать».

– Ничего нового, – усмехнулась бабушка-доктор, прочитав записку, – здесь же отель, все приезжие, у всех дела, всем некогда, и все хотят побыстрее поправиться. Значит, так, юноша. – Она повернулась к Короткову, который стоял здесь же, деликатно отвернувшись к окну. – Я вам дам списочек, у нас внизу в аптечном киоске все есть. Настойки из таежных трав, эфирные масла, сухие травы, порошочек. Попросим девочек, чтобы принесли термос с кипятком. А вы, деточка, будете заваривать травки, добавлять настойки, я напишу, по сколько капель. Одно будете пить, вторым нос промывать, третьим горлышко полоскать. Компрессы с эфирными маслами – на область шеи, девочки вам принесут маленькие полотенчики льняные и полиэтиленовые пакеты, будете оборачиваться и весь день в них ходить, менять раз в три часа. И молчать хотя бы до вечера. А лучше бы до завтрашнего утра. Острого, соленого, копченого не кушать. И после полоскания горла минимум полчаса ничего не пить и не есть.

Она давала инструкции и одновременно быстро писала неразборчивым «врачебным» почерком.

– Вот. – Доктор протянула листок Короткову. – Делать строго, как я написала, все соблюдать, и я вам гарантирую, что послезавтра ваша девушка будет бодра и весела. Она у вас как, дисциплинированная?

– Вы даже не представляете, до какой степени, – усмехнулся Коротков.

– Ну и славно. Я найду часика в три, проведу, послушаю, главное – не допустить, чтобы процесс начал спускаться вниз, в бронхи и в легкие.

Если что-то пойдет не так – сделаю укольчик. Одним словом, юноша, поезжайте по своим делам, работайте спокойно, мы тут вашу девушку присмотрим. Девочки у нас в отеле хорошие работают, заботливые, я на ресепшене всех предупрежу, чтобы кипяточком обеспечивали регулярно, объясню, что девушка у нас без голоса, так что стучаться в номер не нужно, все равно ответа не дождутся, пусть просто входят. И по телефону не звонят. Меню принесут, обед в номер подадут.

При словах об обеде Настя исступленно замотала головой, мысль о еде вызывала ужас.

– Что, не хочется? – засмеялась бабуля-доктор. – Это сейчас. А потом захочется. Да и надо. Кашку, например, овсяную, или картошечки, суп-пюре тоже хорошо. Только не забудьте – не острое, не соленое и не копченое. Горлышко надо пока поберечь.

Когда Коротков принес из аптечного киоска и расставил на большом журнальном столе все предписанные врачом бутылочки, коробочки и пакетики, Настей овладело отчаяние. Юра умчался, а она сидела на диване, обхватив себя руками и раскачиваясь, тупо смотрела на длинную врачебную пропись и твердила про себя: «Я не смогу. Я не смогу. Я никогда не поправлюсь».

* * *

Если и был на этом свете человек, которого люто ненавидела Алена Арканова, старший редактор телепрограммы «Персона», идущей раз в неделю на местном телеканале, то таким человеком была шеф-редактор той же программы Мила Милановская. Вообще-то она никакая не Милановская на самом деле, а Милюкова, и зовут ее, если по паспорту, Камиллой, но разве ж это звучит? Камилла Милюкова... И это у человека, работающего на телевидении, чье имя обязательно появляется в титрах программы и который сам мечтает в скором будущем стать ведущим. Спасибо, что не Фрося Бурлакова. Курам на смех. Так что имя сократили до привычной русскому слуху Милы, а фамилию преобразовали в более изысканную.

Вообще-то Милановскую мало кто любил. А если совсем точно – то не любил никто. Очень уж она себе на уме. Хорошо к ней относились только ведущие программы, Гарик и Марина, потому что все, что они произносили в эфире, телезрители приписывали именно им. Никому в голову не приходило, что все те умные и заковыристые слова, которые говорили ведущие во время беседы с гостями, все их неожиданные

вопросы и остроумные комментарии – все это на самом деле говорит шеф-редактор. Человек, «сидящий в ухе у ведущего». Гарик и Марина вели программу по очереди, с мужчинами-гостями беседовала Марина, с женщинами – Гарик. И ведущим, само собой, страшно нравилось, когда после очередного выпуска им говорили:

– Ну как же здорово ты его уела!

– Ой, как она побледнела, когда ты ее об этом спросил! Сразу видно, что совесть нечиста.

Ведущие скромно улыбались и никому никогда не рассказывали, что шеф-редактор за десять минут до эфира (а программа шла именно в прямом эфире, а не в записи) показывала им сценарий, который они, естественно, запомнить не успевали и полностью полагались на то, что услышат потом в «ухе». И то, что они слышали и, соответственно, произносили во время программы, далеко не всегда полностью совпадало с написанным в сценарии. Эта сука Милановская пользовалась еще какими-то источниками информации, никогда не полагаясь только на сведения, собранные редакторами и систематизированные и обобщенные старшим редактором. Она ухитрялась раздобыть что-то «жареное», о чем никому не говорила вплоть до той самой секунды, когда во время программы подсказывала ведущему неожиданный вопрос или комментарий.

Гостями программы «Персона» становились и заметные фигуры в городе, и заезжие звезды театра, кино и эстрады (в Вербицке работали два театра – драматический и детский, и гастрольных спектаклей всегда было много), и обычные граждане, снискавшие известность благодаря какому-нибудь неординарному событию. А также супруги всех вышеперечисленных особ. Причем программы с супругами пользовались не меньшей, если не большей любовью среди телезрителей: кто, как не супруг или супруга, поведаст о милых слабостях и бытовых привычках популярной личности? Это ж как на кухню заглянуть или даже в спальню...

Через две недели гостем программы должен стать мэр Вербицка Константин Кириллович Смелков, и Алена Арканова добросовестно подготовила весь материал. Сложность была в том, что Смелков бывал на программе и ранее, в первый раз – когда участвовал в прошлой избирательной кампании, во второй раз – когда уже стал мэром. Предстоящая программа – третья по счету, и вся информация, которую удалось собрать, была использована. Младший редактор и редактор, да и сама Алена вместе с ними, буквально из кожи вон лезли, чтобы накопать что-нибудь свеженькое, на чем можно построить интересные вопросы для

ведущей. Ну, хорошо, шум вокруг убитых экологов. Это, конечно, остро, но на этом особо не поиграешь, потому что на прошлой неделе гостем программы был начальник УВД полковник Баев и весь разговор как раз вокруг этих убийств и крутился. Мэр вряд ли сможет добавить что-то новое. Проект трассы? Тоже столько уж говорено-переговорено об этом... Опять Смелков начнет пыхтеть про звероферму, которую он не даст в обиду, и про русские пушно-меховые традиции, и про то, что он строил ферму собственными руками. Сколько можно! Кроме того, на этой неделе в эфир пойдет программа с главным проектировщиком одного из двух вариантов прокладки трассы, он специально приедет из Перова для участия в ток-шоу «Персона». И если начать спрашивать мэра о проектах, начнутся сплошные повторы, а это зрителю скучно. Да и Милановская этого не допустит, ей нужно, чтобы было горячее, новое и острое. Единственное, что пришло в голову Алене, – это попытаться накопать хоть какую-то информацию об отношениях Смелкова и его главного конкурента на выборах Горчевского. Если удастся выяснить, что они, например, давно знакомы и дружны, то можно пощипать мэра за ягодицы вопросами о «протокольности» второго кандидата. А вот если между ними какая-то кошка пробежала или есть конфликт интересов и предвыборная борьба между ними настоящая, то Милановская обязательно сумеет (разумеется, устами ведущей) вывернуть разговор таким образом, чтобы гость потерял над собой контроль и начал поливать грязью соперника. А это всегда хорошо для телевидения. Вообще, человек, потерявший над собой контроль перед камерой, да особенно в прямом эфире, это самое лучшее, что может пожелать себе любая программа. И неважно, в чем именно проявляется потеря контроля – в рыданиях или просто в скатившейся слезинке, в неудержимом хохоте или в трясущихся от волнения руках, в глупостях и гадостях, которые произносит гость. Это всегда хорошо. И об этом всегда помнит ненавистная Милановская. Конечно, положив руку на сердце, Алена Арканова знает, что шеф-редактор права и работать можно только так, если хочешь, чтобы твоя программа имела высокий рейтинг. Но все-таки одно дело – сценарий программы и совсем другое – поведение с сотрудниками и подчиненными. А вела себя Милановская, на взгляд Алены, просто омерзительно.

Как бы там ни было, а материалы сдавать Милановской придется. Сегодня дедлайн – крайний срок, и если не сдать, она будет орать на всю редакцию. Алена еще раз открыла папку, чтобы все проверить: диск на месте, текст в файле, фотографии пронумерованы. Надо идти.

Но она не успела. Милановская, ярко накрашенная рыжеволосая

молодая женщина со злыми глазами, сама заглянула в комнату редакторов. Настроение у нее, судя по всему, было преотличным, потому что шеф-редактор одарила Алену скупой улыбкой, что вообще-то случалось чрезвычайно редко.

– Я уйду, – сообщила Мила, – меня сегодня уже не будет. Смелков готов?

– Да, Камилла Теодоровна, – испуганно пискнула Алена, – я как раз собиралась вам отнести.

– Давай сюда, я дома посмотрю. И не называй меня Камиллой Теодоровной, терпеть этого не могу. Сколько раз просила! Так, что у нас тут?

Милановская небрежно бросила на стул сумку и принялась листать текст и смотреть фотографии.

– Горчевский... Горчевский... Это хорошо, это интересно... Это ты молодец... В то время, как Горчевский учился в столичном университете, наш мэр копал землю и строил звероферму. Да, это можно использовать, если правильно подать. Горчевский в армии не служил, а Смелков служил... Кстати, а почему Горчевский не служил в армии? Он же старше Смелкова лет на семь, значит, если он сразу поступил в университет, то к тому времени, когда наш мэр с лопатой в руках строил ферму, Горчевский должен был уже сто раз закончить учебу. А он еще учился. Значит, поступил не сразу. А в армии не был. Почему? Откосил? Тогда нужно знать, с каким диагнозом. Плохо, Арканова. Недосмотрела. И кстати, почему все разговоры о Смелкове всегда начинаются с его работы на строительстве фермы? А до этого он что делал?

Алена с пылающими щеками подскочила к Милановской и начала дрожащими пальчиками перебирать листы с текстом.

– Он в школе учился, в восемнадцатой, вот здесь есть... вот, адрес школы, интервью с учителями, которые его помнят, записаны на диске, в тексте тоже есть... и адрес, по которому он проживал... – торопливо поясняла девушка.

Внезапно лицо Милановской будто бы подобралось, стало строже. Хотя куда уж строже! Но ей как-то удалось.

Шеф-редактор резким движением захлопнула папку и сунула ее в сумку.

– Я разберусь. А тебе нужно быть внимательнее, очевидные вещи пропускаешь. Учись у меня, пока я еще здесь работаю. Но в целом молодец, я довольна.

Дверь за шеф-редактором закрылась, и Алена с облегчением перевела

дух. Кажется, на этот раз пронесло.

* * *

Как говорится, глаза боятся – руки делают, думала Настя Каменская, готовя себе очередное полоскание. Оказалось, что все не очень страшно, а точнее – совсем даже не страшно, действуй строго по инструкции – и порядок.

Сначала, изучив пропись, она составила и записала на бумаге график, разметив, в котором часу пить, в котором – полоскать горло и промывать нос, а когда менять компресс, убедилась, что между предписанными мероприятиями остается время для сна, и решила, что будет заводить будильник, вставать, лечиться и снова укладываться. Бессонная ночь сказывалась, в глазах ощущался песок и покруживалась голова. Но из такого чудесного, на первый взгляд, плана ничего не получилось: много времени ушло на то, чтобы разобраться, из какого пакетика нужно заваривать и из какого флакона капать, потом следовало выждать, пока травка настоится, потом дать ей хотя бы чуть-чуть остыть (не полоскать же горло кипятком!). А оборачивание собственной шеи компрессом превратилось в целую эпопею: смоченное «правильным» раствором полотенце никак не хотело удерживаться на горле, пока Настя двумя руками закутывала себя в полиэтилен. Пришлось учиться делать это одной рукой, что оказалось весьма непросто. Справившись, наконец, с задачей, она посмотрела на часы и поняла, что до «приема внутрь» остается почти два часа, завела будильник и улеглась в постель, однако заснуть сразу не удалось, а как только Настя задремала – открылась дверь, горничная пришла убирать номер. Кляня себя за то, что забыла вывесить на ручку двери снаружи табличку «не беспокоить», Настя шепотом, помогая себе жестикуляцией, объяснила, что ее номер в уборке не нуждается, но когда осталась одна – поняла, что до звонка будильника остается совсем немного. «Ничего, в следующий раз буду умнее», – оптимистично пообещала она сама себе.

Второй цикл прошел легче, но надежде поспать снова не суждено было осуществиться. Сначала принесли новый термос с кипятком, потом по коридору начал с дикими воплями бегать какой-то ребенок, после чего Настя вдруг поняла, что заснуть ей мешает боль в горле, возникающая при глотании. И еще: в горизонтальном положении нос закладывало так, что дышать можно было только через рот.

Одним словом, со сном не получилось. Она вылезла из-под одеяла, сняла халат, надела свитер, джинсы и теплые толстые носки и села за компьютер. Посмотрела в оставленное Коротковым расписание его жены: вот сейчас как раз самое время позвонить. Интересно, Юрка не забыл предупредить Ирину, что Настя без голоса?

Не забыл. Ирина сразу ответила на вызов и сидела перед своим компьютером с Анюткой на коленях.

– Молчи-молчи, все знаю, все расскажу сама, – быстро заговорила Ирина. Благодаря профессиональной технике речи она могла произносить слова с невероятной скоростью, при этом совершенно отчетливо. – Тебе Юрка велел диатез проверить? Вот, смотри. Все чистенько. Мы шоколад сегодня не ели. Мы здоровы, веселы, и у нас хороший аппетит. Да, Анюттик?

– Да!!! – с энтузиазмом подтвердила малышка.

– Быстро скажи тете Насте, что ты кушала на завтрак.

– Кашу! И бутрик с сыром, – доложила девочка.

– Бутрик – это бутерброд, – пояснила Ирина. – Теперь покивай мне, как вы там устроились? А то вчера я до ночи на съемке проторчала, а утром Юрка мне не звонил, чтобы не будить. Я буду вопросы задавать, а ты жестами отвечай. Гостиница хорошая? Номера удобные? Еда нормальная?

Насте пришлось три раза кивнуть.

– Как ты себя чувствуешь?

Настя скорчила кислую мину.

– Ты лечишься?

Снова кивок. Потом еще один – для убедительности. Настя повернула экран, чтобы в камеру попал уставленный коробками, флаконами и пакетиками стол.

– Однако! – рассмеялась Ирина. – И что обещают при такой массажированной атаке?

Настя подняла руку с двумя оттопыренными пальцами.

– Два дня? А диагноз какой? Грипп?

Этап кивков закончился, начался этап отрицательных жестов.

– Бронхит?

Настя подумала, что, пока Ира перечислит все известные ей заболевания, у нее, Насти, голова отвалится. Однако до ларингита многоопытная Ирина дошла совсем скоро.

– Понятно. Чистяков в курсе?

Ну вот, опять мотать из стороны в сторону... Голова же кружится!

– Сказать ему?

И снова! Да что ж такое-то! Надо оставить бедную голову в покое и попробовать использовать другие части тела. Настя отчаянно замахала руками.

– Все-все-все, поняла-поняла. – Ирина опять рассмеялась. – Между прочим, почему ты одета? Коротков написал, что ты должна быть в халате и лежать в постели.

Господи, и как это актеры ухитряются без единого слова, только мимикой, жестами и позами выражать целые связные фразы и оформленные мысли, и чувства? Насте потребовалось немало времени, чтобы объяснить совсем простой факт: она не может заснуть, потому что болит горло, нечем дышать и все время что-то мешает. Маленькая Анютка хохотала до слез, глядя на этот «театр мимики и жеста». Вообще-то можно было написать сообщение здесь же, в скайпе, но Настя додумалась до этого далеко не сразу, а когда сообразила, необходимость уже отпала.

– Скажи Юрке, что я вечером вернусь со съемки часов в одиннадцать, – сказала Ира. – У вас это будет... Сколько?

«Два часа», – ответила Настя на пальцах.

– Спать, наверное, уже ляжет. Жалко будить. Но ты на всякий случай предупреди его, что я буду ждать его звонка до двенадцати по Москве, если сможет – пусть звякнет. В двенадцать у меня отбой, мне завтра вставать в шесть. Все, Настюша, целую-люблю-пока. Поправляйся!

Настя вышла из скайпа и принялась искать в Интернете местные сайты. Ей хотелось узнать, что пишут журналисты об убийствах экологов и как эту информацию воспринимают и комментируют жители города Вербицка.

Информации оказалось очень много, и столь же огромным было число откликов в обсуждениях каждого материала. Правда, выглядело все не совсем так, как вчера рассказывал Виктор Егоров. То ли майор не счел нужным посвящать малознакомых людей в подробности, то ли ему самому всей правды не говорили, то ли он просто был не вполне трезв... Но журналистам, как выяснилось, было известно намного больше. Хотя как знать, достоверна ли их информация...

Как бы там ни было, но, судя по сообщениям, оставленным посетителями сайтов, среди горожан существовало твердое убеждение в том, что некое общественное объединение экологов на базе некоей лаборатории провело какое-то исследование. Результаты этого исследования дают веские основания говорить об экологическом неблагополучии северной части города и прилегающих к ней территорий, поэтому вполне разумно прокладывать Федеральную трассу именно там, с

северной стороны Вербицка, а экологически чистую южную часть пригорода не трогать. Однако мэр Смелков в силу личной корыстной заинтересованности хочет, чтобы трасса пролегла с юга. Его поддерживает группа бизнесменов, которая уже скупила там всю землю, и когда построят дорогу, они начнут набивать свои карманы и мэру прилично отстегнут.

О самих же убийствах информация нашлась тоже, но довольно своеобразная. Хотя, опять же, как посмотреть... Первая публикация о загадочной смерти эколога появилась в начале мая, в ней говорилось о нераскрытом убийстве пенсионера, который всю жизнь занимался экологией, несколько лет назад вышел на пенсию, но в последнее время, как утверждали члены его семьи, нашел применение своим знаниям и многолетнему опыту, оживился, часто куда-то ездил, читал много специальной литературы, но близким ничего конкретного не рассказывал, только приговаривал: «Ничего, скоро сами все узнаете, и тогда им мало не покажется».

Эта публикация никакой особой реакции у населения не вызвала. Однако уже через две недели появилась вторая: об убийстве женщины, приезжей, около сорока лет. «Полиция пошла по пути наименьшего сопротивления и сочла смерть результатом разбойного нападения, – говорилось в статье, – опираясь на единственное обстоятельство: отсутствие сумки. Никому в нашей доблестной полиции даже в голову не пришло обратить внимание на профессию убитой. Мы провели журналистское расследование и выяснили, что жертва этого жестокого преступления была экологом. И отсутствие сумки свидетельствует не о разбойном нападении случайных преступников, как нам хочет представить это полиция, а о стремлении завладеть материалами, которые в этой сумке находились. Завладеть именно для того, чтобы никто никогда больше их не увидел». Разумеется, это была всего лишь версия. Ничем не подтвержденная, по крайней мере, в самой статье. Но и ничем не опровергнутая.

Далее в статье довольно напористо утверждалось, что это уже второй ставший известным случай убийства экологов в Вербицке и что позиция и полиции, и руководства города вызывает по меньшей мере недоумение: для раскрытия этих преступлений не предпринимается ровным счетом ничего, и это дает основания говорить о том, что выяснение обстоятельств дела невыгодно кому-то очень могущественному.

На эту публикацию реакция была уже намного более живой, но это и понятно: один эпизод может быть случайным, два – уже намек на систему. Тему подхватили и другие СМИ, началось активное обсуждение. Но

местное УВД зашевелилось только тогда, когда появилась статья о третьем убийстве, достаточно давнем, судя по хронологии – первым из всей серии. Покончил с собой молодой мужчина, одинокий, со странностями, как считали окружающие. Спустя год журналистам удалось выяснить, что он тоже занимался экологическими исследованиями, и тогда вывод о самоубийстве оказался поставлен под сомнение. Перепроверить было уже невозможно, тело кремировали.

Третий эпизод заставил всех говорить о целенаправленном истреблении специалистов-экологов, проводивших какое-то общее исследование. Пенсионер и молодой мужчина были местными, вернее, пенсионер был уроженцем Вербицка, а молодой мужчина переехал сюда совсем недавно. Женщина-потерпевшая приехала в Вербицк из соседней области, жила в дешевом общежитии, место в комнате на четверых оплатила на десять дней, из чего в статьях делался однозначный вывод о том, что ее пригласили как специалиста для отработки какой-то части исследовательской работы. В общем-то, надо признать, основания для такого вывода у журналистов были.

И вот совсем свежая статья, в которой изложено то, о чем говорил накануне майор Егоров: женщина принесла в полицию письмо, доставленное ей по ошибке и адресованное убитому чуть меньше двух недель назад человеку, и выяснилось, что последний потерпевший тоже был экологом, проводившим исследования в какой-то таинственной лаборатории.

А лаборатория, похоже, действительно была таинственной, и вообще вся эта история выглядела чрезвычайно темной. Никто из убитых никому про лабораторию не рассказывал впрямую, из чего следовало, что и сама лаборатория, и проводимые в ней исследования – дело секретное. Более того, убитые не распространялись о том, чем они вообще занимаются. И вся эта ситуация сильно напоминала Насте традиционную работу под прикрытием, когда создается какое-то предприятие, в данном случае лаборатория, там кто-то работает якобы по профилю, а на самом деле эти люди занимаются совершенно другим делом. И если этих людей вдруг начинают по очереди убирать, то связано это с высокой вероятностью именно с этим «другим» делом, а не с официально объявленным «профилем» организации.

Впрочем, все это не имеет ровно никакого значения. Прикрытие или нет, но ей, Насте Каменской, в рамках поставленной задачи нужно убедиться только в том, что экологические проблемы не станут препятствием к созданию и функционированию пансионата. Больше ей

ничего не нужно.

Читать пришлось долго, периодически звенел будильник, возвещая о том, что пришло время пить настой, полоскать горло, менять компресс... Она с неудовольствием отрывалась, борясь с малодушным желанием «пропустить один разочек», но брала себя в руки, вставала, заваривала, капала, смачивала, заворачивала, шурша полиэтиленовыми пакетами, после чего с удовлетворением говорила сама себе: «Вот и молодец!» – и возвращалась к компьютеру.

Румяная бабушка-доктор, как и обещала, зашла около трех часов, посмотрела горло, проверила компресс, послушала бронхи и легкие, похвалила за лежащий на столе, рядом с лекарствами, график, строго наказала непременно пообедать и ушла, предупредив, что придет завтра с утра.

Когда принесли меню из ресторана, Настя послушно выбрала запеченный в сметане картофель, который съела, не отходя от ноутбука.

Услышав, как в очередной раз открылась дверь номера, она даже не обернулась, в полной уверенности, что ей опять принесли термос с кипятком.

– Вам цветы, – послышался у нее за спиной женский голос.

Настя удивленно обернулась, посреди комнаты стояла огромная корзина с цветами. Она уже собралась было заявить, что это ошибка, но вспомнила, что голоса пока нет, и постаралась изобразить полное недоумение: «Мне? Этого не может быть». Для убедительности еще и головой потрясла, о чем сразу же и пожалела.

Девушка в строгом костюме и белой блузке, принеся корзину, протянула ей небольшую карточку, с одной стороны которой было написано «Каменской Анастасии Павловне» и указан номер ее комнаты, а с другой – «Добро пожаловать в Вербицк! Желаю скорейшего выздоровления! С уважением, Ворожец П.С.» и номер телефона.

Настя ткнула пальцем в фамилию «Ворожец» и вопросительно посмотрела на девушку.

– Петр Сергеевич один из самых богатых людей в нашем городе, – охотно пояснила та, – и близкий друг нашего мэра.

Вон оно как! Друг мэра – это хорошо. Это очень даже хорошо. Была бы она до сих пор офицером полиции, такая инициатива ее непременно разозлила бы и напугала: наверняка попытаются давить или даже взятку сунуть. Но теперь она – вольный стрелок, на государственной службе не состоит. Так что опасности никакой нет. Но нет и желания вступать в близкий контакт.

Настя кивнула, давая понять девушке, что подарок приняла. Взяла сигареты, закурила в санузле, чтобы в комнате не пахло дымом, потом достала телефон, положила перед собой карточку и отправила по указанному в ней номеру сообщение: «Большое спасибо, я тронута».

Через несколько минут пришел ответ: «Я могу быть чем-то полезным? Может быть, вам что-нибудь нужно? Врач, лекарства?»

Ишь ты! Один из самых богатых людей города решил проявить благосклонность к обычным людям, приехавшим в командировку. Это что-то новенькое! Мало того, что он знает об их приезде, так еще и о ее болезни осведомлен. Интересно, что ему на самом деле нужно?

Анастасия Каменская всегда была сторонницей самых прямых путей и поставленных в лоб вопросов. Поэтому она недолго думая написала: «Спасибо, мне ничего не нужно. А вам?» И посмотрела на маленький аппарат с нескрываемым злорадством: ну что, один из самых богатых людей города, как ты собираешься отвечать на мой вопрос?

А вопрос-то, судя по всему, господину Ворожцу не понравился, потому что ответа на него не было довольно долго. Настя успела прополоскать горло и прочитать еще несколько статей в интернете, пока дождалась очередного сообщения: «Мне достаточно знать, что у вас все в порядке». На несколько секунд ей даже неловко стало: может, человек проявляет искреннюю заботу, а она грубит ему. Витя Егоров вчера говорил, что начальник УВД – близкий друг мэра, и вот этот Ворожец тоже с мэром дружит, стало быть, они втроем – единая команда, поэтому ничего удивительного, что, как только они с Коротковым появились у полковника Баева, об их приезде сразу узнал Петр Сергеевич. Баев человек занятой и не такой богатый, как его дружок-бизнесмен, которому куда проще проявить гостеприимство и у которого наверняка и денег побольше, и дом покрупнее, и возможности пошире. Полковник хочет оказать какое-то содействие, вот и попросил своего товарища об услуге. Может быть, мэр каким-то образом заинтересован в банке «АПК» и старается таким способом проявить дружеское расположение к банкиру Каменскому. А может быть, у Петра Сергеевича строительный бизнес, и он намерен заручиться поддержкой представителей банка, чтобы потом получить подряд... Короче говоря, никаких «неприличных» причин для проявления доброжелательности и вежливости может и не быть. И зря она ерепенится.

Поэтому, когда от Короткова пришла очередная эсэмэска с вопросом: «Как дела?», Настя написала: «Все в порядке. С нами хочет дружить местная бизнес-элита». И страшно удивилась, получив ответ: «Я уже в курсе».

– Предки, а ну гляньте, на какой фотке я вам больше нравлюсь?

Вера Смелкова, супруга мэра, с удивлением посмотрела на протянутые младшей дочерью фотографии: на одной будущий мэр, молодой и красивый, держал годовалую Ларису на руках, стоя посреди детской площадки, на второй Вера с Костей вели торжественную, украшенную бантами и широко улыбающуюся девочку с букетом гладиолусов в первый класс.

– Да ты на обеих фотографиях красавица! – убежденно произнесла Вера.

– Ага. – Лариса сморщила носик. – На одной вообще не пойми что, на другой брекеты видны. Но все остальные еще хуже.

Вера улыбнулась и покачала головой. Вот так всегда! Вечно Лариска чем-то недовольна, всюду ищет и, разумеется, находит проблемы или хотя бы недостатки. Она так не похожа на свою старшую сестру, разумную, спокойную, с удовольствием принимающую все бонусы и привилегии статуса «дочери первого лица города». Старшая, их с Костей первая девочка, закончила МГУ и работает в Санкт-Петербурге, делает карьеру, хорошо зарабатывает, ездит за границу на семинары и тренинги, повышает квалификацию. И с личной жизнью у нее все устроено. А вот Лорик – постоянный источник беспокойства, никак она не хочет соответствовать положению своего отца, не желает считаться с тем, что на нее, как и на самого Костю, и на его супругу Веру, нацелено внимание не только прессы, но и всех жителей Вербицка. Ведь семья мэра – это его репутация! Лорик не хочет жить с родителями в резиденции, ей подавай свободу в пустой городской квартире и право ходить куда угодно, встречаться с кем попало и одеваться черт знает как! Огромного труда стоило каждый раз уговорить девушку пожить с ними хотя бы несколько дней. Сегодня она приехала по собственной инициативе, чем несказанно порадовала Веру.

– Пусть папа скажет, – предложила она дочери. – Папа же у нас главный эксперт по женской красоте.

Она передала фотографии мужу. Константин Кириллович с умиленным выражением лица рассмотрел снимки.

– Какая ты была хорошенькая! Просто ангел! И куда все делось?

– Короче, пап, – нетерпеливо перебила его Лариса, – какую лучше взять?

– Взять куда? Ты собираешься подарить детскую фотографию своему

парню? Или в сеть выложить?

– Да Милке для передачи нужно! Она попросила какие-нибудь фотки, где ты с детьми.

– Какой Милке? – нахмурился Смелков.

– Ну Милановской же! Ты что, забыл? Ты через две недели в «Персоне» будешь. Она хочет показать фотки, где ты молодой, расскажет, какой ты хороший семьянин. Вернее, ты сам расскажешь, тебя ведущая спросит.

– А ты что, дружишь с Милановской? – удивилась Вера.

Впрочем, удивление было не вполне искренним. Родители Ларисы Смелковой давно поняли, что свою частную жизнь девочка от них старательно скрывает, и вовсе не потому, что в ней есть нечто предосудительное, а исключительно из протеста против контроля. Они не знали ее друзей и кавалеров, хотя и понимали, что и те и другие у дочери есть. Начальник службы безопасности мэра Смелкова дело свое знал, но все-таки личное знакомство с друзьями Ларисы было бы предпочтительнее.

– Не то чтобы я прям дружила с ней взасос, но знакома, еще с первой передачи. Так, пересекаемся иногда. Она классная! Ладно, я обе фотки возьму, все равно я на них урод уродом.

– Не выдумывай, – ласково произнесла Вера.

Впрочем, ее слова вряд ли были услышаны. Лариса схватила фотографии и выскочила из комнаты, где ее родители коротали время за вечерним чаем.

– Вот так всегда, – сокрушенно вздохнула супруга мэра. – Она нас не слышит, живет своей жизнью, отстранилась от нас полностью. Мы даже ее мальчика ни разу не видели.

– Мне докладывали, что ни в каких опасных связях Ларису не замечали, – твердо ответил Константин Кириллович. – Вокруг нее крутится много молодежи, они вместе проводят время. Ты что, хочешь, чтобы моя служба безопасности еще и в койку к ней залезла? У них другие обязанности, тем более сейчас, когда выборы на носу.

Но Вера сдаваться не собиралась.

– Ты бы Игоря попросил, пусть поручит своим ребятам узнать, с кем Лорик встречается, а то бог его знает...

– Ну что ты говоришь! – возмутился Константин Кириллович. – По такой ерунде начальника УВД напрягать – это неприлично.

– Но он же не только начальник УВД, он и твой друг, самый близкий. Почему не попросить?

– Потому что у Игоря и без этого забот хватает, – отрезал мэр. – Я

поговорю с Ларисой, велю ей познакомить нас с ее постоянным кавалером. Но уверен, что ничего плохого там быть не может. Она с ним в театр ходит, на концерты какие-то, наверняка приличный парень. В конце концов, ей двадцать три года, разберется, не маленькая.

– Вот и поговори, – сердито отозвалась Вера. – Скажи отцовское слово. А то девочка совсем от рук отбилась. С этими выборами ты вообще перестал думать о семье.

Константин Кириллович решительно поднялся из-за стола и направился к ведущей на второй этаж лестнице. Дверь в комнату дочери была распахнута настежь, Лариса разговаривала по телефону и одновременно, судя по прерывистому дыханию, делала что-то еще.

– Ага... нет, сегодня я уже не выберусь, я у предков, надо же было альбомы с фотками найти... Давай завтра... Не, Мил, утром я так рано не встану, давай ближе к вечеру... Или хочешь, я днем тебе на студию закину... Все, оки-доки, договорились!

Увидев стоящего на пороге отца, девушка бросила телефон на кровать и сделала замысловатый пируэт.

– Сам господин мэр почтил своим присутствием мою скромную обитель! Чем могу соответствовать?

– Не ерничай, – строго оборвал ее Константин Кириллович. – Ты давно обещала нам с мамой познакомить нас со своим ухажером. Обещания пора выполнять. Когда ты привезешь его к нам? Мы же беспокоимся, мы должны понимать, с кем ты общаешься.

– Ой, ну па-ап, – капризно протянула Лариса, – ну что ты опять... Я уже не маленькая давно. Нормальный он парень, не ворует, не колетса, из приличной семьи.

– Тогда тем более мы с мамой не понимаем, почему ты его прячешь.

– Да не прячу я никого! Просто все эти смотрины... Ветхий завет какой-то. Смешно даже.

Константин Кириллович понял, что амплуа «благородный отец» здесь не проходит, придется становиться «демократом». Сначала улыбнуться, потом сделать голос попроще.

– Лорик, котенок, я тебя понимаю, как никто. Хорошо помню себя в твоём возрасте. Я уже учился в Перове, в институте, жил вдали от родителей, встречался с твоей мамой, и когда моя мама, твоя покойная бабушка, приехала меня навестить и попросила познакомить с девушкой, у меня это вызвало бурю негодования. Я за два года привык ни перед кем не отчитываться и никому не докладывать. Мы с ней тогда даже, помнится, поссорились. Никак я не мог понять ее настойчивости в этом вопросе. Но

теперь я твою маму понимаю очень хорошо. Это я, мужчина, легко принимаю свой возраст, а она все-таки женщина.

– А при чем тут возраст? – недоуменно спросила Лариса.

– Знаешь, – задумчиво продолжал Константин Кириллович, – когда-то был такой фильм с Анни Жирардо, назывался «Последний поцелуй», ты его, конечно, не видела, он шел еще во времена моей молодости. Там женщина примерно маминого возраста, мать двоих взрослых детей, узнает о том, что у мужа роман с молоденькой девушкой. И вот эта обманутая жена стоит перед зеркалом полуодетая, рассматривает себя и говорит своей собеседнице: «Смотри, какая у меня хорошая фигура, кожа, волосы... Ну чем я хуже этой девушки?» И собеседница ей отвечает: «Женщине, у которой сын двадцати пяти лет, никогда не может быть тридцать». Понимаешь?

– Нет, – честно призналась Лариса.

– Мама никогда не признает, что ты уже взрослая, потому что это автоматически будет означать, что она уже немолода. Отнесись к этому с пониманием. Что тебе стоит один раз приехать со своим молодым человеком к нам на ужин или даже просто на чашку чаю? Вы потратите на нас полтора-два часа, и ты надолго избавишься от неприятных разговоров. Просто пойми, Лорик: дело не в недоверии, дело в подсознании. Конечно, мама никогда в этом не признается и будет говорить, что она за тебя беспокоится, а на самом деле все ее беспокойство построено только на том, что она боится признать твою взрослость. Ну и ладно, дай маме еще какое-то время пожить в иллюзиях. Это ведь не трудно, правда, котенок?

– Ну ладно, – неуверенно протянула Лариса. – Я подумаю...

– Подумай-подумай. И сделай маме приятное.

Константин Кириллович поцеловал дочь и спустился к жене. Вера посмотрела на него вопросительно и с тревогой.

– Поговорил?

– Поговорил.

– И что она сказала? Когда она нас с ним познакомит?

– Думаю, что совсем скоро, – улыбнулся Смелков. – Она обещала подумать. Но по глазам было видно, что она сделает то, о чем я прошу.

– И как тебе это удастся? – Вера нежно обняла мужа. – Тебе никогда никто не может отказать. Ни в чем. То ли ты слова как-то умеешь находить, то ли интонациями берешь, то ли еще что... Мы с тобой столько лет вместе, а я так и не поняла, в чем твой секрет.

Он и сам не понимал. Просто знал, что у него действительно есть такой дар. Знал с детства.

Если бы учителей Вербицкой школы номер 18 много лет назад спросили, кто самый лучший ученик в их классе, все единодушно назвали бы Игоря Баева, а самым милым и приятным учеником признали бы Костю Смелкова. Костя учился прилично, хотя и не так блестяще, как Игорь, но пользовался безусловной и необъяснимой любовью всего педагогического коллектива. Зато на вопрос «Кто в этом классе лидер?» ответ был бы, несомненно, один: Петя Ворожец. Маленький, худенький, даже щуплый, двоечник, он являлся авторитетом для всех мальчишек их класса. Петю уважали за то, что он, будучи самым слабым учеником, не поставил себя в положение забитого изгоя и не считал, что «двойки» в дневнике лишают его права голоса, смело, даже нахально, спорил с учителями, если считал, что совершается какая-то несправедливость, и отчаянно защищал всех обиженных.

Игорь Баев и Костя Смелков дружили с детского сада, жили в соседних домах, вместе пришли в первый класс и сели за одну парту. К концу учебного года к ним присоединились незаметный середнячок Димка Голиков, а также Петя Ворожец, сразу занявший место лидера в компании и устойчиво державшийся на этой позиции до самого окончания школы. Первую сигарету в третьем классе и первую бутылку пива в пятом мальчишки получили именно из рук своего маленького щуплого товарища-заводицы. А сколько порций мороженого они съели на его деньги! Сколько фильмов посмотрели в кинотеатрах! Петька всегда был изобретателен и активен, он решал, во что они будут сегодня играть, и с кем, и по каким правилам, сам придумывал игры и развлечения и во всех мальчишеских спорах выступал судьей, слово которого было последним и непререкаемым. И никакого, в сущности, значения не имело, какие именно отметки стоят у него в дневнике. Что отметки? Они важны родителям и учителям, а для друзей важно совсем другое.

Петька проявлял и недюжинные организаторские способности, рано сообразив, что личные амбиции и интересы дела – вещи суть разные и не следует складывать их в одну кучку. Заметив, что Костика любят взрослые и всегда идут ему навстречу, он распорядился:

– Костян, сходи к завучу, попроси, чтобы Люськиных родителей не вызывали, скажи, что она все выучит и завтра пусть ее вызовут к доске. Ей сегодня «пару» математичка вкатила несправедливо, Люська у Ивановой до ночи проторчала, утешала, Иванова же соревнования проиграла, а Люська

как верная подруга с ней сидела и сопли ей вытирала, потому и не подготовилась.

– Сам иди, если ты такой справедливый, – первое время огрызался Костя. – Чего ты меня-то гонишь?

– Потому что у тебя получится, а у меня нет. Кто я такой, чтобы меня слушали? – с обезоруживающей прямоотой отвечал Петька.

И действительно, у Кости Смелкова получалось. Он шел к завучу, к директору или к преподавателю и договаривался. Почему-то ему никто из взрослых не отказывал.

И точно так же засылался Костик на переговоры с представителями других «команд», улиц и школ. Если переговоры не приводили к успеху, в ход шла тяжелая артиллерия – высокий спортивный мускулистый Игорь Баев, всегда хмурый и сосредоточенный, бывший безжалостно и до крови. От природы способного к наукам паренька тренировал и приучал к спорту его отец – офицер милиции, и Игорь по праву занимал место «гордости класса», поскольку помимо отличных оценок за учебу еще и завоевывал спортивные победы для своей школы. Учился он легко, без напряжения, уроки делал быстро, и на «дворовые» занятия времени оставалось достаточно.

С мелкими и не особо сложными заданиями Петя поручал справляться Димке Голикову, пацану не очень, как нынче сказали бы, продвинутому, но старательному и скрупулезному до полного занудства. Если его посылали за мороженым и велели принести четыре «стаканчика» по 19 копеек, выдав полтинник и гривенник, то Димка возвращал 4 копейки сдачи, отсчитывая их из жидкой кучки медяков, вынутой из кармана, при этом выискивая именно те две «двушки», которые получил от продавщицы. 4 копейки любыми другими монетами его не устраивали. Ребята смеялись над ним, но беззлобно. Они любили Димку, несмотря на некоторые его причуды.

Сам Петька ни в переговоры, ни в драки не лез.

– Из меня дипломат или боец не получится, – говорил он. – Мое дело – денег заработать, чтоб мать накормить и поощрить, кого надо.

Под словами «поощрить, кого надо» подразумевалось, что он, Петя Ворожец, готов «проставиться» и угостить (сначала мороженым, потом сигаретами, потом пивом, а потом и более серьезными напитками) тех, кто «поспособствовал» решению конфликта. «Любой труд должен быть оплачен», – повторял он чуть ли не каждый день и по самым различным поводам.

Что касается Петькиной матери, то с ней была беда. Если до рождения сына она еще надеялась на то, что отец ребенка на ней женится, то, когда

через месяц после родов легкомысленный возлюбленный бросил ее окончательно и вообще уехал из Вербицка, молодая женщина начала пить. Спилась она довольно быстро, но нежную свою красоту сохраняла еще долго, в периоды просветления, становившиеся все короче, была ласковой и любящей, без конца обнимала и целовала сыночка и называла «своим сокровищем», надеждой и опорой. Зато в черные периоды заставляла страдать Петьку, обожавшего свою непутевую мать, несмотря ни на что. Паренек совсем ничего не знал о своем биологическом отце, кроме того, разумеется, что он «сволочь и подонок», однако пристрастие к чистоте и порядку он унаследовал явно не от матери, которая, сосредоточившись на выпивке, не замечала, в какой свинарник превращает свое жилище. Она могла исчезнуть на сутки-двое, могла привести в квартиру малознакомых или совсем незнакомых, случайных людей, частенько, пока еще сохранялась внешняя привлекательность, зарабатывала на спиртное старым известным способом, не считаясь с присутствием сына. Петька мыл, чистил, убирал, стирал, готовил, приносил продукты, накрывал валяющуюся на полу пьяно храпящую мамулю старым байковым одеялом и подсовывал ей под голову подушку – поднять и положить на диван взрослую женщину невысокий худенький мальчишка не мог.

Учиться ему было, само собой, неинтересно. Интересно было зарабатывать деньги, чем он и занимался лет примерно с семи-восьми: шустрого, не по годам сообразительного и при этом на удивление маленького и хлипкого внешне парнишку приметили «деловые люди» и успешно использовали в качестве курьера в мелком цеховом подпольном производстве. Принести пакеты с сырьем, отнести готовую продукцию, передать деньги, записку или сообщение на словах... Как бы ни обкладывала милиция места возможного появления фигурантов, на ребенка никто и подумать не мог, ведь Петька и в 15 лет легко сходил за десятилетнего, а уж в девять-десять вообще выглядел малышом детсадовского возраста. Наблюдая за ним со стороны и не вступая в разговор, трудно было предположить, какие хитроумные комбинации и вполне взрослые соображения крутятся в его голове.

Так и сложилась и вот уже без малого пять десятков лет существовала эта компания: Игорь Баев, Константин Смелков и Петр Ворожец. Сила, обаяние и деньги.

А Дима Голиков из компании выпал. И умер в областном психоневрологическом интернате.

Коротков появился поздно вечером, уставший, довольный и вполне сытый.

– Пришлось поужинать с нужными людьми, – пояснил он, чмокнув Настю в щеку и заметив, что она поморщилась, учуяв запах спиртного. – А ты как тут?

– А я уже говорить могу, – похвасталась она. – Таежные травы оказались действенными. Я даже Чистякову позвонила, он ничего не заметил.

– Класс! – обрадовался Юрий. – А в целом самочувствие как? Лучше?

– Да ну... – Настя расстроено махнула рукой и отвернулась. – Голова совсем не работает, ночью не спала из-за этого ресторана дурацкого, днем тоже поспать не удалось, все время что-то мешало. Читала всякие материалы в интернете, начитала много всего, а толку никакого. Не могу собрать мозги и обдумать информацию.

– Ничего, завтра еще полечишься, придешь в себя окончательно. А то ты со своей больной головой всех тут распугаешь. Ты зачем Ворожца обидела? Человек с чистым сердцем к нам, а ты на него гавкаешь. Он меня нашел через банк, ему сказали, в какие организации я сегодня собирался поехать. Чего ты на него набросилась?

Настя начала было оправдываться, но чем больше произносила слов, тем отчетливее понимала, что говорит глупости. Юрка прав, нельзя было так себя вести. Это непрофессионально. Здесь чужой город, и любой источник информации бесценен. Не говоря уже о том, что если иметь намерение открывать в городе бизнес, то портить отношения с одним из самых богатых людей – непростительная ошибка.

Оказалось, что Петр Сергеевич приглашает их пожить несколько дней в его доме, обещает информационную помощь и весь спектр бытовых удобств, начиная от бассейна с сауной и заканчивая поваром, который приготовит все, что гости пожелают.

– Твое счастье, что весь отель знает о твоей болезни, – сердито выговаривал ей Коротков, – и Ворожца предупредили, поэтому он твои выкрутасы воспринял адекватно, понимает, что с больной женщины взятки гладки.

Настя долго каялась, потом еще дольше слушала рассказ Короткова обо всем, что ему удалось выяснить в результате сегодняшних встреч. Ей ужасно хотелось спать, при этом, как только из открытого окна доносился

громкий звук, она вздрагивала и начинала переживать, что если опять ночью будет шумно, то завтра она будет совсем никакая и день пропадет зря...

Наконец, терпение у Короткова лопнуло.

– Пална, ты во что превратилась? Ты забыла, как спала на полу, подстелив под себя мою куртку и укрывшись своим пуховиком? А куртку Селуянова под голову подкладывала вместо подушки. Свет горит, телефон звонит, мы ходим туда-сюда, разговариваем, а ты поспишь пару часов – и снова готова к работе. Сколько можно уже нудеть про свою бессонную ночь? Ну не выспалась – подумаешь, большое дело! Свадьба тебе мешала? Да ты лучше бы порадовалась, что вот у людей счастье, праздник, они не утратили способности веселиться и радоваться! Даже если ты еще одну ночь не поспишь – тоже не катастрофа. Потом выспишься. Что об этом говорить-то без конца? Хочешь – давай переедем отсюда, сменим отель. Не хочешь переезжать – перестань повторять как заведенная про то, что тебе спать не дают. Ты прямо как те монахи стала.

Настя оторопела.

– Какие монахи?

– А притча такая была, про монахов. Идут трое монахов из одного монастыря в другой. Подходят к реке, на берегу женщина плачет, ей нужно на ту сторону перебраться, а она воды боится и плавать не умеет. Один из монахов взял ее на руки и вброд перешел реку, поставил женщину на землю, и они пошли дальше. Тот, который женщину перенес, идет себе, птичек разглядывает, на деревья смотрит, а остальные двое надулись, нахмурились, не разговаривают с ним. Дошли до монастыря. И те двое третьему говорят: ты, дескать, нарушил данный Господу обет не прикасаться к женскому телу и должен быть за это наказан, мы непременно доложим о твоём проступке отцу-настоятелю, ты совершил непростительный грех. А третий монах им отвечает: «Я женщину перенес через реку, поставил на землю и пошел своей дорогой. А вы ее до сих пор несете». Так и ты. С самого утра одну и ту же ношу несешь. Поставь ты ее уже наконец на землю и живи дальше!

Настя в первый момент обиделась. Хоть и понимала умом, что Юрка прав, но почему-то все равно было неприятно, словно ее (в который раз за сегодняшний день!) уличили в непродуманном, глупом и каком-то детском поведении. Ее, пятидесятичетырехлетнюю женщину, пенсионерку! И кто? Старый верный друг... От обиды даже слезы на глаза навернулись.

Коротков, конечно же, заметил, как у нее мгновенно испортилось настроение, но поступил мудро: распрощался с ней и скрылся за

разделявшей номера дверью, словно ничего не произошло. Через какое-то время она услышала, как он разговаривает по телефону с Ириной. Настроение, и без того не самое радужное, испортилось окончательно. Она в последний раз за сегодняшний день выпила отвар, прополоскала горло, промыла нос, почистила зубы и улеглась в постель.

Но сна все равно не было, хотя еще полчаса назад она была уверена, что заснет мгновенно, если шум не помешает. Шума не было тоже. А сон не приходил. Зато появлялись всякие малоприятные мысли. Юркины слова казались ей обидными и несправедливыми, но очень скоро Настя поняла, что он прав. В молодости все позитивное, любое событие, самая маленькая удача, самая обычная радость переживались ярко и живо, в то время как мелкие и даже крупные невзгоды легко забывались и вытеснялись, а уж бытовые неудобства вообще не считались достойными внимания. Сейчас, когда ей за пятьдесят, она утратила способность бурно и самозабвенно радоваться всему хорошему, положительные эмоции потускнели, посерели и заметно ослабели, зато каждая негативная деталь мгновенно превращалась в раскисшую от грязи дорогу, на которой тормозило и увязало мышление. «Так вот каков механизм превращения еще недавно приятного человека в старого ворчуна и брюзгу, – с ужасом подумала она. – Он замечает только недостатки и подолгу застревает на них... И я становлюсь такой же».

Она вылезла из-под одеяла, закуталась в халат и поплелась в ванную курить. Уселась на край ванны и стала разглядывать себя в большом, в человеческий рост, зеркале. Из глубины зазеркалья на нее смотрела немолодая женщина с усталым бледным лицом и потухшими глазами. «Ни за что! – пронеслось в голове у Насти Каменской. – Я не поддамся. Я не позволю «этому» меня задавить. И пусть я не смогу заставить себя радоваться так же бурно и красочно, как когда-то, но я, по крайней мере, должна научиться контролировать свои мысли и слова, чтобы не застревать на негативе. Это вполне по силам любому человеку, было бы желание. А желание у меня есть. Потому что я не хочу превратиться в старую брюзгливую тетку, от которой все будут шараться».

Приводить в исполнение задуманное она решила начать немедленно. Легла в постель, выключила бра, постаралась расслабиться, начала погружаться в дрему... Услышала вдалеке вой сирены «Скорой помощи» и сразу поймала себя на мысли: «Ну вот, пожалуйста. Только-только начала засыпать! И ведь не закроешь окно – душно, а я не могу спать в духоте. Так и буду опять до самого утра...»

И спохватилась. Нет, надо думать по-другому. Как хорошо, что

«Скорая» уже едет! Кому-то плохо, кто-то нуждается в помощи, и сейчас приедут врачи, сделают все, что нужно, человека спасут. И все будет в порядке. Как хорошо, что «Скорая» едет с сиреной, потому что если бы человек в помощи уже не нуждался, его везли бы не спеша, без сигнала. Раз есть сирена – значит, есть надежда. И этому можно и нужно радоваться.

Она вдруг с удивлением поняла, что улыбается в темноте.

Пятница

Таежные растения оказались поистине чудодейственными, и утром следующего дня Анастасия Каменская чувствовала себя совершенно здоровой. Горло больше не болело, голова не кружилась. Конечно, голос был все еще сипловатым, севшим, и нос по-прежнему заложен, но по сравнению с вчерашним днем все это казалось полной ерундой. Надо постараться сегодня пролечиться так же тщательно, как и вчера, ничего не пропускать и не нарушать, и тогда к завтрашнему дню все полностью наладится и можно будет полноценно работать вместе с Юркой. После полоскания тридцать минут не есть и не пить... Значит, завариваем питье, полоскание, проводим все мероприятия, на душ и все прочее – как раз тридцать минут, и можно будет идти в ресторан.

– Коротков, я встала! – сказала она, приоткрыв дверь в соседний номер. – Через полчаса выходим на завтрак!

– Ага! – донеслось из Юркиной комнаты вместе с голосом диктора, читавшего новости по какому-то телеканалу. Судя по прозвучавшим фамилиям, канал был федеральным.

Она приняла душ, оделась и ровно через тридцать минут, как и обещала, заглянула к Короткову. Тот по-прежнему смотрел новостную программу, но на сей раз уже местную.

– Полиция пока отказывается комментировать возможные причины убийства, – тараторила ведущая.

– Я готова, – весело сообщила Настя, – и даже почти совсем здорова. Что, кого-то опять убили? Или это все про тех же экологов?

Коротков нажал кнопку на пульте, выключая телевизор, и поднялся.

– Какую-то дамочку с местного телеканала грохнули, – пояснил он. – Не думаю, что там что-то политическое, она работала шеф-редактором на ток-шоу. Наверное, бытовуха. Любовник или соперница, или, может, внутри рабочего коллектива конфликт.

Еда в ресторане оказалась точно такой же, как и накануне: не очень разнообразной, но обильной и вкусной. Сегодня аппетит у Насти был отменным, и Коротков откровенно веселился, глядя на то, с каким удовольствием она поглощает сосиски с омлетом и слоеные пирожки, которые он сам вчера так нахваливал.

– Я же не ужинала, – пояснила она, смутившись, когда поймала его насмешливый взгляд.

– Да ешь на здоровье! – расхохотался Юра. – Сиди в номере и набирайся сил перед завтрашним прорывом. Я сегодня еще встречусь кое с кем, пару вопросов провентилирую, а завтра поедем за город местность осматривать, все равно сегодня пятница, впереди два выходных, ни в одной конторе мы никаких вопросов не решим. На карте мне, конечно, все покажут, но ты же понимаешь: лучше своими глазами увидеть. А ты что планируешь? Я ж понимаю, что тихо и скромно болеть ты не умеешь, наверняка будешь в информации копошиться.

– Вот и неправда, – возразила она, потянувшись за очередным пирожком, – я болею очень даже скромно, никаких дорогостоящих препаратов, капельниц и прочих процедур. И совсем-совсем тихо, меня не видно и не слышно, я даже ни с кем не разговариваю. Но поскольку ты как старший нашей группы обязан обеспечить прояснение вопроса с экологической обстановкой, то я этим и займусь. Конечно, к делу убитых экологов меня никто и на километр не подпустит, но можно попробовать зайти с другой стороны.

– Ага, – кивнул Коротков, – через заднее «кирильцо», как говорил Райкин. И где у нас это «кирильцо»?

– На звероферме.

– Ты что, на звероферму собралась ехать?

– Ну прямо-таки! – рассмеялась Настя. – Хотя было бы неплохо, но не сегодня, само собой. Нет, Юраша, я буду действовать простым старым дедовским способом: читать. Для начала надо понять, может ли норковая ферма в принципе представлять собой экологическую опасность. Потом, если ответ положительный, попробую выяснить, может ли это иметь место с конкретной здешней фермой. Я же совсем ничего не знаю про пушное звероводство. Вот и попробую восполнить пробел в образовании.

– Ох, Пална, лучше бы ты в расстановке сил в предвыборной гонке разобралась, а то мне ж с людьми разговаривать... Далась тебе эта экология!

– Да ну, Юр, мне про политику скучно.

– А про экологию весело?

– Тоже скучно. Но, разбираясь в здешних выборах, я не приобрету новых знаний, понимаешь? Ну, выясню я, кто тут против кого дружит и кто с кем воюет, у кого сколько денег и кто за что платит. И что мне с того? Как только мы покинем территорию этого славного города, все мои знания о местной политике можно будет выкинуть в мусорное ведро, они уже никогда не пригодятся. Если уж делать скучную работу, то лучше выбирать такую, которая может дать новые знания или навыки. Законы экологии

всюду одинаковы, знание этих законов может потом где-нибудь еще пригодиться.

– И давно ты это придумала? – скептически осведомился Коротков.

– Сегодня утром, пока под душем стояла. Ты вчера мне хорошую оплеуху закатил, спасибо тебе, она меня прилично отрезвила, – улыбнулась Настя.

– В смысле?

– В том смысле, что жизнь перевалила на вторую половину, и осталось этой жизни меньше, чем уже прожито. Поэтому глупо и нерационально тратить драгоценные дни и часы, и даже минуты, на пережевывание мыслей о том, как все плохо. Перенес женщину через реку, поставил – и иди себе дальше и не парься. Ну а следующим шагом в этой цепочке рассуждений стало понимание целесообразности получения новых знаний. Так что с политикой ты уж сам как-нибудь разберись, ладно? Тем более ты теперь собрался с Петром Сергеевичем Ворожцом дружить, вот он тебе все и обскажет в деталях.

– Кстати, о Ворожце, – спохватился Коротков, когда они уже шли к лифту, чтобы подняться на свой шестой этаж. – Я обещал сегодня дать ему ответ, принимаем ли мы его приглашение и если принимаем, то с какого дня и когда за нами машину присылать.

Настя задумалась. Жить в доме у совершенно незнакомого человека не хотелось. Сразу полезли в голову мысли о том, что вот она только-только освоилась в своем номере, привыкла к нему, а теперь нужно будет привыкать ко всему заново, и еще неизвестно, где этот дом находится, и какая комната у нее будет, и предусмотрен ли отдельный санузел, и какая там кровать, удобная ли, и не душно ли будет спать... Мысли начали множиться с невероятной скоростью, предполагаемые возможные неудобства буквально выскакивали из всех углов и наваливались на Настю Каменскую, грозя придавить ее своей огромной массой.

– Мы можем отказаться? – спросила она неуверенно.

– Конечно. Но зачем? Какой смысл в нашем отказе? Отвергнуть гостеприимство человека и настроить его против себя? Скрывать нам с тобой нечего. А вот пользу извлечь из проживания у Ворожца можно. И потом, подруга, ты сама себе противоречишь. Ты же только что говорила мне о пользе получения новых знаний. Ты в доме у сибирского бизнесмена была когда-нибудь? Ты представляешь, как он живет? Ладно, с политикой – я готов с тобой согласиться, все эти знания имеют значение здесь и сейчас и потом не пригодятся. Но знание образа жизни, привычек, вкусов... А вдруг все это совсем не так, как у столичных бизнесменов? И потом, можно

будет поспрашивать у хозяина дома и про экологию, и про звероферму, если уж тебе так интересно. Он, как я понял, из местных, так что должен все знать.

Настя потрясла головой, разгоняя навязчивые и такие агрессивные мысли. Она что, с ума сошла? О чем она думает? Вернее, позволяет себе думать. Ведь только недавно она решила, что не даст таким мыслям возможности одержать верх над всем, что есть позитивного вокруг нее! И где все эти благие намерения? Речь идет о трех-четыре-х днях, и даже если в доме у Ворожца неудобные кровати в комнатах для гостей, это совершенно не смертельно. В конце концов, всегда можно вернуться в гостиницу. Решение нужно принять на месте и по факту, а не забивать себе голову всеми этими «а вдруг» и «а если».

– Конечно, ты прав, – твердо сказала Настя. – Я сегодня еще полечусь, а завтра можем ехать. Или послезавтра. На твое усмотрение.

* * *

Майор Егоров насмешливо оглядел собравшихся в одной комнате сотрудников программы «Персона». Боятся, сучьи дети. А чего им бояться-то? Небось думают, что сейчас опера во главе со следаком начнут вытряхивать из закромов их детские секретки: кто с кем спит, кто кого продвигает и кто против кого интригует. Знали бы они, что на самом деле руководство криминальной полиции считает убийство шеф-редактора Милюковой, найденной сегодня рано утром в подъезде собственного дома с признаками удушения, делом третьестепенным... Потому и отправили сюда не «лучших из лучших», а Егорова, которого давно уже никто всерьез не воспринимает, и совсем молоденького, зеленого еще оперка с территории, Мишаню Резвых. И следователь тоже из числа «заваливающих», на пенсию со дня на день собирается, за профессиональными победами не гонится. Самые-то лучшие, самые удалые и перспективные по делу экологов землю носом роют, экологи – объект номер один, им все внимание, а тут редакторша какая-то с местного телевидения, даже не ведущая и не продюсер. Ведущие – это известность, продюсеры – это деньги, а шеф-редактор что? Да ничего!

Действовать решили по «упрощенке», как называл эту систему действий сам Егоров. Обычно оперативники опрашивают всех, кого смогут найти, и если кто-то что-то дельное знает или видел – приглашают к следователю, который допрашивает этих свидетелей уже официально, под

протокол. При «упрощенке» следователь выезжал вместе с операми в место большого скопления потенциальных свидетелей и здесь же, на месте, устроившись за чьим-нибудь столом, допрашивал тех, кого опера выявляли в ходе массового и быстрого опроса. В данный момент следователь писал протокол допроса продюсера, Мишаня Резвых, поставив белесые бровки «домиком», разговаривал со звуковиками, а Виктор Егоров слушал взволнованный дрожащий голосок симпатичной пышечки по имени Алена Арканова. Пышечка то краснела, то бледнела, видно было, что ужасно нервничает, но почему-то майор было абсолютно уверен в ее честности.

– Мила... то есть Камилла Теодоровна заходила к нам сюда вчера около четырех, попрощалась, сказала, что сегодня, то есть... ну, в смысле... вчера... ее больше не будет, – сбивчиво говорила девушка. – Я отдала ей материалы, она посмотрела их и забрала с собой, сказала, что дома прочитает. Больше я ее не видела.

– В каком настроении она была? Чем-то озабочена? Может, расстроена? Напугана?

– Нет, она была... ну, как обычно... Злая такая! – вырвалось у Алены, которая немедленно залилась краской.

– Какие материалы ты ей отдала?

– По мэру, по Смелкову. Он через две недели будет гостем нашей программы... то есть... ну, в смысле... должен быть. Теперь не знаю... Редакторы собирают информацию, отдают шеф-редактору, а шеф уже пишет сценарий и потом помогает ведущим вести эфир. Мы все собрали, я Камилле Теодоровне отдала папку.

Обыск в квартире убитой уже провели рано утром, сразу после обнаружения ее трупа в подъезде ее же дома. Папка с надписью «Смелков, эфир 24.07.2014» действительно лежала в комнате на столе, Егоров, участвовавший в обыске, видел ее своими глазами. В папке были диск, файл с распечатками и конверт с фотографиями. Сейчас эта папка лежала в портфеле у следователя.

Егоров подошел к столу, за которым шел допрос, наклонился и шепотом попросил выдать ему папку.

– Вот эта? – спросил он у Алены.

Девушка быстро просмотрела содержимое папки и кивнула:

– Да, это мои материалы. В смысле... наши.

– Посмотри внимательно: все на месте? Ничего не пропало?

Алена вытащила распечатки из файла и перебрала по листочку, быстро пробегая глазами текст, потом проверила конверт с фотографиями.

– Все на месте, – уверенно ответила она.

– А диск можешь проверить?

– Конечно.

Она вставила диск в компьютер, а Егоров тем временем подошел к Мише, который как раз закончил разговаривать с одним из звукооператоров.

– Ну как? Есть что-нибудь?

– Да все то же: Милановская, она же Милюкова, была жуткой стервой, заносчивой и грубой, ее все ненавидели, но в то же время признавали, что благодаря ей программа имеет высокий рейтинг. Ни с кем из здешних вроде не спала, и даже разговоры не ходили никакие. Конфликты были практически с каждым, так что убить ее в принципе мог любой из тех, кто работает на программе и вообще на канале.

– Ясно, – угрюмо протянул Егоров. – Ладно, работаем дальше.

Он вернулся к столу Алены.

– С диском все в порядке, – сообщила девушка.

– Ничего не стерли, не заменили?

– Нет, я по хронометражу проверила, все секунда в секунду совпадает.

Егоров вздохнул. Такая хорошая версия наметилась: в материалах о мэре появилось что-то «ненужное», и из-за этого Милюкову убили, а «ненужное» и опасное изъяли или заменили... Красота! Но, похоже, это не так. И вообще, там, где много подозреваемых, обычно все оборачивается совсем другой стороной и преступник оказывается совершенно не из этого круга.

Краем глаза он видел, что следователь, прервав допрос, разговаривает с кем-то по телефону. Закончив разговор, он поймал взгляд Егорова и сделал приглашающий жест рукой. Виктор подошел к нему.

– К вам подмога едет, – ехидно сообщил следователь, – не доверяет вам с Мишкой руководство, решили ваши ряды укрепить опытными профессионалами. Твой начальник только что звонил. Без подмоги велено к обыску рабочего места потерпевшей не приступать.

В общем, чего-то подобного Егоров и ожидал. Значит, у Милюковой-Милановской нашлись влиятельные знакомые, которые уже узнали печальную новость и надавили на руководство криминальной полиции или даже на начальника УВД, требуя, чтобы раскрытием убийства занимались самые лучшие сотрудники. Глядишь – и следователя заменят.

– Кто? – коротко спросил майор.

– Твой любимчик, – усмехнулся следователь, – Вадик Хохлов.

Егоров мысленно чертыхнулся. Вадик Хохлов – последний, с кем майору хотелось бы работать в одной связке. Как профессионал капитан

Хохлов был на высоте, с этим трудно поспорить, и плохим парнем его тоже вряд ли кто-то смог бы назвать: от работы не прятался, от выпивки не уклонялся... Но он не был «своим». Его перетянул в Вербицк Баев, когда полковника назначили на должность начальника городского УВД, и с самого начала все ребята из «убойного» были уверены: Вадик Хохлов – человек Баева, а это автоматически означало, что он стучит на коллег. Вадика избегали, старались не откровенничать с ним, не говорить лишнего в его присутствии. И хотя ни разу вроде бы ни у кого не возникло железного повода заподозрить, что руководство УВД узнало от капитана Хохлова что-то «неправильное», подозрения все равно оставались, и нелюбовь к Вадиду тоже.

Виктор вернулся к Алене Аркановой. Кажется, он уже задал ей все необходимые вопросы, но почему-то у него оставалось ощущение, что девушка хочет что-то еще добавить. Хочет – и не решается. Может, она знает что-то важное о своем шеф-редакторе?

Алена стояла с папкой в руках и внимательно читала те самые материалы, которые, по ее словам, только вчера отдала Милановской-Милюковой.

– Что, память девичья? – усмехнулся Егоров. – Свои же материалы – и забыла так быстро? Небось вчера на свидание бегала, вот все и вылетело из головы.

Девушка снова густо покраснела и бросила на оперативника негодующий взгляд.

– Я вчера после работы у мамы в больнице была. А вот знаете... Вы спрашивали, в каком она была настроении... Мила, то есть... В общем, когда она зашла за материалами, то даже улыбнулась, а это редко случается. Она точно не была ни напугана, ни расстроена. И ругалась не очень сильно, хотя и было за что. Я думала, она меня за этот промах по стенке размажет, ну, как обычно бывает, она орет и обзывается. А она ничего... И в какой-то момент мне показалось, что она увидела в тексте что-то интересное.

– Что именно? – насторожился Егоров.

– Не знаю. Просто она уже начала ругаться, выговаривать мне и вдруг замолчала, сказала, что сама разберется, и даже похвалила под конец, сказала, что я молодец. И я хочу найти это место, чтобы понять...

– И как? Нашла?

– Нет, – призналась Алена.

– А что за промах-то? – поинтересовался майор. – За что Милюкова на тебя ругалась?

Оказалось, что старший редактор Арканова упустила неувязочку с

датами и биографией кандидата в мэры Горчевского. Только и всего... Опять мимо.

Капитан Хохлов вошел уверенно, и была во всем его облике такая напористость, что у неподготовленного человека непременно должно возникнуть ощущение, что вот теперь все пойдет как надо и закончится успехом. Появление Хохлова прошло незамеченным только для Алёны, которая уселась за стол и продолжала что-то выискивать в материалах.

– У кого ключи от кабинета Милюковой? – спросил Вадим, едва поздоровавшись.

– У меня, – ответил следователь, – мы же изъяли с места обнаружения трупа, они в сумочке были.

– Хорошо, тогда давайте приступать, – скомандовал Хохлов.

Следователь бросил на Егорова выразительный взгляд, мол, видал, как теперь опера распоряжаются в присутствии следователей? Капитан, совершенно очевидно, искренне полагал, что он здесь главный. По закону главным был, конечно, следователь, а вот по российскому менталитету – тот, кто является «человеком начальства». То есть именно капитан Хохлов.

– Учись, Мишаня, как надо себя подавать, – шепнул Егоров своему юному напарнику, – научись – тебя из района в город переведут, будешь со мной в одном отделе работать, а там, глядишь, и в начальники выбьешься. Вот Милюкова сумела себя подать – и в отдельном кабинетике сидела, в то время как все остальные редакторы в одной общей комнате толклись.

– Так вот ее и убили, – таким же шепотом ответил Резвых, – а все остальные зато живы.

– Тоже верно, – хмыкнул майор. – Чем ты незаметнее, тем больше шансов на выживание.

Прихватив в коридоре парочку понятых, трое оперативников и следователь открыли кабинет, в котором еще вчера работала погибшая Камилла Теодоровна Милюкова, она же Мила Милановская. Кабинет был поистине крошечным, но все равно это был отдельный кабинет – штука статусная. Кроме рабочего стола с компьютером и кресла с высокой спинкой, на небольшом пространстве уместился только стеллаж с папками и один «стул для посетителя». Находиться здесь вшестером (если считать и понятых) не было просто никакой возможности. Следователь решительно отодвинул открывшего дверь и остановившегося на пороге Вадима Хохлова, протиснулся в комнату, тут же уселся за стол и открыл портфель.

– Я буду протокол писать, – заявил он, – кто-нибудь пусть работает, остальные – будьте любезны, стойте в дверях и не мешайте.

Работать, то есть обыскивать помещение, вызвался, разумеется, Хохлов. Начали, как и положено, со стола: сначала то, что лежит сверху, потом содержимое ящичков. Вадим молча перебирал документы, читал их и откладывал, следовательно, не торопясь, сперва вынес постановление о проведении обыска, затем начал заполнять шапку протокола.

На столе ничего достойного внимания не обнаружили. А вот в одном из ящичков их ждала неожиданная находка – два вскрытых конверта без адресов, два письма с угрозами, из которых вполне однозначно следовало, что Милановской предлагали деньги за включение в программу с Алексеем Новаком, автором одного из двух проектов трассы, материалов, компрометирующих проект. Отправитель письма хотел, чтобы во время беседы с проектировщиком «южного» варианта прокладки трассы прозвучали либо записанные заранее интервью со специалистами, либо вопросы из зала, которые ясно дадут понять: дорога через звероферму, то есть «северный» вариант, лучше для всех и выгоднее, потому что она короче и будет пролегать по менее сложной местности, то есть потребует меньших затрат, а «южный» вариант, более сложный и дорогостоящий, проектируют и пытаются протолкнуть только для того, чтобы «эта банда воров во главе с мэром Смелковым смогла получить из бюджета больше денег и «распилить» их».

Это было уже кое-что! Пока Вадим Хохлов исследовал содержимое папки «Новак, эфир 17.07.2014», Егоров и Миша Резвых кинулись снова отлавливать и опрашивать редакторов программы. Все в один голос уверяли, что Милюкова никому не поручала организовать ни интервью, ни реплики из зала. И если все эти люди говорили правду, то выходило, что Камилла Теодоровна угроз не испугалась и на поводу у шантажистов, сторонников «северного» варианта, идти не захотела. Правда, до эфира еще два дня, и, возможно, она все-таки намеревалась сделать то, что от нее требовали и за что предлагали деньги, ведь за два дня можно много всего успеть. Но тогда почему ее убили? Потому что она ясно дала понять, что отказывается и на попятный не пойдет? Или она все-таки сделала все, что нужно, сделала сама, не прибегая к помощи сотрудников, никого не поставив в известность, и тогда получается, что ее убили сторонники как раз «южного» варианта, каким-то образом узнавшие о том, что готовится атака на общественное мнение, и испугавшиеся. Звучало все это совершенно бредово, потому что крайне маловероятно, чтобы могущественные и богатые люди, люди со связями и деньгами, испугались какого-то ток-шоу, которое смотрят домохозяйки.

Письма и папку с материалами, подготовленными к программе с

Алексеем Новаком, приобщили к делу, компьютер Милюковой изъяли, закончили обыск и разъехались: следователь – к себе в следственный комитет, оперативники – к начальству на доклад.

Пока ехали в машине, выяснилось, что Вадим Хохлов времени зря не терял, он успел до появления на телевидении побывать в доме, где жила убитая Милюкова, и побеседовать с соседями как по дому, так и по улице, чтобы восстановить последний вечер в жизни молодой женщины. У Камиллы была собака, маленькая и беспородная, ужасно лохматая и ужасно ласковая, и хозяйка каждый вечер с ней гуляла, впрочем, как и каждое утро. Вчера она тоже гуляла с Фросей (так звали лохматую дворняжку), останавливалась поговорить с другими собачниками, одним словом, все было как обычно. И время прогулки было самым обычным, с девяти до десяти вечера. Никто не видел, когда Милюкова вернулась домой из студии, но около восемнадцати часов ее заметили идущей в магазин на соседней улице, в самом магазине ее тоже вспомнили – все-таки на телевидении работает, местная знаменитость, таких известных людей встречает! Набор продуктов, купленных Милюковой, свидетельствует о том, что она, скорее всего, ждала кого-то в гости. И этот кто-то (а может, и эти, во множественном числе) пришел поздно вечером, уже после десяти часов, потому что с девяти до десяти она гуляла с собакой. Трудно представить ситуацию, когда к тебе приходят гости, а ты оставляешь их дома на целый час и уходишь выгуливать своего питомца. В таких случаях либо прогулка сокращается до минимальных 15 минут, либо люди просто выходят все вместе и прогуливаются, пока псина решит все свои сложные и несложные задачи. Камилла Теодоровна же спокойно отгуляла свой обычный час, и никто из тех, с кем она останавливалась поболтать, не заметил, чтобы она торопилась.

– Скорее всего, поздно вечером к ней пришел любовник, которого мы пока не установили, но установим в ближайшее же время, – подвел итог Хохлов, – остался ночевать, а утром вышел вместе с Милюковой, которая выводила собаку, и задушил ее прямо в подъезде. Во всяком случае, этот ее ночной гость – явно последний, кто видел ее живой, и его надо будет найти.

Егоров ехидно усмехнулся. Ох уж эти современные мальчишки, рано узнавшие вкус денег! Они даже представить себе не могут, как живут и что творят люди, когда у них денег нет. Да, по тому, какие версии строит опер, сразу можно сказать, каково его финансовое положение. Капитану даже в голову не пришло то, о чем подумал майор в самую первую очередь: к Милюковой действительно пришли гости, двое, подруга и ее любовник, которым негде встречаться. На то, чтобы снимать хату для разврата или

номер в гостинице, у них нет денег, вот и мыкаются по друзьям и знакомым: кто в отпуск уедет, кто в командировку, а кто и просто так пустит, как Милюкова, которая приготовила ужин, культурно посидела с гостями за столом и оставила их наедине на целый час, пока гуляла с собакой. Вот и вся история. Потому что – майор Егоров был в этом твердо убежден – если бы у Милюковой был более или менее постоянный любовник, его имя они уже знали бы либо от сотрудников, либо от соседей: женщина, живущая одна, не станет бегать на свидания куда-то в другое место, в этом нет никакого смысла. А вот имя несчастной влюбленной подруги, которую Милюкова пустила к себе для сердечных утех, никто может и не знать.

С одной стороны, Хохлов, конечно, молодец, сделал то, что нужно и что не успели сделать выехавшие «на труп» оперативники. Не погнушался выполнить работу, которую обычно поручают участковым и молодым неопытным операм. Но все-таки... Капитан – человек Баева. И доверия ему нет.

* * *

Видео, записанное во время встречи мэра Смелкова с населением в просторном актовом зале Вербицкого металлургического комбината и выложенное в интернет, оказалось не очень хорошего качества, но все равно Настя почувствовала обаяние и привлекательность первого лица города. Пока речь шла о социальной политике, она просто рассматривала Константина Кирилловича и вслушивалась в его голос, а когда тот заговорил о звероферме, начала вникать в смысл сказанного.

Мэр и в самом деле выглядел человеком, влюбленным в пушное звероводство и готовым отстаивать его интересы до последней капли крови. Но наряду с лозунгами Настя услышала и много нового для себя. Ей даже в голову никогда не приходило интересоваться этим вопросом, а оказалось, что пушнина еще со времен Средневековья выполняла роль не только валюты для пополнения казны, но и функцию дипломатического подарка. Русский мех занимал лидирующие позиции в мировой пушной торговле вплоть до перестройки. Ленинградский пушной аукцион славился и объемами продаж, и качеством шкурок. В 1937 году на этот аукцион приехали представители 163 фирм из 15 стран, а бывали годы, когда шкурки норки здесь продавались со средней «скоростью» миллион штук за 9 часов. Миллион шкурок! Настя с трудом могла представить себе такое

количество меха. Еще мэр говорил о том, что в годы Великой Отечественной войны казна Страны Советов на 40 % состояла из валютной выручки от экспорта пушнины, русский мех активно закупают США в обмен на помощь техникой, продовольствием и боеприпасами.

Цифры, которые приводил в своей речи мэр Смелков, шокировали: в советское время пушных зверьков разводили в 600 зверохозяйствах, теперь же их осталось всего 22, и если до перестройки экспорт одной только норки составлял 4 миллиона шкурок в год, то сейчас это количество сократилось до 300 тысяч. А ведь кроме норки на экспорт шли и соболь, и песец, и лисица, и белка, и нутрия, и хорьки... Когда-то наша пушная отрасль поставляла на продажу 150 миллионов шкурок в год. И все это тоже приходит или уже пришло в полный упадок.

Общий пафос выступления мэра сводился к тому, что нужно возрождать русские меховые традиции, не дать им умереть, и каждая ликвидированная звероферма – это шаг назад и подлинное свидетельство того, что Россия сдает свои позиции и отступает. Русская пушнина – это и слава России, и реальные поступления в бюджет.

«Молодец, – усмехнулась про себя Каменская, – придумал очередную национальную идею». Но неужели все действительно так катастрофично, как пытается представить населению Смелков?

Она снова порадовалась тому, что есть такая замечательная штука – интернет, где можно попробовать перепроверить любую информацию. Настя погрузилась в поиски и изучение самых разных материалов по истории русского меха, нашла для себя много интересного и неожиданного, от души посмеялась процитированной в одном из обзоров фразе из документа 1621 года, в котором Верхотурскому воеводе предписывалось во избежание хищений тщательно описывать весь груз идущих в Москву меховых караванов, «чтобы царскому денежному сбору истерии не было».

Что же касается конкретных цифр, озвученных мэром, то тут дело было не так гладко, данные, найденные в интернете, разнились. Например, если Смелков утверждал, что при Советской власти в нашей стране работали 600 зверохозяйств, а теперь осталось только 22, то в других материалах показатели доперестроечного периода колебались от 400 до 650, нынешние же доходили до 40. Но суть от этого вряд ли сильно менялась, цифры во всех вариантах явственно показывали разрушение и уничтожение отрасли.

День, наполненный чтением вперемешку с лечебными процедурами, пролетел незаметно, и к приходу Короткова после очередного «ужина с нужными людьми» у Насти сложилось твердое убеждение, что никаких

особых экологических проблем работающее зверохозяйство принести не может, если в нем все делается по правилам. Теперь следовало бы выяснить, как обстоит дело с выполнением этих правил на Вербицкой норковой ферме.

Она пыталась удержать в голове и не забыть все те сложные слова и цифровые показатели, на основе которых делается вывод об экологической безопасности предприятий, поэтому слушала Короткова вполуха. А Юра рассказывал ей о проблемах финансирования строительства трассы, и было это Анастасии Каменской совершенно не интересно.

– Юр, ну зачем мне это... – жалобно проговорила она. – Я все равно ничего в этом не понимаю.

– А тут и понимать нечего, – отрезал Коротков, – а знать надо, чтобы оценить вероятность принятия определенного варианта проекта. Значит, смотри и слушай: финансирование строительства дороги имеет три источника...

Настя морщилась, старательно делала вид, что ей нездоровится, но сочувствия не дождалась и начала вникать. Первым источником финансирования является Федеральный дорожный фонд, находящийся в ведении Минтранса. Вторым номером идет областной дорожный фонд, третьим – деньги инвесторов. Федеральной программой развития транспорта и дорожного хозяйства было предусмотрено определенное финансирование Перовской области из Федерального фонда, но в 2012-2013 годах область недополучила деньги, потому что их перенаправили на Олимпийские объекты. Обещали в 2014 году выплатить все, что недодали раньше, плюс финансирование за 2014 год в полном объеме, но грянул кризис в Украине, за ним последовали санкции, и с деньгами на строительство трассы стало опять туго.

Из всего этого следовало, что, если Перовская область хочет иметь хорошую трассу, руководство должно принять тот вариант проекта, под который дадут деньги из Федерального фонда. А денег никто не даст просто так, их дадут только в том случае, если это будет «интересно». В области есть чиновники и бизнесмены, имеющие хорошие крепкие связи на уровне федерального правительства, они могут пообещать солидный откат, деньги из Федерального фонда будут выделены, но проект, естественно, будет в этом случае принят именно тот, который данной группе людей выгоден. И даже есть информация, что губернатору области было сказано: «Если вы примете «южный» вариант проекта, то хрен область получит деньги из бюджета, мы вам в этом не поможем, а возможности у нас хорошие». То есть на губернатора активно давит группа

инвесторов, заинтересованная в прокладке трассы через северную территорию и в ликвидации зверофермы, а мэр Смелков в составе другой группы таких же инвесторов всячески пытается этому воспрепятствовать, используя собственный административный ресурс.

– И в группе поддержки мэра, конечно же, лидером выступает Петр Сергеевич Ворожец, – уверенно предположила Настя.

– А вот и нет. То есть он, может, и выступает, но держится в тени. По крайней мере, ни один из тех, с кем я сегодня разговаривал, не упомянул эту фамилию как фамилию одного из возможных инвесторов. Хотя о давней дружбе мэра с Ворожцом все знают, она ни для кого не секрет.

Настя обреченно вздохнула. Раз Юрка говорит, что надо вникать – она будет вникать. Если б она хоть что-нибудь в этом понимала!

– Ладно. Теперь расскажи мне, только коротко и внятно, кто такие эти инвесторы и в чем может быть их интерес помимо продажи участков. Про участки я вроде все поняла.

Тут Коротков сел на своего любимого конька – вопросы инфраструктуры. От произносимых им слов Настю моментально замутило: автомойки, автосервисы, автосалоны, шиномонтажи, станции техобслуживания, паркинги, гостиницы, мотели, кемпинги, камеры видеофиксации, шумозащитные экраны, заправки, автостанции и автовокзалы, пункты общепита и многое другое... Все это будет находиться на прилегающей к трассе территории, и у всего этого будут владельцы. Кроме того, и саму трассу, и элементы инфраструктуры нужно будет построить и потом обслуживать, а это означает заказы для Перовского завода по производству асфальтобетонных смесей и дорожных композитов, а также для предприятий, изготавливающих модули для всех вышеперечисленных заведений. Подряды для строительно-монтажных предприятий. Инвесторы заинтересованы в том, чтобы все это досталось именно им, а достанется оно им только тогда, когда областное руководство будет им обязано и скажет «большое спасибо за помощь в получении финансирования».

– Юрочка, можно, я завтра повникаю? – попросила Настя. – Мне нужно в голове удержать всякие сведения про пушное звероводство, а твоя инфраструктура меня сбивает. Все равно мы завтра едем в гости к Ворожцу, проведем с ним некоторое время, и я надеюсь, что в частных беседах с нами он нам все расскажет в подробностях и объяснит на пальцах.

Коротков глянул на нее скептически и усмехнулся.

– Еще не появились на этом свете такие пальцы, на которых тебе можно было бы втолковать то, чего ты не хочешь слушать. Ладно, болезная,

отдыхай, завтра с утра Володя повезет нас в южные пригороды, послезавтра поедет осматривать северные. Ворожцу я сказал, что он может прислать за нами машину завтра в восемь вечера, мы как раз вернемся в гостиницу и даже поужинать, наверное, успеем.

– Думаешь, Ворожец ужин не предложит?

– Наверняка предложит. И наверняка с обильным спиртным. А пить с незнакомым человеком, от которого не знаешь, чего ожидать...

– ...неправильно, – с улыбкой закончила Настя. – Ты сам меня этому учил.

– Вот и видно, что хорошо выучил, – проворчал Коротков. – Так выучил, что ты вообще не пьешь. Ничего и ни с кем.

* * *

– Ну, помянем Димку, светлая ему память. – Константин Кириллович поднял стопку, до краев наполненную водкой.

– Хоть и непутевый он был, но все-таки столько лет мы дружили, – добавил Ворожец.

Полковник Баев промолчал. Выпили не чокаясь. Димка Голиков умер два года назад, но проводить его в последний путь смог только Петр Ворожец. И Игорю Валерьевичу Баеву это до сих пор не давало покоя.

– Все-таки плохо, что ты нас на похороны не вызвал, – сказал он укоризненно. – Неправильно это. Мы же все вместе были.

Петр Сергеевич скупой улыбнулся.

– Ну ты сам подумай, Игореха, ты уехал в Москву, тебя в какую-то рабочую группу в министерстве включили, какую-то очередную концепцию вы там разрабатывали, Костик с Верочкой в отпуске за границей, а я здесь. Понятно же, что я сам все сделал, все организовал. Димку похоронил как положено. Вы вернулись – я вас собрал и все рассказал. На сорок дней мы уже вместе на кладбище ездили.

– Ты всегда все делаешь сам. – То ли Ворожцу почудилось, то ли в голосе полковника и в самом деле прозвучало неодобрение.

Ничего, все нормально. Игорь стремится держать все под контролем, никому не доверяет. Даже своим старым друзьям. Петр Сергеевич хорошо помнил, каким недоверчивым всегда был Игореха. «Меня батя учит, что никому верить нельзя, потому что все врут, – говорил Игорь. – А он точно знает, он в милиции работает». Был недоверчивым – таким и остался, хочет сам все знать и своими глазами видеть, своими руками пощупать. А что тут

знать-то? Когда Димку в начале восьмидесятых посадили за изнасилование и убийство и дали пятнадцать лет, Костик учился в своем индустриальном институте в Перове, Игорь закончил Омскую школу милиции и работал в какой-то глухомани в Новосибирской области, а сам Петр усиленно заколачивал бабло в теневом бизнесе в Воронеже. Никого из них не было в Вербицке, когда Димку посадили. И за пятнадцать лет, которые Голиков отсидел от звонка до звонка, оставшиеся в свободной жизни друзья привыкли, что Димки с ними нет. Конечно, встретились, когда он освободился, но сразу заметили: Голиков уже не тот, что прежде. И проведенные в следственном изоляторе годы (а Димку оставили отбывать наказание именно там – должен же кто-то мыть полы и развозить по камерам баланду) были ни при чем. У парня нелады с головой.

Нелады действительно были серьезные, и Диму Голикова через месяц-другой после освобождения определили в областную психбольницу, в которой он провел довольно много времени, после чего был переведен в психоневрологический интернат, где и жил до самой смерти. Костик, как обычно, радовался, что похоронили без него, не любит он скорбные мероприятия, а вот Игореха до сих пор расстраивается. Надо же, как жизнь интересно устроена! Улыбчивый, веселый, доброжелательный Костик Смелков на деле оказался железным и бесчувственным, а суровый немногословный, порой жестокий Игорь Баев на шестом десятке лет вдруг начал проявлять сентиментальность. Меняются люди, меняются...

– Что в области? – спросил Ворожец мэра. – Есть подвижки?

В принципе Баев ему уже все рассказал в тот день, когда приезжал просить помочь с командированными из Москвы, но нужно задать вопрос, чтобы Костик не думал, что за его спиной друзья обмениваются информацией.

Константин Кириллович подробно рассказал о результатах последней поездки, о разговоре с Зоей Григорьевной Деревянко, порадовался, что перенос фермы окажется, скорее всего, нереальным, поделился задумкой в отношении руководства департамента транспорта и дорожного строительства.

– У первого зама зять ручонки протянул к звероферме, – говорил Смелков, – там же железнодорожные пути почти вплотную к ферме подходят, это шикарное место для строительства складов, откуда потом будут развозить товары по всем прилегающим областям, особенно когда трассу построят. Первый зам как раз курирует разработку проекта, от его слова многое зависит. А мы его к ногтю!

Петра Сергеевича всегда поражала эта особенность Кости: говорить о

давно известных вещах так, словно это новость сегодняшнего дня. Или он забывает, что имеет дело с людьми, давно находящимися «внутри» ситуации? Можно подумать, что он, Петр Ворожец, не знает, за кем замужем дочь первого заместителя областного министра транспорта и какие интересы могут быть у этого бизнесмена. Впрочем, кажется, это называется «вытеснением». Костику проще не помнить или не знать. Чтобы не думать. Костик любит руководить, а вот помнить и думать – не особенно.

– замутил замутку, значит, – усмехнулся Ворожец. – И когда ожидается результат?

Улыбка Смелкова была полна оптимизма.

– На днях, я думаю. А знаете, что мне Гена Лаевич предложил? – оживленно продолжил мэр. – Телерепортаж о моем посещении зверофермы. Так что в ближайшие дни придется начать подготовку, чтобы перед камерами не лохануться. Генка считает, что я должен расхаживать по этой ферме, как хозяин, и все знать: где что находится и как называется. А там названия – язык сломаешь, Генка, гаденьш, все вызубрил и от меня того же ждет. Будто у меня других забот нет. Но он говорит, что результат будет мощный. А Генка никогда не ошибается.

Разговор принял веселый оборот, Баев, обычно хмурый, даже рассмеялся, они вдвоем с Ворожцом начали подкалывать и поддевать мэра, который вначале вроде бы бодро отшучивался, потом внезапно посерьезнел и даже побледнел. То ли вспомнил, по какому поводу они собрались в доме у Ворожца, то ли...

– Наливай, Петька, – скомандовал Баев. – Хлопнем по второй за помин души. Что в ваших кругах про убийство Милановской говорят?

Ворожец пожал плечами, разлил водку по стопкам.

– Ничего не говорят. Кому она нужна, эта Милановская? Ее и знают-то только те, кто был у них в программе, да и то не все. Ее же не видно и не слышно, у нее фенечка была – собрать компру на гостя, так она и собирала всякую грязь по друзьям и членам семьи. Не у самого же гостя программы спрашивать. Так что если ее кто и знал, то не сами персоны, а их близкие.

– Ну да, ну да, – задумчиво покивал Баев. – Ладно, вздрогнули. Пусть Димке земля будет пухом. Ему сегодня пятьдесят три исполнилось бы.

Выпили, закусили. И снова полковник Баев вернулся к интересовавшей его теме.

– Мужики, не слыхали, может, кто-то из заметных людей заковырял на Милановскую за неудобные вопросы на программе?

– Да брось, – махнул рукой мэр, – кто ее знал-то? Это мы с тобой

знаем, что неудобные вопросы исходили от нее, а для всех людей на первом месте ведущие. Если б и заковыряли, то именно на них. А они оба живы-здоровы.

Ворожец искоса посмотрел на Константина Кирилловича. Ах, Костя, Костя...

– Ты не понимаешь, Костик. Убийство должно быть раскрыто. Потому что от экологов слишком много шума, и Игорехе надо показать, что УВД не лаптем щи хлебает. Им нужно хоть что-то раскрыть. Потому что завтра – вот увидишь! – найдется ушлый журналюга, который напишет, что Милановская собирала материал к программе с участием какого-нибудь эколога, который должен был рассказывать... Ну, и далее по тексту. Сам все понимаешь, не маленький. Это еще огромная удача, что про труп ветеринара со зверофермы никто не вспоминает. Пока. Но ведь завтра могут вспомнить, привязать к убитым экологам, и тогда Игорехе вообще жизни не дадут.

В глазах Баева, когда он посмотрел на Петра Сергеевича, ясно читалась благодарность. У Костика всегда все просто. Всю жизнь так было. Не хочет он проблем, не любит. Вот и помогают ему верные друзья, как могут. Когда делом, когда советом, когда деньгами. Но чаще всего, вот как сейчас, приходится объяснять мэру весьма простые вещи, которые им обоим очевидны, но с которыми он не хочет считаться. Думать о них не хочет.

Константин Кириллович побледнел еще больше, кисти рук судорожно вцепились в подлокотники полукресла, на котором он сидел за столом. «А ты думал! – промелькнула в голове у Ворожца недобрая мысль. – Вот каково оно – городом руководить и нести ответственность за свои назначения. Поставил Игореху на должность – теперь хлебай за все его промахи. Само собой, удобно, когда начальник УВД – твой человек. Но если что не так, пальцем в первую очередь на тебя укажут, потому что привел его ты».

– Расслабься, Костя, – глухо проговорил полковник. – Раскроем мы это убийство, буквально пара дней еще – и раскроем. Письма у нее нашли, ее кто-то шантажировал, требовал, чтобы она программу с Новаком повернула так, будто ты лично заинтересован в «южном» варианте. Ну, и вся твоя команда, соответственно. Так что готовься, хочешь – не хочешь, а придется пожертвовать кем-то из твоих. Или сам назови, или я найду, но тогда уж не обижайся.

«Тогда уж не обижайся...» Почти четыре года прошло с того момента, когда Петр Ворожец услышал эти слова от своего старого друга. Обидно

было, что и говорить. А теперь вот и Костику пришлось их услышать. Ну что ж, уже не так обидно. Чего уж теперь. Игореху не переделаешь.

Константин Кириллович, обычно уверенный в себе и улыбочивый, смотрел на друга потерянно. Что-то загнутое почудилось Ворожцу в его взгляде, обращенном на начальника УВД. Такие же глаза были у Костика и тогда, когда много лет назад Петя Ворожец сказал: «Каждый из нас может сдать. Никому из нас веры нет».

– Зачем ты так, Игорь?

– А как ты хотел? – усмехнулся полковник. – По-другому не получается. Это игры больших мальчиков, в них правила жесткие. Давайте по третьей. Наливай, Петюня.

Снова выпили, в полном молчании съели горячее, поданное худой жилистой женщиной, работавшей у Ворожца поваром.

– Устроился ты, Петька, – вздохнул Баев. – Когда уже женишься, наконец? Полноценному мужику еду должна жена подавать, а не наемная повариха.

– Я? – расхохотался Ворожец. – Женюсь? Да ты что, Игорек! Ты ж не первый день меня знаешь. Для меня главное в жизни – свобода маневра, именно поэтому я заработал столько денег. Зачем мне жена? С личной жизнью у меня и без того полный порядок. Надоело – встал и ушел.

– Ну а эта твоя нынешняя? – спросил Смелков, явно обрадовавшийся тому, что разговор принял бытовой оборот. – Ты же с ней уже давно. И не надоело до сих пор. Чего не жениться-то?

– Галка нормальная баба, – кивнул Петр Сергеевич, – я ей бизнес поставил, она вся в нем, пустой болтовней не занимается. Только молодая она, детей хочет. А я не хочу. Мы с ней так и договорились: если встретит мужика, который захочет жениться и завести детей, отпущу легко и препятствовать не стану. А пока со мной будет. Уйдет – другую заведу, на мои деньги желающие всегда найдутся. Рылом я не вышел, это да, но нынешние красотки в основном о своем рыльце думают, а в мужике им важны деньги и возможности. И того и другого у меня более чем достаточно.

– А помнишь Василевскую из параллельного класса? – спросил Смелков. – Как ты по ней сох! Все голову ломал, чем бы таким поразить ее воображение. У нее папаша был заведующим овощным магазином, так что денег в семье немерено, подарком, даже очень дорогим, не удивишь. Девчонок попроще ты, конечно, широтой натуры брал, кино-мороженое-пирожные-цветочки, они за тобой табунами бегали, а с Василевской не получилось.

Ворожец задорно рассмеялся. Видел он эту Василевскую, причем совсем недавно. Старая расплывшаяся баба, неухоженная, с лицом несчастным и недовольным. Вот она, судьба красивой девочки из состоятельной семьи. Девочки, привыкшей с детства к вниманию мальчиков и уверенной, что красота будет при ней вечно и на этой красоте можно построить свое благополучие на долгие годы, не прилагая особых усилий.

Дальше беседа потекла неспешно, друзья вспоминали детство, школу, драки с пацанами с соседних улиц...

Проводив гостей, Петр Сергеевич минут двадцать повозился с играющими на травке лабрадорами, мамой и сыночком, и вернулся в дом. В столовой, где проходило застолье, все было уже убрано и наведен идеальный порядок. Смешной этот Игореха! Ну какая жена сможет содержать дом в таком идеальном порядке, которого добивался и добился-таки Петр Сергеевич? У нее то голова будет болеть, то она устанет, то расстроена... Вечно найдется сто двадцать семь причин не сделать то, что должно быть сделано. И ведь не прикрикнешь, не заставишь, не укоришь – жена все-таки, не кто-нибудь. А персонал – совсем другое дело. Он хозяин, он платит и имеет право требовать неукоснительного исполнения, и никакие разговоры про усталость, головную боль, критические дни или плохое настроение здесь не пройдут.

Ворожец поднялся по лестнице в свой кабинет, запер дверь изнутри, отметил, что ключ в замке повернулся не так легко, как обычно, недовольно нахмурился, вынул из кармана телефон, позвонил помощнице, не глядя на часы. Его нисколько не беспокоила мысль о том, что она, возможно, уже спит, время-то позднее, за полночь. Он платит – она выполняет, для этого он ее и нанял.

– Вызови слесаря, у меня в кабинете дверной замок барахлит, – велел он без всяких предисловий.

– Конечно, Петр Сергеевич, – послышалось в ответ.

Все правильно. Никакого другого ответа и быть не могло за те деньги, которые он платит этой Инне. Ее предшественник мог себе позволить и огрызнуться в подобной ситуации, но ему прощалось, потому что он умел многое другое. Умел и знал. И надо же было ему разбиться в машине... Так не вовремя!

Открыв сейф, вделанный в стену, Ворожец достал небольшую картонную коробочку, снял крышку и любовно оглядел содержимое. Дешевая пластмассовая заколка, черная, с дурацкой вызывающе красной розочкой. Простой медный крестик на веревочке. Маленькая, три

сантиметра на четыре, черно-белая фотография серьезного юноши, очень коротко стриженного и лопухого. Массивная перьевая авторучка с почти совсем стершейся, но все еще разборчивой надписью.

Вот оно, его богатство. Его охранная грамота. С этой коробочкой ему ничего не страшно. Пусть другие боятся.

Суббота

К природе Настя Каменская была равнодушна. Как-то так получилось. В ее семье никогда не было дачи, даже самой маленькой, она выросла в московских каменных джунглях и не привыкла к пребыванию «на природе». И не тянуло ее.

Посему запланированная Коротковым поездка в южные пригороды Вербицка ее абсолютно не вдохновляла. Но дело есть дело, тем более когда это высокооплачиваемая работа. Чувствовала она себя уже почти совсем хорошо, горло не болело, вполне можно было разговаривать, чем она немедленно и воспользовалась, забросав вопросами водителя Володю. Это намного интереснее, чем глазеть по сторонам, оценивая перспективы строительства. Да и что она понимает в этих перспективах? Для нее участки похожи один на другой – все те же ели, пихты, сосны, кедры, изредка попадались березки и осинки. Зато отвратительное качество дороги, по которой они ехали, Настя понимала очень хорошо. Не только понимала, но и чувствовала каждой клеточкой тела.

Володя отвечал охотно, подробно, и Настя из беседы почерпнула много полезной информации. Например, о том, что население мэра Смелкова всегда любило, потому что он навел в городе порядок: заставил муниципальные службы следить за чистотой и установить освещение на улицах и дорогах, привел хорошего начальника УВД, который повывел всякую нечисть, мешавшую нормальным людям безбоязненно ходить по городу, особенно вечером. И вообще, мэр – свой парень, местный, родился здесь, звероферму строил своими руками, теперь вот бьется за нее, как лев. И лично он, Володя, обязательно пойдет на выборы и будет голосовать за Константина Кирилловича Смелкова.

Когда же разговор зашел об убитых экологах, Володя продемонстрировал изрядный скептицизм. Он не сомневался в том, что экологов убивали вовсе не из-за зверофермы, а из-за химкомбината.

– Ну, вы сами подумайте, какой вред может быть от зверюшек? – рассуждал он. – Они же в дикой природе экологию не нарушают, значит, и в клетках они ничего не нарушат. Нет, про ферму – это неправильно. Вот химкомбинат – это да, это я могу поверить, что экологи там что-то накопили. Но наш мэр комбинат в обиду не даст, владелец – его друг, Ворожец.

– Вы же говорите, что мэр у вас хороший и население его любит, –

удивилась Настя. – А теперь выходит, что он своих покрывает? То есть коррупционер?

– А мне, знаете ли, наплевать с высокой колокольни, кто там кого покрывает и кто сколько наворовал или взятками набрал, – спокойно пояснил Володя. – Я человек простой, мне в этом городе жить и семью тянуть, и в чужих карманах я денег не считаю. Зато считаю в своих. И то, что для меня и моей семьи хорошо и полезно, я отлично понимаю. На улицах светло и чисто? Это мне полезно. В подъезде и в сквере возле дома наркоши и алкаши не трутся? Мне полезно. Кстати, и сам сквер есть теперь, а раньше не было, с ребенком погулять негде. Смелков муниципалов на уши поставил, чтобы озеленение и детские площадки в порядок привели и соблюдали. Жена у меня медсестра в поликлинике, медработникам из городского бюджета прибавку доплачивают, и учителям тоже. Мне это хорошо? Хорошо! А откуда деньги в бюджете? Из налогов. А налоги откуда? Из производства, из прибыли. В девяностые годы оба наши комбината, и металлургический, и химический, вообще захирели, ничего не производили, у городской казны поступлений ноль, одни дотации из области, а их кот наплакал, город буквально умирал! Зарплаты и пенсии не платили, жить не на что было. Потом пришли деловые активные люди, выкупили или там в аренду взяли, это я не вникал, а только заработали оба производства, и хорошо заработали, и деньги в бюджет пошли, а из бюджета – к нам, простым гражданам. И если меня спросить, что для меня важнее: экология, которую я не понимаю и своими глазами не вижу, или красивое платье для дочки на выпускной вечер, в котором она будет принцессой и проведет, может быть, самые незабываемые часы в своей жизни, то знаете, что я отвечу?

– Знаю, – засмеялась Настя.

– Вот. – Володя удовлетворенно кивнул. – Поэтому хоть я и уверен, что вся эта заваруха с экологами не из-за фермы, а из-за комбинатов – хоть одного, хоть другого, хоть обоих вместе, мне это без разницы. И пусть мэр спасает, кого хочет, мне это тоже без разницы. И пусть даже наш мэр с этого имеет немалую денежку, мне и это по фигу. Главное, что моя жизнь устроена нормально. А знаете, кто самый активный борец с коррупцией?

– Кто? – с любопытством спросила Настя, ожидая услышать имя какого-нибудь местного деятеля.

Но ответ ее разочаровал.

– Тот, кто плохо живет, – авторитетно заявил водитель. – Потому что когда человек живет плохо, он пытается найти внешнюю причину, которая объяснит, почему он живет плохо. Ищет и находит. А когда человек живет

хорошо, ему даже в голову не придет поинтересоваться, а почему это он так хорошо живет? Он считает, что так и должно быть. И вот я, к примеру, совсем не хочу интересоваться, кто, за что и сколько кладет себе в карман за то, чтобы оба наши комбината бесперебойно работали и платили налоги. Моя семья сыта и одета, у жены и детей есть все необходимое – я доволен. И если из-за того, что у меня спокойная жизнь, кто-то обогатится, так и ради бога, мне не жалко.

Подобные слова Настя Каменская слышала не впервые. У нее в голове давно сложилась целая стройная система аргументов по поводу такой позиции, но сейчас взгляды водителя Володи на проблему коррупции интересовали ее меньше всего, так что в дискуссию она решила не вступать, а снова свернула к теме норковой фермы на северной окраине Вербицка.

– Да я завтра вам ее покажу, – пообещал Володя, – все равно в ту сторону поедем, сделаем маленький крючок. У меня, между прочим, там дядька работает, материн брат. Хотите, познакомлю? Он вам как знающий человек расскажет, что вреда от фермы никакого не может быть.

– Хочу, – тут же загорелась Настя, старательно не замечая укоризненных взглядов, которые бросал на нее Коротков. – Скажите, Володя, а жители города в целом как думают? Так же, как вы, то есть что дело в комбинатах? Или все-таки в звероферме?

Настя так и не смогла ответить сама себе ни сейчас, ни потом: зачем она задала этот вопрос? Но она его задала. И откуда он взялся в ее голове?

Водитель пожал плечами.

– Откуда ж мне знать? Судя по телику, радио и газетам, все на ферму кивают. Может, они лучше знают. Я только свое мнение высказываю. Мне дядька сказал, что от фермы вреда нет, я ему верю, он на этой ферме больше тридцати лет вкалывает, с того момента, как ее построили, он знает точно. А если от фермы вреда нет, а экологов убивают, стало быть, дело в комбинатах. Вот так я рассуждаю.

Он притормозил, взял у Короткова размеченную в разных организациях карту местности, кивнул, ткнув пальцем в обведенный четырехугольник:

– Еще метров триста – и будет вот этот участок. Последний на сегодня? Вроде мы все уже объехали.

– Последний, – подтвердил Коротков.

Когда через триста метров остановились, все трое вышли из машины: водитель – размять ноги и затекшую спину, Коротков – осматривать участок, а Настя – просто постоять и походить по дороге взад-вперед.

– Вы действительно можете познакомить меня со своим родственником? – спросила она Володю.

– А почему нет? Легко! Хотите – прямо сегодня и познакомлю.

Настя посмотрела на часы. Половина четвертого. Юрка будет ходить по участку минут тридцать-сорок, не меньше. Возвращение в город займет еще столько же. В восемь вечера придет машина, которая отвезет их к Ворожцу. Конечно, можно и не суетиться, ведь завтра все равно придется ехать в северные пригороды, можно попробовать договориться, чтобы родственник водителя встретился с ними вечером, после работы, а они свою поездку спланируют таким образом, чтобы оказаться в удобном ему месте в нужное время. Хотя завтра воскресенье...

– Ваш дядя работает только по будним дням?

– Да вы что! – расхохотался водитель. – Звери кушать хотят каждый день, и болеют каждый день, в жизненном цикле выходные не предусмотрены. У звероводов работа сменная. А ехать к нему удобно, если что, как раз нам по дороге в гостиницу будет. Так звонить?

– Звоните, – решительно ответила Настя.

Убьет ее Коротков за эту самостоятельность, ох, убьет! Ну и ладно. Убьет – сядет, ему же хуже.

* * *

Жилище Петра Сергеевича Ворожца произвело на Настю Каменскую впечатление странное, но в целом позитивное. Почему-то она, выудив из закоулков памяти невесть когда поселившееся там словосочетание «сибирский размах», ожидала увидеть огромный дом, этажа как минимум в три, с просторными помещениями внутри. Дом оказался двухэтажным, весьма скромным снаружи, но зато внутри поражающим обилием комнат самого разного назначения. Хозяин гостеприимно провел их с Коротковым по всему дому, показал или хотя бы обозначил каждую: на первом этаже – гостиная, столовая, кухня, гостевая спальня с санузлом, комната помощника, на втором – кабинет самого Ворожца, вторая гостевая спальня, тоже со своим санузлом, гостевой кабинет, гардеробная, хозяйская спальня, разумеется, с ванной, библиотека. Все комнаты были совсем небольшими, обставлены без излишнего шика, но уютно и удобно, и в каждой царили идеальная чистота и порядок. Настя, дома у которой книги и диски, не помещавшиеся на полки, просто складывались в стопки на полу, и стопки эти росли до тех пор, пока не обрушивались, оценила порядок по

достоинству. Правда, ее немного смутила библиотека, в которой вдоль всех стен стояли шкафы не с книгами, а с дисками. Книги тоже были, но в значительно меньшем количестве. Впрочем, как еще назвать такую комнату? Не «дискохранилищем» же! Куда проще использовать давно знакомое и привычное слово. Времени на то, чтобы подробно ознакомиться с пристрастиями Ворожца в области кинематографа, не хватило, но Настя успела отметить, что диски расставлены строго в алфавитном порядке, по названиям фильмов.

Немало удивил ее и гостевой кабинет. Гостевая спальня или просто комната – это да, это понятно. Но кабинет?

– Люди, которые проводят время в моем доме, не бездельники, – пояснил Петр Сергеевич. – Даже если они приезжают всего на два-три дня, у них есть работа или бизнес, которые нельзя оставлять надолго. У моих гостей должна быть возможность спокойно посидеть за рабочим столом, использовать компьютер, сделать необходимые звонки, почитать документы. А есть и такие, которые приезжают именно для того, чтобы спокойно поработать. Здесь для этого есть все условия.

Про «комнату помощника» Настя спрашивать не стала, и так все понятно: когда Петр Сергеевич распахнул дверь, за ней обнаружилась комнатка со столом, компьютером, факсом, телевизором и диванчиком. За компьютером работала женщина лет сорока, с некрасивым лицом и необыкновенно милой улыбкой.

– Инна, моя помощница, – коротко представил ее Ворожец. – Умеет решать любые вопросы.

Интересно, спит Ворожец с этой Инной или нет?

Последним обзором гостей был представлен цокольный этаж – бассейн, сауна, кабинет для СПА-процедур.

– Моя... ммм... дама сердца, скажем так, является владелицей небольшой сети СПА-салонов в Вербицке, – пояснил Петр Сергеевич, заметив выражение неодобрения и даже некоторого презрения на лице Короткова. – Ко мне ведь приезжают не только закоренелые холостяки, такие же, как я сам. Приезжают и семейные пары. И пока мужчины заняты делами, женщины могут провести время с пользой, Галя присылает сюда лучших мастеров. Да и я сам большой любитель массажей, массажист приезжает почти каждый день, так что помещение без дела не простаивает. Если у вас есть какие-нибудь пожелания в этой части – Инна все запишет, свяжется с Галей, и в любое удобное вам время приедет любой нужный вам мастер.

Настя и Коротков вежливо ответили, что они подумают. От

предложенного ужина отказываться не стали – встреча с работником зверофермы съела весь лимит времени, оставленный на посещение ресторана. Петр Сергеевич проявил себя хозяином весьма комфортным, ничего не навязывал, не требовал, чтобы обязательно «попробовали» то или иное блюдо, ни одной секунды не настаивал на том, чтобы гости непременно выпили, хотя на столе спиртное стояло в широчайшем ассортименте. Ворожец пригласил помощницу Инну разделить трапезу, и женщина села вместе с ними за стол и даже положила себе на тарелку какую-то закуску... Но поужинать ей так и не удалось.

– Да, позвони лепиле, скажи, что ни хрена мне его лекарство не помогает, у меня так и покалывает в ногах, и пальцы на руках немеют, – вдруг заявил Петр Сергеевич. – И голова кружится по утрам. Пусть что-нибудь другое назначит. Короче, вы там с ним посоветуйтесь и решите как-нибудь, чтобы у меня этой проблемы не было.

Настя с трудом сдержалась, чтобы сохранить невозмутимость. Позвони и скажи, что у меня болит... Ничего себе! Где болит? Как именно болит? В какое время суток? Как часто? Насколько сильно? На эти вопросы, без которых ни один врач ничего не поймет, должен ответить сам пациент, потому что знает точно только он. И потом, нужно же проводить какие-то обследования, кровь сдавать, сосуды проверять... Как можно вот так, по телефону, заочно назначать препарат? И вообще, Петр Сергеевич имеет обыкновение смотреть на часы или нет? Уже одиннадцатый час. Звонить врачу в такое время просто неприлично, если ситуация не жизнеугрожающая. «Лепила»... Что это, остатки криминального прошлого?

А вот Инну это, похоже, совершенно не удивило.

– Конечно, Петр Сергеевич, – коротко ответила она, тут же встала из-за стола и удалилась в сторону «комнаты помощника». Вернулась она примерно через час, когда уже приступили к чаю и десерту, молча положила на стол перед Ворожцом упаковку лекарства и чек. Значит, не только с врачом созвонилась, но и в дежурную аптеку сгонять успела.

– Принимать два раза в день, утром и перед сном, – сказала она, – я на коробке написала.

– Спасибо, – рассеянно кивнул Ворожец, не желавший прерывать увлекательнейшую беседу с Коротковым о расстановке местных политических и экономических сил.

Насте эти разговоры казались скучными, ей намного интереснее было бы поговорить о другом. Но всему свое время.

Однако удивительно, что врач, которому позвонила помощница Инна,

все-таки рискнул назначить какой-то препарат, не поговорив с самим больным и не осмотрев его. Скорее всего, уважаемый Петр Сергеевич относится к той категории пациентов, которые в ответ на перечисляемые врачом рекомендации говорят: «Доктор, сколько надо заплатить, чтобы вы мне все разрешили?» И доктор, промучившись с подобным пациентом несколько лет, безнадежно машет рукой и идет на поводу. Такое бывает.

– Я еще нужна? – спросила Инна.

– Нет, можешь ехать, – не поворачивая головы к помощнице, ответил Ворожец. – И Наде скажи, что гостям подавать на завтрак. Пусть не ждет, пока мы закончим, завтра утром пусть придет пораньше и все уберет.

Инна достала блокнот и вопросительно посмотрела на Настю, потом на Короткова, все записала, попрощалась и вышла.

«Забавный типаж, – думала Настя, наблюдая за хозяином дома. – Эта Надя, повариха, заходила сюда ровно две минуты назад, приносила свежесваренный чай. Почему Петр Сергеевич сам не сказал ей и насчет завтрака, и насчет того, чтобы она не ждала и уходила домой? Зачем нужно непременно играть в этот детский сад с испорченным телефоном? В конце концов, кухня всего в трех метрах отсюда, мог бы сделать несколько шагов».

Ей нравился этот дом, деревянный, компактный, нравилось смотреть на стены из светлого бруса и на потолочные балки, нравилось, что здесь нет никаких признаков того, что она называла «богачеством». Нравился запах дерева. Нравилась простота и функциональность интерьеров. Ничего лишнего. И в то же время есть все нужное. Никаких финтифлюшек, позолоты и колонн. Огромные, от пола до потолка, окна. Конечно, сейчас уже темно, но судя по тому, что они с Коротковым видели, проходя по участку, можно уверенно утверждать, что из любого окна этого замечательного дома открывается вид на огромные разлапистые хвойные деревья. Вечер прохладный, окна закрыты, но когда она доберется до своей спальни и распахнет их, то наверняка воздух окажется таким, что она будет спать сладко, как никогда.

И хозяин дома ей нравился. Было в нем какое-то очарование... Очарование чего? Она попыталась сформулировать для себя, что же кажется ей таким привлекательным в Петре Сергеевиче. Простота? Открытость? Нет, вряд ли. Слишком мало они знакомы, чтобы делать столь уверенные выводы. Простота и открытость легко имитируются при желании и часто оказываются обманом. Эти качества, безусловно, привлекают ее, но не факт, что они истинные.

Дом. Вот что ей нравится в Ворожце. Если дом соответствует его

вкусу, его потребностям, если он живет в нем по доброй воле, а не вынужденно, просто потому, что больше нигде, то можно делать выводы. У Петра Сергеевича напрочь отсутствует фанаберия и желание «выглядеть». Он отлично понимает, что финтифлюшки с позолотой не несут ни малейшей функциональной пользы, равно как и столешницы из малахита, а вкладывание денег в дорогой декор – дело пустое с точки зрения качества жизни, оно имеет смысл только как демонстрация благосостояния.

И еще этот взгляд Ворожца, это выражение лица, то и дело появляющееся у него во время разговора... Ум? Цепкость? Хитрость? Нет, все не то. Эти качества, может, и есть, но привлекают Настю не они. Что-то другое. Но что? Вот! Это лукавство и веселое озорство хулиганистого пацанчика, который так и сидит в солидном и не сказать чтоб уж очень молодом бизнесмене. Сидит и периодически выглядывает через глаза и улыбку.

Пока она предавалась размышлениям, никак не относящимся к выбору участка под застройку, мужчины перешли на «ты» и теперь обсуждали вероятность принятия того или иного варианта проекта Федеральной трассы.

– Зря ты у меня спрашиваешь, – усмехался Петр Сергеевич. – Я же с мэром дружу, так что не могу быть объективным. Мы с ним и начальником УВД Баевым – одна команда. Лично у меня никаких финансовых интересов на юге нет и на севере тоже нет, мне с точки зрения бизнеса безразлично, где именно пройдет трасса. Но как друг Смелкова я, конечно, его поддерживаю и всячески помогаю, как могу. Где связи и влияние задействую, где деньги... Ну, сам понимаешь.

– А давно вы дружите с мэром? – спросила Настя, решившая, наконец, поучаствовать в разговоре.

– Да сто лет! – расхохотался Ворожец. – Если совсем точно – то сорок пять, с первого класса школы. Кстати, предлагаю вам тоже перейти на «ты», с Юрой мы уже договорились, а вот вы, Анастасия, как-то выпадаете из нашего мейнстрима.

– Не знаю, – с сомнением ответила она, – мне это сложно, я привыкла на «вы» с людьми общаться, за исключением близких и давно знакомых. Если хотите, могу обращаться к вам без отчества, но все равно на «вы».

– Ну ладно, хоть так, – покладисто отозвался Ворожец. – Так вот, с Костей Смелковым мы не только в одном классе учились, но и в армии вместе служили, а между школой и армией еще и работали вместе на строительстве нашей зверофермы.

– Ты тоже ферму строил? – удивился Коротков. – Ну надо же!

– А что в этом странного?

– Да ничего... Просто всюду говорится о том, что мэр строил звероферму, а о том, что один из самых крупных бизнесменов города тоже ее строил, все молчат.

Ворожец усмехнулся, подлил себе горячего чаю.

– В этой информации нет смысла, она никому не полезна, ни нашим сторонникам, ни нашим врагам. Значит, ее время еще не пришло. Кроме того, у меня, скажем так, небезупречное прошлое. Это сейчас я чист перед законом, а раньше всякое бывало. И накануне выборов Косте не с руки всем напоминать, что мы близкие друзья. Я его понимаю и не обижаюсь, тем более мы постоянно встречаемся, только не на людях, а так, в приватной обстановке.

– А Баев? – не унималась Настя. – Тоже школьная дружба?

– Нет, здесь покруче, Игорь с Костей еще в один детский сад ходили. А уже в школе я к ним присоединился.

– И полковник тоже строил ферму вместе с вами?

– Вот чего не было – того не было, – развел руками Ворожец. – Костик в институт поступал после десятого класса и провалился, пошел работать. Я даже и не думал поступать, не было у меня такого интереса, мне нужно было мать кормить, она болела и не работала. Вот мы и устроились на стройку, пока в армию не заберут. А Игорек в школу милиции поступил.

– Без армии? – вздернул брови Коротков. – При советской власти это было непросто, ребят, не служивших в армии, брали в очень маленьком количестве, и то далеко не все школы милиции.

– Игорька взяли. Он же отличником был, учился хорошо. И отец у него в милиции служил, подсуетился с направлением.

Настя по давно сложившейся привычке выискивала неувязки и несостыковки в словах собеседника. Похоже, Петр Сергеевич подзабыл, что разговаривает со своими ровесниками, с людьми своего поколения, которые еще не впали в маразм и отлично помнят, как была устроена жизнь при советской власти. Если ему нужно было кормить неработающую мать, то были ли в семье другие кормильцы? Отец? Другие дети? Почему он ничего не говорит о них? А если их не было, то как его могли забрать на армейскую службу? Сын – единственный кормилец – призыву не подлежал. Если же все, что сказал Ворожец, чистая правда, значит, это не вся правда, не полная. А полная состоит в том, что он так успел наследить и намозолить глаза вербицкой милиции, что те сочли за благо отправить парня с глаз подальше хотя бы на два года, и военкомат, постоянно недовыполнявший план по призыву, с удовольствием пошел навстречу и

оснований для освобождения от службы не усмотрел. Ворожец сам признает, что в его небезупречном прошлом бывало всякое. До такой степени «всякое», что мэр Смелков теперь старается не афишировать их близкое знакомство и тесную многолетнюю дружбу. Да, об их отношениях и без того все знают, но когда не видишь ежедневного подтверждения, знание, вернее, его убеждающая сила, быстро ослабевает.

– Вы, наверное, устали, – спохватился хозяин дома, заметив, что Настя подавила зевок. – Я вас совсем заговорил.

– Да, пора спать, – согласился Коротков. – Ты говорил, кабинетом для гостей можно пользоваться? Нам бы посоветоваться полчаса, обсудить планы на завтра.

– Разумеется, – широко улыбнулся Петр Сергеевич. – Если нужен компьютер – включайте, он не запаролен, чтобы гости могли пользоваться. Интернет есть и «вай-фай» по всему дому, если захотите пользоваться планшетами или телефонами.

«Нет уж, – почему-то подумала Настя, – твоим компьютером я пользоваться не буду. Знаем мы всяких умельцев, которые за пять минут потом выяснят, что ты на нем делал, какие тексты писал и какую информацию искал. У меня свой есть».

Но благоразумно промолчала.

– И последний вопрос перед тем, как мы разойдемся спать. Поскольку мы здесь гости и не хотели бы причинять беспокойство или какие-то неудобства, нам бы хотелось знать, есть ли в доме такие помещения, куда заходить нельзя без вашего ведома? Ну, или вообще нельзя.

Ворожец посмотрел на Настю с нескрываемым удивлением. Похоже, такой вопрос ему задавали впервые.

– Я даже растерялся как-то... – развел он руками. – Нет, конечно, в мою спальню не нужно заходить, когда я сплю. А так... Никаких секретов у меня нет, скелеты по шкафам я не распахивал, и стесняться мне абсолютно нечего. Если до прихода Нади захотите поесть чего-нибудь или чайку выпить, смело идите на кухню, открывайте холодильник и шкафы, берите все, что увидите.

«Ни у кого нет секретов, – с усмешкой подумала Настя, – все открыты, искренни и прозрачны, как слеза младенца. Только почему-то никто никому не верит, ни Ворожец нам, ни мы ему».

Гостевой кабинет, такой же небольшой, как и все прочие помещения в доме, имел все необходимое для работы. Настя вспомнила о своем решении не пользоваться хозяйским компьютером и тут же это решение изменила. Включила компьютер и стала загружать карту Вербицкого района.

– Зачем? – удивился Коротков. – У нас и бумажные карты есть, и на планшете у тебя.

– На всякий случай. Надо попользоваться этим компьютером. Почему-то во мне зреет глубокая убежденность, что наш гостеприимный хозяин непременно проверит, чем мы с тобой тут занимались. Нужно убить в нем всякие подозрения, тем более что для них нет никаких оснований. Мы с тобой ничего не скрываем, а нам почему-то никто не верит.

Следом за картой были открыты сайты Вербицкэнерго и Вербицкводоканала, причем те их разделы, которые связаны с перспективным планированием. После чего на всякий случай был обозначен интерес к местным строительным компаниям и к сайту биржи труда.

– А ты еще хотела про ветеринара... – напомнил Коротков.

– Это я сама, – усмехнулась Настя. – В своей комнате и со своего ноутбука. Убитый ветеринар как-то не вписывается в общую картинку поиска места под застройку. Не будем будить спящую собаку.

Она аккуратно выключила компьютер.

– Ты выбрал, где будешь спать, наверху или внизу? – спросила она Юру.

Коротков широко и сладко зевнул.

– Да мне по барабану, лишь бы лечь.

– Тогда я на втором этаже устроюсь, не возражаешь? Сумку мою отнесешь наверх?

Он молча кивнул и погасил свет в кабинете.

Оставшись в гостевой спальне на втором этаже, Настя первым делом распахнула окно, закрыла глаза и с наслаждением втянула носом прохладный и немного терпкий воздух. Здесь пахло совсем не так, как в центре города. И звуки были другими. И вообще, это был какой-то другой мир.

Спальня оказалась именно спальней, а не жилой комнатой: широкая двуспальная кровать, две прикроватные тумбочки с симпатичными ночниками, комод с зеркалом, небольшой встроенный шкаф для одежды, два деревянных вешала и дверь, ведущая в санузел. Все. Ни стула, ни тем более рабочего стола здесь не было. «Ну и ладно, – подумала она, – ну и не очень-то и хотелось».

Устроившись на кровати поверх покрывала и подложив под спину подушку, Настя открыла ноутбук и стала искать информацию об убийстве сотрудника Вербицкой зверофермы, ветеринарного врача. Да, поездка к родственнику водителя Володи оказалась полезной. Конечно, насчет дела

об убитых экологах они не узнали ничего нового, ибо старый зверовод знал ровно столько, сколько и любой другой житель города, не работающий в полиции. Но зато выяснилась вот эта давняя история про ветеринара Чуракова. Впрочем, не настолько уж она и давняя, всего год с небольшим прошел...

...Родственник Володи, пожилой опытный зверовод по имени Леонид Иванович, сразу уверенно ответил, что никакой экологической опасности их ферма представлять не может. Все системы очистки работают исправно. А запах – ну что ж, запах есть, само собой, это ж дикие звери, не домашние. Они и сами пахнут, и продукты их жизнедеятельности – моча и кал, да и корм не самый ароматный для человеческого обоняния. Работники фермы привыкли, а для постороннего человека, конечно, приятного мало, это правда. Да, пахнет аммиаком... Да, фекалии зверей убирают раз в год, это тоже правда, но так всюду происходит, есть нормативы. Но существуют же требования к месту расположения звероферм, и в этих требованиях чуть ли не первым номером стоит роза ветров с таким расчетом, чтобы запахи не доходили до жилых домов. Вербицкая норковая ферма строилась строго с учетом всех нормативов. И никто из жителей окрестных районов никогда на дурные запахи, исходящие от фермы, не жаловался. И вообще, друзья мои, все это одна сплошная политика. Надо к выборам шум какой-нибудь поднять – схватились за экологию. А то, что человека убили, так всем наплевать. Уже больше года прошло, а никто не чешется.

Сперва Настя и Коротков решили, что Леонид Иванович имеет в виду все тех же убитых экологов, но уже через пару минут выяснилось, что говорит он совершенно о другом: об убийстве ветврача Вербицкой зверофермы Чуракова.

– Вы думаете, это не по личным мотивам? – спросил Коротков. – Не бытовое? Вы уверены?

Леонид Иванович внезапно рассердился, складки кожи на лице негодуяюще затряслись, мелкие сосуды на щеках налились кровью.

– Да это не я уверен, это полиция наша уверена! Вы знаете, сколько они всю ферму трясли? С кем дружил, с кем разговаривал, с кем конфликтовал, не крутил ли любовь на стороне... Уж чего только не выспрашивали! И Таню, жену Чуракова, тоже измучили вопросами. Всех его знакомых на допросы перетаскали. Никого не нашли.

– И что, закрыли дело?

– А я почему знаю... Не знаю я, как там в полиции это называется, а только месяца два побегали, да и поутихли. Никому не охота копать, это ж деньги.

– Деньги? – насторожилась Настя. – Какие деньги? Вы о чем, Леонид Иванович?

– Я о Перовской звероферме, о чем же еще. Они давно хотят нас к рукам прибрать, на наше племенное ядро зарятся, вот и мутят воду в области, чтобы дорогу через ферму проложить, нашу ферму ликвидировать, а все поголовье передать им.

– Зачем? – не поняла она.

– Ну как зачем? У нас племенное ядро одно из лучших в стране. Им таких зверей никогда в жизни самим не вывести и не вырастить, у них в селекционной работе никто толком не разбирается, да и кормленцев нет знающих.

– Кого-кого нет? – переспросил Коротков.

– Кормленцев. Спецов по кормам и рационам. Чтобы вести успешную селекционную работу, нужно, чтобы было, из чего выбирать, – терпеливо пояснил Леонид Иванович. – Если зверей правильно кормить, самцы будут хорошо крыть, самки будут беременеть, донашивать и нормально щениться, норчата получатся здоровенькие, отход будет минимальным, значит, и ремонтное стадо можно хорошо сформировать, выбрать-то есть из кого, и по убою план сделаем.

Незнакомых слов оказалось многовато и для Настя, и для Короткова, пришлось потратить еще несколько минут на разъяснения, благодаря которым выяснилось, что отход – это в данном контексте смертность новорожденных щенков, а ремонтное стадо – рожденные в текущем году норчата, которые по селекционно-племенным качествам могут заменить зверей племенного ядра, в силу возраста больше не способных давать здоровое потомство и подлежащих «списанию». Это и официально так называется: ремонт основного стада. Зато слово «кормленец» официальным не является, никакую должность не обозначает, а применяется к ученым – специалистам-зоотехникам, занимающимся вопросами кормов и составления рационов. А поскольку с кормами в последние лет двадцать в стране совсем беда, то знающий и опытный «кормленец» – на вес золота.

– Ученые, значит, – недоверчиво протянул Коротков. – А я думал, ученые на зверофермах не работают. Они все больше по научным институтам сидят, по лабораториям всяким.

Леонид Иванович бросил на Юру сердитый взгляд.

– И сидят! – с вызовом подтвердил он. – Покуда их оттудова не выкинут под зад коленкой. Вот тогда они на фермы-то и приходят. Не знаете ничего, а ерничаете... Молодежь! У нас главным зоотехником такой

человек был, что вам обоим и не снилось! Лучший в России! А до этого – лучший во всем СССР! Сам Тарасевич! Доктор наук, между прочим, профессор. Вот он нам племенное стадо на ноги и поставил. А когда Илюша Чураков, пацанчик совсем еще, пришел к нам ветврачом, они вместе все колдовали, советовались, обсуждали чего-то, ночи напролет сидели то в кабинете у профессора, то дома у него, считали, вымеряли, карточки вручную перебирали, таблицы какие-то составляли. Илюша к профессору прямо прикипел, да и профессор его любил. Он вообще-то почти ни с кем близко не дружил, весь в своей науке был, а вот Илюшу Чуракова полюбил.

– Подождите, – взмолилась Настя, – Леонид Иванович, подождите, я не успеваю все понять, я же в пушном звероводстве не разбираюсь, для меня каждое ваше слово – полная загадка. Какие карточки они перебирали вручную?

Леонид Иванович досадливо крикнул, вылез из-за стола, подошел к шкафу и извлек оттуда изрядно потрепанную папку с завязками. В папке были какие-то документы и сколотая железной скрепкой пачка бумаг, издали напоминавших заполненные вручную таблицы.

– Вот! – Он вытащил из пачки один листочек и положил на стол перед гостями. – На каждого зверя основного стада заводится карточка, в нее вносятся все данные про него. На каждого! А в основном стаде у нас восемнадцать тысяч голов. Это карточка самца, в ней – вот, видите? – отмечено, какого он окраса, какой у него учетный номер, к какой линии принадлежит, родословная до бабушек и дедушек, когда родился, в каком помете, в какой бригаде и на каком отделении содержится, сколько и каких именно конкретных самок он крыл, каковы были результаты оплодотворения и щенения, каковы результаты бонитировки щенков, рожденных от этого самца.

– Бонитировка? – переспросил Коротков.

– Оценка цвета и качества меха, чтобы вам понятнее было, – буркнул Леонид Иванович. – Вы что же, молодежь, думаете, что селекционная работа – это так, тьфу на палочке? Это гигантский труд! Гигантский! Каждый год при подготовке к гону зоотехники и бригадиры на основании этих карточек составляют план: каких самок какими самцами крыть, определяют самцов-дублеров, и все это раньше вручную делалось на основании учета каждого – еще раз подчеркиваю! Каждого! – показателя из такой вот карточки. Сейчас вон все в компьютерах этих ваших, они сами все ищут и считают, а раньше-то все вручную делали, вручную. Да и то если есть эти компьютеры и если люди знают, как ими пользоваться. А у

нас на ферме бюджет скромный, государство денег совсем мало дает, а то и вовсе не дает, так что если лишняя копеечка заведется, так Зоя лучше витаминчиков и пищевых добавок для зверей закупит. Бухгалтерша наша, конечно, ворчит на Зою, дескать, нецелевое использование средств, это графа на оргтехнику и улучшение условий труда, а не на корма, но Зоя на нее прикрикнет, та похимичит чего-нибудь и счета оплатит.

Голова у Насти шла кругом. Она не была готова к тому, что на нее в разговоре со звероводом обрушится такое количество новой информации. Еще профессор этот... как-то с трудом верится, что доктор наук, известный на всю страну (а Леонид Иванович уверенно назвал его лучшим в СССР и в России), будет вот так запросто работать на звероферме даже не в областном центре, а в обычном, хотя и достаточно крупном, западносибирском городе. Либо Леонид Иванович что-то преувеличивает, либо путает, либо профессор был далеко не лучшим, а возможно, даже и вовсе не профессором.

Наверное, выражение лица у нее при этих мыслях было каким-то не располагающим, потому что Леонид Иванович вдруг нахмурился и пытливо посмотрел на нее:

– Чего не так-то? Сомневаешься? Или опять не поняла?

– Не поняла, – честно призналась Настя. – Насчет профессора... Как-то неожиданно. Никогда не слышала про докторов наук, работающих на зверофермах.

– Так он сидел два раза, – усмехнулся зверовод. – В первый раз еще при Сталине, за вредительство, а во второй раз посадили за взятку и злоупотребления, это уже при Брежневе было. Кто ж его с такой биографией в научный институт возьмет? Он как второй раз отсидел – так на зверофермах и работал, сначала на Перовской ферме, старшим зоотехником, потом его к нам пригласили на должность главного зоотехника. До глубокой старости дожил и до последнего дня работал, ему почти девяносто было, когда помер. Илюша убивался очень... Да мы все переживали, все-таки Тарасевич, этот профессор наш, очень знающий был человек и делу предан.

Она поймала предостерегающий взгляд Короткова, выгнувшего кисть левой руки так, чтобы видны были часы. Юрка прав, времени осталось совсем мало, нужно успеть вернуться в гостиницу и собрать вещи, чтобы ехать к Ворожцу. Про профессора Тарасевича, конечно, интересно, но сейчас куда важнее понять, может ли убийство ветеринарного врача Чуракова быть как-то связанным с проблемами экологии и нашумевшими убийствами. Она, Настя, больше не служит в полиции, но экология – это

важно для ее нынешнего задания. Если на севере района в этом смысле неблагополучно, то вести речь о приобретении участка для пансионата неправильно. А вдруг убийства экологов действительно связаны именно с неблагополучием в районе зверофермы? Да, Чураков ветеринар, а не эколог, но, возможно, он был связан с кем-то из погибших? Может быть, консультировал их по вопросам работы зверофермы? И из этого общения вынес какие-то опасные знания?

Или, возможно, все дело действительно в Перовском зверохозяйстве, о котором упоминал Леонид Иванович? Если утвердят проект трассы, проходящей с северной стороны, то Вербицкую ферму ликвидируют и поголовье зверей передадут Перовской ферме. Или продадут ей же за бесценок. А если утвердят южный вариант и Вербицкую ферму сохраняют? Что могут предпринять перовские, чтобы улучшить свои позиции в конкурентной борьбе? Первыми в голову приходят два самых простых решения: или навредить Вербицкой ферме и лишить ее потенциала, или украсть ее «фирменные» секреты кормления и тем самым поднять собственный потенциал. Может ли в этих комбинациях головной фигурой стать ветеринар? Может, если он владеет этими секретами. Он не зоотехник, но он дружил с профессором и работал вместе с ним. А вот может ли ветеринар навредить?

– Может, – кивнул Леонид Иванович в ответ на ее вопрос. – Кормокухня может всех зверей отравить, а ветеринар может всех перезаразить. Было бы желание. Но эта песня не про Илюшу Чуракова. Он не мог. Он дело свое знал и любил, и зверей любил, и честный был. Он бы за деньги не продался.

Не мог, значит... Ну правильно, не мог. Ему сделали предложение. Или уничтожить поголовье, или продать секреты кормления. Он отказался. Итог известен. Но почему-то в этом направлении, если верить старому звероводу, никто не искал, а ведь тут даже особого труда не нужно прикладывать, им с Коротковым хватило часовой беседы, чтобы выдвинуть версию. И беседа эта не с каким-то глубоко законспирированным источником, который еще найти надо, а с человеком, ни от кого не прячущимся, работающим на ферме, знавшим убитого. Нет, трудно поверить, что эту версию не проверяли. Наверняка проверяли, она же на поверхности лежит. Значит, там «пусто-пусто». За долгие четверть века работы в уголовном розыске Настя Каменская тысячи раз выслушивала жалобы родственников потерпевших на то, что милиция ничего не делает, и вот это не проверили, и вот это... Хотя на самом деле все сделано, сделано давно и на совесть, но не принесло результата. Почему-то люди считают,

что если они не видят своими глазами работу оперативников и ее результатов, то, стало быть, работы никакой и не было. «Вот и я стала, как эти люди, – с раздражением на саму себя подумала Настя. – Мне человек, не имеющий к полиции никакого отношения, говорит, что следствие не сделало того-то и того-то, и я уже готова ему поверить на слово и даже строить на основании его информации свои умозаключения. Быстро же у меня изменился менталитет!»

Настроение сразу начало портиться, но она вовремя вспомнила о данном себе обещании «не таскать в голове негатив дольше необходимого». Как хорошо, что она вовремя спохватилась и поймала себя на непрофессионализме, пока процесс не зашел слишком далеко! Еще есть шанс все исправить. И можно этому радоваться...

... В интернете информации об убийстве ветврача Чуракова нашлось совсем мало, и была она скудной и однообразной. Жена обратилась в дежурную часть с заявлением... Пропал... Нашли тело в пригороде Вербицка... Убийство... Полиция работает над версией о бытовых причинах... Полиция изучает возможную связь убийства ветврача Чуракова с конкурентной борьбой Вербицкой и Перовской звероферм...

Больше ничего не было. Последняя публикация – в августе прошлого года. Не густо. А версию, стало быть, все-таки разрабатывали. Просто старый зверовод Леонид Иванович об этом не знал. Что вполне естественно.

Спать не хотелось. Настя поставила ноутбук на пол, слезла с кровати, постояла у распахнутого окна, снова и снова жадно вдыхая запах пихт и елей, растущих прямо рядом с домом. Что сказал Ворожец? Что входить можно в любую комнату, кроме его спальни. Да и в спальню можно, если он там не спит. Это хорошо!

Она осторожно, стараясь не шуметь, вышла из комнаты и толкнула дверь с противоположной стороны от лестницы. Настя не очень хорошо помнила, что именно должно быть за дверью, не то кабинет хозяина, не то библиотека. Дверь оказалась заперта. Значит, это кабинет. А вот за следующей дверью как раз и обнаружилось «дискохранилище». Включив свет, она уселась в мягкое глубокое кресло, вытянула ноги и принялась разглядывать названия на коробках с дисками и на корешках книг. Хорошо, что комната небольшая, полки находятся на расстоянии вытянутой руки от кресла, иначе ей не удалось бы рассмотреть большинство названий фильмов, ведь коробки для дисков узенькие, и шрифт приходится использовать достаточно мелкий. С книгами проще, они почти всегда толще коробок для дисков, за исключением разве что совсем уж тоненьких

брошюр.

Книги имели вид довольно новый, и даже хорошо известная Насте классика присутствовала здесь не в тех изданиях, к которым она привыкла с детства и которые до сих пор стоят в квартире ее родителей. Издания были недавними, купленными в последние десять лет. И, вероятнее всего, нечитаными. Хотя...

Вот этот двухтомник. Черные обложки с красными буквами. Очень и очень знакомый. Маргарет Митчелл, «Унесенные ветром». Именно в том издании, которое Настя помнила с юности, когда романом с упоением зачитывались женщины и девушки всех возрастов. Насколько она помнила, в послеперестроечное время книгу переиздавали уже в другой обложке. Значит, стоящее у Ворожца на полке издание сохранилось еще с тех давних времен. Забавный выбор для серьезного бизнесмена. Впрочем, возможно, эта книга принадлежит не Петру Сергеевичу, а его супруге или даме сердца. Или маме. Или сестре. Или кто-то из гостей привез с собой и оставил.

Настя встала с кресла и достала книгу с полки. Видно, что ее читали не один раз. И даже, наверное, не один десяток раз. Значит, или чей-то любимый роман, или многократно передавался из рук в руки. Скорее всего, именно второе, ибо в советское время самые популярные книги купить было крайне трудно и их брали или в библиотеке, или друг у друга, занимая очередь. Да, все верно, издание 1986 года...

– Полуночищаете?

Настя вздрогнула и обернулась. В дверях стоял Ворожец и насмешливо улыбался. У его ног, как два изваяния, сидели две черные собаки – крупная и помельче.

– Да, не спится. Ничего, что я зашла сюда? Вы сказали, что не возражаете.

– Конечно, милости прошу. Выбрали что-то почитать?

– Выбирала.

Внимательные глаза хозяина дома остановились на книге у нее в руках. Насте отчего-то стало неловко, словно ее уличили в чтении неподобающей литературы или в чем-то непотребном.

– Любите «Унесенных»? – понимающе спросил Петр Сергеевич.

– Нет, просто заметила знакомую обложку, взяла посмотреть год издания. Все остальные книги намного более поздние.

Ворожец неожиданно рассмеялся.

– Вы правы. Хвалю вашу наблюдательность. Это действительно единственная книга, оставшаяся у меня со времен моей беспутной юности.

Все остальные куплены много позже.

– Почему? Простите, если я задаю бестактный вопрос. Она вам чем-то дорога? Память о ком-то?

Ворожец, до сего момента так и стоявший на пороге, сделал собакам знак не двигаться с места и шагнул в комнату. Бережно взял из рук Насти книгу, погладил пальцами и поставил на место.

– Очень соблазнительно было бы соврать и сказать, что это память о маме. Или о любимой девушке. Но я заработал за свою жизнь столько денег, что врать мне даже как-то унижительно. Это мой любимый роман. Единственный, который я регулярно перечитываю. Что, удивлены?

– Удивлена, – честно призналась Настя. – Впервые в жизни встречаю зрелого мужчину, который любит этот, в сущности, очень женский, роман и не стесняется в этом признаться.

– А я ни в чем не стесняюсь признаваться. – В голосе Петра Сергеевича зазвучали нотки озорства, и снова ей показалось, что откуда-то из глубины его глаз выглядывает веселый мальчишка-хулиган. – Какой есть – такой есть. Не пытаюсь выглядеть тем, чем не являюсь. Стесняются, Анастасия, те, у кого есть комплексы. А у меня их нет. Ни одного. Я отчетливо вижу свои слабые места и знаю свои недостатки, но мне за них ни капельки не стыдно. Вот такое я бессовестное существо!

Он снова негромко рассмеялся, и его светло-серые, почти бесцветные, глаза светились лукавством.

– Завтра собираетесь на северную сторону?

– Да, – кивнула Настя.

– Хотите, пошлю с вами кого-нибудь, кто хорошо знает те места?

«Спросил бы уж прямо, может ли он послать с нами своего соглядатая», – подумала она и вежливо ответила:

– Спасибо, Петр, не нужно, у нас хороший водитель, бывший таксист, он все дороги знает.

– Ну, тогда хорошо. Спокойной ночи.

Настя вернулась в свою спальню, приняла душ, расстелила постель и забралась под одеяло. Как тихо... Деревянные дома живут своей жизнью, дышат, вздыхают, иногда стонут и даже плачут. Она отчетливо поняла это в прошлом году, когда довольно долго жила в загородном доме брата. Вот и дом Ворожца издает тихие звуки, то мягкие, словно шепчущие, то внезапно резкие, но все равно негромкие.

Она не заметила, как заснула.

Воскресенье

Инна приехала, как и всегда, к восьми утра. Она работала без выходных, это было оговорено с самого начала и учитывалось в отнюдь не маленьком размере зарплаты.

– Когда гости уедут по делам, нужно проверить гостевой кабинет, – распорядился Ворожец.

– Конечно, Петр Сергеевич.

Она всегда отвечает «конечно» и всегда выполняет его поручения, хотя как помощница это делает – для Ворожца так и осталось загадкой. Проверка компьютера после того, как им воспользуется кто-то посторонний, была делом обычным, Инна кому-то звонила, приезжал на стареньком раздолбанном джипе паренек, его провожали в гостевой кабинет, и через непродолжительное время Инна докладывала Ворожцу результат. Куда она звонила и кто такой этот паренек, Петр Сергеевич не знал и знать не хотел.

Из окна его кабинета хорошо видны ворота, Петр Сергеевич, отрываясь от бумаг, то и дело бросал взгляд в ту сторону. Вот заезжает паренек на раздолбанном джипе, Инна выходит ему навстречу... Значит, уже совсем скоро он узнает, чем москвичи занимались вчера вечером. Вечно Игореха всех подозревает и перестраховывается, нет в этой парочке ничего опасного, он, Ворожец, нутром чует. Но раз Игорь с Костиком попросили – надо сделать. Сегодня Вербицкий драмтеатр празднует семидесятипятилетие, запланирована торжественная часть с речами и награждениями, как положено, потом что-то вроде веселого «капустника» примерно на часок, потом фуршет. Ну а потом уже, конечно, банкет для самых-самых. Петр Сергеевич – в числе приглашенных, ну а как же, он ведь спонсор! Разумеется, будут и мэр, и начальник УВД, да все руководство города придет. Костик, небось, опять сделает вид, что знает Ворожца только понаслышке... Да и ладно, не в том суть, Петр Сергеевич все понимает. Главное – можно будет пересечься с Игорем и сказать ему, чтобы выбросил из головы всякую дурь про москвичей, они нормальные ребята, простые и понятные, без второго дна. Впрочем, посмотрим еще, что вызванный Инной паренек скажет...

Он снова бросил взгляд в окно и с удивлением заметил, что дверь ворот начала отодвигаться. Это еще кто? Он ни с кем не договаривался и никого не ждал. Но, увидев маленькую серебристо-голубую малолитражку,

улыбнулся: Лорик пожаловала, Костина дочка. Наверняка с какой-нибудь просьбой. Зачем же еще приезжать в воскресенье к доброму дяде Пете, если не с намерением попросить разрулить очередной конфликт с родителями? Чуть что не так – сразу бегом к дяде Пете или к дяде Игорю: выручайте, спасайте, помогайте! Вот правильно он сделал, что не женился и детей не завел. Зачем нужны такие дети, которые не у родителей помощи и совета просят, а наоборот, спасаются от мамы с папой у их же друзей? Может, кому-то, конечно, такие дети и нужны, но только не ему, Петру Ворожцу.

Лорик, грациозная как лань, выскочила из машины и помчалась к крыльцу. Петр Сергеевич запер кабинет и спустился вниз. Инна вместе с пареньком-компьютерщиком находилась в гостевом кабинете.

– Скажи Наде, пусть подаст кофе с десертами. Лорик приехала.

– Конечно, Петр Сергеевич.

Ворвавшаяся в дом Лариса с разбегу бросилась на шею Ворожцу и заверещала:

– Дядя Петечка! Как я соскучилась! Вы совсем перестали к нам приезжать!

Ворожец приобнял девушку и чмокнул в висок.

– А ты, можно подумать, в курсе, приезжаю я или нет, – насмешливо отозвался он. – Ты же в резиденции не живешь.

Лариса обиженно надула губки.

– Ну и что? Мама всегда говорила: приезжай вечером, дядя Петя придет на ужин. И я почти всегда приезжала. А теперь она уже давно так не говорит. Значит, вы у них не бываете.

– Соскучилась, стало быть? – Ворожец недоверчиво прищурился.

– Ага, – подтвердила она, – соскучилась просто ужасно.

– Понятно. Пошли кофейку с пирожными выпьем. Расскажешь, что стряслось.

– Да ну вас, дядя Петя... – расстроено проговорила Лариса.

– Не «ну вас», а «вы, как всегда, правы, дядя Петя», – поправил он с улыбкой. – Так в чем проблема?

По заведенному порядку кофе с пирожными подавать полагалось не в столовой, а в гостиной. Если, конечно, это не являлось заключительной, десертной, частью трапезы. Ворожец уселся на диван, Лариса тут же забралась с ногами в кресло и свернулась клубочком.

– У вас такие вкусные десертики всегда, – мечтательно протянула она. – Ну, короче... В общем, папа требует, чтобы я привела к ним своего ухажера познакомиться.

– Ну так приведи. В чем проблема?

– Ну дядя Петя!

Ему нравилось поддразнивать ее. Лорик была еще такой молоденькой! И далеко не всегда умела отличить шутку от сказанного всерьез. Почему-то Ворожец испытывал удовольствие, глядя, как она нервничает и сердится, не понимая, что все происходит «понарошку». А может, это было не удовольствие, а умиление? Он не знал и разбираться в этом тонком вопросе не собирался.

– Сегодня юбилей драмтеатра. Отец с мамой собираются туда? – спросил он.

– А как же! Уже неделю меня долбают, чтобы я купила приличное платье и пошла с ними.

– И как? Купила?

– Да вы что, дядя Петя?! – Лариса возмущенно округлила глаза. – И не собираюсь. Чего я не видела на этих сходняках? Без меня отлично сходят.

– Вот тут ты не права...

Ворожец прервался, пока Надя ставила на низкий широкий стол чашки, кофейник, блюдо с пирожными, тарелки и приборы. Лариса сразу протянула руку и утащила с блюда ванильный эклер. Она обожала сладкое.

Когда Надя вышла, Лариса быстро дожевала эклер, вытерла губы ладонью и облизнула испачканные кремом и глазурью пальчики. Петр Сергеевич укоризненно покачал головой.

– Салфетки же есть!

– Да ладно! – небрежно отмахнулась она. – И так сойдет. Почему я не права?

– Потому что на юбилее театра будет огромное количество журналистов, все внимание будет приковано к мэру и его семье. И все увидят тебя в компании с молодым человеком. Завтра об этом будет написано в газетах, появится информация в интернете и по телевидению покажут репортаж. И все, Лорик. Все сразу успокоятся, никто не будет ничего про тебя выдумывать, строить догадки и предположения. Тебя оставят в покое.

– Меня и так никто не беспокоит, – буркнула она.

– Тебя – нет, а отца – очень даже беспокоят. Подумай о нем и о маме. Да и сами они переживают, их можно понять. И их тоже имеет смысл успокоить. Все равно это придется сделать рано или поздно, и лучше сегодня, чем потом.

– Почему? Почему лучше сегодня?

– Потому что сегодня мероприятие. Много народу. Папа будет занят, у

них с мамой просто не будет возможности вцепиться в твоего парня мертвой хваткой. И вы сможете уйти в любой момент. А если ты притащишь его к родителям в дом, то он станет единственным объектом внимания. И уйти вы уже не сможете, это невежливо, вам придется досиживать до конца. В общем, Лорик, слушай умного дядю Петю, и все будет нормально. Дядя Петя плохого не посоветует.

– Ну дядя Петя!!! – в отчаянии воскликнула Лариса. – Ну вы же все понимаете!

– Само собой, – довольно улыбнулся Ворожец.

Он неторопливо положил в десертную тарелку фруктовую корзиночку и весьма ловко управился с ней при помощи десертной вилки и чайной ложечки. Сделал три глотка крепкого кофе, поглядывая на девушку, которой явно было не по себе.

– Ничего не бойся, девочка, – с неожиданной мягкостью проговорил он. – Я буду рядом, помогу, если что. Я же главный спонсор юбилейного торжества, без меня никак. А вот если ты привезешь своего приятеля в резиденцию, то там меня точно не будет. И никто тебя, глупышку, не спасет. Я все устрою. Инна! – крикнул он во весь голос.

Помощница появилась через несколько секунд.

– Слушаю, Петр Сергеевич.

– Долго там еще?

– Уже заканчиваем.

– Отлично. Позвони, куда там надо, пусть подберут несколько вечерних платьев для Лорика. И позвони Гале, пусть съездит вместе с Лориком и поможет ей выбрать. Объясни, что ребенка нужно одеть для участия в торжественном мероприятии.

– Конечно, Петр Сергеевич, сейчас все сделаю.

И сделает. Ворожец в этом не сомневался. Помимо исполнительности и четкости у этой женщины есть еще одно поистине бесценное качество: она начисто лишена любопытства. Ничего лишнего не спрашивает и никуда не лезет. Цены ей нет. Изначально Ворожец планировал взять Инну только на время, пока он подыщет себе другого надежного помощника, разумеется, мужского пола. Именно поэтому и был поставлен вопрос о хорошо оплачиваемой работе без выходных, ведь Петр Сергеевич был уверен, что все проблемы быстро разрешатся и можно будет в короткие сроки найти того, кто займет место погибшего в аварии помощника. А два-три месяца можно и без выходных поработать. Однако месяцы шли, а проблема не разрешалась. И найти нового помощника, отвечающего всем чрезмерным требованиям Ворожца, оказалось не так-то просто. Может

быть, имеет смысл подумать о том, чтобы взять Инну на постоянную работу? Нет, не получится. Ему нужен мужик без семьи, чтобы жил здесь же, в домике для персонала, и был всегда под рукой. А у Инны муж и сын. Сын, правда, большой уже, учится в институте в Кемерове и в мамке не особо нуждается, но все равно: семья. И Инна ни за что не согласится на такой график работы, который устраивал бы Петра Сергеевича, какие бы огромные деньги он ей ни предложил. А жаль.

Лариса сидела насупившись и молча поглощала пирожные одно за другим. Петр Сергеевич молчание не прерывал, пил кофе и предавался размышлениям до тех пор, пока снова не появилась Инна.

– Ларису ждут в магазине «Принцесса» на Северном проспекте, дом восемьдесят девять, – доложила она. – Подберут платье и все аксессуары. Галина Евгеньевна будет там через час и поможет. Прическу, маникюр и макияж она устроит.

– Хорошо, – кивнул Ворожец.

Лариса сидела с видом овцы, которую сейчас поведут на заклание.

– Как же не хочется... Дядя Петя, а может, как-то обойдется, а?

Он строго посмотрел на девушку.

– Не обойдется. Надо, Лорик, надо. Я же сказал: я все устрою. Ни о чем не беспокойся. Поезжай в магазин, потом Галя тебя отвезет куда надо. И позвони мне через... – Он посмотрел на часы, что-то прикинул. – Через два часа. Я скажу, что делать дальше.

– Но как же... – Она растерянно посмотрела на Петра Сергеевича. – Он же...

– Поезжай, я сказал! – прикрикнул Ворожец. – И через два часа позвони мне. Если я обещаю, что все будет в порядке, значит, все будет в порядке.

Лариса поплелась к двери. От той стремительной грациозной девочки, которая буквально час назад влетела сюда как на крыльях, не осталось и следа. Ворожцу на какое-то мгновение даже стало жаль ее. Но мгновение это оказалось весьма коротким.

Из окна гостиной он наблюдал, как садилась в машину и выезжала за ворота дочь его друга Кости Смелкова. Потом достал телефон и сделал один звонок. Еще через несколько минут на крыльце показались Инна и паренек-компьютерщик. Снова открылись и закрылись ворота. Негромко стукнула входная дверь, вернулась помощница.

– Ну и что там оказалось? – спросил Ворожец как можно равнодушнее.

– Карты города, прилегающих территорий, области. Сайты Водоканала и энергетиков, разделы перспективного планирования. Сайт Кадастровой

палаты. Подборка материалов по поисковым словам «раздел сфер влияния в Вербицке» и «криминальные войны в Вербицке».

– Больше ничего?

– Ничего, – коротко подтвердила Инна.

– Выход в почтовый ящик? В скайп? В соцсети?

– Ничего, – твердо повторила она. – Только то, что я перечислила.

Похоже, эти московские ребята действительно провели вчера вечером «производственное совещание» и обсудили план действий на ближайшие дни. Пока что все в точности укладывается в ту легенду, которую они изложили Игорю Баеву, а потом и ему, Ворожцу. Значит, это, скорее всего, никакая не легенда, а самая настоящая правда. Ну и славно. Именно так он и скажет Игорехе сегодня вечером, когда они встретятся в театре. И Костику скажет. Уж сегодня-то Косте придется на глазах у всех пожать руку Ворожцу и пообщаться с ним, никуда не денешься: Петр Сергеевич – главный спонсор торжества. Но Костик и будет разговаривать с ним как со спонсором, а не как с личным другом.

А может... Петр Сергеевич улыбнулся неожиданно пришедшей в голову мысли. Он же главный спонсор и пригластительными билетами распоряжается по собственному усмотрению. Ему выделена ложа дирекции, куда он может пригласить кого угодно. Сам директор будет находиться вместе с мэром в другой ложе, «губернаторской».

– А позвони-ка нашим гостям, – обратился он к Инне, – и предложи им посетить наше мероприятие. Может быть, им это интересно. Все-таки культурная программа, как-никак. Весь цвет города будет присутствовать.

– Конечно, Петр Сергеевич, – последовал вполне ожидаемый ответ.

* * *

День выдался прохладным, солнечным и ветреным. Настя Каменская любила такую погоду, поэтому с удовольствием прогуливалась вдоль дороги, пока Коротков обходил и осматривал предполагаемые участки. Водитель Володя сладко подремывал в машине под воркование голосов, доносящихся из радиоприемника.

Она остановилась и с наслаждением окинула взглядом открывающуюся панораму. Если бы строить пансионат нужно было ей и если бы не существовало финансовых ограничений, то она выбрала бы именно этот участок на берегу окруженного таежным лесом огромного озера. Красиво так, что больно смотреть. Но Юрка говорил, что за эту

землю уже сейчас, когда еще нет ни трассы, ни даже утвержденного проекта, просят слишком много. Впрочем, возможно, брату такая покупка окажется вполне по карману. Она никогда не пыталась выяснить, насколько состоятелен Александр Каменский и насколько богат его банк «АПК», так что реального представления о его финансовых возможностях не имела совсем.

– Алё, гараж! – послышался сзади голос Короткова. – Кончай мечтать, поехали.

Настя обернулась.

– Красиво здесь, – сказала она. – Я бы на месте Сашки купила этот участок. Ничего лучше мы наверняка не найдем.

– Ну почему? – возразил Коротков, закуривая. – С северной стороны еще два участка, примыкающие к водоемам, мы как раз сейчас и поедем их смотреть. Они, конечно, дальше от города, но зато и подешевле. Мне только что звонила эта тетка, которая типа секретаря у Ворожца, Петр Сергеевич приглашает нас с тобой сегодня вечером посетить юбилейный вечер в их Вербицком драмтеатре. Что думаешь?

Настя удивленно посмотрела на него. Как это: что она думает? Да понятно же что! Какой может быть юбилейный вечер, если у них с собой только самая обычная одежда в диапазоне «поездка в лес – деловой обед или ужин в дорогом ресторане». Хотя...

– А кто там будет?

– Все руководство, включая мэра. А Ворожец наш – главный спонсор. Он у нас, оказывается, еще и меценат.

– То есть те, с кем придется иметь дело в ходе переговоров о покупке участков, там тоже будут?

– Думаю, да, – кивнул Юра.

– А узнать поточнее?

– Не вопрос.

Он вынул телефон и вызвал номер последнего абонента.

– Как ее звать-то? – шепотом спросил он у Насти, слушая длинные гудки. – Забыл уже.

– Инна, – подсказала она, вытаскивая из сумки блокнот с записями. – И громкую связь включи.

Инна перечисляла фамилии приглашенных, а Настя смотрела, есть ли эти имена в ее списках, и при каждом совпадении молча кивала. Когда количество совпавших имен перевалило за двадцать, она захлопнула блокнот, демонстративно дернула себя за полу ветровки и ткнула пальцем в кроссовки, покрытые пылью и хвоинками.

Коротков понимающе кивнул и спросил:

– Дресс-код обозначен? Спасибо, мы с коллегой подумаем, посмотрим наши графики и сообщим свое решение.

– Деловой ты – аж страшно, – со смехом заметила Настя, когда Юра закончил разговор. – Коллеги, графики, решения... Прямо как у больших.

– А что поделатъ? – Он картинно развел руками. – Должность обязывает. Когда опером бегал – все проще было. А теперь сплошные политесы. Я и сам еще не все слова выучил. Например, вот это... как его... каж... кежу... Нет, не выговорю. Но это то, в чем надо быть на торжестве в театре.

– Casual elegant?

– Во-во. Я уж постеснялся у Инны спрашивать, что это такое. На тебя понадеялся. Так что это?

– Это нормальное, – успокоила его Настя. – Примерно то, что мы с тобой взяли для деловых ужинов. Покатит. Ну что, звонить Саше? Пусть даст команду, чтобы не получилось, что мы самовольничаем.

– Звони. И поехали уже, Настюха, время идет, у нас еще четыре участка на сегодня запланированы.

Александр Каменский идею посещения торжества одобрил: личное знакомство всегда полезно, особенно если удастся оказаться представленными и действующему мэру, и его конкурентам на выборах. Кто-нибудь из них станет первым лицом и будет руководить городом во время строительства пансионата, и не грех расположить их к себе заранее.

– Если нужно купить что-то из одежды для вечера – не стесняйтесь, – сказал на прощание брат. – Все должны видеть, что вы люди не бедные. Посол – лицо страны.

– Обойдемся, – хмыкнула Настя.

* * *

После обзора участков Настя и Коротков направились в гостиницу, посидели в ресторане и поднялись в свои номера, чтобы выбрать одежду для посещения театра. Пожалуй, она погорячилась, гордо заявив брату Саше, что они «обойдутся». Ее темно-серый брючный костюм имел вид вполне деловой и строгий, но ничего торжественного в нем не было. К нему бы украшения, хоть какие-нибудь... Но украшений она в эту поездку не взяла, ей такое даже в голову не пришло. Только обручальное кольцо, которое Настя никогда не снимала. Ситуацию мог бы спасти правильно

подобранный шарфик или платок. Но где его взять в воскресенье во второй половине дня? В выходные дни обычно работают только бутики, цены в которых заставляют Настю содрогнуться и заплакать от горестного осознания того, что тридцать лет верной службы государству ничего в глазах этого самого государства не стоят. Магазины эконом-класса в воскресенье, как правило, закрыты. Дело даже не в том, что у нее нет денег, у нее и зарплата сейчас неплохая, и Александр перевел на их с Коротковым карточки более чем достаточную сумму, сказав, чтобы его посланники ни в чем себе не отказывали. Деньги у нее есть. Но и обида тоже есть. И эта обида не позволяет ей радостно тратить деньги на то, что, на ее взгляд, является избыточным и не жизненно необходимым.

Достав косметичку, она нанесла легкий макияж. Общий вид стал лучше, но ненамного.

Она постучалась в дверь, ведущую в номер Короткова.

– Юр, как у тебя?

– На похороны можно, – послышался из спальни его угрюмый голос. – Или в суд на скамью подсудимых.

Он появился в темном костюме и строгом галстуке. Светлая сорочка в едва заметную полоску положения не спасала.

– Мрачно и серьезно, – констатировала Настя. – И я не лучше. Что будем делать? Плюнем? Или попробуем что-то предпринять?

– Придется предпринимать, – вздохнул Коротков. – Мы должны произвести впечатление адекватных людей, с которыми можно иметь дело.

Они спустились вниз и нашли на стоянке свою машину. Водитель Володя, выслушав их просьбу, задумался ненадолго, потер мочку уха, потом радостно кивнул:

– Есть такое место! В воскресенье открыто и цены нормальные.

Он не ошибся: магазин, в который он привез Настю и Короткова, действительно работал, и цены в нем были более чем приемлемые. Коротков, первоначально нацелившийся только на галстук, раздухарился и купил вместе с галстуком вполне подходящую к случаю сорочку, Настя же обошлась на редкость недорого, но необыкновенно элегантно шарфиком. Теперь оба выглядели достойно: в меру деловито – в меру празднично. Да и времени на дальнейшие улучшения внешнего вида уже не оставалось, они и без того опаздывали.

К театру подъехали на четверть часа позже, чем договаривались с Инной. Помощница Петра Сергеевича с невозмутимым видом ждала их у входа и сразу же проводила в просторное фойе и подвела к Ворожцу, оживленно беседующему с небольшой группой мужчин и нарядно одетых

дам. Началась процедура представлений и знакомств, мелькали лица, имена, должности и регалии... Начало торжественной части откладывалось: ждали мэра. Наконец, к Ворожцу подлетел полный невысокий мужчина в смокинге и что-то шепнул на ухо.

– Господа, прошу в зал, – широко улыбнулся Ворожец. – Константин Кириллович приехал, будем начинать.

В сопровождении Петра Сергеевича Настя и Юра прошли в ложу дирекции, оценили вазу с фруктами и бутылки с напитками на столике в аванложе и заняли места в первом ряду. Ворожец извинился за то, что вынужден их покинуть:

– Мое место, к сожалению, в президиуме. – В его голосе звучал нескрываемый сарказм. – Мне будут говорить спасибо, а я буду с умным видом кивать и улыбаться.

Зрительный зал быстро заполнялся, и людей, одетых весьма обычно, оказалось больше, чем тех, кто принял во внимание пресловутый дресс-код. В их ложе расположились еще четверо приглашенных, но сразу же после вступительного слова, произнесенного директором театра – тем самым полным мужчиной в смокинге, они переместились в аванложу и что-то бурно обсуждали.

Директор предоставил слово мэру Вербицка Константину Кирилловичу Смелкову, и Настя с интересом принялась наблюдать за главой города. Очень привлекательный. Моложавый. Отличная осанка. Легкий шаг. Густые волосы. Гладкое лицо. Неужели ему пятьдесят три года? Или пятьдесят два? Он не может быть моложе Ворожца, они ведь одноклассники. А выглядит мэр Вербицка лет на сорок пять максимум. Хорошо поставленный голос. Обаятельнейшая улыбка. Говорит без бумажки, от души. Или из головы? Впрочем, это не важно. Важно, что без бумажки. И слова произносит человеческие, добрые, а не докладывает с дежурным пафосом об успехах и достижениях в деле развития культуры. О том, что такое театр в нашей жизни. О своих первых театральных впечатлениях, когда бабушка приводила его на детские спектакли. О самоотверженном труде всех тех, кто в экономически непростой период поддерживал и поддерживает жизнь сцены.

Глядя на этого человека и слушая его выступление, как-то трудно представить Константина Кирилловича строительным рабочим...

Она бросила взгляд на Короткова, сидящего рядом: хороший костюм, запах дорогого парфюма.

– Юр, – шепотом спросила она, – ты до школы милиции чем занимался?

– В армии служил, – тоже шепотом ответил он. – А что?

– А до армии? Между десятым классом и армией?

– В гараже слесарил, у меня ж ПТУ было... Да я тебе сто раз рассказывал. Забыла?

– Забыла, – виновато призналась она. – Теперь вспомнила.

Мальчик из ПТУ. Слесарь в гараже. Молоденький лейтенант в новеньких погонах с двумя сияющими звездочками. Полковник милиции. Директор пансионата, имеющий возможность позволить себе дорогие костюмы и разбирающийся в проблемах водоснабжения и электросетей... Сорок лет – долгий путь. Через сорок лет ты уже не изменившийся человек. Ты просто другой человек. Совсем другой. Почему-то вспомнился фильм по роману «Побег из Шоушенка» Стивена Кинга. Герой Моргана Фримена, отсидевший сорок лет из пожизненного срока за преступление, совершенное в далекой юности, на комиссии по условному освобождению отвечает на вопрос, перевоспитался ли он: «Перевоспитался ли я? Сожалею ли я о том, что сделал? Вспоминаю, каким я был молодым глупым пацаном... Мне жаль, что я не могу поговорить с ним, я бы попытался вразумить его... сказать ему, что его ждет в будущем. Но я не могу. Этого мальчика уже нет. Остался только этот старик».

И мэр Смелков теперь другой, совсем не похожий на того парнишку с лопатой, который строил Вербицкую звероферму. Того парнишки уже нет. Интересно, какие слова сегодняшней уверенный и успешный Константин Кириллович мог бы сказать себе семнадцатилетнему?

Мэр говорил вдохновенно, много шутил, гости одобрительно смеялись и аплодировали. Когда он сошел с трибуны, Насте стало скучно: все последующие выступающие не шли со Смелковым ни в какое сравнение. Она вспомнила, что в аванложе на полочке видела бинокли. Не проявившие интереса к торжественной части гости – трое мужчин и женщина – с деловым видом поедали виноград, пили вино и обсуждали что-то насчет налога на добавленную стоимость. На Настю они не обратили ни малейшего внимания. Она тихонько взяла бинокль, вернулась на место и начала искать среди сидящих в партере и в ложах тех, с кем успела познакомиться. Закончивший выступление мэр не остался в президиуме, ушел за кулисы, и через несколько минут Настя увидела его в «губернаторской» ложе рядом с супругой. В соседней ложе она заметила главного соперника мэра – Горчевского, которому их с Коротковым любезно представил Петр Сергеевич. До окончания торжественной части ей удалось найти почти всех новых знакомых и даже прикинуть, кто именно сидит рядом с ними: члены семьи, любовницы или деловые

спутники. Жаль, что сам Ворожец сидит на сцене в президиуме... Хотя сейчас начнется представление, он пересядет в зрительный зал и можно будет... Нет, не получится. Во время торжественной части свет в зале включен, и это позволяет прекрасно рассмотреть зрителей. Во время спектакля, который директор театра почему-то назвал «капустником», свет будет погашен. Ну, ничего, впереди самое главное – фуршет, и уж там-то непременно выяснится, с кем именно Петр Сергеевич явился на юбилей.

Она рассматривала гостей торжества и параллельно продолжала обдумывать все ту же мысль: как меняется человек с годами и как изменилась она сама. Получается, что той девочки-девятиклассницы, в которую влюбился Леша Чистяков, тоже нет. И самого Лешки, рыжего, вихрастого, насмешливого, тоже нет. А есть два совершенно других человека, непонятно каким чудом удержавшиеся друг возле друга. Думать об этом было неприятно. Интересно, какие слова она, пятидесятичетырехлетняя пенсионерка, сказала бы теперь той девочке? Не ходи работать в милицию? Не выходи замуж за одноклассника? Нет, нет и нет. Таких советов она не давала бы. Ни одной минуты в своей жизни она не пожалела ни о первом, ни о втором. Тогда что? Неужели она за все эти годы не поумнела и не помудрела и сказать той девочке ей совершенно нечего? Нет ни одной мысли, которой хотелось бы поделиться?

Когда перед началом «капустника» в ложе появился Ворожец, Настя мысленно обругала себя за невнимательность: о чем она вообще думала? Ведь ясно же, что если Ворожец усаживает своих гостей в ложе дирекции, значит, и он сам будет находиться там же. А где еще может сидеть главный спонсор праздника? Или в «губернаторской» ложе, или здесь. Кстати, а почему он не рядом со Смелковым? Ведь сколько разговоров было об их многолетней дружбе...

Петр Сергеевич появился в сопровождении необыкновенно красивой синеглазой брюнетки в длинном темно-красном платье с глубоким декольте, которую представил как Галину, свою подругу. Представление, подготовленное к юбилею, оказалось действительно очень веселым: десять пятиминутных безумно смешных пародий на самые известные спектакли Вербицкого драмтеатра за все годы его существования. Сначала двухминутная сцена из спектакля «в оригинале», потом три минуты пародирования. Настя оценила оригинальность замысла и виртуозность исполнения. Тем, кто это придумал и воплотил, следовало бы поставить высший балл! Особенно развеселила ее сцена из спектакля «Платон Кречет»: для обыгрывания был взят эпизод, в котором главный герой, Платон, задумчиво играет на скрипке, вслух размышляя над чем-то

сложным, связанным с работой. В пародийную часть вплели мотивы из «Скрипача на крыше», а в финале перешли к Шерлоку Холмсу, закончив знаменитой музыкой из сериала и репликой с упоминанием Ватсона. Зал грохнул. Получилось действительно очень изящно и ужасно смешно.

– Пошли работать, – с искренним сожалением сказала Настя, когда представление закончилось.

Да, в данном случае фуршет – это именно работа. Знакомиться, производить впечатление, налаживать связи, получать информацию... Из всего перечисленного Настя Каменская любила делать только последнее. Но все остальное являлось необходимой частью, без которой ничего не получится. Кто будет иметь дело с человеком, которого не знает или который не симпатичен?

В центре фойе в окружении непрерывно фотографирующих корреспондентов стояли мэр с супругой и хорошенькая девушка в вечернем платье. Рядом с девушкой – молодой человек в смокинге. Дочка мэра с женихом? Или парень – его сын? Вроде Петр Сергеевич упоминал только о двух дочерях, когда рассказывал о своем друге Смелкове. Молодой человек, единственный, кроме директора театра, кто считал необходимым надеть действительно «торжественный» костюм, улыбался чуть смущенно, при этом излучая полное спокойствие и уверенность. Девушка же была, как показалось Насте, то ли напряжена, то ли чем-то испугана, то ли просто недовольна.

– Жена Кости, Верочка, – тихонько пояснил идущий рядом Ворожец. – Лариса, Лорик, их дочка. И ее молодой человек. Наконец-то Лорик нам его показала.

– Он кто? – с нескрываемым любопытством спросила Галина, крепко державшая своего кавалера под руку. – Чем занимается? Где она с ним познакомилась?

– Понятия не имею, – ответил Петр Сергеевич. – Сам впервые его вижу. Подозреваю, что Костя с Верочкой тоже только сегодня с ним познакомились. Во всяком случае, они постоянно жаловались, что Лорик не показывает им своего бойфренда. Пойдемте, друзья мои, – обратился он к Насте и Короткову, – я представлю вас нашему мэру.

– А ничего, что там фотографии? – забеспокоился Коротков. – Мы не помешаем?

– Да брось ты! Эти фотографии весь вечер будут вокруг мэра крутиться. Так что ж теперь, ему и пообщаться ни с кем нельзя? Пойдемте-пойдемте, а то Верочке скучно, она хотя бы с вами поговорит.

Знакомство состоялось легко и приятно, Смелков источал

доброжелательность и всячески демонстрировал приязнь, горячо поблагодарил Ворожца за гостеприимство, оказанное гостям из Москвы, представляющим такой уважаемый и пользующийся хорошей репутацией банк... Короче, сказал все нужные слова и даже немного сверх того. При этом называл Ворожца «Петр Сергеевич» и обращался к нему на «вы». Настя с трудом удерживалась, чтобы не прыснуть. Через пару минут путем нехитрых манипуляций удалось разделить: вниманием мэра полностью завладел Коротков, а Настя оказалась в компании супруги мэра, ее дочери, молодого человека в смокинге и Ворожца с Галиной. При этом Вера Смелкова и Галина начали обсуждать каких-то общих знакомых, а Настя и Ворожец пытались завязать беседу с Ларисой и ее спутником, представившимся Олегом. Лариса в разговор втягивалась неохотно, и Насте показалось, что она то и дело бросает на Петра Сергеевича умоляющие взгляды. А вот Олег ей понравился. Он не был скован, говорил свободно, в то же время не допуская никакого панибратства. Умело держал дистанцию и демонстрировал хорошее знание театральной классики, с удовольствием обсуждал с Настей только что увиденный пародийный спектакль, и наблюдения и оценки его были умными и точными. Настя порадовалась, что ей достался столь знающий собеседник, ведь ни с Коротковым, ни с Ворожцом, ни тем более с незнакомой супругой мэра ей вряд ли удалось бы так интересно поболтать. Хотя ее задача на данном мероприятии – располагать к себе «нужных» людей, а вовсе не бойфрендов молоденьких дочерей этих самых людей, но ведь приятный собеседник это такая редкость...

Дочь мэра настороженно прислушивалась к их разговору, но участия в нем не принимала. Ворожец тоже слушал, но не настороженно, как девушка, а с нескрываемым интересом, переводя взгляд с молодого человека на Каменскую, при этом Настя готова была голову прозакладывать, что уважаемый Петр Сергеевич не является специалистом в обсуждаемых вопросах и даже не пытается вникнуть в смысл сказанного, а изучает и оценивает Олега. И ориентируется при этом на ее, Настину, реакцию. Московская гостья одобрительно и согласно кивает? Значит, кавалер Ларисы сказал что-то умное. Смеется? Значит, удачно пошутил. Настя рассказывает что-то малопонятное? Стало быть, видит в Олеге понимающего знатока. Почему этот парень так заинтересовал бизнесмена?

«Все ясно, – мелькнуло в ее голове, – Ворожцу небезразлична жизнь девочки, дочери его друга, он тоже беспокоится, как и ее родители. И, наверное, недоумевает, почему Лариса раньше не познакомила маму с папой с таким славным юношей. Таким кавалером можно только гордиться.

Хотя... все может быть. Например, он женат. Родители точно не одобрили бы этого. А если там еще и ребенок маленький, тогда обструкция обеспечена и в семье, и в прессе».

Между тем на самом интересном месте такой увлекательной беседы компоновка групп переменялась. Коротков удалился в противоположную часть фойе в компании двух солидных мужчин, с которыми его познакомил Смелков, а сам мэр присоединился к ним, ласково обнял жену, шутливо дернул за локон дочь и одарил всех остальных лучезарной улыбкой. Тут же снова засверкали вспышки фотокамер. Настя заметила, что Петр Сергеевич занял такую позицию, при которой трудно было бы сделать снимок «Мэр и бизнесмен Ворожец – дружба навеки», где оба персонажа получились бы анфас и чуть ли не в обнимку. И поймала быстрый благодарный взгляд мэра, брошенный им в сторону друга. Что ж, между друзьями существует договоренность, и Петр Сергеевич ее соблюдает. Без обид.

А действительно ли без обид? Как знать...

Смелков, не обращая внимания на серьезного вида людей, похожих на чиновников или бизнесменов, норовящих попасться ему на глаза и завести беседу, направил всю мощь своего обаяния на Олега, буквально бомбардируя его вопросами. И снова Настя перехватила тревожный и просительный взгляд, брошенный Ларисой на Ворожца. Петр Сергеевич начал довольно ловко отвлекать мэра, умело втягивая в разговор его супругу Веру.

Все это было мило и даже увлекательно, но надо не забывать, зачем она здесь находится. Настя мысленно вздохнула и переключилась на Галину. Ворожец говорил, что организовал ей сеть СПА-салонов. И грех этим не воспользоваться.

Уже минут через пятнадцать, прогуливаясь с Галиной по фойе и поедая тарталетки (правда, с чем они – Настя определить так и не смогла), выяснилось, что на первом месте по степени обсуждаемости среди жительниц Вербицка стоит убийство Милы Милановской, работавшей на ток-шоу «Персона». Саму Милановскую, занимавшую должность шеф-редактора, телезрители не знали, но когда ее убили, стало известно, что в ходе подготовки программы с мэром Смелковым вылезла какая-то информация про его соперника Горчевского. Вот из-за этой информации Милановскую и убили.

– Гена Лаевич сказал, что рейтинг Горчевского сразу пошел вниз, – говорила Галина, то и дело прикасаясь к Настинной руке, словно стараясь привлечь к себе еще больше внимания. – Все только и судачат, что Горчевский заказал Милановскую.

– Кто такой Лаевич? – терпеливо спрашивала Настя.

Подруга Петра Сергеевича, несомненно, не была глупа, даже напротив. Но дисциплина устной речи явно не была ее сильной стороной. Есть такие люди, которые, едва познакомившись с вами, могут брякнуть: «Ленка разводится с Васей из-за этого Коли». Не понятно ровным счетом ничего. Хотя вполне можно было сказать: «Моя бывшая однокурсница разводится с мужем, у нее роман с коллегой по работе, и она решила уйти к нему». Просто и понятно. Галина сыпала именами и фамилиями, как будто Настя была ее давней знакомой, жила в Вербицке и прекрасно знала всех этих людей. Приходилось постоянно останавливать ее и уточнять, о ком идет речь.

– Гена Лаевич руководит у Кости предвыборным штабом. Они там опросы чуть ли не каждый день проводят. Симпатии населения все больше склоняются к Косте, но если это из-за разговоров о Горчевском и Милановской, то это плохо. Игорь весь извелся, аж почернел, ему с убийствами экологов покоя не дают, а тут еще Горчевский... Знаете, как на него наезжают!

Игорь – это, по-видимому, полковник Баев. А то, что на него наезжают, – вполне понятно. Баев – друг Смелкова. Горчевский – соперник Смелкова. Даже если улики против Горчевского окажутся более чем весомыми, все равно противники нынешнего мэра будут кричать о том, что Баев фальсифицирует материалы дела, чтобы помочь другу в предвыборной борьбе. И Баев попадает между двух огней. Ему сейчас не позавидуешь.

– Вас Петя с Игорем уже познакомил?

– Да мы как-то... сами, – усмехнулась Настя. – Не сказать, чтобы Игорь Валерьевич был очень рад нас видеть.

– Ой, да перестаньте. – Галина сделала очаровательную смешную гримаску. – Игорек очень милый, только бука немножко, потому что у него служба тяжелая. А пойдемте, я вас с Алисой, его женой, познакомлю, вон они с Игорем стоят.

В цивильном костюме начальник УВД полковник Баев выглядел еще более угрюмым. Рядом с ним, с кислым выражением лица и бокалом шампанского в руке, стояла молодая женщина, которую Настя сперва приняла за его дочь. Но это оказалась жена Игоря Валерьевича.

Заметив Настю, Баев окатил ее таким взглядом, что ей стало не по себе. Господи, ну что они с Коротковым ему сделали? Чем так насолили, что он их воспринимает как кровных врагов? Поняв, что подруга Ворожца целенаправленно двигается в их сторону и собирается знакомить

московскую гостью с его женой, Баев заблаговременно отвернулся и отошел якобы в поисках каких-то знакомых.

Через несколько минут общения с молодой женой полковника Настя почувствовала, что у нее сводит челюсти. Глупость и апломб барышни показали ей невыносимыми. Галина заметила, что Настю тяготит разговор, и быстро увела ее под предлогом «ой, я совсем забыла, мы же обещали...», за что Настя была ей искренне благодарна.

– Видите, что делается? – говорила Галина, ловко лавируя в толпе и прокладывая путь к столу с закусками. – Самые лучшие мужики достаются самым дурацким дурам. Я специально вас познакомила, чтобы вы поняли, почему Игорек такая бука. А каким еще станешь с такой женой? Она ему весь мозг вынесла. Когда они познакомились, ей было двадцать два года, муж был, правда, гражданский, но все-таки, жили вместе, она ребенка родила. Малышу еще годика не было, когда Игорь Алиску встретил, и у него крышу сорвало. Вот буквально! Совсем ничего не соображал – так влюбился! А она его не любила совсем, просто на погоны повелась, на должность, на возможности. Ну и заморочила ему голову. Сам развелся, ее от мужика увел, женился на ней, годика через три она ему тоже родила. И после вторых родов из нее такая дурь поперла, что хоть стой, хоть падай, хоть в тайгу в тапочках беги. А Игоря жалко... Ну чего там, любовь – она ведь кого хочешь накроет, она не спрашивает. Он хороший, умный, дело свое знает. И вот так попал...

Стол с закусками заметно опустел, но разжиться фруктами и какими-то десертами все же удалось. Галина с легкой завистью смотрела, как Настя беззаботно поглощает крем-брюле.

– Вот бы мне так, – вздохнула она. – А нельзя. Каждый грамм сахара немедленно откладывается на боках. Мне фигуру надо беречь, у меня же возраст... Ну, сами видите. Еще чуть-чуть – и наступит «вторая свежесть», а мне надо товарный вид сохранить, чтобы мужа найти. И родить, пока еще годы позволяют. Жаль, Петенька у нас убежденный холостяк и детей не хочет, а то я бы за него вышла. Но я детей хочу. И в браке, а не просто так. Я б за кого угодно вышла, лишь бы детей родить и вырастить нормально. Даже за старика, если он еще... ну, способен.

– А роль молоденькой жены при старом муже вас не смущает? – улыбнулась Настя, подивившись такой внезапной откровенности. – Вы же сами только что весьма критично отзывались о супруге полковника.

– Меня-то? – усмехнулась Галина и сунула в рот тоненькую дольку яблока. – Меня вообще ничего не смущает. Петя меня давно приучил к тому, что надо быть тем, что ты есть, и не фиг притворяться. Он мою

позицию в этом вопросе знает, свою от меня тоже не скрывает, у нас все по согласию, мы обо всем договорились. И вообще, в таких браках, где между мужем и женой большая разница в возрасте, лично я не вижу ничего плохого. Любовь – она и есть любовь, это несчастье с кем угодно может случиться, как кирпич на голову. Вот Алиска Баева и такие, как она, всем глаза мозолят и заставляют осуждать мужиков в возрасте, которые женятся на молоденьких. И самих молодых жен тоже осуждают. Дескать, расчет, корысть и все такое. А почему обязательно расчет и корысть? Может, у нее тоже любовь! Из-за таких, как Алиска, люди вообще в любовь перестали верить.

– А вы верите?

– Я-то? Верю, а почему нет? Не факт, конечно, что она случится со мной. Но с другими-то случается. Вот у Игоря же любовь... Значит, она есть.

Галина покрутила головой, оглядываясь.

– Ну что? С кем еще вас познакомить? Подавайте заявки, – весело предложила она. – Могу устроить вам практически любую даму из здешнего высшего света, почти все они пользуются услугами моих салонов.

Подруга Ворожца была Насте ужасно симпатична своей искренностью. Когда Петр Сергеевич назвал ее дамой сердца и сказал, что она – владелица сети СПА-салонов, в голове сразу возник образ хитрой и цепкой щучки, непременно крашеной блондинки, с силиконовым бюстом и непомерно раздутыми при помощи пластической хирургии губами. Галина этому образу совершенно не соответствовала, красота ее была природной и абсолютно натуральной, если не считать макияжа, но весьма умеренного. Она была умной и хваткой, но не по-щучьи, а по-деловому. Несмотря на вечер воскресенья, ее телефон то и дело звонил, и Настя краем уха улавливала слова, свидетельствующие о том, что Галина не с подружками сплетничает, а принимает какие-то решения и дает указания, касающиеся работы ее салонов. Поставщик краски для волос сообщил, что товар застрял на таможне и вовремя не прибудет... Сломался массажный стол, мастер выходной, а на сегодня в этот кабинет записаны еще три клиента... Дама, недовольная качеством педикюра, пригрозила, что будет разбираться с самой хозяйкой, администратора салона ей было недостаточно... Другая дама дала аллергическую реакцию на состав для обертывания тела и пригрозила натравить на Галину горздрав и санэпиднадзор... Галина не злилась и не нервничала, спокойно разруливала ситуацию и объясняла, с кем нужно связаться, что сказать, что сделать.

Воспользовавшись ее любезностью, Настя познакомилась еще с несколькими дамами-чиновницами и почувствовала, что хочет выйти на улицу. Музыка внезапно показалась ей слишком громкой и навязчивой, воздух спертым, гул голосов и толпа – невыносимыми. «Я устала, – подумала она грустно. – Возраст. Никуда не денешься».

Она пробралась к выходу и вышла на широкое крыльцо с колоннами, откуда открывался вид на площадь перед театром. Зябко поежилась: вечера здесь холодные, если днем примерно плюс 16 – плюс 18 градусов, то к ночи температура опускается до плюс 8. Прислонилась к колонне, закурила, постаралась расслабить мгновенно напрягшиеся от холода мышцы.

Дверь здания театра распахнулась, мимо Насти быстрым шагом прошли Лариса Смелкова и Олег. Настя была уверена, что они сбежали со скучного, такого «немолодежного» мероприятия и сейчас сядут в машину и уедут. Это было бы логично и объяснимо. Но молодые люди, едва спустившись по ступеням, разошлись в разные стороны: Лариса села в серебристо-голубую малолитражку, стоящую прямо возле ступеней, Олег прошел значительно дальше, и Насте не удалось рассмотреть, в какую именно машину он сел. Но в любом случае поехали они не в одно и то же место, потому что следом за Ларисой не проследовала вообще ни одна машина. Значит, Олег выехал с парковки и направился совсем в другую сторону.

Никаких поцелуев, никаких объятий. Они даже на секунду не остановились, чтобы попрощаться. Ни единым словом не обменялись. Просто два незнакомых человека, случайно одновременно выходящие из одного и того же здания. Неужели поссорились? Настя попыталась восстановить в памяти облик Ларисы: вот девушка выходит из дверей, доходит до ведущих вниз ступеней, спускается, открывает машину, садится в нее, закрывает дверь, трогается с места... Да, движения быстрые, кажется, что она бежит и даже летит, но все они спокойные и точные, в них не чувствуется ни нервозности, ни злости, ни отчаяния, ни с трудом сдерживаемых слез. Дверь автомобиля Лариса открыла, а не рванула на себя, как поступили бы девяносто девять процентов обиженных женщин, и именно закрыла, а не захлопнула в ярости. И выезжала она неторопливо и уверенно, тщательно вымеряя каждый сантиметр, чтобы не задеть припаркованные рядом машины.

Нет, на ссору между влюбленными все это никак не походило.

Это вообще ни на что не походило.

Это было необъяснимо и нелогично.

Понедельник

Утром в понедельник Коротков объявил, что сегодня они работают по разным графикам.

– Я поеду ко всяким чиновникам, ты все равно это дело не уважаешь, а мне в самый раз, – сказал он за завтраком. – А ты свяжись с Егоровым, попроси, чтобы нашел время для тебя. Вот тут несколько имен, надо выяснить, какие у них интересы в нужных нам местах.

С этими словами он положил перед Настей вырванный из блокнота листок. Завтракали они в одиночестве, Петр Сергеевич с раннего утра уехал по делам.

– Поехали, подброшу тебя до гостиницы, оттуда уже сама доберешься.

– А если у Егорова времени для меня не найдется?

– Значит, поищешь информацию старым дедовским способом, – усмехнулся Коротков. – Не мне тебя учить.

Забирая сумку из своей комнаты, Настя подумала, не взять ли ей с собой ноутбук. В принципе, информацию можно отлично искать и при помощи айпада, разница невелика. Но не возникнет ли у хозяина дома соблазн в отсутствие гостей проверить их компьютер? Впрочем, вряд ли. У нее стоит сложный пароль, сам Ворожец совершенно точно его взломать не сможет, придется вызывать подкрепление в виде специалиста, а ведь они с Коротковым могут вернуться в любой момент и застать этого специалиста за работой. Не станет Петр Сергеевич так рисковать. А Инна, его помощница? Что она умеет? Какое у нее образование? Настя ничего о ней не знает. Возможно, она как раз и сможет взломать пароль на компьютере. И ее присутствие в доме никаких подозрений не вызовет.

«Нет, – твердо сказала сама себе Настя Каменская, – береженого Бог бережет, а небереженого черт стережет». Сунула ноутбук в сумку-портфель и спустилась вниз.

Пока ехали в город, она отправила Егорову сообщение, чтобы не дергать старшего опера звонками, если он занят. Ответ пришел довольно быстро: «Гулять любишь? Позвони». Любит ли она гулять? Разумеется, нет. Анастасия Каменская любит читать, устроившись на диване и поджав под себя ноги. А еще она любит работать.

Но здесь, в этом городе, правила устанавливают не они, и никому на самом деле не интересно, что любит и чего не любит бывший сотрудник уголовного розыска. Поэтому она позвонила майору Егорову и сказала, что

готова встретиться с ним там и тогда, где и когда ему будет удобно.

– А мне где пиво, там и удобно, – хмуро и, как ей показалось, недовольно отвечал Виктор. – Но желательно поближе к улице Мечникова, у меня там интерес есть.

Водитель Володя тут же скорректировал маршрут, и уже через полчаса Настя сидела за уличным столиком заведения, высокопарно называвшегося «Таежная песня». Вероятно, название подразумевало, что гости так сытно здесь наедятся и так сладко напьются, что будут громко исполнять хорошие песни. Столики, правда, были сомнительной чистоты, а взгляда на руки официанта, подошедшего принять заказ, оказалось достаточно, чтобы понять: никакими медицинскими справками здесь никто не интересуется и слова «санэпиднадзор» не знает. Настя попросила бутылку воды без газа, Егоров – безалкогольного пива.

– Правильно, – одобрительно крикнул Виктор, – жратву здесь брать нельзя, нарвешься. А пиво у них приличное, и цены тоже. Ну, так какая у тебя печаль?

– У меня, Витя, и печали, и горести, и расстройства, – засмеялась Настя. – Тебе с чего начать излагать?

– А в чем разница?

– Печаль, Витя, это то, что мне велел сделать мой шеф Юра Коротков. Горесть – то, что, как мне кажется, может оказаться важным для нашего дела, но Коротков мне этого не поручал. А расстройство – это так, мелочь, банальное любопытство. Типа тоски по профессии.

– Тогда начинай с печали, – решил Виктор. – Покончим с самым тягостным и перейдем к приятному.

Настя протянула ему листок из блокнота Короткова и изложила свою просьбу. Егоров бегло просмотрел список и пообещал связаться с операми из других отделов, обладающими нужной информацией.

– Теперь давай про расстройство. Про горести потом поговорим. Тоска по профессии – это мне понятно. – Виктор посмотрел на нее с сочувствием и сделал большой глоток пива.

– Насчет убийства Милановской. К нашему вопросу отношения никакого не имеет, но уж больно любопытство разбирает. Знаешь что-нибудь?

Прежде чем ответить, майор сделал еще один большой глоток, неторопливо отер губы бумажной салфеткой.

– А тебе зачем? Как говорил один мой знакомый, «обоснуйте свой вопрос».

– Я же говорю: просто любопытно. Если не можешь ответить –

никаких проблем, нет – так нет.

– Ответить могу. Вот только не пойму, надо ли.

Настя пожала плечами, стараясь не дать поднять голову обиде, которая немедленно появилась и начала разрастаться прямо на глазах. Ну какие могут быть обиды? Разве можно разглашать информацию об уголовном деле постороннему человеку, пусть даже этот человек бывший коллега и пришел к тебе с рекомендациями от давнего и уважаемого знакомого? Нельзя. Это непреложное правило. Интересный феномен: люди уважают правила и сердятся, когда кто-то их не исполняет, но как только исполнение правила применяется к самому человеку, он немедленно начинает обижаться.

– Ладно, не дуйся, – засмеялся Егоров, – сдувайся назад. Я по делу Милановской работаю, так что все знаю. Что могу – расскажу, а уж что не смогу – не обессудь. Что, удивляешься, что мне настоящее дело поручили? Так у них выхода нет, работать-то некому, все по экологам пашут без дыхания, а тут редакторша какая-то никому не известная. Дали в напарники мальчишку из района, зеленого совсем, он на труп Милановской по дежурству выезжал. Ну, потом, правда, перца одного из моего же отдела пристегнули и над нами поставили, чтобы вроде как надзирал за нами, неумехами.

– Перец-то знающий? – спросила Настя. – Или тупой контролер?

– Нормальный, – кивнул Виктор. – Профессионал хороший. Человек, правда, не очень... Вот, видишь, пиво безалкогольное приходится пить в рабочее время, чтобы не нарваться. Он человек начальника УВД, так что и стукануть может.

«Ну вот, обида, зря ты созревала и наливалась соками. Придется свернуть тебе башку, пока ты в полный рост не поднялась и не успела душу отравить», – сказала себе Настя с упреком. Нет, совершенно ясно, что с этой ее обидчивостью надо что-то делать, иначе никакой жизни не будет.

– Мне вчера сказали, что, по общему мнению, Милановскую убили по заказу Горчевского, – осторожно начала она.

– Кто сказал?

– Вообще-то сказала подруга Ворожца, но она сослалась на то, что об этом весь город говорит. Якобы Милановская нарыла какую-то информацию о прошлом Горчевского, и эта информация может сильно его скомпрометировать.

Егоров недобро усмехнулся.

– Весь город говорит? Ну-ну. Что-то быстро он говорить начал. Впрочем, ничего удивительного, это телевизионщики сами разнесли, от

них пошло. Нет, Насть, туфта это. Чую нутром – нет там ничего, пустышка. И руководство тоже так думает. Им с Горчевским накануне выборов ссориться не с руки, сама понимаешь. А ну как он станет мэром? Они же без штанов останутся. На самом деле, Милановская получила предложение устроить на ток-шоу базар определенной направленности по поводу проекта трассы. И судя по всему, отказалась. Этой версией как раз Хохлов занимается, контролер наш доморощенный. Нас с опером из района к ней не подпускают, там же политика, едрена вошь, высшие сферы, область задействована, куда нам со свиным рылом в калашный ряд.

В его голосе звучала такая неприкрытая горечь, что Насте стало неловко, словно именно она виновата в том, что было принято решение отстранить опытного, но скомпрометировавшего себя сотрудника от разработки самой перспективной версии.

– А ты чем занимаешься, если не этим? Есть другие версии?

– Есть. Бытовуха банальная. Кто-то у этой Милановской ночевал и утречком вместе с ней выходил из дома. В подъезде с ней и разобрался. Видать, ночью что-то не так пошло. В любом случае накануне убийства, вечером, у нее были гости. Или один гость. И мне надо найти того, кто у нее был. Может быть, она что-то рассказывала важное для дела. Либо ее убили из-за отказа насчет программы, либо по личным мотивам, это уже для меня без разницы, потому что найти того, кто у нее был накануне, все равно надо обязательно. Вот я и ищу. Или любовника, или влюбленную подругу, которой понадобилась хата.

Егоров рассказал все, что стало известно о покупке продуктов, неспешной прогулке Милановской с собакой, и его рассуждения о бездомной парочке, устроившей свидание в квартире убитой, показались Насте более чем правдоподобными.

– Кстати, Милановская – это так, кликуха для понтов, на самом деле она Милюкова, и не Мила, как все думали, а Камилла, – добавил Егоров. – Жила на проспекте Ермака. Там народ опросили, и соседей, и собачников, с которыми она общалась, никто ни про любовника, ни про подругу ничего не знает. Но на Ермака она переехала только пару лет назад, до этого жила здесь, на Мечникова. Вот я и решил по старому месту жительства пройтись, людей поспросить. Вдруг кто чего помнит. Особенно если любовник давний и некрасиво брошенный. Милюкова с ним перестала общаться, еще когда здесь жила, а он теперь ее нашел по новому адресу да и выяснил отношения.

– Красиво, – кивнула Настя. – Хочешь, помогу?

– Зачем? – насторожился Виктор.

– Да низачем, – улыбнулась она. – Вроде как подлизываюсь, почти бескорыстно. Стариной тряхнуть хочется, а то в стойле застоялась. И потом, у нас же горести еще остались.

– Аааа... Ну да, горести. Еще ж печаль твою надо как-то разгрести. Погоди, позвоню.

Егоров быстро с кем-то переговорил, довольно хохотнул на прощание, сфотографировал телефоном список Короткова, куда-то послал, достал из кармана смятую купюру, подсунул под металлическую подставку для салфеток и поднялся.

– Ну, пошли, коль не шутишь.

До дома, в котором жила когда-то Камилла Теодоровна Милюкова, они дошли минуты за полторы. Егоров посмотрел в своих записях номер квартиры и код домофона, который, как выяснилось, он предварительно узнал у местного участкового. Начать решили с квартир, находящихся на той же лестничной площадке. Потом, как обычно, пошли по цепочке: со мной не общалась, но приятельствовала с... Мне не говорила, но, может быть, поделилась с... Ко мне не заходила, но я видела пару раз, что она звонила в квартиру номер...

– Витя, у Милюковой собака взрослая или щенок? – спросила Настя, пока они перемещались с этажа на этаж по лестнице с изрядно оббитыми ступенями.

– Взрослая. Я, правда, в этом не спец, определять не умею, но соседи на Ермака говорили, что она с этой псиной уже переезжала.

– Может, здесь тоже собачников потрясти? – предложила она.

– Потрясем, – согласно кивнул майор, – если силы останутся. И время. У меня-то его полно, а вот у тебя – не знаю.

– У меня тоже. Мое задание на сегодня – работать по списку. Так что мне ответа от твоего человечка нужно по-любому дожидаться.

– Значит, смотри, Настасья: у нас есть две тетki с последнего этажа, которые без конца скандалили из-за какой-то ерунды и по очереди бегали к Милюковой с просьбами, чтобы она «пропесочила негодяйку по телевизору». И есть список бабушек, который мне дал участковый. Ты кого выбираешь?

– К негодяйкаm боязно идти, – рассмеялась Настя. – А вдруг они меня побьют, если они такие агрессивные? Давай я лучше к бабушкам пойду, у меня с ними раньше неплохо получалось.

– Ладно. Держи список. В первой строчке – номера квартир, где совсем одинокие бабульки, дальше – те, кто живет с семьей.

Настя покачала головой: ну почему, почему так бездарно и

безжалостно разбазаривают кадры? Виктор Егоров – настоящий профи, мало того, что он заранее выспросил у местного участкового все необходимые сведения, он еще и не забыл, что одинокие старушки видят и знают намного больше, чем те, кто живет с семьей, с детьми и внуками. Это знание приходит только с опытом, с годами, и у молодых оперов его, как правило, нет. Поэтому неопытные ребята распыляют силы, хватаются за все подряд, не умеют выстроить систему приоритетных направлений и тратят намного больше времени на ту работу, которую опытные профессионалы выполняют в три раза быстрее. У пожилых женщин, имеющих семью, есть чем заняться и без наблюдений за соседями и обсуждения их на лавочках у подъездов.

Приблизительно через полтора часа Настя и Егоров встретились на детской площадке перед домом, в котором когда-то жила Камилла Милюкова. Настя закончила обход одиноких бабушек, не всех, разумеется, а только тех, которых застала дома, Виктор же после разговора с одной из «негодяек» (вторая была на работе) успел отловить пару-тройку местных жителей, гуляющих с собаками. Двое Милюкову не вспомнили – животных завели уже после того, как Камилла переехала на проспект Ермака, а один, посмотрев на фотографию бывшей соседки, подтвердил, что да, видел такую с собачкой, яркая была, ее трудно не заметить. Лично с ним она не разговаривала, но вообще была общительная, постоянно с кем-то болтала.

Насте повезло больше. Две сильно пожилые соседки Милюковой уверенно заявили, что «хахаль у ней был», на красной машине приезжал и на ночь оставался. И даже описание его дали. Не бог весть какое, конечно, но примерный возраст и цвет волос описали одинаково. И еще красная машина. Можно попробовать...

– И сколько бабок ты опросила? – подозрительно прищурился Виктор.

– Шестерых. В остальных квартирах не открыли.

– Шестерых? За полтора часа? Что-то больно быстро. Может, халтуришь? Это ж по пятнадцать минут на бабку. Да сроду такого не было, чтобы одинокая бабуля через пятнадцать минут отпустила того, кто с ней разговаривает и вопросы задает. Если отпустила, значит, вообще говорить с тобой не хочет. И это, в свою очередь, означает, что ты не умеешь расположить ее к себе и заставить отвечать на вопросы. А это и есть самая натуральная халтура. Вот так-то, москвичка.

Настя готова была подписаться под каждым его словом. Она хорошо помнила первые годы работы в уголовном розыске, и как она мучилась, опрашивая пожилых свидетелей, и как они медленно вспоминали и медленно и путано излагали факты, и как уводили разговор в сторону,

ударяясь в воспоминания, не имеющие никакого отношения к расследуемому делу. И как жалко ей было обрывать их и заставлять возвращаться к тому, что ей нужно было узнать, потому что они были совсем-совсем одинокие и цеплялись за любого собеседника... Это уже потом, намного позже, ей удалось найти кое-какие приемы, позволяющие быстро и не обижая свидетеля закончить разговор.

– А у меня хитрые фенечки есть, – засмеялась Настя. – Не веришь? Вот, возьми, послушай.

Она вынула из сумки диктофон, на который записывала все проведенные опросы.

– Я для тебя записывала, – ответила она на немой вопрос Егорова, застывший у него на лице. – Чтобы тебе было чем отчитаться. Там, конечно, мой голос, поэтому давать это послушать никому нельзя, но справку написать ты по этой записи сможешь без проблем. Возьми-возьми, сам убедись, что со всеми шестерыми бабушками я честно разговаривала. Без балды.

Егоров, чуть поколебавшись, взял диктофон и покачал головой.

– Ну ты даешь, москвичка... А я вот так и не научился. Много чего умею, а этого – нет. Как к старику или старушке в лапы попадаю, так меньше сорока минут никак не получается. Ладно, послушаю дома, может, и правда, чему-то полезному научусь. Ну что, поехали на Ермака, насчет хахаля на красной машине поспрашиваем? Или ты мне уже не помогаешь?

– Да помощи-то от меня... – Настя махнула рукой. – Только мешаю тебе, под ногами путаюсь. Но мне нужно дождаться ответа, задание выполнить, так что ты уж не обессудь, но мне придется с тобой болтаться.

– Ладно, не прибедняйся, от тебя какая-никакая польза есть, а вдвоем веселее. – Виктор озорно подмигнул. – Давай зайдем куда-нибудь, я пивка еще хлебну, ты тоже возьми чего пожрать, и рванем на Ермака.

– Это далеко?

– Прилично. Почти другой конец города. Да не бойся, я на машине. Ты там, в столицах-то, небось, привыкла на лимузинах разъезжать, а у меня лошадка попроще, победнее, но ничего, довезет с грехом пополам.

Настя увидела вывеску кафе и шагнула к двери, но Егоров дернул ее за руку.

– Не, не сюда, мы чего подешевле выберем.

Она упрямо остановилась.

– Вить, здесь еда нормальная?

– Вполне. Только цены не для моего кармана.

– Не обидишься, если я тебя угощу? Пожалуйста.

Он пожал плечами.

– Шикуюшь, москвичка? Ну, давай, давай.

Кафе и в самом деле оказалось на удивление хорошим и ни в какое сравнение не шло с заведением, в котором они сегодня утром встретились. Меню скромное, но еда отменная и обслуживание быстрое и любезное.

– Вить, а когда можно начинать про горести спрашивать? – робко спросила Настя, дождавшись, когда у них примут заказ и принесут пиво для Егорова, сок для Насти и корзинку с хлебом и масло с травами.

Егоров неторопливо отпил из высокого пивного бокала, намазал хлеб толстым слоем масла, откусил и начал жевать.

– Начинай, – великодушно разрешил он.

– Труп ветеринара, работавшего на звероферме.

Егоров чуть не поперхнулся. Видно, ожидал вопроса о чем угодно, только не об этом.

– Е-мое, а это-то тебе зачем? С какого бодуна тебе упал тот ветеринар?

– Вообще-то ни с какого, если это убийство по бытовым мотивам. Но я вот подумала: а вдруг это как-то связано с убийствами экологов? Экологи же вроде как опасность зверофермы изучали. И они вполне могли войти в контакт с ветеринаром с этой фермы. Не знаю, как именно, но там могло что-то срастись, и получится, что все эти преступления из одного и того же инкубатора. Или вы его раскрыли и там все понятно?

Виктор задумчиво дожевывал один кусок хлеба и принялся за второй, так же щедро сдобрив его маслом.

– Ни хрена его не раскрыли, в архиве уже лежит как приостановленное. Я тоже по этому делу работал, но так, краешком. В основном ребята с территории бегали, даже не наши, вербицкие, а с района, его же в лесу нашли, это уже не территория города. Но пахали они на совесть, это я тебе точно скажу. Очень старались. Все до единого контакты, личные отношения, служебные отношения, конфликты – все подняли, все просветили. И ничего не нашли. Была версия, что тут замешана Перовская звероферма, у ее руководства есть свой интерес, но в этом месте ребят быстро приткнули: у Перовской фермы крыша мощная, они там с сортностью шкурок что-то мухлюют, даже меховую фабрику к этому делу пристегнули, короче, левые деньги крутятся, и им в областном руководстве за хороший откат защиту и поддержку организовали. Так что с Перовской фермой связываться – себе дороже, если не хочешь областное руководство против себя настроить. По этой версии почти не работали. А вот экологи... Не знаю. Может, что-то в этом и есть. Только ведь ветеринара убили больше года назад, а шум с экологами поднялся только этой весной, про

ветеринара и не вспомнил никто.

Он приступил к третьему куску хлеба, и было не похоже, что Егоров собирается продолжать рассказ. Настя честно выждала, пока он доест хлеб и запьет его пивом.

– Как его убили?

– Забили до смерти. Ни ножевых, ни огнестрела, ни отравления – ничего. Одни травмы, но тяжелые. Разрывы печени, селезенки, легких. Я такое видел на трупах, когда группа хулиганов резвилась. Так что на этом и порешили, когда дело приостанавливали: убийство совершено группой неустановленных лиц из хулиганских побуждений.

– Долго он в лесу пролежал, прежде чем его нашли?

– Да изрядно. Точно сейчас не скажу, много времени прошло, не то пять дней, не то семь. Что-то вокруг этого.

Завибрировал лежащий на столе телефон Егорова. Настя обрадовалась было, что это звонит человек, которого майор попросил ответить на вопросы Короткова. Но увы! Виктор посмотрел на дисплей и поморщился:

– Дежурка. Небось, опять фигня какая-нибудь.

Он ответил на вызов, и по мере того, как слушал, лицо его приобретало все более странное выражение.

– Вот и приехали, – произнес Виктор, кладя телефон на стол. – Ты, помнится, владельцем чемоданчика интересовалась? Имеешь шанс увидеть его своими глазами.

– Да ты что?!

– Ага, – кивнул он. – Объявился. Пришел в отдел полиции на вокзале. Дескать, в момент кражи уже бежал на проходящий поезд, который ждать не будет, ему надо было срочно уехать по каким-то супер-пупер-важным делам. Вот он свои важные дела переделал и вернулся писать заяву про кражу. Его в нашу дежурку переадресовали. Сейчас сидит там, ждет, когда ему чемодан вернут. Ему к следователю надо, чемодан же в протоколе зафиксирован как изъятый с места обнаружения трупа. А следователь, вернее, следачка, на выезде и сегодня уже не появится. Вот и просят приехать меня, чтобы хотя бы показать ему чемодан и убедиться, что это не какой-то другой чемодан. А то ведь на вокзале дня не проходит, чтоб не сперли чего-нибудь. Может, у него старье какое-нибудь потырили. Хотя по датам вроде сходится, по крайней мере, так дежурный говорит. Так что давай, Настасья, пожрем быстренько и попилим в родную контору.

– А на проспект Ермака? Не поедем?

– Посмотрим. Если с чемоданом быстро разберемся, то поедем, дело как раз к вечеру будет, народ с работы придет.

Машина у Егорова была действительно старенькая, «Форд ЛТД Кроун Виктория» невесть какой давности, но очень ухоженная, сразу видно, что хозяин относится к своей «боевой лошадке» бережно и заботливо.

– Да хорошая тачка, хорошая, только с ремонтом теперь головная боль. Их же выпускать давно перестали, аж в девяносто втором, и с запчастями проблема. Когда я ее покупал, ей уже лет пятнадцать от роду было, поэтому отдали за копейки. Я ж не подумал тогда, что раз не выпускают больше, то деталей наищешься... Но не переживай, с ветерком домчим.

– А ничего, что я с тобой пойду? Проблем не будет?

– Я тебя умоляю! – театрално воскликнул Виктор. – Кого когда интересовало, кого опера приводят в свои кабинеты? У нас работа такая, практически бесконтрольная, и в этом ее прелесть. Сама знаешь.

– На Петровку просто так никого не приведешь, только с пропуском по заявке сотрудника и по предъявлении паспорта, – заметила она.

– Ну, у нас жизнь не столичная, мы ребята простые, говоришь «это со мной» и проводишь кого угодно.

В УВД молодой упитанный дежурный указал Егорову на вполне приятного мужчину лет сорока, сидящего на скамейке у стены.

– Допросная свободна? – спросил Егоров.

– Вроде да, – ответил дежурный, – ключ на месте.

– Давай сюда.

При слове «допросная» мужчина встрепенулся, в глазах мелькнул испуг, на лице появилась натужная улыбка.

– Это камера пыток у вас?

Настя молча стояла в сторонке и рассматривала владельца чемодана. Освещение в этой части коридора было не особенно ярким, лицо в деталях видно плохо, но в целом он производил впечатление вполне обеспеченного финансово человека. Примерно таким она его и представляла, когда изучала размеры находящейся в чемодане одежды и обуви. Рост около 170 сантиметров, телосложение нормальное, не худой и не толстый, возраст тоже соответствовал ее предварительным прикидкам.

Она понимала, почему Егоров не хочет вести его в свой кабинет. Там же чемодан стоит. А по правилам нужно, чтобы заявитель сперва описал украденное подробно и только потом предъявлять вещь. Конечно, майор не очень похож на полицейского, который старается всегда соблюдать эти самые правила, но сейчас ситуация особая: его допустили к работе по серьезному преступлению, у него появился шанс реабилитировать себя в глазах коллег и начальства, и ни одного прокола быть не должно. Пусть даже прокол этот будет по совсем другому делу, но, как говорится, если

тебя хотят загнобить – любое лыко будет в строку.

Вопрос владельца чемодана остался без ответа, Егоров взял у дежурного ключ и сделал Насте знак следовать за ним. Все втроем вошли в допросную – небольшую комнату с двумя стоящими впритык друг к другу столами и несколькими стульями. Виктор указал заявителю на один из стульев. Вообще-то никаких таких «допросных» оперативникам не полагалось, настоящие допросные есть только в следственных изоляторах, но ведь сотрудники уголовного розыска не сидят в кабинетах по одному, поэтому всегда стараются выделить отдельное помещение, в котором можно поговорить без помех с глазу на глаз. Называется такое помещение у всех по-разному, у кого на сколько фантазии хватит.

– Посидите пока с нашим сотрудником, я сейчас вернусь, и мы займемся вашим вопросом.

Мужчина послушно сел и принялся затравленно озираться. Настя стояла, прислонившись к стене, и поглядывала на него. Здесь света было достаточно, чтобы рассмотреть обворованного пассажира в деталях.

Егоров вернулся действительно быстро, в одной руке у него была папка, в другой – ключ с биркой, который он почему-то сунул Насте.

– На, держи.

Она взглянула на бирку. Обычная пластиковая бирка с вставленной внутрь бумажкой, на которой указан номер кабинета. Понятно. Егоров перетащил чемодан в другую комнату на тот случай, если придется перемещаться в кабинет, где сидит Егоров, а время предъявления чемодана еще не наступит.

– Итак, приступим, – произнес Виктор с деловым видом, усаживаясь за стол. – Давайте ваш паспорт и расскажите, что у вас случилось.

Мужчина расстегнул молнию на небольшой сумке, висящей на ремне через плечо, достал паспорт и протянул Егорову. Виктор бегло просмотрел все страницы, что-то записал на листке и отдал паспорт Насте.

Фамилия, имя, отчество: Загребельный Андрей Александрович. Год рождения – 1973. Место рождения – город Краснокаменск. Отметка о заключении брака в 1999 году, отметка о расторжении брака в 2001 году. «Недолго мучилась старушка», – усмехнулась про себя Настя. Регистрация в Твери.

Она внимательно просмотрела все страницы паспорта до конца. Что-то кольнуло внутри, но что – она не поняла. Просмотрела страницы снова. Нет, все вроде нормально. Наверное, померещилось.

Так вот ты какой, господин Загребельный! Сумка «Ларри Соррено» из коллекции текущего года, Настя видела ее на картинке на сайте фирмы.

Ремень на джинсах тоже знакомый на вид. И обложка паспорта точно такого же дизайна, как и сумка. Наверняка и джинсы, и сорочка, и небрежно накинутый на плечи джемпер, и ботинки – тоже от Соррено.

Потерпевший между тем закончил довольно короткий рассказ о том, как его обокрали на вокзале и как он спешил на поезд, и теперь Егоров слушал, как Андрей Александрович перечислял содержимое чемодана, и сверялся с описью, которую принес из своего сейфа. Судя по удовлетворенному виду, все, что называл мужчина, полностью совпадало с перечнем, составленным при осмотре чемодана. Да, Настя была права, когда заочно пыталась составить портрет этого человека: он хорошо знал каждую свою вещь, помнил ее и дорожил ею.

Знал, помнил, дорожил... Она вдруг поняла, что зацепило ее внимание в паспорте Загребельного. Но прежде, чем это озвучивать, нужно еще подумать, прикинуть... В конце концов, никто ей слова не давал, Витя для отвода глаз назвал ее сотрудником, но на самом-то деле она никто.

Настя переместилась поближе, но так, чтобы Загребельный ее не видел, и теперь уже рассматривала его не стесняясь, в упор. И с каждой секундой сомнений становилось все больше. Что-то не так. Но все надо проверять, нельзя вот так, с бухты-барухты, не верить человеку, заявляющему о том, что его обокрали.

Она взяла свою сумку, вытащила телефон, быстро показала его Егорову из-за спины Загребельного и вышла в коридор. Отошла на несколько шагов от двери и написала майору сообщение: «Я ему не верю. Нужно посмотреть чемодан». Через пару минут пришел ответ: «Ключ у тебя. Запрись изнутри. Шевелись».

Комната, ключ от которой лежал у Насти в кармане ветровки, оказалась таким же служебным кабинетом, как и все остальные, с двумя столами. Один был девственно чист и, судя по всему, не принадлежал никому. Второй тоже чисто прибран, но с полным набором канцтоваров. Видимо, работающий за ним сотрудник находится в отпуске. Многострадальный чемодан одиноко стоял возле подоконника.

Настя порадовалась, что взяла с собой компьютер. Конечно, она всю нужную информацию нашла бы и с помощью планшета, но ведь в гостинице она изучала фирму Ларри Соррено именно с ноутбука и благоразумно сделала несколько закладок, которые сейчас очень пригодятся и позволят сэкономить массу времени. А скорость в данной ситуации имеет очень большое значение: нужно успеть вынести аргументированное суждение, пока Егоров терзает Загребельного чисто формальными вопросами, которые можно было бы и не задавать. Егоров

его подержит, сколько сможет, но, в конце концов, человек, зарабатывающий столько денег, никак не может оказаться полным придурком, и рано или поздно он почувет, что оперативник просто тянет время. Главное – подключиться к интернету. Но есть надежда, что пароль окажется прищиплен кнопками к стене на самом видном месте. По крайней мере, в кабинете у Егорова, насколько она помнила по первому визиту, было именно так.

Так и оказалось. Через три минуты Настя Каменская убедилась в том, что первое ее впечатление было правильным: сумка Загребельного, обложка для паспорта и ремень принадлежали к последней коллекции и продавались на территории России только с февраля-марта текущего, 2014 года. И этот факт никак не сходился с тем представлением, которое она составила для себя несколько дней назад.

Она еще раз проверила, не забыла ли запереть изнутри дверь, и взялась за чемодан. Да, в нем все примерно так, как она помнила. Вот пустой бумажник, который так будоражил ее воображение, заставляя придумывать всевозможные объяснения. Бумажник, приобретенный примерно в 1994-1995 году. Не исключено, что какое-нибудь из придуманных ею объяснений окажется верным. Но не исключено и совсем другое.

Она аккуратно осмотрела все отделения. Пусто. Бумажник толстый, многофункциональный, есть отделения для кредитных карт, для купюр, для мелочи – под закрытой молнией, пластиковое окошко для удостоверения личности, которое в России мужчины обычно используют для того, чтобы хранить в нем водительское удостоверение. Еще одно отделение, закрывающееся на молнию. На ощупь – тоже пустое. Но надо проверить. Настя открыла молнию – и в самом деле, пусто. Открыла второе. И обнаружила нечто странное, никак не вяжущееся со всем остальным.

Смятый и тщательно разглаженный фантик от конфеты. Судя по надписи, конфеты назывались «Березовая роща». Настя о таких даже не слыхала.

Зачем класть фантик от конфеты в дорогой бумажник? Зачем хранить? Ну, хорошо, можно предположить, что Загребельный его и не хранил вовсе, просто сунул в бумажник и забыл напрочь. Такое случается сплошь и рядом. Но зачем вообще было его туда класть? Как ни напрягала Настя фантазию, никакого легкого и правдоподобного объяснения ей в голову не приходило. Может быть, на нем записан номер телефона? Или какой-то пароль? Или вообще что-то важное? Она поднесла бумажку к глазам, посмотрела сначала на просвет, потом изучила в косопадающих лучах.

Ничего. Ни малейшего намека на то, что здесь было хоть что-то, кроме собственно конфеты.

Похоже, ее подозрения все-таки имеют под собой почву. Она снова взялась за телефон и набрала сообщение: «Пальцы с вещей в чемодане?» Ответа пришлось ждать минут пять, вероятно, беседа Егорова с потерпевшим вошла в увлекательную фазу. Но ответ ее порадовал: «Есть». Настя быстро перекинула шнуры, чтобы подключить свой ноутбук к стоящему на отдельном столике принтеру, распечатала несколько страниц из каталогов Ларри Соррено разных лет, нахально пошарила по ящикам стола и по шкафам, нашла стопку прозрачных файлов для документов. Среди канцтоваров обнаружила рулончик скотча и ножницы. Медленно и осторожно, обклеив верхние фаланги пальцев обеих рук, достала из принтера распечатанные листы и засунула их в файл. Содрала скотч, помогая себе зубами. Написала еще одно сообщение: «Терпила левый. Пусть придет завтра. Я иду».

Выключила компьютер, сунула его в сумку, отперла дверь, погасила свет. Теперь главное, чтобы Виктор не подвел.

Она вернулась в допросную вовремя: разговор явно иссякал, и Егорову уже трудно было делать вид, что все его вопросы необходимы и имеют отношение к делу.

– Андрей Александрович, следователь, к сожалению, будет только завтра, – сказала Настя приветливо и радушно, – а без него мы не можем получить ваш чемодан из камеры вещдоков. Нужно вынести специальное постановление. Вот взгляните, пожалуйста, на этих картинках есть какие-то из ваших вещей?

С этими словами она протянула ему файл.

Загребельный сосредоточился на распечатках, Егоров сидел с равнодушным и спокойным видом, словно ничуть не удивился тому, что происходило. «Здоровье и внешний вид он пропил, – подумала Настя, глядя на майора. – А вот профессиональную хватку и выдержку – нет. Недаром же говорят: мастерство не пропьешь».

– Да, – наконец произнес потерпевший, – вот моя шапка, и шарф тоже.

Он ткнул пальцем в одну из картинок.

– А вот здесь как раз мой чемодан, – показал он на изображение на другой странице.

Все правильно. Именно эта шапка, этот шарф и этот чемодан. Впрочем, в подобном результате Настя Каменская ни секунды не сомневалась.

Загребельный положил файл и бумаги на стол перед майором.

– Подпишите вот здесь и вот здесь. – Егоров показал ему места, где нужно поставить подпись. – И приходите завтра... Сейчас я уточню, когда будет следователь.

Он куда-то позвонил, сказал, что объявился потерпевший по делу о краже чемодана, спросил, когда ему завтра подойти.

– Следователь сможет с вами встретиться завтра ближе к концу дня, – сказал он Загребельному. – Вам есть где переночевать?

– Да, не беспокойтесь, – вежливо ответил Андрей Александрович, – я сразу, как приехал, снял номер в гостинице, я же понимал, что одним днем дело не обойдется.

– Вот и славно, – подвел итог Виктор. – Значит, завтра, часиков в шесть вечера. Следователи у нас сидят в другом крыле, там следственный комитет. Вы сами не найдете, подходите сюда же, к дежурному, попросите меня вызвать, я вас провожу. Всего вам доброго. Пойдемте, я провожу вас к выходу.

– Да я не потеряюсь!

– Так положено, – строго проговорил майор Егоров. – Это войти к нам легко, а вот выйти... А вдруг вы подозреваемый, который решил сбежать? Тут надо или иметь подписанный пропуск, или уж лично...

У двери он обернулся и бросил Насте:

– Посиди, я сейчас.

Вернулся он минут через десять, запыхавшийся.

– Пошли ко мне в кабинет, там сейчас никого, ребята разбежались в поле. Чемодан я уже перетащил.

Файл и листы с распечатками остались на столе.

В своем кабинете Егоров первым делом включил чайник, собрал грязные чашки и понес их в туалет мыть. Настя почувствовала, что волнуется: сейчас начнется разбор полетов. И майор Егоров, старший оперуполномоченный убийного отдела, будет, конечно же, прав. Она не должна была вмешиваться. Не должна была влезать. Это не ее дело. И это не ее отдел. И не ее город. Ну что ж, она извинится, покается. Не в первый раз.

Когда чай был готов, Егоров поставил перед Настей чашку, уселся за свой стол, откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и требовательно посмотрел на нее.

– Я жду, – злым голосом проговорил он. – Быстро объясни мне, что происходит. Ключ от допросной я пока в дежурку не возвращал. Если сочту нужным – позвоню экспертам, попрошу все сделать по-быстрому, пусть они сами забирают. Ну?

Настя набрала в легкие побольше воздуха.

– Витя, я уверена, что Загребельный – подстава. Он не владелец этого чемодана.

– Да я понял уже, что ты так подумала. И почему?

– Потому что...

Она запнулась, не зная, с чего начать. Со странного ощущения, которое у нее появилось, когда она держала в руках паспорт потерпевшего? С ее наблюдений за Загребельным? С выводов, к которым пришла, когда полночи сидела за компьютером в своем номере? Со странной находки – старого фантика от конфеты «Березовая роща»?

– Ты можешь себе представить, чтобы у человека, покупающего себе такие дорогие вещи, не было загранпаспорта? – спросила она.

– А его нет?

– Его нет. Отметки о выдаче загранпаспортов ставятся на последней странице российского паспорта. Я посмотрела специально: там девственно чисто. А паспорт давний, выдан больше десяти лет назад. Если бы он все эти годы отбывал срок, то паспорт был бы более новым. То есть он, может, и сидел когда-то, но явно не в последние десять-пятнадцать лет. И за все это время ни разу не выезжал за границу. Это при таких-то финансовых возможностях! Ты можешь в это поверить?

– Допустим, – сдержанно кивнул Егоров. – Это все? Или есть что-то еще? Давай быстрее, не тяни.

Настя внезапно рассердилась.

– Это только начало, – сухо сказала она. – Ты хорошо рассмотрел Загребельного? Ты обратил внимание, какой у него цвет лица? Какие зубы? Витя, я тебе голову дам на отсечение, что человек, который позволяет себе такие дорогие покупки, не может так плохо выглядеть.

– Может, он болел недавно...

Теперь в голосе Егорова уже не было прежней агрессии.

– Может. А фотографию в паспорте ты видел? Ему на этой фотографии двадцать восемь лет, я посчитала. Может, меньше, если фотография сделана раньше, чем он этот паспорт получал. Но точно не больше. И на ней он выглядит так же плохо, как сейчас в жизни. Даже, пожалуй, еще хуже. А как он двигается, как ходит? Как абсолютно здоровый человек. Соответственно заявленному возрасту. То есть о длительной, тянущейся годами болезни можно даже не вспоминать. Ты обратил внимание, как он пострижен?

– А как? – Теперь Егоров задавал вопросы с искренним интересом, от недавней злости не осталось и следа. – По-моему, нормально пострижен.

– Нормально, – согласилась Настя. – Но плохо. Стригся он совсем недавно, может, даже вчера, стрижка свежая. Но делал ее мастер, которого при всем желании не назовешь хорошим.

– Разбираешься, что ли? – недоверчиво усмехнулся майор.

– Представь себе, разбираюсь. С тех пор, как стала носить короткую стрижку, приходится ходить в парикмахерскую каждые полтора месяца. И хожу я к одному и тому же мастеру, который знает мои волосы и умеет их стричь. За эти годы много чего насмотрелась и наслушалась и работу хорошего мастера от работы неумелого ремесленника отличу на раз-два-три. Так вот, человек, который на протяжении двадцати лет так привязан к одной и той же фирме и покупает ее немислимо дорогую продукцию, человек, у которого хренова туча денег, никогда не пойдет стричься к первому попавшемуся цирюльнику. Он будет ходить в один и тот же салон к одному и тому же мастеру.

Виктор несколько секунд подумал, потом снова кивнул:

– Ну, допустим. Про двадцать лет откуда знаешь?

Настя в двух словах поведала ему о своих изысканиях, проведенных во время свадебного гуляния в гостиничном ресторане. По мере ее рассказа глаза Егорова все больше прищуривались.

– И зачем тебе это?

В его голосе Настя снова услышала подозрение и недоверие. Но решила не обращать внимания. В конце концов, окажись она на месте Егорова, она реагировала бы точно так же. Опять все тот же закон правила, с которым ты согласен, но злишься, когда оно обращено лицом к тебе...

– Просто так. Нужно же было чем-то заняться, раз спать не дают. Интересно стало. И вот теперь последнее. В свете того, что я только что рассказала о характере владельца чемодана, обрати внимание на одно обстоятельство: сумка, обложка для паспорта и ремень у него из последней коллекции, текущего года. Джинсы, туфли, рубашка и джемпер – не знаю, надо этикетки смотреть. А вот часы у него, Витя, ерундовые. Хотя его обожаемый «Ларри Соррено» давно уже производит часы, очень красивые, но очень и очень дорогие. Почему он их не покупает? Дорого? Нет пока таких денег? Чемодан стоит дороже, я проверяла. Так почему? Если по всем находящимся в чемодане вещам абсолютно однозначно можно сделать вывод, что по мере роста благосостояния человек покупает все более и более дорогие вещи, при этом не меняя старые на новые, то обложку для паспорта он должен был купить лет пятнадцать назад, а сумку – в самом начале двухтысячных, если не раньше. К двенадцатому году он уже дорос до чемодана, который стоит столько, что мне страшно вслух произнести. И

вот в двенадцатом году он покупает этот немислимой цены чемодан, а в четырнадцатом – не еще более дорогой кофр, например, а сумку и обложку, которые по сравнению с чемоданом стоят сущие копейки. Почему? Зачем?

– Ну и зачем?

– Затем, Витя, что кому-то нужно было выдать его за владельца этого чемодана. За человека, который постоянно покупает вещи «Ларри Соррено» и которого обокрали на вашем вокзале. Ему купили сумку, обложку для паспорта и ремень – то, что хорошо видно и наверняка будет замечено в полиции. То, по чему можно сразу определить фирму, потому что у Соррено для этих вещей разработан уникальный, неповторимый дизайн. Может быть, одежду тоже купили, но я проверила – сорреновская одежда визуальными отличительными признаками не имеет, так что на одежду можно и не тратить. С часами то же самое, у них нет особого, всем известного и хорошо распознаваемого дизайна. Про обувь судить не берусь. Но и того, что я уже сказала, достаточно, чтобы заподозрить подставу.

– То есть ты хочешь сказать, что истинный владелец чемодана мертв, а его вещи кому-то до зарезу понадобились? Потому что дорогие и их можно неплохо толкнуть даже за треть цены? Или потому что в них есть что-то, кому-то очень нужное?

– Ну, про «толкнуть» я бы воздержалась утверждать. Если люди хотят продать вещи убитого, то они или жадные, или сильно бедствуют. И в том, и в другом случае они не стали бы тратить на сумку, обложку и ремень. Это все-таки очень дорого по меркам средней российской зарплаты.

– Значит, – Егоров задумчиво побарабанил пальцами по столу, – либо в чемодане есть что-то важное и мы это просмотрели, либо...

– Да, – подхватила Настя. – Либо истинный владелец чемодана жив и здоров, но по каким-то причинам не может или не желает себя обнаружить. А чемодан хочет вернуть. То есть он точно знает, что чемодан нашли и он в полиции.

Про конфетный фантик она умолчала. Виктор и без того сомневается в ее аргументах, ее слова кажутся ему бредом, а если сейчас еще про фантик рассказать, то он рассмеется и сочтет ее фантазеркой и параноиком. Господи, как часто она слышала эти слова и от коллег, и от следователей...

Егоров вздохнул, потер пальцами переносицу.

– Это все только предположения.

– Конечно. Именно поэтому я спросила про пальцы с вещей в чемодане. И именно поэтому принесла Загребельному файл со стерильно чистыми листами. Так что, Витя? Будешь звонить экспертам? Вить, тут дел ровно на пять минут, такие исследования эксперты даже без бутылки

делают, просто за «спасибо». Но тогда к завтрашнему дню ты будешь точно знать, врет Загребельный или нет. Кстати, что он делал в Вербицке? Он же не местный, как я поняла.

– Сказал, что приезжал в командировку, уезжал домой, дома были срочные дела и откладывать отъезд он никак не мог. Ладно, уговорила, москвичка. Блин! Подведешь ты меня под монастырь... Мне сейчас лажать нельзя, ну никак нельзя.

– Так никто же не узнает, – примирительно улыбнулась Настя. – Я так понимаю, ты ведь не следователю звонил при Загребельном?

– Что я, идиот? – буркнул Виктор. – Я вообще никуда не звонил. Так, вид сделал, что разговариваю.

– То есть следователь пока не в курсе и завтра вечером нашего псевдотерпилу не ждет? Ну и хорошо. Все будет шито-крыто. А в зависимости от ответа экспертов ты уж сам решишь, когда звонить вашей даме-следователю и что ей сказать. Где у вас криминалисты сидят? Далеко отсюда?

– Да здесь же, во внутреннем дворе домик трехэтажный.

Егоров посмотрел на часы, тяжело вздохнул и взялся за телефон.

Через четверть часа в кабинет торопливо вошла, слегка задыхаясь, немолодая женщина в очках и с чемоданчиком в руке. Вторая пара очков на красном шнурке болталась у нее на груди.

– Что у тебя, Витюша? Меня Семеныч с места сорвал, попросил срочно к тебе подбежать.

Егоров быстро объяснил суть задачи.

– Негласное дактилоскопирование, – усмехнулась эксперт. – Давненько ты с такими просьбами не обращался. Думала, уж и не обратишься никогда. Образцы где?

– В допросной, сама возьми, я побоялся трогать, чтоб всю красоту тебе не порушить.

– А сравнивать с чем?

– Карта у следачки в деле, но она пока не в курсе. У вас в базе должны быть, вы же делали.

– Кто следователь-то? Донникова?

– Она.

– Хорошая девочка, старательная. Номер дела запиши мне на бумажку, – попросила эксперт.

Егоров заглянул в папку, оторвал из стопки квадратных желтых стикеров верхний листок, записал номер уголовного дела, по которому следователь назначала дактилоскопическую экспертизу следов, изъятых с

вещей из чемодана, найденного на месте убийства.

– Когда сделаешь? – с надеждой спросил он.

– Ну, ты же просишь побыстрее, – насмешливо ответила женщина. – Ты в последние годы вообще ни о чем меня не просил, не то что раньше, когда ты мне просто проходу не давал. Поэтому для тебя сделаю моментально.

– Что я буду должен?

– Конфет купи, только хороших.

Он вышел из кабинета вместе с экспертом, предварительно убрав папку с материалами в сейф. Когда вернулся, лицо его было сосредоточенным и серьезным.

– А ты говоришь – за «спасибо», – проворчал он. – У нас за «спасибо» уже давно ничего не делается. Придется теперь конфеты покупать.

– Я куплю, – с готовностью отозвалась Настя.

– Ну, само собой, – хмыкнул он. – Не я же буду оплачивать твои идеи. Мне позвонили только что, готов ответ на твои вопросы. Сама понимаешь – не в письменном виде. Надо пойти послушать и записать. И бутылек отнести в знак благодарности. Это долго. Так что давай-ка поезжай по своим делам, завтра позвони, скажу тебе, где пересечемся.

– Значит, на проспект Ермака сегодня не поедем?

– Да куда ж теперь ехать-то? Если я сейчас к человечку не подбегу, пока он на месте, то завтра его ловить – замаешься пыль глотать. А освобожусь я не скоро, сама понимаешь.

Она понимала. Два хорошо знакомых опера, теплый кабинет, конец рабочего дня и бутылка – это комплекс, который быстро не рассасывается.

Она чувствовала себя ужасно виноватой, словно невольно, по глупости или недомыслию, втянула хорошего человека в опасную авантюру. И ей хотелось сделать для него хоть что-нибудь полезное.

– А хочешь, я сама съезжу на Ермака, поспрашиваю про любовника на красной машине? – предложила она.

Егоров воззрился на нее в полном возмущении.

– Без меня?! Как ты себе это представляешь?

– Обычно. – Она пожала плечами. – Я двадцать пять лет этим занималась. И продолжаю заниматься до сих пор. Что сложного-то?

– Обалдела, что ли? – Виктор с трудом сдерживался, чтобы не повысить голос. – А если тебя попросят документы показать? Да завтра все УВД будет знать, что какая-то неизвестная мошенница выдает себя за сотрудника полиции и задает вопросы по делу Милюковой. Не оберешься потом.

– Ну Вить, – засмеялась она, – ты за кого меня принимаешь? Я ж не девочка. Никаких сотрудников полиции, никаких вопросов по делу. Обычный разведопрос, я их тысячи провела за свою жизнь. Меня ведь дядя Назар учил, ты не забыл? Не бойся, я тебя не подведу. Давай номер дома и квартиры, дальше я сама. Будет что-то интересное – кину тебе эсэмэску.

– Ох, москвичка, – тяжело вздохнул Егоров. – Наслал тебя черт на мою голову...

* * *

Коротков обрадовался, услышав Настин голос по телефону.

– А мы тут с Петром и двумя уважаемыми людьми приятно проводим время, – возбужденно заговорил он, – Петр устраивает шашлыки в нашу честь. Володю я отправил в город, чтобы был к тебе поближе, он ждет у гостиницы, скажи, куда за тобой подъехать. Мы все тебя ждем.

Шашлыки – это совсем некстати. Во-первых, у Насти еще есть дела в городе, а во-вторых, она просто не любит эти шашлыки.

– Я еще не освободилась. Мне часика два нужно в городе поболтаться, но машина нужна.

– Задание мое выполнила?

– Нет пока. Я ж говорю, нужно пару часов подождать, – соврала она. – И мне нужно еще в одно место съездить.

Настя позвонила водителю, прогулялась по улице, рассматривая витрины и вывески, а когда Володя подъехал, попросила отвезти ее на проспект Ермака. Работа, которой ей предстояло заняться, была привычной и несложной, рука, как говорится, набита. Оставив машину в переулке, она неторопливо дошла до нужного ей дома, прошла через арку во двор и начала присматриваться к женщинам, гуляющим с детьми на детской площадке, и к мирно беседующим друг с другом пожилым дамам. Приметила парочку владельцев собак, выгуливающих своих питомцев. И приступила к делу.

Примерно через полчаса ушла из двора, вернулась к машине и позвонила Егорову, хотя пообещала не дергать его звонками и ограничиться сообщением. Но тут такое дело... Странное...

Виктор был, судя по голосу, уже «взявши». Однако, похоже, выслушав короткий Настин отчет, быстро протрезвел.

– Хрень какая... Буду думать. Завтра набери меня, когда будешь в городе, пересечемся.

И отключился.

Она не совсем точно поняла, для чего майор собрался с ней пересекаться завтра: то ли для того, чтобы передать информацию, которую он как раз сейчас для нее получает, то ли для того, чтобы выслушать подробный отчет о работе на проспекте Ермака. Но в любом случае, в городе ей делать больше нечего и можно возвращаться в уютный дом Петра Сергеевича Ворожца.

* * *

От шашлыков Настя отказалась, специально для нее на мангале запекли два шампура с овощами – помидорами, баклажанами и сладким перцем, которые она сжевала без всякого удовольствия. Аппетита не было совсем. Наверное, она еще не окончательно выздоровела. Горло уже почти не болело, голос нормальный, только нос еще немного закладывало, когда она сидела неподвижно или лежала, и в целом можно сказать, что бабушка-доктор из гостиницы слово сдержала: два дня интенсивного лечения – и Настя смогла полноценно работать. Но болезнь еще гнездилась где-то в глубине ее организма и периодически высывалась наружу. То голова закружится, то сердце вдруг забьется быстрее и сильнее обычного, то одышка появится. И аппетита вот нет...

И настроение, честно признаться, было не очень. Почему-то ужасно неудобно перед Егоровым: мало того, что нагрозила его просьбой, выполнение которой нужно исключительно ей и Короткову, но уж никак не самому майору, так еще и втравила его в историю с чемоданом, до которой ей вообще никакого дела нет и быть не может. А теперь подвесила его своей информацией с проспекта Ермака. И если старший опер начнет клясть ее последними словами, то будет совершенно прав. Чего она лезет? Куда? Зачем? Это чужой город. Это чужие люди. И это чужие дела.

Они сидели среди вековых деревьев, растущих на участке вокруг дома, в удобных садовых креслицах, неподалеку симпатичный молодой мужчина кавказской внешности колдовал над мангалом, то и дело поднося к столу новые шампуры. Становилось все прохладнее, Насте принесли плед, в который она тут же закуталась. Мужчины – Коротков, Ворожец и два высоких чина из администрации Вербицка – вели оживленную беседу, которая Насте была совсем не интересна: инвестиции, финансирование, бюджет, налоги, соцпакеты для бюджетников...

– Почему вы не кушаете? – заботливо спросил Ворожец, заметив

стоящую на столе перед Настей тарелку с недоеденными овощами. – Невкусно?

– Спасибо, я наелась.

– А хотите сыру на мангале? Это потрясающе вкусно!

Сыр на мангале... А что? Можно попробовать. Настя никогда такого не ела. По крайней мере, это точно будет не так пресно, как овощи.

Ворожец тут же достал телефон.

– Инна, скажи Наде, чтобы подошла к мангалу.

Появилась худая неулыбчивая повариха Надя, о чем-то поговорила с черноволосым усатым юношей, колдовавшим у мангала, ушла в дом, снова вернулась, неся большую тарелку с крупными кусками сыра. «Театр абсурда, – подумала про себя Настя. – Нашему Пете явно не хватает самых простых организаторских способностей. Сразу видно, что он никогда не руководил даже самым маленьким коллективом. Чего проще: пошли на кухню мальчика, который у мангала, он быстро сбегает и принесет сыр. Две минуты. Так нет: надо звонить помощнице, просить ее прислать повариху сюда, здесь сказать ей, что надо принести сыр, повариха уйдет, потом вернется... Масса лишних телодвижений и пустая трата времени».

Блюдо оказалось неожиданно вкусным. А вот разговор оставался по-прежнему скучным для нее.

Доев сыр, она тихонько встала и ушла в дом. Дверь в кабинет помощницы была приоткрыта, Настя вежливо постучалась и заглянула.

Инна сидела за компьютером и быстро печатала какой-то текст. Подняла голову и улыбнулась, увидев Настю.

– Да, Анастасия Павловна?

– Вы заняты? Не отрывать вас?

– Глупости! – решительно ответила Инна, отодвигая кресло и вставая. – Что-то случилось?

Настя покачала головой:

– Ровным счетом ничего. Просто я удрала с мужского застолья, они обсуждают такие вопросы, в которых я не разбираюсь. Хотела выпить кофе потихоньку, но не знаю, удобно ли идти на кухню и просить Надю.

Инна снова улыбнулась, и Настя подумала, что, несмотря на некрасивые черты лица, улыбка у нее совершенно очаровательная.

– А давайте я вам принесу, Анастасия Павловна. И себе заодно.

– Согласна, – кивнула Настя. – Но с условием, что вы не будете называть меня по имени-отчеству. Просто Настей – вполне достаточно.

Инна принесла кофе, и они уселись в гостиной в мягкие кресла.

– Вам удобно в доме Петра Сергеевича? – спросила Инна. – Ничего не

нужно? Всего хватает? Если что – говорите сразу, все будет исправлено.

– Все в полном порядке, – искренне заверила ее Настя. – Комната удобная, еда превосходная, хозяин чрезвычайно приятный человек. Хотя и не без особенностей.

Инна бросила на нее заинтересованный взгляд.

– Что вы хотите сказать?

– Да ничего.

Настя отпила кофе, который, на ее вкус, был крепковат.

– Скажите, Инна, вам не трудно работать с Петром Сергеевичем?

– Трудно? – Кажется, помощница Ворожца искренне удивлена. – Почему мне должно быть трудно?

– Потому что он дергает вас по каждому пустяку. И заставляет работать его устным телефоном. Уже несколько раз при мне он просил вас что-то сказать Наде, хотя куда проще было бы самому сказать ей все, что он считает нужным. Он даже со своей подругой связывается только через вас, ни разу за это время я не слышала, чтобы он с ней разговаривал. Зато постоянно слышу: «Инна, позвони Галине и скажи...» Для меня это, прямо скажем, странновато. Или он по каким-то причинам не дружит с телефоном? Знаете, есть такая форма невроза, когда человек уверен, что телефон излучает какие-то опасные для здоровья волны и его лучше держать подальше от головы. Нет?

Инна смотрела на нее в упор, улыбалась, но молчала.

– И этот разговор с вами насчет доктора тоже меня поразил, – продолжала Настя. – Скажите ему, что у меня болит, и решите проблему так, чтобы у меня не болело. Признаюсь вам честно, для меня это просто цирк с конями. Безусловно, Петр Сергеевич чудесный человек и гостеприимный хозяин, а на небольшие странности имеет право каждый из нас. И я никоим образом не намерена обсуждать Петра Сергеевича. Но при этом я понимаю, что работать с таким человеком должно быть трудновато. Так что мой вопрос был, собственно, не о нем, а о вас.

Теперь Инна смеялась уже открыто, но совсем негромко, ее небольшие, сильно накрашенные глаза лучились задором и весельем.

– Я обожаю Петра Сергеевича, – ответила она мягко. – Если бы вы знали, сколько приятных минут я провожу дома, рассказывая мужу о каждой выходке Ворожца! Мне кажется, мы с мужем даже стали как-то ближе с того момента, как Ворожец взял меня на работу, он же неисчерпаемый клад для наших домашних шуток.

– И вас все это не раздражает? Все эти «позвони Галине» и «скажи Наде»? – не поверила Настя.

– Оооо, это вы еще совсем мало слышали! Я для Петра Сергеевича – руки, ноги и язык. У него только глаза и уши свои. Ну и мозги, само собой. У него в мобильнике в телефонной книге забиты только три номера: начальника УВД, мэра и мой. Все. Больше никому и ни по какому поводу он сам не звонит.

– Но почему?

Инна задумчиво посмотрела на нее, словно прикидывая, имеет ли смысл что-то объяснять гостье.

– Видите ли, Настя, у Петра Сергеевича было очень непростое детство. Не знаю, рассказывал ли он вам...

– Про мать-алкоголичку? Рассказывал.

– Ну, тогда подробности вас не удивят. Он с малых лет тащил все на своих плечах. И мать, и квартиру, и себя самого. Мыл, готовил, убирал, стирал, еще и зарабатывал при этом. И он так наработался, что, когда стал достаточно состоятельным, сказал себе: «Я больше никогда ничего не буду делать сам. Я буду платить за то, чтобы все делалось за меня и для меня. Больше пальцем не пошевелю». Вот такая странность у моего работодателя. Он может сутки напролет сидеть с бумагами, лично проверит каждую цифру в отчете, каждую букву в договоре, но в том, что касается личного, бытового жизнеустройства, он принципиально не будет ничего делать. Он не ленив, нет, он труженик, но вот такая особенность... Он может позвонить начальнику УВД или мэру и решить сложный вопрос. И в то же время не может себя заставить позвонить слесарю и попросить починить кран. Для слесаря существую я. С персоналом он вообще не разговаривает, общается со всеми только через меня. Даже с директорами своих предприятий. То есть деловые вопросы он решает с ними лично, разумеется, но назначать встречу и согласовывать время сам не станет ни за что. Например, ему нужен директор химкомбината. «Инна, вызови ко мне Парфенова на семнадцать часов». Я связываюсь, выясняю, что директор комбината в час дня уезжает в область, то есть приехать к Ворожцу он может примерно до полудня, чтобы не опоздать. А до полудня Петр Сергеевич занят, у него назначены еще какие-то дела. Докладываю. В ответ получаю: «Реши как-нибудь, чтобы этой проблемы не было». Как решить? Отменить утренние мероприятия? Отменить поездку директора в область? И вот так почти каждый день.

– И как вы выходите из положения? – поинтересовалась Настя.

Инна пожалала плечами.

– Решаю проблемы, чтобы их не было. Научилась.

– Можно спросить, кто вы по образованию?

– Можно, – усмехнулась помощница. – Преподаватель немецкого и французского. Удивляетесь, наверное, почему я здесь? Работала в лучшем лицее города. Потом в лицее сменилось руководство, новый директор захотел взять на мое место свою любовницу, меня уволили. Правда, под видом сокращения, так что в трудовой книжке ничего крамольного не написано, хоть за это спасибо. Какое-то время сидела без работы, потом Ворожцу понадобился помощник, и кто-то предложил ему мою кандидатуру. Меня взяли временно, до тех пор, пока он не подыщет себе такого человека, как ему хочется. Условия, конечно, совершенно кабальные, выходных нет, зато есть ночные звонки с требованием поменять перегоревшую лампочку. Планировать ничего нельзя, начало рабочего дня в восемь, конец – когда хозяин отпустит, а это может быть и в десять вечера, и в двенадцать, и в два часа ночи. Но меня и это устраивает, потому что платит Ворожец очень щедро, мы с мужем на эти деньги проживем потом довольно долго, пока я буду искать работу по специальности. Мой муж ведь бухгалтер в госучреждении, зарплата копеечная.

– А как же Петр Сергеевич обходился без вашей помощи раньше? Насколько я понимаю, он состоятельным человеком стал давно. Получается, что решение ничего не делать самому он принял совсем недавно?

– У него был другой помощник, – коротко ответила Инна.

– И что? Куда он делся? Сбежал от хозяина? Или Ворожец его уволил за нерадивость?

– Он погиб. Разбился в машине вместе с водителем.

«Вот оно как, – подумала Настя. – Давно принял решение ничего не делать самому, если можно кому-то поручить. Нароботался в детстве. Устал. Кран чинить не будешь, хотя и умеешь. И даже слесаря вызывать не будешь, хотя и можешь. А с персоналом почему сам не разговариваешь? Не твоего ранга это люди? Или тоже просто потому, что это «работа», которую можно перепоручить? Вот какой ты, Петя Ворожец, оказывается... А с виду не скажешь. Ведешь себя, на первый взгляд, нормально. Приятный такой, искренний, умный. Только вот странности твои тебя выдают».

– Не унижительно? – тихо спросила Настя, внимательно глядя на помощницу Ворожца. – Вы – такая умница, с таким образованием, с нормальной семейной жизнью – и меняете перегоревшие лампочки обалдевшему от денег нуворишу.

Инна от души расхохоталась.

– Унижительно? Да ни капельки! Ворожец держит меня в помощниках именно потому, что я умная, ловкая, много знаю и многое умею, и он все

это видит и ценит. А вот знаете, что такое по-настоящему унижительно? Это когда тебя, специалиста в своем деле, получавшего образование и много лет работавшего по специальности, считают полным идиотом, равным по интеллекту ребенку в младшей группе детского сада. Вот это действительно унижительно. И от этого выть хочется. Возникает ощущение напрасно прожитой жизни.

Настя посмотрела на нее озадаченно.

– Что вы имеете в виду? Вас кто-то считает интеллектуально недостаточной?

– Не меня, – грустно усмехнулась Инна. – Мужа. Ну, и не только его. Вообще всех бухгалтеров, которые относят больничные листы в Фонд социального страхования на оплату. В это место вообще приходят только хорошо подготовленные бухгалтеры, чтобы отдать уже оформленные документы на выплату денег по больничному. Неопытных новичков там не может быть по определению. И вот представьте себе: для них там, в Фонде, по местной видеосвязи транслируют гениальные стихи, сопровождая их мультяшными картинками. Целиком стих я не воспроизведу, но вот несколько образчиков этого творчества. По замыслу великого поэта идет разговор человека с пачкой денег. Пачка денег объясняет человеку, что он должен предпринять, чтобы ее получить.

Знаешь, чтоб меня добиться,
Кое-что должно случиться.
Сдай больничный на работу,
заявленье напиши!
Подпиши собственноручно и проверь, чтоб было верно!
За пять дней бухгалтер должен
Переправить документы
В Фонд соцстраха...
Через десять дней больничный
Превратится в пачку денег,
И тогда ты сможешь смело
В банкомате взять меня.

Примерно со второй строчки Настя начала трястись от хохота.

– Господи, Инна, это что?

Инна молча ждала, пока гостя отсмеется. Лицо ее было серьезным и даже немного печальным.

– Понимаете, Настя, идея была, вероятно, неплоха. Изначально неплоха. Написать инструкцию в веселых стихах, чтобы и запоминалось лучше, и настроение поднимало. Но это хорошо для студентов, которые изучают бухучет и которым нужны мнемонические приемы, чтобы выучить материал к экзамену. Неужели кому-то могло прийти в голову, что самые опытные бухгалтеры предприятий, регулярно привозящие в Фонд правильно оформленные больничные листы, могут всего этого не знать? За кого вообще их там принимают? За практикантов? Вот это и унижительно. Но это только одна часть унижения.

– А вторая?

– Идея – бог с ней, но есть ведь еще и воплощение этой идеи, результат работы. Вы решили создать инструкцию в стихах? Флаг в руки! Сочиняйте. Но пусть это будет хотя бы прилично по форме. Но нет. Зачем? Для чего напрягаться, составлять слова связно и ладно, заботиться о рифме, если уж так хочется непременно стихами изъясняться? И так сойдет. Пипл схавает. У нас ведь принято считать народ быдлом, которое ни в чем не разбирается и схавает любые помои, которыми его накормят.

– У вас – это в Вербицке? – уточнила Настя.

– У нас – это в России, – очень серьезно ответила Инна. – Разве в Москве не так же? Уверена, что то же самое. Дело же не только в халтуре в творческой работе, дело в отношении в целом. Нам врут прямо в глаза и уверены, что мы не возмутимся. Потому что мы – пипл. То есть быдло. И мы схаваем. И это повсеместно.

Настя собралась было выразить полное согласие, но внезапно вспомнила вчерашний спектакль. Вряд ли для его создания приглашали хорошо оплачиваемого известного режиссера. Наверняка все сами придумали, и идею, и сценарий. И сыграно было с блеском, с душой, с изюминкой. Нет, не права Инна. Да, людям открыто и нагло врут, это правда. Но в творческой работе все-таки не все халтурят в надежде на то, что «пипл схавает».

– Согласна, – кивнула Инна, когда Настя поделилась с ней впечатлениями о торжественном вечере в театре. – Кстати, идея пародийного спектакля принадлежит Ворожцу.

На Настином лице отразилось такое изумление, что Инна невольно засмеялась.

– Чему вы удивляетесь, Настя? Петр Сергеевич у нас весьма креативен. Вы не знали?

– Даже предположить не могла, – искренне ответила Настя. – Открытый – да, искренний – да, без комплексов – тоже да. Но чтоб

креативный... Вы меня ошарашили. Вот уж никак не ожидала.

Со стороны входа в дом зазвучали мужские голоса, громче всех говорил один из приглашенных сотрудников администрации города.

– ...а то все только обещаешь, Петр Сергеич, все кормишь и поишь, а я баньку жду – не дождусь.

«Ну да, – подумала Настя, – конечно, куда ж без баньки-то? Наелись, напились, теперь самое время попариться. По-хорошему надо было бы изменить порядок действий, сперва попариться, а потом уже налегать на мясо и спиртное. Но у них свой порядок. Лишь бы меня не трогали».

Ей, разумеется, тут же предложили присоединиться, но, выслушав вежливый отказ, не настаивали.

– Ну хоть в бассейне поплавайте, – упрашивал ее Ворожец. – Вы за все время ни разу туда не сходили.

– У меня нет купальника.

– Внизу все есть, Инна вам покажет. Специально для гостей купальники, плавки и тапочки всех размеров, новые, из магазина, не распечатанные.

Вообще-то поплавать можно... Но уж точно не сейчас, когда там будет плескаться развеселая компания из четырех сытых и поддатых громогласных мужиков. Лучше, наверное, завтра встать пораньше, когда в бассейне никого не будет. Завтра – последний день пребывания в доме Ворожца, они с самого начала договорились, что приедут вечером в субботу и в среду утром вернутся в гостиницу.

– Инна, позвони Галине, через час будет нужен массажист.

– Конечно, Петр Сергеевич.

Дожив до пятидесяти четырех лет, Анастасия Каменская так и не поняла, как устроены люди, которые накануне предстоящего рабочего дня могут чуть ли не в полночь завалиться в баню, да еще массажиста пригласить, то есть затевают «расслабуху» всерьез и надолго. Или они такие крутые начальники, которые имеют возможность просто не выйти на работу, когда им не хочется? Или они умеют выспаться и восстанавливаться за какие-нибудь два-три часа? Или они знают, что завтра будет тяжело, но относятся к этому безразлично? Или ухитряются вообще не думать о том, что будет завтра? Наверное, если бы сейчас ей дали возможность поговорить с семнадцатилетней Настей Каменской, сегодняшняя Анастасия Павловна сказала бы: «Люди интересны, многообразны и неповторимы. Не упускай возможность изучать их. Не проходи мимо людей, попадающихся на твоём пути. Постарайся заглянуть в каждого. Ты не найдешь двух совершенно одинаковых. Каждый

уникален, и каждого так интересно понять».

Настя улыбнулась собственным мыслям. Ну, слава богу, хоть что-то она может сказать той молоденькой девочке...

Воспользовавшись тем, что Инна отвлеклась на звонок Галине, она поднялась на второй этаж и толкнула дверь, ведущую в «дискохранилище»-библиотеку. Вот он, тот самый двухтомник: черный фон, красные буквы названия и почти совсем стертая позолота на имени автора. Истрепанный корешок. Год издания – 1986. Еще в первый раз, позавчера, когда она взяла в руки один из томов, ей показалось, что среди обреза страниц выглядывает кончик закладки. Если ее догадка верна...

Да, так и есть. Именно на этой странице Скарлетт О'Хара произносит: «Я никогда больше не буду голодать». Я никогда больше не буду... Обещание Скарлетт превратилось в заклинание Ворожца.

Сколько же ему было лет, когда он впервые прочел «Унесенных ветром»? Не меньше двадцати пяти. Возможно, больше. Странно. Человек с такой биографией, завязанный в подпольном бизнесе, вряд ли вообще читает, а уж тем более женские романы, пусть даже и очень хорошие. Наверное, случайно прочел. Просто попала в руки чья-то книга, а заняться было нечем... Впрочем, какая разница? Важно другое: в этой книге он нашел что-то, какие-то слова, которые стукнули в его сердце. Может быть, его привлек образ главной героини, идущей по головам к своей цели. А может быть, именно эти слова: «Я никогда больше не буду голодать». И Петя Ворожец решил, что никогда больше не будет сам делать то, что можно поручить другим.

В кармане блякнул телефон, извещая Настю о пришедшем сообщении. Наверное, Лешка, здесь уже первый час ночи, а в Москве едва за девять вечера перевалило. Но сообщение оказалось от Егорова. Она постояла на пяточке между комнатами, размышляя, как правильно поступить: пойти в свою комнату, лечь спать и поговорить с Коротковым завтра или спуститься в цокольный этаж и найти Юрку прямо сейчас?

«Лучше сейчас», – решила она и направилась вниз.

Бассейн был пуст, мужчины сидели в парилке. На круглом столе расставлены бутылки, легкие закуски, фрукты, чистая посуда. Настя с сожалением посмотрела на голубую прозрачную воду. Похоже, завтра утром поплавать тоже не удастся. Но, может быть, вечером, если Петр опять гостей не созовет. Она присела за стол и начала отщипывать по одной ягодке винограда. Через пару минут послышался стук каблуков: Инна.

– Вы передумали? – спросила она. – Показать вам, где купальники и тапочки?

– Спасибо, нет. Мне нужно Юру поймать буквально на пару слов, договориться, в котором часу мы завтра выезжаем. Потом пойду спать.

– Счастливая, – вздохнула Инна с улыбкой. – А мне предстоит сидеть здесь, пока последний гость не уедет.

– Почему именно здесь? – удивилась Настя. – У вас же есть кабинет. Что вам здесь делать? На полуголых мужиков смотреть?

– А вдруг Петру Сергеевичу что-нибудь понадобится? В баню он телефон не берет, так что позвонить и вызвать меня не сможет, да и с полом в этом помещении проблемы, окон же нет.

– Тяжелая у вас работа, – посочувствовала ей Настя.

– Забавная, – возразила помощница Ворожца. – Не дает скучать. За такую зарплату просто грех жаловаться.

За дверью, ведущей в банный комплекс, послышался шум воды, льющейся в душе, потом плеск и громкие уханья: после парной настала пора смыть под душем пот и прыгнуть в холодную купель. Через пару минут появился один из сотрудников администрации, за ним – Коротков, оба в плавках и с махровыми полотенцами в руках. Дядька из администрации немедленно прыгнул в воду и поплыл мощным красивым брассом, Коротков же, заметив Настю, направился к столу, за которым она сидела вместе с Инной. Инна тут же деликатно отошла, и Настя, проводив ее глазами, увидела, что та уселась в дальнем углу бассейна на маленькое обитое коричневым дерматином креслице рядом с каким-то пышным растением в кадке. Значит, вот где место помощника во время оздоровительных забав...

– Если ты хочешь получить свою информацию, нам придется завтра выехать пораньше, – сказала Настя. – Егоров может с нами встретиться только с утра, потом он будет весь день в бегах.

Юра внимательно посмотрел на нее, взял из вазы крупное желто-красное яблоко, с хрустом надкусил и начал жевать. Набросил на стул полотенце и сел напротив.

– Опять крутишь? – хмыкнул он. – Выкладывай, что случилось.

Да, не обмануть ей Короткова. Тридцать лет дружбы псу под хвост не выкинешь. Она посмотрела вокруг: Инна далеко, гость плавает, второй гость и хозяин дома еще не вышли из парной, во всяком случае, душ не шумит и вода в купели не плещет. Она постаралась обойтись минимумом слов, Юрка и так все поймет.

– Короче, Виктор просит помочь. Мы, конечно, не обязаны, да и права не имеем, но он ведь нам помогает... И потом, Юр, с этими участками под застройку все так скучно!

– Ну да, – кивнул он, – тебе движуха нужна, куда ж наша Пална без драйва. Ладно, помогай, я без тебя вполне справляюсь.

– Ты не понял. – Настя понизила голос. – Ты должен помочь. Ты. Мне уже нельзя.

– Ну здравствуйте! А кто в мэрию поедет и в Кадастровую палату? Я кругом договорился, мне завтра обещали сделать копии нужных документов...

– Я съезжу. Скажешь – куда, к кому и какие документы получить, я все сделаю.

Коротков внезапно рассердился.

– Слушай, во что ты меня втягиваешь? Ты вообще соображаешь, чем это пахнет, если нас поймают на этом деле? Или тебе полковник Баев страсть как понравился? Лично мне – нет. Я бы от него держался подальше.

Да, полковник Баев... Встреча с ним – не самая приятная перспектива. Угрюмый, злой, недоверчивый, тяжелый. Но задача в том и состоит, чтобы избежать беседы с ним в связи с Витей Егоровым. Впрочем, если такая беседа и состоится, то будет не мирный разговор, а скандал. Значит, надо просто очень постараться.

– Надо постараться, чтобы не нарваться... – задумчиво продекламровала Настя.

– Чего это ты стихами заговорила?

– Да так... Вспомнила одну забавную историю. Так что скажешь?

– Сказал бы я тебе, – пробурчал Коротков. – Ладно, завтрак в семь, выезжаем в восемь. Пойдет?

– Я тебя обожаю!

Настя вскочила с места и звонко поцеловала Короткова в макушку. Потом сообразила, что их видят и Инна, и плавающий в бассейне сотрудник администрации, но решила, что ничего страшного. Ну, подумают они, что московские гости – любовники, и что? Они наверняка и без того так считали.

Наконец со стороны двери, за которой находилась парная, раздались звуки, свидетельствующие о том, что вот-вот в бассейне появятся хозяин с гостем. И Настя решила, что будет лучше, если они ее здесь не застанут. Она подошла к Инне, сказала, что завтракать они собираются в семь утра, выразила восхищение тем, как долго Петр Сергеевич может находиться в парилке, и умчалась спать.

Но перед тем, как лечь, отправила два сообщения, одно – водителю Володе, второе – Егорову.

Хмель навалился быстро, с первым же выпитым стаканом, но после звонка Каменской начал отступать. Майор Егоров постарался свернуть такие приятные посиделки с коллегой, сославшись на пристальное внимание начальства, которое доверило ему работу по серьезному делу, распрощался, поблагодарил за полученную информацию и направился домой. Жил он минутах в пятнадцать ходьбы от здания городского УВД. Машину он перед встречей с коллегой благоразумно отогнал к дому, ибо не без оснований подозревал, что выйдет из здания в таком состоянии, в каком за руль лучше не садиться.

Придя в свою квартиру, не стал включать электричество, разделся в темноте, разбавленной тусклым светом, льющим из окон: в центре города улицы ярко освещены в любое время суток, да и не в центре тоже, не то что прежде. Когда мэр привел нового начальника УВД, полковник Баев первым делом взялся за наведение порядка и спокойствия на улицах. Всюду появилось хорошее освещение, а вот алкаши и наркоманы, наоборот, куда-то исчезли. Патрульно-постовая и дорожно-патрульная службы заметно оживились, в их работе стало прослеживаться даже какое-то подобие старательности.

Чайник на кухне Виктор тоже включил, не зажигая света. Он вообще не любил света в своей квартире. С тех пор, как в один день потерял всю семью, он не выносил вида этих стен и этих вещей, которые, казалось, равнодушно не заметили утраты и продолжали быть такими же, как и раньше, когда живы были и жена, и дети... Он тогда сильно запил, а очнувшись, понял, что пропил все, что было отложено, и еще в долги влез. Речь уже не могла идти о том, чтобы сделать ремонт, изменить цвет стен и купить новую мебель, на это просто не было денег. Поменять эту квартиру на другую он тоже не мог: не брать же с собой старые вещи, а новые купить не на что. Долги бы отдать... И Егоров решил просто не видеть. Не смотреть. Научился жить в темноте, в светлое время суток старался не находиться дома, а если приходилось – сокращал это время до необходимого минимума. Сидел на работе. Брал дежурства, подменяя всех желающих. Или пил. Раз в месяц, в день зарплаты, звал соседку, которая в его отсутствие за пятьсот рублей делала уборку, мыла полы и протирала пыль.

Зато теперь он не боялся ослепнуть: в своей квартире он ориентировался на ощупь ничуть не хуже, чем при свете. Даже бриться

научился, не зажигая свет в ванной. Если не с тяжкого похмелья, конечно.

Заварил крепкий чай, бросил в кружку несколько кусков сахара, сел за стол, подперев ладонью подбородок.

Что-то не так. Вернее, понятно, что именно не так, но пока непонятно почему. Почему так вышло? Кто кого обманул? Или кто кого не так понял? Очень рискованно делать опрометчивые шаги, не понимая, что происходит на самом деле. Сейчас на карту поставлено все: или он выплывет, или пойдет ко дну окончательно. При втором варианте его в самом лучшем случае уволят, а вот в самом худшем могут подставить под статью, и вместо мирной жизни пенсионера, майора в отставке, он пойдет зону топтать. Если выплывет – сможет вернуться к работе, привычной и любимой.

Почему всплыли эти непонятки, насчет которых ему позвонила Каменская? Потому что на нем, на старшем опере Егорове, давно поставили большой жирный крест. Все были уверены, что могут просчитать его действия «от» и «до», ибо каких уж таких особенных действий можно ожидать от сильно пьющего сотрудника, которого держат на службе только из жалости и уважения к былым заслугам и которому поручают только самое простое – работы по пьяным бытовым убийствам? Никто ведь не мог просчитать, что появится эта москвичка с горячим желанием хоть как-то помочь в ответ на оказанную любезность. И теперь Виктору Егорову нужно принимать решение: оставить все как есть, продолжать жить жизнью пьющего и на все забившего опера, на которого коллеги смотрят как на пустое место, или воспользоваться представившейся возможностью хоть что-то изменить? Изменить, конечно, хочется. Если в лучшую сторону. И очень страшно, если в худшую.

Но другого шанса у него не будет. И тут же коварный голос, оживающий при каждой возможности, начал нашептывать то, что Виктор думал и говорил себе все последние годы: «А зачем тебе эти перемены? Разве тебе плохо жить так, как ты живешь? Ты отлично живешь, у тебя есть дом, у тебя есть работа и зарплата, а то, что ты пьешь – так это вообще ерунда. А кто не пьет-то? Все пьют, и ничего особенного. Опер – и чтоб не пил? Так не бывает! Имеешь полное право. Ты же не алкоголик, не пьяница, не забулдыга, ты нормальный мужик, всю страну населяют именно такие, как ты. Надо будет – сможешь бросить пить в любой момент. Просто пока не было необходимости. А если понадобится – так не вопрос, в пять секунд бросишь, правда же?»

Голос убаюкивал и успокаивал, и Виктор всегда шел у него на поводу. Это было так сладостно – дать себя уговорить...

Но он вдруг отчетливо понял, что сейчас шанс у него действительно

последний. Если и в этот раз позволить голосу взять над собой верх, то другого шанса уже никогда не будет.

И чемодан этот, будь он трижды неладен... Москвичка вмешалась. Не вмешалась бы – у Егорова бы сейчас голова не болела, Загребельный отправился бы к следователю Донниковой и быстро решил все свои вопросы. Возможно, даже получил бы свой чемодан назад, поскольку, строго говоря, в качестве вещественного доказательства в деле об убийстве он не фигурирует и не является ни орудием преступления, ни предметом посягательства со стороны убийцы. А вот теперь эксперты быстренько провели исследование и утверждают, что внутри чемодана и на вещах нет ни одного следочка, который мог бы оставить Загребельный. Когда возбудились по убийству бомжа, то все следы из чемодана тщательно исследовали, несмотря на то что в момент изъятия он оказался заперт. Мало ли, может быть, вору все-таки удалось его открыть, а потом закрыть. Или вору, или его убийце. Тогда можно было бы не париться с доказыванием мотива: убил, чтобы присвоить украденное и продать. Но ничего не получилось, следов задержанного за убийство и признавшегося бомжа внутри чемодана не было. Так что образцы из чемодана у экспертов были, оставалось только сравнить их с образцами, негласно полученными у того, кто объявил себя хозяином вещей. И результаты этого сравнения оказались совсем уж непонятными... Ну, это фиг с ним, пусть следачка разбирается.

Чай остыл, Егоров сделал несколько больших глотков и поморщился: привычный напиток показался ему неприятно-сладким. Отработанными точными движениями сполоснул чашку под краном, поставил на сушку для посуды и взялся за телефон. Время позднее, звонить неудобно. Он напишет сообщение. И испытает судьбу. Если он принял верное решение, то ответ получит сегодня же. Если нет – значит, ответ будет только завтра, а завтра, вполне возможно, будет уже поздно трепыхаться.

«Озадачила. Думаю. Самому нельзя. Поможешь? Инфу передам завтра в 8.30, памятник Менделееву на углу Красина и Арктической».

Еще немного подумал, собрался с духом и нажал кнопку «отправить сообщение».

Вторник

Водитель Володя не скрывал удивления, услышав адрес, по которому следовало с утра пораньше отвезти московских командированных.

– Угол Красина и Арктической? Это ж гиблое место! Там раньше, при прежнем мэре еще, наркоманы тусовались, в аккурат вокруг памятника, там продавали-покупали, там же и кололись. Нормальные люди это место за три квартала стороной обходили.

– Сейчас тоже продают? – поинтересовался Коротков.

Володя отрицательно мотнул головой.

– Не, теперь уже нет, как новый начальник УВД пришел, так порядочек навели. Но все равно место плохое. Знаете, говорят про ауры всякие там, про поля... Я в это не особо верю, не разбираюсь, но в этом месте точно что-то есть. Так и не выветрилось до сих пор. Там ведь и скверик был симпатичный, когда я еще молодым был и в такси начинал работать, все время туда парней и девчонок на свидания подвозил, там у них романтическое место встреч было. А как наркоманы расплодились, так ни одной приличной рожи вокруг не стало. Теперь скверик в порядок привели, цветники разбили, травку стригут, скамейки покрасили, а все равно в нем никто не гуляет и не встречается.

Настя открыла на айпаде карту Вербицка. Улицы Красина и Арктическая находились совсем рядом с проспектом Ермака. Значит, не случайно Егоров выбрал это место.

Майор уже ждал их, его одинокая фигура с опущенными плечами была заметна издали. Вместо приветствия он молча протянул Короткову несколько вырванных из блокнота листков, заполненных крупным малоразборчивым почерком.

– В общем, вы все поняли, – сказал он. – Небось, подумали, что у меня паранойя? Нет, этим не грешу. Всю ночь голову ломал, как так могло получиться. Меня поставили в колею и наблюдают, как я по ней иду. Если я попытаюсь из нее выползти и куда-то свернуть, меня в момент окоротят. В колею поставят другого, поспокойнее и поумнее. Настасья вчера засветилась на Ермака, и если мои наблюдатели люди опытные, то второе ее появление они точно не пропустят.

– Понял, – кивнул Коротков.

– Я сегодня с самого утра уже в контору сгонял, посмотрел ксерокопии материалов, они у меня в сейфе лежат, – продолжал Егоров. – И понял, что

Милюкова искала. В папке, которую нашли у нее дома и которую следователь изъяс, были материалы редакторов для сценария передачи с нашим мэром Смелковым. И там есть парочка адресов. Прямо рядом с проспектом Ермака. Видно, наша потерпевшая решила туда сама сходить. И кому-то это очень не понравилось.

Коротков нахмурился.

– Что за адреса? – спросил он.

– Дом, где Смелков жил в детстве и юности, и школа, в которой он учился. Причем в материалах редакторов есть записанные интервью со старыми учителями, которые еще помнят нашего мэра подростком.

– Зачем же тогда Милюкова ходила в школу? Что еще она хотела там выяснить? – удивилась Настя.

– Да какая школа, ты что! – поморщился Егоров. – Время-то было после восьми вечера, ни одна школа не работает, там и нет никого, кроме сторожа. Нет, не в школу она ходила. Но ты, москвичка, вчера выяснила, что Милюкова куда-то ходила именно в том направлении. И надо обязательно выяснить, куда точно и зачем. Потому что если не в школу, значит, в дом, где жил когда-то мэр. Или еще куда-то.

– Может, все-таки в магазин? – засомневалась Настя.

– В магазин за продуктами она ходила, вернувшись с работы. Потом провела какое-то время дома и только потом вышла с собакой. И с этого момента начинается черт знает что.

– Ну а вдруг ей не удалось в первый раз купить все, что нужно? – настаивала она. – И Милюкова вышла еще раз, направилась уже в другой магазин, заодно и собаку прогуляла.

– Да нет в той стороне ни одного приличного магазина, – вздохнул Егоров. – Я проверял. Короче, мальчики-девочки, надо понять две вещи: куда Милюкова ходила на самом деле и почему образовалась эта разница в информации. Узнаем первое – узнаем и второе.

– Или хотя бы сможем предположить, – добавила Настя. – Хотя, учитывая источник этой информации, уже и так понятно, откуда ноги растут. Но непонятно, зачем они оттуда растут. Должен же быть какой-то смысл в этом. Витя, а что с чемоданом? Есть ответ от экспертов?

Виктор поморщился, словно она напомнила ему о необходимости посетить стоматолога, работающего без обезболивания.

– Ох, москвичка, доведешь ты меня до греха... Но ты была права. Я Донникову, следачку, предупрежу, пусть сама с этим Загребельным ковыряется.

– А тебе самому разве не интересно?

– У меня одна голова, ее на два дела не хватает, она у меня пополам не делится, – сердито ответил майор. – Рабочее время у меня тоже одно и на количество дел не умножается.

Потом скупно улыбнулся и добавил:

– Но ты все равно молодец, хотя от тебя проблем только прибавляется. Сразу видно, что у дяди Назара училась.

Коротков с Егоровым еще уточняли и оговаривали какие-то детали, а Настя села в машину и поехала в гостиницу переодеваться: приличный костюм она привезла в дом Ворожца еще в воскресенье, в день мероприятия в театре, и сегодня снова надела, а вот блузку надо бы сменить. Предстоящие визиты в муниципальные службы ее не вдохновляли ни капельки, но она, следуя недавно постановленному для себя правилу, старалась найти в сложившейся ситуации самые яркие положительные моменты. Она сделает что-то полезное для достижения цели, ради которой их сюда отправил брат Александр, и ее действия хотя бы немного приблизят момент окончания работы и возвращения домой. А Коротков за это время тоже сделает что-то нужное и полезное для Виктора Егорова, ибо милицейское братство никто еще не отменял, хоть и переименовали милицию в полицию. Но Юрка, как и она сама, побыть полицейским не успел и до сих пор называет себя «ментом». И вообще, тот факт, что сегодня ей придется мотаться по скучным бумажным делам, является прямым следствием того, как она поработала вчера на проспекте Ермака. А это значит, что поработала она хорошо и профессионализма пока не утратила. Разве это не повод порадоваться?

* * *

Игорь Валерьевич Баев привык поздно ложиться и рано вставать, четырех-пяти часов ему вполне хватало для того, чтобы выспаться. Обычно он просыпался в полной тишине, жена Алиса вставала на час позже и начинала поднимать старшего мальчика, Ванечку, которого следовало отправить в школу. Сейчас лето, каникулы, но Алисе взбрело в голову устроить Ваньку в какой-то продвинутый летний лагерь для младших школьников. Если верить рекламе и обещаниям, даваемым организаторами лагеря на собрании родителей, дети будут находиться на природе с девяти утра до семи вечера, получать трехразовое питание, углубленно изучать гуманитарные предметы и иностранные языки, играть в развивающие игры и заниматься различной физической подготовкой. Баев против идеи не

возражал, сам он в средней школе был отличником, учился легко, и приличные, но далеко не самые высокие отметки у приемного сына его удивляли: ведь школьная программа – это так легко! Любой дурак справится. Если не справляется, значит, просто ленится. И пребывание в летнем образовательном лагере должно было, по разумению полковника, только способствовать развитию ребенка и воспитанию в нем необходимых качеств. Сам он в учебу Ваньки не вникал, отдав это на откуп жене, и вполне удовлетворялся сообщениями «по математике четверка» или «по английскому пятерка». Правда, Баева несколько удивило, что в этом лагере-школе давали еще какие-то домашние задания. Ему казалось, что если ребенок находится под надзором педагогов целый день, то и уроки должен делать там же. На его вопрос Алиса уверенно ответила, что педагоги в лагере считают, будто неправильно вынуждать ребенка делать домашние задания сразу после того, как он отсидит четыре или даже пять уроков. Ребенок должен отвлечься, пообедать, поиграть на свежем воздухе, позаниматься спортом, за это время мозг отдохнет, обогатится кислородом, а вечером самое время поделаться уроки. Это показалось Игорю Валерьевичу разумным.

Но сегодня Баев проснулся не от звонка будильника, а громких голосов.

– Ты не пойдешь в лагерь, пока не перепишешь сочинение! – орала Алиса, почти срываясь на визг.

Баев в недоумении посмотрел на циферблат часов: неужели он проспал? Такого за ним никогда не водилось... Нет, до звонка еще десять минут. Что случилось?

До него донеслись сдавленные всхлипывания: девятилетний Ванька плакал. Баев встал, накинул спортивный костюм и вышел из спальни. Дверь в комнату сына распахнута настежь, мальчик сидит за письменным столом, а Алиса стоит над ним с разгневанным лицом.

– Что у вас случилось? – недовольно спросил Баев. – Не кричите так, Валерку разбудите.

Трехлетний сын Валерка спал в спальне родителей, куда поставили его кроватку.

Алиса схватила лежащую на столе тетрадь и сунула ее Баеву прямо в лицо.

– Вот, полюбуйся! Почитай-почитай! Им задали написать дома сочинение на тему «Почему нужно учиться». Там ошибок больше, чем букв!

Баев рассеянно взял тетрадь и пробежал глазами несколько строк.

Ошибки – да, и много. Почти в каждом слове по две-три. Но что намного хуже – нет связно изложенной мысли. Такую работу сдавать просто стыдно.

– Мама права, – строго произнес он. – Так не годится. Надо написать заново.

– Он вчера допоздна смотрел мультики, – сердито говорила Алиса, – и пообещал, что встанет утром пораньше и доделает уроки. Я специально поднялась ни свет ни заря, чтобы его проконтролировать. И вот, пожалуйста! Написал! А если бы не встала и не проверила? Он бы это позорище сдал сегодня учительнице и получил свой законный «кол». Просто чудовищно! В школе по русскому языку у него всегда были приличные оценки. А тут – стоило перенести уроки с вечера на утро, и голова уже ничего не соображает. Все, больше никаких нарушений режимов! Никаких мультиков допоздна, и вообще никаких развлечений, пока не будут сделаны все уроки.

Она заглянула в тетрадь, в которой сынишка, хлюпая носом и глотая слезы, старательно выводил: «Сочинение». И строчкой ниже: «Почему нужно учиться».

Баев вздохнул и пошел на кухню готовить себе завтрак. Поскольку Алиса обычно вставала позже и занималась только Ваней, он привык по утрам обслуживать себя самостоятельно. Алиса вышла вслед за ним, молча уселась за стол и принялась грызть орехи, насыпанные в стоящую на столе вазочку.

– Алиса, с ребенком нужно заниматься, – сказал Игорь Валерьевич, разбивая сырые яйца о край сковороды, чтобы сделать себе глазунью.

– Думаешь, я не понимаю?! – взорвалась Алиса. – Я же именно поэтому постоянно отправляю Ваньку к бабке, она как-никак учительница, она умеет с детьми заниматься, умеет объяснять и учить. А я не умею. Выходит, ребенок настолько тупой, что ничему не может научиться. Я так надеялась на этот лагерь, они же обещали развивающие игры... А там требования такие, что Ванька не справляется.

– Но ведь у него были хорошие оценки по всем предметам, – заметил Баев. – С обычной-то программой он справляется, и неплохо. И какие уж такие особенные требования в этом лагере? Написать пять предложений с ответом на простой вопрос? Не преувеличивай. Просто именно сегодня у него голова не на месте. Это с каждым может случиться. Зря ты такую панику разводишь. Вместо того чтобы орать с утра пораньше, лучше бы села с ним рядом и объяснила хотя бы одно правило, чтобы он самостоятельно исправил хотя бы одну ошибку.

– Думаешь, я не объясняла?

Алиса сразу сбавила тон и теперь заговорила виновато и горько:

– Объяснила, он повторил за мной три раза. А исправить в своем же сочинении не сумел. Не понимаю, что с парнем творится. Может, его надо доктору показать? А вдруг он слабоумный?

Глазунья поджарилась, Баев поставил сковородку на подставку и начал резать хлеб. Он уже заваривал чай, когда в кухне появился Ваня с тетрадкой в руке.

– Ну? – Алиса строго посмотрела на сына. – Переписал?

– Да, – прошептал мальчик.

– Давай сюда.

Глянув на сочинение, Алиса молча передала тетрадь мужу. Баев мысленно чертыхнулся: этот вариант оказался еще хуже. Ошибок не меньше, а бессвязности больше.

– Это не годится, – твердо сказал он. – Пойди и напиши еще раз.

– Я не знаю, что писать, – едва слышно проговорил Ваня. – Я не умею.

– Что значит «я не знаю»? – снова взорвалась Алиса. – Ты в школе каждый месяц писал сочинения! И получал за них пятерки! А теперь не знаешь и не умеешь? Да ты просто бездельник и лентяй!

Мальчик смотрел в пол и молчал. По его щекам катились крупные прозрачные слезы.

– Мне бабушка всегда говорила, что написать. Она мне диктовала, потом ошибки исправляла, а потом я переписывал, – выдавил он.

– Что?! – взревел Баев. – Бабушка диктовала?!

Алиса побледнела и шагнула к сыну, инстинктивно прикрывая его собой. Баев мгновенно остыл. Неужели жена думает, что он способен поднять руку на ребенка? Кем она его считает? Чудовищем? Зверем? «А ты и есть чудовище, – зло ответил сам себе Игорь Валерьевич. – Ты и есть зверь».

– Иди к себе, сынок, – произнес он почти спокойно. – Здесь много ошибок, нужно переписать еще раз. Открой учебник и прочти правила. Давай, иди, через час вам с мамой нужно выезжать, а то опоздаешь в лагерь.

Ваня поплелся к себе. Алиса нервными движениями налила в стакан воду прямо из-под крана и выпила залпом.

– Ну что, – холодно проговорил Баев, – допрыгалась? Тебе так хотелось не портить отношения с бабушкой своего ребенка, ты чувствовала себя такой виноватой из-за того, что бросила ее драгоценного сыночка! Поэтому ты позволила ей постоянно брать Ваньку из школы и проводить с ним целые дни. Конечно, ты только радовалась: ребенком можно не

заниматься, он присмотрен, для Валерки нянюку наняла и шляешься с утра до вечера по подружкам и салонам. Думаешь, я не знаю, сколько времени ты в этих салонах проводишь? Мне Галка все докладывает, мне каждый твой шаг известен. Я ведь тебя предупреждал: не подлизывайся к Ванькиной бабушке. Но разве ты меня слушаешь? Все твои штучки мне понятны, ты просто обеспечиваешь себе тылы на тот случай, если придется разводиться со мной. Все надеешься встретить кого-нибудь помоложе и получше меня, все любви какой-то неземной ждешь, а если окажется, что у него не будет денег и ты не сможешь содержать прислугу, то детей можно будет бабуле спихнуть, так? Ты ведь для этого изображаешь дружбу и любовь?

– Ну как тебе не стыдно? Она же учительница, она работает в той же школе, где Ванька учится, – с упреком заговорила Алиса. – Я хотела, чтобы ребенок был в хороших руках, чтобы опытный педагог следил и помогал...

– Помогал? – Баев перешел на грозный шепот. – Следил? А ты с учительницей Ванькиной хоть раз говорила об этом?

– Я, между прочим, в отличие от тебя, на родительские собрания хожу, и Ванечку там хвалят.

– Конечно, хвалят, он же внук завуча! А ты что хочешь, чтобы не хвалили? Завуч не может себе позволить, чтобы про ее внука говорили «неуч» и «бездарь». Она костями ложится, чтобы добиться хороших оценок для парня. Да она просто давит на учителей, вот и все его четверки и пятерки, хотя на самом деле больше тройки с минусом он не заслужил. Ты пойди и спроси у Ваньки, как он контрольные пишет. Пойди-пойди.

Алиса вышла из кухни, хлопнув дверью. «Дура, – с вновь вспыхнувшей злостью подумал Баев. – Ребенка разбудит».

Он составил использованную посуду в раковину и пошел одеваться. Из коридора ему слышно было, как жена разговаривает с Ваней. Конечно, все именно так, как он и предполагал: завуч приносила домой варианты контрольных работ и прорабатывала их с внуком. Отсюда и приличные оценки. Чего ж удивляться, что парень в девять лет не умеет мыслить самостоятельно? Зачем напрягаться, если добренькая бабушка все подскажет и все поправит, а если что-то пойдет не так во время устного ответа на уроке или на контрольной, то та же бабушка поговорит с учительницей.

Обычно Игорь Валерьевич выходил из дома намного позже, но сегодня ему нужно было встретиться с мэром: Костя позвонил вчера вечером и попросил заехать с утра.

Площадь перед зданием администрации города была пуста, рабочий

день начнется только через час. Водитель подвез полковника прямо к двери, стоявший на входе полицейский вытянулся в струнку. Баев быстрыми шагами прошел хорошо знакомый маршрут от входа до приемной мэра. Сколько раз он проделал этот путь за последние четыре года? И не сосчитать... А сколько раз еще ему доведется здесь побывать? Вот это вопрос. Если Костя Смелков не выиграет выборы, виноват в этом будет тоже он, полковник Баев. Он всегда был виноват, с самого начала.

В приемной секретарь Олеся, разложив на столе содержимое косметички, судорожно наводила красоту: видно, проспала, забыла, что шеф велел выйти к восьми утра. Увидев начальника УВД, смутилась и вскочила:

– Проходите, Игорь Валерьевич.

Смелков был в кабинете не один, за столом для совещаний восседал сияющий Гена Лаевич, руководитель предвыборного штаба. Не скрывая удовольствия, Лаевич поведал, что последний социологический опрос показал резкий рост популярности нынешнего мэра и столь же резкое снижение рейтинга его основного соперника Горчевского. Цифры, которые он называл, звучали весьма убедительно.

– После того, как все СМИ озвучили содержание писем, найденных у убитой Милюковой, население ударными темпами начало отворачиваться от Горчевского. – Лаевич буквально захлебывался от восторга. – Никто уже не сомневается, что Милюкову убили по заказу Горчевского из-за отказа сделать программу о строительстве трассы так, как ему выгодно. Если бы выборы состоялись завтра, в нашей победе можно было бы не сомневаться.

Баев хмуро слушал и кивал. Смелков довольно улыбался. Лаевич в полной мере наслаждался триумфом и был отпущен. Полковник и мэр остались вдвоем.

– Слышал? – спросил Константин Кириллович. – И что скажешь?

– Ничего не скажу, – угрюмо ответил Баев. – Вина Горчевского пока не доказана. И крайне маловероятно, что мы сможем ее доказать.

– Да я понимаю, – кивнул мэр. – Я все понимаю. Но хотя бы удержать население в рамках этих сомнений ты можешь? Надо дотянуть эту резину до выборов, Игорь. Ты ничего пока не сумел сделать с проблемой экологов, мой рейтинг из-за этого стремительно падал, так хоть с Горчевским удержишься.

– Как ты себе это представляешь?! – неожиданно вспыхнул обычно сдержанный полковник. – До выборов почти четыре месяца. Ты о процессуальных сроках что-нибудь слышал? Ты знаешь о том, что ни одно следствие не может длиться вечно? Максимум через два месяца я должен

или представить реального подозреваемого, или дело приостанавливается. Таков закон, Костя. Впрочем, ты законы не читаешь, это мы уже выяснили.

– Ну чего ты раскипятился? – Смелков улыбнулся примирительно и мягко. – Я же сказал, что все понимаю. Что нужно для того, чтобы дело не приостанавливали?

– Нужно, чтобы был подозреваемый. Хоть какой-нибудь. Тогда можно вести работу по проверке его показаний и по сбору доказательств.

– Ну? И ты что-нибудь делаешь в этом направлении?

– Да сделал уже все, что нужно. Дал команду, чтобы моего человека временно освободили от работы по экологам и поставили на версию Горчевского, а другого подозреваемого чтобы искал кто-нибудь другой, правильно замотивированный. Есть у нас в убойном отделе один опер, алкаш, но с ярким прошлым, которое он никак не может забыть, поэтому злится на весь мир. Если ему поручить работать по такому громкому делу, он себе задницу в китайскую лапшу порвет, чтобы раскрыть преступление и показать всем, чего он стоит и что умеет. Вот он и ищет второго подозреваемого, желательно с бытовым мотивом, и если найдет, мы его закроем и сможем потянуть сроки следствия.

– А он найдет?

– Найдет, – усмехнулся Баев. – Обязательно найдет. Ему выпал шанс, который он не упустит.

– А если...

– Поправим, поможем, – успокоил мэра полковник. – А что в области? Удалось прижать к ногтю департамент транспорта?

Лицо Смелкова помрачнело, он удрученно покачал головой.

– В пролете. Этот гад из департамента успел вовремя подсуетиться, все концы подчистил. Как знал, сволочуга, что это мои главные козыри. И ведь это уже не в первый раз, Игорь! Только я соберусь организовать что-то – у меня буквально почву из-под ног выбивают. Может, информация утекает?

– Откуда? – усмехнулся Баев. – Из твоего кабинета? Ты ведь даже по телефону в последние полгода ничего ни с кем не обсуждаешь, только лично и только в проверенных местах.

А про себя подумал: «Просто ты хреновый стратег, Костик. И комбинации продумывать не умеешь. Они у тебя все примитивные и просматриваются невооруженным глазом. Слишком легко тебе все давалось всегда благодаря дару убеждения и харизме, слишком быстро и ловко все получалось, и ты решил, что так будет во всем. Харизмой можно одурачить работников твоего завода, даже население целого города можно

в себя влюбить, но с аппаратными чиновниками эти номера не проходят».

– Ты видел парня, которого Лорик привела на юбилей? – неожиданно сменил тему Смелков. – Правда, славный? Не понимаю, почему она не хотела знакомить его с нами.

– Славный, – скупое подтвердил Игорь Валерьевич.

Интересно, где Петька откопал этого «жениха»? Они вдвоем, Баев и Ворожец, делают все для того, чтобы устранить любые помехи на пути Кости к креслу мэра на новый срок. Если Костя и Верочка узнают, с кем встречается (читай – живет) их дочка Лариса, они не промолчат. Надо знать характер Лорика, чтобы понимать, чем это закончится. Девка в знак протеста начнет выкаблучиваться и перестанет скрывать своего придурка-наркомана, будет открыто с ним всюду появляться, требовать у родителей денег и привозить его в резиденцию. День-два – и все появится в СМИ, журналисты такого не упустят. Лорик не захочет считаться с тем, что такой скандал может повредить ее отцу в предвыборной кампании. Именно поэтому Баев использует собственный служебный ресурс, чтобы прикрывать похождения Ларискиного любовника. «Дочь мэра влюблена в мелкого наркодилера», «Местные наркобароны пользуются покровительством семьи мэра Вербицка»... Да бог знает еще какие заголовки появятся. Если это все же случится, то виноват будет опять же начальник УВД. С Петьки-то какой спрос? Он и так делает, что может, и вся посильная помощь Косте оплачена деньгами Ворожца.

– У тебя все? Мне надо идти, дел много.

– Конечно, – рассеянно ответил Константин Кириллович, – иди, Игорь.

Вообще-то это было ложью, только что пришедшей на ум Баеву. Никаких других дел до утреннего оперативного совещания, назначенного на 11 часов, он не планировал. Но сегодняшняя сцена с женой и Ванькой снова подняла муть со дна его души, и теперь эта муть трансформировалась сначала в злобу, потом в страх, потом в безысходность. И время есть...

Выйдя на площадь, он подошел к машине, велел водителю ехать в гараж УВД и пешком отправился в ближайший храм. «Если закрыто – значит, не судьба. Значит, так и правильно», – говорил себе Игорь Валерьевич.

Но храм был открыт. На двери висит расписание служб, Баев мазнул по нему глазами – сегодня первая служба начнется в девять утра, у него есть еще полчаса. Сняв фуражку, вошел в полумрак церкви. Здесь было прохладно, даже зябко. Почти никого, только две женщины истово молятся перед иконой, да еще одна, в платке и длинной юбке, раскладывает товар в

церковной лавке.

Он встал в самый дальний угол, стараясь, чтобы его не было видно. Не умеет он посещать храмы, с детства не приучили. Ни икон, ни молитв, ни порядков не знает. Но говорят же, что Бог всюду, Он все видит и все слышит, и Ему безразлично, соблюдаешь ты порядок или нет. Главное, чтобы ты обратился к Нему.

Неужели это правильно, что родители больше любят своих первенцев? Валерку, которого родила ему Алиса, он никак, ну никак не может полюбить с такой же силой и нежностью, с какой любит своего первого сына, увезенного в Омск брошенной Баевым женой. Он старается, видит Бог, он заставляет себя, но отчетливо понимает, что его отношение к младшему сыну не идет ни в какое сравнение с отношением к своему первому ребенку.

То, что открылось сегодня в ситуации с Ванькой, вина его, Баева. Только его. Не нужно было уводить Алису от ее гражданского мужа, не нужно было разводиться с женой, с которой прожито столько лет... Алиса продолжала бы жить с отцом своего ребенка. Может быть, они бы и поженились в конце концов. Или Алиса нашла бы своего сказочного принца, которого до сих пор ждет. Но в любом случае она не жила бы с ним, с Игорем Баевым. С мужчиной, которого она не любит и никогда не любила. Почему он этого не понял вовремя, когда еще не было совершено столько глупостей и непоправимых ошибок? Он был влюблен, это правда. Безумно влюблен, до потери здравого рассудка. Он не видел и не слышал ничего, кроме своей оглушающей любви к Алисе. И напором своих чувств лишил ее способности сопротивляться. Она пошла за ним. А что в итоге?

В итоге она быстро поняла, что не любит Игоря, человека немолодого и с тяжелым нравом. И стала смотреть по сторонам в поисках того, кого сможет полюбить. Знает, что долго обманывать Баева не удастся и любая ее интрижка быстро выплывет наружу. И тогда он в любой момент может ее выгнать. Куда податься с двумя детьми? Кто поможет? Правильно, Ванькина бабка. Больше рассчитывать не на кого. Бабушка внука обожает, и этим Алиска нагло пользуется. Результат налицо: мальчишку обе женщины используют в своих интересах, Алиса – для обеспечения хорошего отношения со стороны неофициальной свекрови, бабка – для самоутверждения и поднятия своего реноме в профессиональной среде. Бедный, ни в чем не виноватый мальчик, которому не дали научиться думать самостоятельно. Этим двум курицам кажется, что они действуют во благо ребенку, а на самом деле оказывают ему медвежью услугу. И непонятно, можно ли еще что-то исправить или придется смириться.

И виноват в том, что так сложилось, именно он, Игорь Валерьевич Баев. Виноват и в том, что испортил жизнь Алисе, и в том, что его приемный сын растет интеллектуальным инвалидом. И во многом другом тоже он виноват...

– Ты что, сынок, тут стоишь? Не знаешь, какой иконе помолиться?

Баев не заметил, как к нему подошла сухонькая невысокая старушка.

– Подскажи, мать, куда мне подойти, чтобы прощения попросить, – неожиданно для себя произнес он.

– Нагрешил, что ли? Провинился? – Старушка понимающе кивнула. – Тебе бы с батюшкой поговорить, а уж потом молиться. Ты сходи к нему, у нас батюшка очень хороший, отец Николай, понимающий, он тебя на путь наставит. Вон в ту дверь иди. Пойдем, провожу.

Разговаривать с батюшкой? Исповедоваться? Нет! Этого Баев совсем не хотел. Но почему-то покорно пошел следом за старушкой, которая, огибая небольшие группы уже собирающихся на службу прихожан, довела его до совсем незаметной снаружи двери и пропустила полковника в самую обычную комнату с письменным столом, книжными полками и несколькими стоящими вдоль стены стульями. За столом сидел батюшка, бородатый длинноволосый мужчина лет сорока с небольшим, в облачении, но с непокрытой головой, и разговаривал по мобильному телефону. На краю стола Баев заметил резиновый эспандер. Почему-то при виде телефона и эспандера ему стало легче.

Священник сделал приветливый жест рукой, приглашая посетителя присесть, быстро закончил разговор и обратился к Баеву:

– Чем могу помочь?

– Простите, – полковник встал и сделал шаг по направлению к двери, – вышло недоразумение. Эта... женщина, вероятно, решила, что я пришел на исповедь. А я просто...

Отец Николай улыбнулся.

– Да господь с вами, какая может быть исповедь! К исповеди нужно готовиться, это особый процесс. В православии нельзя просто так прийти и исповедоваться. А вот просто поговорить с батюшкой можно всегда.

– Я в другой раз приду, – решительно ответил Игорь Валерьевич, – у вас ведь скоро служба начнется, какие уж тут разговоры. У вас и времени нет.

– Сегодня у нас служит отец Арсений из Перовского храма Всех Святых. Так что если есть душевная потребность поговорить, оставайтесь, – предложил священник. – Посидите здесь, настройтесь, подумайте. Мне нужно отлучиться, помочь отцу Арсению, это недолго. Я

вернусь, и мы сможем обсудить то, что тревожит вашу душу.

На Баева внезапно навалилась невероятная тяжесть, словно к рукам и ногам подвешены неподъемные гири. Он не собирался ни о чем разговаривать с этим отцом Николаем, он хотел всего лишь попросить прощения за свою вину... Но почему-то не вышел из комнаты, а послушно снова сел на стул. За священником закрылась дверь, Баев собрался было обвести глазами кабинет батюшки, осмотреться, но вместо этого опустил веки и почувствовал, что проваливается куда-то...

...Ему снился странный сон. Будто ему лет пятнадцать или около того и он в каком-то незнакомом доме, но знает, что это его дом, он здесь живет. И еще он знает, что за дверью, в коридоре, стоит мама и рыдает, потому что кто-то убил яркую красивую птицу. Птицу убил он, Игорь, но мама об этом не догадывается, она просто оплакивает свою любимицу, прилетающую каждое утро и клевавшую хлебные крошки с маминой руки. Это случилось давно, несколько лет назад, и все эти годы мама рыдает в коридоре, и каждый раз спрашивает у Игоря, не знает ли он, кто убил птицу, и мальчик каждый раз клянется, что не знает. И с каждым разом эта ложь дается ему все труднее, все мучительнее. Почему-то подросток во сне знает, что, если мама спросит еще раз и придется снова соврать, он просто умрет. Знает это ясно и определенно. В конце концов, чувство вины за мамины слезы становится невыносимым, но еще более невыносимым становится страх перед неминуемой смертью, неизбежной после очередной лжи. Он решает попросить Бога сделать так, будто ничего этого не было. Птица жива, никто ее не убивал, Игорю не нужно больше врать, и мама не плачет.

Во сне ничего не происходило, не было никаких событий, все было только знанием. Вот Игорь стоит у окна в своей комнате и просит Бога, чтобы он вернул все назад. Пусть птица будет жива. Пусть мама больше не плачет. Пусть он, Игорь, не будет больше ни в чем виноват. Пусть ему не придется больше врать. Пусть ему не придется умереть.

Он даже не может вспомнить, зачем он убил ту красивую птицу.

Он знает, что стоит так уже давно, наверно, несколько дней. Он не может выйти из комнаты, потому что в коридоре мама, и она обязательно спросит, и он снова соврет, и ему придется умереть. Он боится. Его обуревают дикий страх, и он понимает, что осталась только одна надежда – на Бога, который пожалеет его и все исправит.

Но ничего не происходит, ничего не меняется, а мамин плач по-прежнему слышен из коридора... На мальчика во сне наваливается такая безысходность, что он ощущает ее физически, как боль, которой наливается все тело и не дает ни двинуться, ни дышать, ни думать...

Баев очнулся. Надо же, задремал в незнакомом месте! Наверное, усталость накопилась. Зачем он убил ту птицу? Во сне знания об этом не было. А боль от страха и безысходности в теле осталась.

Он бросил взгляд на часы. Вот-вот начнется служба, вернется отец Николай, и придется с ним о чем-то говорить. Нет, он не готов. Он не хочет.

Полковник осторожно приоткрыл дверь, увидел десятка три прихожан, пришедших на службу, тихонько проскользнул к выходу и шагнул на улицу.

* * *

Настя достаточно подробно описала Короткову тех людей, с которыми разговаривала накануне, и Юре, представившемуся журналистом из областного центра, не составило особого труда пройти по всей цепочке до конца и найти того, с кем погибшая Камилла Милюкова разговаривала в последний вечер своей жизни. Правда, времени это заняло довольно много, но для человека, привыкшего значительную часть жизни проводить на ногах и в разговорах с разными людьми, оказалось не сильно утомительным. Работа директором пансионата позволила Юрию Короткову полностью сохранить форму, набранную за долгие годы службы в уголовном розыске.

Анне Макаровне Федюниной было глубоко за восемьдесят, но старушка оказалась вполне сохранной, не утратившей ни бодрости, ни памяти.

– О как про Костю-то заговорили. – Она блеснула хитрыми глазками под морщинистыми веками. – Уж в третий раз рассказывать буду. Ну да ладно, мне не трудно.

«Значит, действительно я третий, а не второй, – отметил про себя Коротков. – Настя и Виктор не ошиблись. Кроме меня и Милюковой, был кто-то еще. Что ж за засада тут такая?»

Анна Макаровна жила в этом доме с конца пятидесятых, когда дом был еще новостройкой. Переехала сюда из барака, где ютилась с родителями, младшей сестрой, мужем и двумя маленькими детьми. Сыновья у Анны Макаровны отличались буйным нравом, задиристостью и хулиганистостью, посему молодая мать старалась зорко следить за мальчишками, дабы вовремя вмешаться, если они «чего удумают» или «свяжутся с шантрапой». Именно с этими целями она взяла за правило лично знакомиться со всеми соседями, живущими и в ее доме, и вообще на этой улице, особенно если в семье росли пацаны. Когда Костику Смелкову

исполнилось лет десять, старший сын Федюниных уже школу закончил и в техникум поступил, младший же еще учился и имел нехорошую репутацию любителя запугивать и избивать тех, кто поменьше. Анна Макаровна зорко следила за пареньком и постоянно общалась с родителями детей со всей округи. Потом и младший подросток, ушел в армию и в Вербицк уже не вернулся – женился там, где служил, остался у жены. А вот привычка за всеми наблюдать и со всеми обмениваться информацией у Анны Федюниной осталась. Всех без исключения подростков, живущих на близлежащих улицах, она знала и по имени, и в лицо и даже по походке издалека узнавала.

Анна Макаровна много и с подробностями рассказывала про веселую компанию пацанов-ровесников: Костя Смелков, Игорек Баев, сын местного участкового, Дима Голиков, тихий и безобидный мямля, и Петька Ворожец, сыночек Майки-пьянчужки. Все они учились в одной школе, в одном классе, ходили всегда вместе и были неразлейвода. Ближе к окончанию школы с ними стала появляться девчонка, не из их школы, и даже не с их улицы, очень хорошенькая, прямо куколка, Юлей звали. Костя на нее глаз положил, это было даже со стороны заметно. Потом, как школу закончили, Игорек Баев уехал учиться, Костя тоже сдавал экзамены в областном институте, но провалился, и ребята втроем пошли на стройку работать.

– Втроем? – на всякий случай переспросил Коротков. – Смелков, Ворожец и этот третий парень?

– Ну да, – кивнула Федюнина. – А куда ж они без Митьки-то? Митька всегда при них был, как приклеенный. Втроем и работали, и безобразили вечерами после работы. И Юлька с ними.

– Безобразили? Это как? Дрались, что ли? Или воровали?

– Ну ты скажешь! – Анна Макаровна фыркнула и рассмеялась. – Воровать они сроду не воровали, никогда в таком замечены не были, я ж у участкового нашего, Баева, все время спрашивала. А дрались только по малолетству. Так все ж дерутся, это дело обычное.

Старушка выдержала полную драматизма паузу, округлила глаза и продолжала, понизив голос до трагического шепота:

– Пили они страшенно! Сначала вроде ничего было, ну, посидят во дворе с пивком, посмеются, песни какие-то под гитару погорланят, Митька у них все с гитарой ходил. А потом, ближе к лету, совсем с катушек слетели. Юлька тогда стала реже появляться, я так полагаю, за ум взялась, поняла, что жизнь надо строить, а не таскаться целыми вечерами с пьяными парнями. Потом Костя с ней, видать, совсем рассорился, потому что после лета она уже не появлялась на нашей улице. Летом Игорек Баев

на каникулы домой вернулся, вот они вчетвером и поддавали, ни одного дня я их трезвыми не видала. Напьются так, что еле ноги волокут, аж глядеть противно.

– И Митя? – снова уточнил Коротков.

Его несколько удивило наличие в компании еще одного человека, о котором в многочисленных интервью, как уверяла Каменская, не было сказано ни слова. Баев, Смелков, Ворожец. Смелков, Ворожец, Баев. Всюду фигурировали только эти три имени, и всюду рассказывалось об их старинной крепкой дружбе. Ни о каком Дмитрие Голикове нигде не упоминалось. Или Настя что-то упустила? Забыла? Просмотрела?

– И Митя, а как же, – охотно подтвердила Федюнина и снова повторила: – Куда ж они без Митьки-то? Я уж даже к Валерке Баеву, Игорькову отцу, ходила, спрашивала, не боится ли он, что допьются ребята до зеленых чертей. Им-то что, они все равно в армию пойдут, а Игорька могли и с учебы турнуть. Ну, он меня успокоил, дескать, нормально, что он в каникулы расслабляется, потому как у них там, в школе милиции, порядки строгие, не забалуешь, живут в казарме, по сорок человек в комнате, и старшие офицеры за ними смотрят в оба глаза, вот они одиннадцать месяцев там как монахи мучаются, а в отпуске отрываются. У них, которые в школе милиции учатся, оказывается, не каникулы, как у всех студентов, а отпуск. Во как!

Старушка с гордостью посмотрела на гостя.

– Не знал, поди?

– Не знал, – соврал Коротков, старательно разыгрывая удивление. – Значит, вашего участкового пьянство сына не испугало?

– Нет, Валерка сказал, что все курсанты так лето проводят, это для них нормально и ничего страшного в этом нет.

Юрий вовремя прикусил язык, чтобы не поправить Анну Макаровну, мол, не курсанты, а слушатели.

– Потом Игорек уехал, отпуск у него закончился, а остальные по пьянствовали еще немного да осенью в армию пошли.

– А после армии? Не помните?

– А чего ж, помню, – улыбнулась Федюнина. – Костина семья новую квартиру получила, пока он служил, они и переехали отсюда, так что из армии он уже сюда не возвращался. Петька, как вернулся, начал дела какие-то крутить, деньги у него появились, мать на лечение пытался устроить, да только пользы не было, Майка-пьянчужка выходила из больнички и снова пить начинала. А потом и померла. Под электричку спьяну попала. Вскоре после этого Петька уехал куда-то, несколько лет его не было, видно, за

рублем погнался, а когда вернулся, квартиру эту, где с матерью жил, обменял и тоже переехал. А Митьку посадили.

– За что?

– Ой, за страшное. – Анна Макаровна осуждающе покачала головой. – Изнасиловал и убил. Говорили, ему пятнадцать лет дали.

– И потом что? – поинтересовался Коротков. – Он вернулся после отсидки?

– Да вроде говорили, что вернулся. – В голосе Федюниной зазвучала неуверенность. – Но я сама, своими глазами, Митьку не видела. А чего не видела – того утверждать не берусь.

Если старушка рассказала Камилле Милюковой то же самое и после этого Милюкову убили, значит, опасная информация кроется где-то здесь. Или Милюкова задавала еще какие-то вопросы, которые ему, Короткову, в голову не пришли? И Анна Макаровна рассказала ей что-то еще, что-то такое, чего Коротков еще не знает, но знала Милюкова, за что и поплатилась жизнью на следующее же утро.

– Вы сказали, что мне уже в третий раз рассказывать будете. – Юра говорил осторожно, будто прощупывая болотистую почву. – Значит, многие детскими годами вашего мэра интересуются?

– Ну, многие – не многие, а двое были. – Федюнина поджала губы. Похоже, вопрос Короткова ей отчего-то не понравился. – Девушка была с телевидения, которую убили на другой день, потом еще парень приходил, тоже с телевидения. Они там передачу про нашего мэра показывать собрались, вот и спрашивали, как там да чего было, когда он пацаном еще бегал.

– Разное спрашивали? Или одно и то же?

– Да парень-то больше хотел, чтобы я ему повторила то, что девушке рассказывала, потому что она ж ничего им передать не успела, убили ее, а программу им делать надо. Вот парень из ее программы и пришел узнать, что я ей говорила.

– Разве она не записывала ничего? – удивился Коротков. – Мы, журналисты, всегда записываем то, что нам рассказывают. В блокнот или на диктофон. Посмотрели бы записи, да и все.

– Не знаю. – Анна Макаровна снова поджала морщинистые губы. – А только блокнота у нее не было.

– А диктофон был? – Коротков вытащил из кармана диктофон и показал ей. – Вот такой или похожий.

– Не было, – твердо ответила Федюнина.

«Этого не может быть, – мелькнуло в голове Короткова. – Исходя из

того, что рассказал мне о Милюковой Витя Егоров, у нее обязательно должен был быть диктофон. Она его наверняка не включала открыто, Федюнина действительно могла его не видеть, но он был, это точно. Вопрос в том, нашли его в квартире или в сумке убитой или нет».

Через полчаса он вышел из квартиры Анны Макаровны Федюниной и позвонил Егорову.

* * *

Около трех часов дня над Вербицком начали собираться тучи, поднялся пронизывающий ветер, а в начале пятого полил мощный холодный дождь. Настя порадовалась, что к этому моменту успела обойти все указанные Коротковым учреждения и собрать нужные документы. Она как раз размышляла, где бы ей выпить кофе, а еще лучше – пообедать, когда раздался звонок Ворожца. Вернее, звонок был, разумеется, не от него, а от Инны, которая спросила, удобно ли Насте разговаривать и может ли она передать трубку Петру Сергеевичу.

– Хочу пригласить вас с Юрой отведать самых лучших в Сибири пельменей, – радушно заговорил Ворожец. – Вы таких нигде больше не найдете. Не могу допустить, чтобы наши гости вернулись в Москву, не отведав нашего фирменного блюда.

– Юра не со мной, мы сегодня работаем отдельно.

– Но вы же можете ему позвонить, – возразил Ворожец.

«Сам тоже можешь, – мысленно огрызнулась Настя. – Вот ведь манера: из каждого встречного делать себе прислугу. Мало тебе Инны, хочешь еще и меня заполучить себе на посылки».

Но вслух ответила, конечно же, мирно и вежливо:

– Я в городе бегаю по госучреждениям, а Юра опять за городом, участки смотрит.

– В такую погоду? – изумился Петр Сергеевич. – Впрочем, понимаю, у вас командировка, вы хотите сделать все побыстрее и вернуться домой, так что погода вам не помеха. Ну, хорошо, а как насчет вас? Хотите наших пельменей попробовать? Я, как вы заметили, хозяин ненавязчивый, но в этом случае позволю себе настаивать.

«Значит, тебе что-то нужно, – усмехнулась про себя Настя. – Я – девушка хорошо воспитанная и услужливая, и если тебе, мой любезный хозяин, что-то от меня нужно, то я просто обязана тебе это предоставить. Иначе ты мне покоя не дашь».

Водитель Володя понимающе хмыкнул, когда Настя попросила его отвезти ее к ресторану «Сибиряда».

– Громкое место, – с одобрением в голосе отозвался Володя. – Говорят, цены там запредельные, но оно того стоит. Единственное место в городе, где подают пельмени с разной дичью, причем мясо используют не перемороженное, а покупают у охотников. Какие-то у ихнего повара свои секреты, как мясо дичи вымачивать и доводить до кондиции, чтобы было вкусно. Так-то дичь ведь невкусная, если не уметь правильно готовить.

Пока ехали, Настя позвонила Короткову. Юра от пельменей отказался, и голос у него был такой, какого Настя давно уже не слышала. Собственно, такого голоса у полковника в отставке Юрия Викторовича Короткова не бывало с того момента, как он перестал служить в уголовном розыске.

– Доедешь до харчевни – пришли мне машину, пусть Володя мне позвонит, я скажу куда. Как освободишься – возвращайся на постоянный двор. И как-нибудь поярче веди себя, позаметнее.

– Ага, поняла.

Ей на мгновение стало грустно. Юрка с Егоровым что-то затевают, у них появилась новая информация, они оба приняли охотничью стойку. Они делают дело. Дело, которое любят и которому посвятили свою жизнь. А она... Носит документы, в которых ничего не понимает. И обедает в дорогом ресторане в обществе самого богатого бизнесмена города. Все как раньше, когда-то давно-давно, когда она только начинала работать в розыске: она – женщина, и ее отодвинули. И кто отодвинул? Не чужой дядя, который видит ее впервые, а Юрка, близкий друг и коллега по работе, знающий ее как облупленную и видящий насквозь. Уж кто-кто, а Коротков не должен был бы сомневаться в ее способностях и навыках...

«Эй, подруга, алё, – остановила себя Настя. – Ты, никак, обижаться собралась? То, что происходит сейчас, есть прямое следствие того, что происходило вчера. А вчера гвоздем программы была именно ты. Так что уймись. Кроме того, Юрка попросил тебя вести себя позаметнее, стало быть, тебе отведена определенная роль, которую ты должна сыграть, и сыграть на совесть, иначе подведешь ребят. Ну-ка кончай расстраиваться и бери себя в руки».

Под козырьком на высоком крыльце перед входом в ресторан стояла, как и ожидалось, Инна в накинутом на плечи дождевике и с большим зонтом в руках. Увидев, как подъехала машина, помощница Ворожца торопливо сбежала по ступенькам. Юбка открывала ее ноги чуть выше колен, и Настя впервые обратила внимание на то, что ноги у Инны очень красивые, длинные, с мускулистыми округлыми икрами. «Как она бежит с

такой скоростью на своих высоченных каблуках! – с уважительным удивлением подумала Настя. – Это же уму непостижимо! Я на таких не то что бегать или просто ходить, я даже стоять не смогу».

– Петр Сергеевич и Игорь Валерьевич вас ждут, – сообщила Инна, провожая ее мимо входа в общий зал ресторана к лестнице, ведущей вниз.

Ах вот оно как! Значит, там еще и полковник Баев... Обед в узком кругу для неформального общения. Господи, да чем же они с Коротковым так их напугали? Чего эти два кренделя к ним прицепились? Сперва Ворожец пригласил в гости и вел светские беседы с совершенно очевидным двойным дном, а теперь еще и совместная трапеза с начальником УВД. Наверное, не зря Юрка попросил вести себя поярче. Ну, поярче – так поярче. Она им устроит свет в глаза – мало не покажется.

Инна привела ее в небольшой уютный кабинет со столом на шестерых. Здесь было очень симпатично, хотя ни одного окна, зато много дерева в интерьере. На этот раз Баев показался Насте не таким угрюмым, как при первых двух встречах, он даже пытался быть любезным и улыбаться.

– Как успехи? – поинтересовался полковник. – Справляетесь? Или нужно чем-то помочь? Вы только скажите, мы всегда готовы.

– Вот! – Настя демонстративно и со стуком положила на стол толстую папку, в которую складывала документы по мере получения их в разных конторах. – Планы, схемы, договоры, выписки, паспорта участков... Голова кругом идет! Лично мне приглянулся один участочек с северной стороны, но мой коллега уверен, что цена непомерно высока, даже пытаться смысла нет. Но участок чудо как хорош! На берегу озера. Кажется, оно называется Верхнее Озеро.

– Ваш брат уже в курсе? Вы ему говорили, что присмотрели участок?

– Нет, конечно, – рассмеялась она. – Это ведь только мое мнение, а я в этом деле не профессионал. Решать будет Юрий Викторович, он директор аналогичного пансионата и намного лучше меня разбирается в вопросе. Мое дело – подай-принеси.

– Но ведь банкир Каменский ваш родной брат, – не отступал Баев. – Неужели ваше слово для него ничего не значит?

Она пожала плечами и открыла толстую кожаную папку меню.

– Я никогда не лезу в его дела, – сказала она равнодушно, делая вид, что изучает перечень блюд. – А он не лезет в мои. Моя задача – помочь Юрию Викторовичу собрать максимально полную информацию обо всех участках, которые покажутся ему достойными внимания.

Баев поерзал на стуле, лоб его прорезала глубокая морщина.

– Ну, хорошо, – вступил Ворожец, – давайте предположим, что вам

лично очень понравился какой-то участок и Юрий ваше мнение разделяет. Предположим, ваш брат очень захочет его купить. Но ведь ему нужны гарантии, что трасса пройдет именно с той стороны, где находится участок.

– Конечно, – рассеянно кивнула Настя и перелистнула страницу меню.

Вот они и подобрались к самому главному. Сейчас начнут прощупывать, насколько мощные связи у банкира Каменского в правительстве и, в частности, в Минтрансе. Ведь если его банк «АПК» пережил все кризисы последних пятнадцати лет и не рухнул, значит, и связи есть, и поддержка имеется.

– О, чудесно, здесь есть салат из рукколы. Не возражаете, если я его закажу? А пельмени вы мне сами закажете, на ваше усмотрение, вам лучше знать, какие здесь самые вкусные.

Она захлопнула меню, отодвинула от себя и весело посмотрела сначала на Ворожца, потом на Баева.

– Именно поэтому нам поручено не только подыскать участки, но и проработать вопрос о вероятности принятия того или иного варианта проекта трассы. С участками мы вроде разобрались, вот сейчас Юрий Викторович ждет от меня документацию на пять участков, которые нам показались подходящими. – Она бросила выразительный взгляд на папку, лежащую на столе. – Три с южной стороны и два с северной. А с проектом трассы у нас пока ясности нет. Если вы можете нам помочь информацией, будем искренне благодарны.

– Да у нас самих тоже особой ясности нет, – отозвался Ворожец. – Меня ведь Юрий уже спрашивал об этом. Что скажешь, Игорь Валерьевич? Может, ты по своим каналам какую-то информацию получал?

«Ой, кино и немцы! – подумала Настя, переводя взгляд с одного собеседника на другого. – Вот прямо я должна не сходя с места поверить, что вы между собой этот вопрос никогда не обсуждали и Ворожец совсем-совсем не в курсе, знает Баев что-нибудь по поводу проекта трассы или нет».

Разговор тек ни шатко ни валко, мужчины никак не могли подобраться к главному вопросу, который ждала Настя: сможет ли Александр Павлович Каменский «продать» в Москве нужный проект трассы, если будет заинтересован? Наконец, вопрос все-таки был озвучен, когда уже покончили с закусками и ждали пельмени.

– Трудно сказать, – ответила она, вставая. – Мне плохо известны возможности брата. Но полагаю, они весьма и весьма обширны. Где здесь дамская комната?

– Инна вас проводит. – Ворожец немедленно схватился за телефон. –

Инна, зайди.

Выйдя в сопровождении Инны из кабинета, Настя подмигнула помощнице.

– Где здесь можно курить?

– Так прямо в кабинете можно было, – удивилась Инна. – Игорь Валерьевич же курит, там и пепельницы стоят.

– А закон антитабачный здесь не соблюдают?

– Ну, закон... – Инна усмехнулась. – Это в Москве закон. А у нас тут все иначе. У нас все точки общепита разорятся, если этот закон соблюдать. Для больниц, детских учреждений и учреждений культуры – да, его ввели и соблюдают строго, это правда. А для гостиниц и ресторанов правила остались старые.

В общем, Настя это уже и так поняла с первого же дня пребывания в Вербицке, но ей нужно было оставить Ворожца и Баева в кабинете наедине с ее папкой, при этом дать им достаточно времени на ознакомление с содержимым. Да при этом сделать так, чтобы они ничего не заподозрили. И чашка кофе с сигаретой в ресторанном баре в обществе помощницы Ворожца – идеальное прикрытие. Времени, разумно необходимого для похода в туалет, для задуманного явно недостаточно.

– Честно говоря, – она сделала виноватое лицо, – я позавтракала в семь утра и до приезда сюда моталась по учреждениям и кабинетам ваших чиновников. С самого утра – ни одной чашки кофе. А я без него не человек. Тем более погода так резко переменялась, дождь начался, давление упало, я в свои годы уже очень это чувствую. И чашка кофе с сигаретой мне просто жизненно необходимы. Просить принести кофе посреди трапезы мне как-то неудобно.

Они поднялись по лестнице, вошли в большой зал и уселись за барной стойкой. Настя для поддержания легенды попросила двойной эспрессо. Обычно она не пила такой крепкий кофе, но чего не сделаешь ради выполнения Юркиной просьбы. Ничего, положит сахару побольше или молочка нальет. Прокатит как-нибудь.

– Да, – Настя сделала вид, что спохватилась, – там же пельмени должны сейчас принести, мужчины будут меня ждать, все остынет... Нехорошо получается.

– Не беспокойтесь, – улыбнулась Инна, – я предупрежу.

Она тут же позвонила Ворожцу и сказала, что Анастасия Павловна задержится минут на пятнадцать, потом подошла к официанту. Официант выслушал ее, посмотрел на часы и кивнул. Ну и славно, теперь Ворожец и Баев точно знают, что в течение ближайших пятнадцати минут у них

полностью развязаны руки. Наверняка предусмотрительный Петр Сергеевич попросил Инну сообщить, когда дамы двинутся из бара вниз. Пусть спокойно посмотрят документы, убедятся, что москвичи интересуются исключительно земельными участками, и успокоятся. А то ей уже изрядно поднадоела подозрительность полковника Баева.

После перерыва на кофе атмосфера за обеденным столом стала заметно легче. Ворожец ласково пожурил Настю за то, что она не попросила принести кофе сюда, посетовал на ее чрезмерную застенчивость, рассказывал анекдоты. Баев, похоже, тоже немного расслабился и даже выдал некоторую полезную информацию, касающуюся присмотренных ими участков. Впрочем, Коротков все это и так уже наверняка знает от Егорова. Но Настя с деловым видом достала блокнот и все старательно записала, при этом делая пометки на полях документов из папки. Одним словом, изо всех сил строила из себя секретаря при большом начальнике и девочку на побегушках.

Пельмени действительно оказались потрясающими! Когда они только приехали в Вербицк и ужинали в гостиничном ресторане, ей казалось, что ничего вкуснее здешних пельменей она в жизни не ела. Но теперь выяснилось, что это далеко не так. В «Сибириаде» пельмени лепили вручную, тесто было шелковистым и нежным, начинка из мяса дичи – сочной, а сами пельмешки – крошечными и проскакивающими в желудок, казалось, без всякого участия едоков. Ей даже стало жаль Короткова, лишенного такой роскошной трапезы.

Доев горячее, Баев поднялся и распрощался.

– На службу надо, – пояснил он. – Был рад знакомству.

Настя не стала напоминать полковнику, что знакомство их уже несколько дней назад состоялось и оставило не самые приятные впечатления. Оставшись вдвоем с Ворожцом, она попросила еще кофе, для себя Петр Сергеевич заказал чай с травами.

– Это правда, что идея для юбилейного спектакля принадлежит вам? – спросила Настя, то и дело вспоминая свое вчерашнее удивление словами Инны.

Ворожец расхохотался.

– Ой, вы коварная искусительница! – воскликнул он.

– Почему? Что я такого сказала?

– Вы ввергаете меня в соблазн солгать и выставить себя перед вами в выгодном свете. Знаете, какое это сильное искушение? Подавляющее большинство людей не могут ему противостоять, на этом и попадают потом.

– А вы, стало быть, можете противостоять?

– Я – да, могу, – кивнул Ворожец. – Но научился уже только в зрелом возрасте, а в детстве и юности тоже грешил, как и все. Конечно, очень соблазнительно было бы сказать, что да, это я придумал такую замечательную идею для спектакля. Но увы! Увы мне! Мой мозг до таких высот не дорос. Идею подсказал один знакомый, не чуждый театральному искусству. Мы с ним как-то затронули в разговоре юбилей нашего театра, и он с ходу родил вот такое предложение. А я потом донес его до худрука. Вот все и думают, что это я придумал. Но вам признаюсь честно: это был не я.

Ах ты, честный ты наш! Если в первые пару дней знакомства Настя восхищалась открытостью и искренностью Ворожца, то теперь эта его почти демонстративная честность стала вызывать у нее разумные сомнения: уж больно много ее было, честности этой.

– Кстати, о юбилее. Вам понравился Олег? – спросила она самым невинным голоском, на который была способна.

Вот и проверим твою честность, Петр Сергеевич. Сейчас начнешь делать вид, что с ходу и не вспомнишь, кто такой Олег. Ты же сам говорил, что видел кавалера дочери мэра в тот день впервые в жизни.

– Вы имеете в виду молодого человека, которого привела Лорик? – спокойно осведомился Ворожец.

«Удивил... Или у тебя такая хорошая память? Ты внимателен к людям? А может, для тебя так важна дочка мэра, что ты замечаешь и помнишь все, что с ней связано? Не хватало еще, чтобы начались тайны мадридского двора и выяснилось, что Лариса Смелкова – твоя дочь».

– Петр Сергеевич, – Настя улыбнулась и взяла печенье с блюда, стоявшего посередине стола, – за кого вы меня принимаете?

Ворожец поднял палец в предупреждающем жесте:

– Анастасия, мы договорились: без отчества! К чему этот официоз?

– Хорошо. Итак, Петр, за кого вы меня принимаете? Я ваша ровесница, то есть не вчера на свет родилась, и отличить романтические отношения от никаких все-таки могу. Не станете же вы уверять меня, что этот Олег действительно ухаживает за дочерью вашего мэра?

– А вы глазастая, – одобрительно кивнул Ворожец. – Конечно, Олег – это совершенно посторонний молодой человек, просто Лорику нужно было кого-то показать родителям, чтобы они перестали волноваться за ее личную жизнь.

– А на самом деле?..

– На самом деле Лорик влюблена по уши в совершенно неподходящего

прохиндея, которого приличным родителям показывать никак нельзя. И девочка прекрасно это понимает.

– И все равно влюблена? Даже понимая, что он прохиндей?

– Ну, сердцу не прикажешь. Наша Лорик питает к нему слабость. А он этим ловко пользуется.

– И мэр ничего не знает об этом? – не поверила Настя. – У него ведь есть служба безопасности, и знать такие вещи – их прямая обязанность. Они что, совсем мышей не давят?

Ворожец хитро улыбнулся.

– Расскажу вам страшную тайну: друзья для того и нужны, чтобы оберегать душевный покой друг друга. Мы с Игорем не стоим в стороне. Костя наш друг, а Лорик – его дочь. Разумеется, со службой безопасности мы хорошо поработали, Игорь – своими методами, я – своими. Так что с этой стороны Лорик полностью защищена. Но я полагаюсь на вашу сдержанность, Анастасия. Об этом маленьком секрете не должен знать никто, даже Инна.

– И липового жениха нашли ей тоже вы? Или Баев постарался?

– Я.

«Интересно как? – подумала Настя. – Как ты его нашел? Если даже Инна этого не знает, значит, искал ты не через нее. А она утверждает, что сам ты ничего не делаешь и что в твоём телефоне только три номера: Смелкова, Баева и ее собственный. Кто-то из вас двоих врет. И как же ты отыскал такого замечательного Олега, если не через Смелкова и не через Баева?»

Ворожцу не понравилась ее задумчивость, и он тревожно спросил:

– Так мы договорились, Анастасия? Вы не выдадите меня с моим маленьким секретом? Я знаю Лорика с детства, у меня нет своих детей, и я очень привязался к детям своих друзей. К сожалению, Игорь расстался с первой женой, она вернулась в Омск, откуда родом, и сына забрала с собой, а к его новым детям у меня сердце не лежит. Вот только Лорик и осталась. И мне хочется, чтобы у нее все было хорошо.

Вот и непонятно, сколько в этих словах искренности, сколько лжи, а сколько просто глупости. Неужели Петр Сергеевич действительно считает, что, помогая Ларисе обманывать родителей и покрывая ее связь с каким-то сомнительным типом, он ведет дело к тому, чтобы «все было хорошо»? Как-то с трудом верится! Хотя... Возможно, этот прохиндей, как назвал его Ворожец, имеет какое-то отношение к самому Петру Сергеевичу. Например, это сын его давнего близкого знакомого. Или сын его бывшей любовницы. Или вообще его внебрачный сын. Или просто человек,

полезный Ворожцу и оказывающий ему различные услуги. Можно, конечно, задать вопрос, но... Какая ей, в сущности, разница? Какое ей дело до Лорика и ее кавалера, хоть настоящего, хоть липового? Да и возвращаться пора, обед явно затянулся.

– Куда теперь? – поинтересовался Ворожец, видя, что Настя потянулась к папке и собралась уходить. – Опять с визитами?

– Нет, на сегодня я закончила. Отвезу документы в гостиницу, Юрий Викторович меня ждет.

– Ну зачем же в гостиницу! – Казалось, Петр Сергеевич по-настоящему расстроился. – Вы мои гости до завтрашнего утра, мы так договаривались. Может быть, вам неудобно работать в гостевом кабинете? Вы только скажите, Инна все устроит, вам будет предоставлена любая другая комната для работы. Или дело не в этом?

– На самом деле – именно в этом. – Настя тяжело вздохнула. – Нам нужно разложить все планы, карты, схемы. В гостевом кабинете для этого нет места. А в номере гостиницы – есть. Юрий Викторович не хочет ждать до завтра, когда мы вернемся в гостиницу, ему нужно уже сегодня составить более или менее полное представление, чтобы отчитаться перед моим братом и получить дальнейшие указания. Вы же понимаете, мы хотим закончить как можно быстрее, нас дома семья ждут. У Юрия жена и внучка, у меня муж. Да и дел много по основной работе.

– Но Инна все устроит! Я сейчас ей скажу...

– Не нужно, – мягко остановила его Настя. – Не стоит хлопотать ради одного вечера. И потом, мне все равно нужно заехать в гостиницу, кое-что взять. Мы разберемся с документами и вернемся ночевать к вам.

– И ужинать! – требовательно добавил Петр Сергеевич. – Сегодня прощальный ужин, это должно быть что-то особенное.

– А особенный обед с особенными пельменями не сойдет за прощальную трапезу? – засмеялась Настя.

– Но Юрия здесь не было, – возразил он.

Тоже верно. С этим не поспоришь.

Верная Инна стояла за дверью, вернее, не стояла, а расхаживала взад-вперед с телефоном в руке и быстро разговаривала с кем-то по-немецки. Немецкого Настя почти совсем не знала и ничего понять не смогла, кроме того, что речь шла о поставке какого-то продукта и о транспортировке его в Китай для сборки. Или уже собранного – из Китая... Вот тут она не была уверена, различила только «сборку», «транспортировку» и «Китай». Да, бесценная помощница эта Инна. И почему Ворожец пытается найти кого-то другого на это место? Кто может быть лучше Инны? Какие еще качества

помощника ему необходимы? «Зажрались вы, Петр Сергеевич!» – подумала она с усмешкой.

Водитель Володя ждал возле ресторана. Дождь стал еще сильнее, и, несмотря на зонт, который держала над ней Инна, Насте не удалось остаться полностью сухой: она не посмотрела под ноги и ступила в глубокую лужу. В машине она сразу же скинула туфлю и обтерла ступню бумажными платками. Будем надеяться, что на этот раз попадание под сибирский дождь не закончится болезнью. Вот только от машины до входа в гостиницу хорошо бы добраться без особых приключений... Обмануло ее утреннее солнышко и безоблачное небо, зонт остался в доме у Ворожца.

– Может, мой дождевик накинете? – предложил Володя. – Он, конечно, не особо... Ну, вы понимаете. Но хоть какая-то защита. А то вымокнете до нитки.

Настя приняла предложение с благодарностью и уже через пару минут стояла перед стойкой портье. Карта-ключ лежала в сумке, но Коротков ведь просил отметить...

– Ну как, меня еще не выселили из номера? – весело спросила она.

Девушка-портье была сегодня та же, что и в день их приезда в Вербицк. Она с удивлением посмотрела на Настю и вежливо ответила:

– Что вы, как можно!

– Мой напарник здесь? Номер шестьсот два.

Девушка посмотрела в компьютер и кивнула:

– Да, уже давно.

«Значит, у них стоит дорогая современная электронная система, – подумала Настя, – фиксирующая каждое использование карты-ключа. Учтем».

– Вы не в курсе, он ходил в ресторан?

Девушка снова посмотрела в компьютер и покачала головой.

– Счет из ресторана есть, сегодняшней, но включена стоимость обслуживания в номере.

– Эх, жалко! Я-то думала, он составит мне компанию. Ну ладно, тогда я тоже закажу еду в номер.

– Конечно. Меню у вас на столе, в папке.

Ну, кажется, достаточно. Девушка-портье все зафиксировала и запомнила. Если это вообще кому-то интересно, а не является плодом Юркиного воображения.

Войдя в номер, Настя внимательно огляделась. Чисто, кругом порядок. После того, как утром она забежала сменить блузку, делали уборку. Дверь в номер Короткова слегка приоткрыта, оттуда доносятся громкие звуки

включенного телевизора. Почему открыта дверь? Горничная должна была ее закрыть. Юрка заходил? Зачем? Что он здесь искал? Все понятно, он прятал здесь Егорова, когда из ресторана привезли обед. Потому и еду заказывал в номер. Значит, Егоров прошел через служебный вход. Умно.

Она скинула туфли, влезла в гостиничные шлепанцы, бросила на диван сумку и папку с документами и прошла к Короткову. Так и есть, в гостиной на ресторанном столе с колесиками горка грязной посуды, Юрка и Виктор сидят в спальне и тихонько разговаривают, между ними на покрывале стоит поднос с тарелками, единственную вилку они передают друг другу, а работающий телевизор в гостиной полностью заглушает их голоса. Если пытаться что-то услышать из коридора, то никогда не догадаешься, что в номере не только жилец, но и его гость. Юрка проявляет осторожность, заказал еду якобы только для себя, поэтому приборы принесли на одного человека. Неужели все так серьезно? Коротков никогда не страдал манией преследования...

– Вы чего на кровати питаетесь? – спросила Настя. – В гостиной же стулья есть, и стол вам привезли, как приличным мальчикам.

Коротков быстро запихнул в рот маленький маринованный огурчик и приветственно помахал рукой.

– Так мы там горячее по-быстрому смолотили, а теперь догоняемся всякой мелочью. Если кто войдет – Витю от двери здесь не видно. Давай, Настасья, включайся, времени мало.

– Ты хоть scomандуй, что изображать, – усмехнулась она. – Я ж не в курсе.

– А что ты Ворожцу сказала?

– Сказала, что еду в гостиницу, ты меня ждешь с документами, мы должны с ними разобраться, после чего вернемся в его благословенный дом. Он ждет нас к ужину. Хотя если учесть, в котором часу мы все обедали, ужин грозит плавно перетечь в завтрак.

– Ну и отлично. – Коротков поднялся с кровати и потер руки. – Значит, изображаем пантомиму «Труд». На ресепшене что сказала?

– Что буду еду в номер заказывать.

– Вот и заказывай. Дай людям возможность зайти к тебе и посмотреть, с кем ты тут и чем занимаешься.

– Да понятно... Что заказывать-то? Я только от стола, мне ничего не нужно, кроме кофе. Так что принимаю заявки. Кто чего хочет?

Коротков задумался, Егоров же окинул взглядом почти пустые тарелки на подносе и с сомнением ответил:

– Вообще-то мы порцию рассольника пополам разделили, и отбивную

с картошкой тоже... с закусками проще, их можно много заказать, не вызывая подозрений, а суп и горячее только по одной порции.

– Так что, суп или горячее? – нетерпеливо спросила Настя. – Или и то и другое?

Коротков полистал меню и попросил заказать для него бараньи котлеты на ребрышках.

– А мне рассольник, уж очень он был хорош, – добавил Егоров.

– Отставить! – вдруг скомандовал Юра. – Не получится. Ты же только что из ресторана. Если все так, как мы думаем, Ворожец через полчаса узнает, что ты заказывала полноценный обед в номер. Это будет выглядеть странно. Так что только кофе.

– Тьфу, черт! – расстроился Егоров. – А я уже размечтался. Твоя правда, москвич.

– Ладно, – рассмеялась Настя, – возьму грех на душу, закажу десерты.

Она вернулась к себе, позвонила по местному телефону в ресторан, сделала заказ, переделалась, сменив костюм с блузкой на привычные и уютные джинсы и длинную свободную футболку, и принялась раскладывать на полу планы, схемы и карты. Включила ноутбук, загрузила какую-то ненужную, но очень выразительную ерунду, призванную свидетельствовать о том, что они с Коротковым в данный момент интересуются теплотсетями в окрестностях Вербицка.

Когда в дверь постучали и официант вкатил в Настин номер точно такой же круглый стол на колесиках, как стоял у Короткова, картина его взору предстала совершенно недвусмысленная. Настя сидела на полу, Коротков – на корточках, по другую сторону разложенных документов, на столе включенный компьютер.

– Ваш заказ! – торжественно объявил официант.

– Давай-ка, дерни кофейку с пирожными, а то ты совсем никакая, – тут же полным заботы голосом подхватил Коротков. Потом перевел взгляд на официанта: – А у меня можете убрать.

Как только за официантом закрылась дверь, из номера Короткова выскользнул Виктор. Дверь между номерами оставалась распахнутой настежь, и убирающему стол работнику ресторана отлично слышны были голоса, увлеченно обсуждающие вопросы теплоснабжения в северной части пригородов. Если он и осматривал номер, то имел все возможности убедиться, что он пуст. Оставалось еще организовать осмотр Настиного номера под предлогом все той же уборки стола, и можно считать, что спектакль удался. Вопрос в том, нужен ли он был вообще?

Егоров и Коротков были твердо убеждены: нужен. Вчера, разговаривая

с обитателями домов на проспекте Ермака, Настя выяснила, что с ними беседовал сотрудник полиции, которому они рассказали, что убитая Милюкова-Милановская интересовалась теми, кто живет в их микрорайоне с незапамятных времен. Причем особенно ее интересовал не проспект Ермака, а соседняя улица, Профсоюзная. Сегодня Коротков информацию уточнил: кто-то подсказал Милюковой, что на Профсоюзной улице живет старуха Федюнина, поселившаяся здесь давным-давно и все про всех знающая. К этой Федюниной Камилла и направилась, нашелся даже человек, у которого Милюкова уточняла номер квартиры Анны Макаровны. А вот капитан Хохлов, направленный как бы в помощь Егорову и лейтенанту Резвых и не погнушавшийся провести поквартирный обход, не сделанный вовремя, принес совсем другую информацию, согласно которой Милюкова спокойно гуляла с собакой, беседовала с соседями, никуда не торопилась и со двора вообще не уходила. Самая пакость состояла в том, что описание внешности полицейского, которому «уже все рассказали», полностью совпадало с описанием того «молодого человека с телевидения», который приходил к Анне Макаровне Федюниной.

– А капитан Хохлов – человек Баева, – уныло закончил майор Егоров. – Так что, мальчики-девочки, можно считать, что я попал. От меня ждут тупых стандартных ходов по поиску убийцы, чем я и занимаюсь. Вот любовника какого-то бывшего милюковского откопал на красной машине... Хохлов поручил мне работу по бытовой версии, и у меня нет другого выхода, кроме как послушно выполнять то, что он говорит.

– А письма? – спросила Настя. – Были же письма с угрозами.

– Так это Хохлов сам, это у него главная версия. Меня к ней не подпускают, мое дело – любовника искать, старого или нового. Как только я рыпнусь в сторону, мне тут же кислород прекроют.

– Получается, что либо Милюкову действительно убили по личным мотивам, и убил кто-то, кто, скорее всего, у нее ночевал, или дело совсем хреново, – заключил Коротков. – Потому что если она побывала у Федюниной вечером, никому ничего об этом не рассказала, а утром ее уже грохнули, значит, за ней с самого начала следили. Вопрос в том: кто и зачем? Что такого опасного знала Федюнина, чем могла поделиться с Милюковой? Или, может быть, Камилла кому-то уже давно мешала, и ее убили совершенно независимо от визита к бабке Федюниной, просто по времени совпало. В любом случае, Вите в это соваться никак нельзя.

– Кто и зачем... – повторила Настя вслед за ним. – Кто и зачем... Вить, ты читал материалы из папки Милюковой, которые ей подготовили для программы с мэром. Чего там нет такого, что бабуля рассказала Короткову?

– Да там, в принципе, все и есть примерно как в материалах. Нет только информации про беспробудное пьянство перед армией и про их четвертого товарища Дмитрия Голикова. Но Голикова я сразу же пробил, там все так, как старушка говорила: в восемьдесят третьем совершил изнасилование с убийством, получил пятнашку, отсидел от звонка до звонка, вышел, через два месяца госпитализирован в психушку. Острое состояние сняли, поставили на очередь в психоневрологический интернат, поскольку самостоятельно жить Голиков не мог, а ухаживать за ним было некому, у него мать совсем старая и больная. Там же, в психоневрологическом интернате, он и умер пару лет назад. Еще Федюнина какую-то Юлю упоминала, в которую Смелков был влюблен. Но ни адреса, ни фамилии девушки она не знает. Так что некая мифическая Юля никакой опасности представлять не может.

– А может, парни по пьяни чего натворили? – предположила Настя. – И в архиве остались какие-нибудь протоколы, про которые все давно забыли? Хотя если дело дошло тогда до милиции, то папаша Баева наверняка все связи включил, и никаких протоколов не осталось. А связи у него были, это точно, без них обычный участковый своему сынку вряд ли сможет организовать направление в школу милиции сразу после десятого класса. Был бы после армии – другое дело, а так...

– Протоколы, может, и уничтожили, а слухи-то все равно остались бы, – возразил Виктор. – Но никаких слухов не было и нет. Так что или покойный Голиков, или ничего.

В дверь номера снова постучали, и Егоров мгновенно скрылся в гостиной Короткова.

– Да! – громко крикнула Настя. – Входите!

Схватив маркер отвратительно розового цвета, она начала сосредоточенно рисовать какие-то стрелки на одном из планов, а Коротков сделал вид, что читает текстовый документ.

Все тот же официант поинтересовался, можно ли убрать стол и грязную посуду. Получив разрешение, он исподтишка осмотрел комнату, и это не укрылось ни от Короткова, ни от Насти. Что это? Подтверждение правильности подозрений или обычное любопытство?

Как бы там ни было, а одно несомненно: полковник Баев во всем этом замешан самым прямым образом. Трудно поверить, что капитан Хохлов затеял такую комбинацию без указания или хотя бы одобрения своего начальника. Конечно, между Хохловым и начальником УВД стоят еще два руководителя – начальник убойного отдела и начальник криминальной полиции, он же заместитель Баева, но только непосредственная поддержка

полковника могла бы гарантировать, что никто не вмешается в ход оперативного сопровождения уголовного дела об убийстве Камиллы Милюковой. Никому не придет в голову выдвигать и разрабатывать другие, неудобные, версии. Никто не будет «укреплять ряды», выводя из дела спившегося и безразличного ко всему, а оттого послушного и управляемого майора Егорова и ставя на его место кого-то более умелого и амбициозного. Никто не начнет ставить перед Следственным комитетом вопрос о замене следователя. Все знают: Вадик Хохлов – человек Баева и на его долю лучше не соваться.

– В общем, мальчики-девочки, моя задача, если я хочу остаться живым, состоит в том, чтобы найти кого-нибудь более или менее подходящего на роль любовника Милюковой, убившего свою бабу из ревности. И за мной внимательно смотрят: как я его ищущу? Достаточно ли старательно? Так что я буду искать. Может, даже и найду вскорости, – говорил Егоров. – И если вы захотите мне помочь, то вам придется искать настоящий мотив для убийства и найти его раньше, чем этого любовничка успеют закрыть. Потому как если его все-таки закроют, то выбьют из него такие показания, которые потом никакими новыми доказательствами опровергнуть не удастся.

Виктор ушел так же, как и пришел в гостиницу: через один из двух служебных входов. Проводив майора, Коротков посмотрел на часы:

– Пора ехать, Пална, нам же еще ужинать с Петей.

– Я даже думать не могу о еде, – жалобно простонала Настя, собирая с пола документы и складывая их аккуратной стопочкой.

– Я тоже не могу, пирожные что-то тяжело пошли, – вздохнул Юра. – А что делать? Петю обижать нельзя, он старается быть хорошим хозяином. Да ладно, пока доедем, пока разговоры поразговариваем... Как-нибудь справимся.

– Кстати, о разговорах. – Настя закончила собирать документы и вышла в спальню, чтобы сменить футболку на джемпер, поэтому ей пришлось повысить голос, чтобы оставшийся в гостиной Коротков ее слышал. – Наш Петенька проявил недетский интерес к возможностям банкира Каменского провалить проект трассы в правительстве. Так что жди, он наверняка воспользуется возможностью впарить нам какой-нибудь участок с южной стороны. Он же дружан мэра, а мэр, как известно, сторонник прокладки трассы именно с юга от Вербицка. Очень уж ему дорога звероферма. Я Петеньке наживку кинула, посмотрим, заглочет или нет.

– А что ты ему сказала?

– Сказала, что лично мне очень понравился участок на северной стороне, ну тот, помнишь? Который у озера.

– Так он же некупный по деньгам!

– Я так и сказала Пете. Что, дескать, очень нравится, но дорого. Так что теперь, по логике вещей, наш Петенька должен нам сегодня выдать информацию об аналогичном участке с юга, таком же хорошем или даже еще лучше.

Она снова вышла в гостиную и начала собирать сумку.

– Но мы же на юге все посмотрели, – удивился Коротков. – Там участков на берегу водоемов вроде не было.

– Юр, мы же смотрели то, что доступно для покупки. То есть только то, что нам показали как продающееся. В другие места мы не ездили. Вот голову прозакладываю: Петя нам сегодня скажет, что как раз совсем недавно один владелец решил продать один участок с южной стороны на берегу одного хорошенького озерца, но до последнего момента колебался, а вот Петя его сегодня спросил – и он согласился продать, и не так дорого, как тот участок, который мне понравился. И земля лучше, и цена ниже. А как только мы слюнки пустим, станет намекать, что если задействовать влияние банкира Каменского... ну и все в таком роде.

– Ладно, прорицательница, поехали, – усмехнулся Коротков.

– Погоди, мне нужно еще пять минут, – попросила Настя.

Выйдя на один из местных сайтов, она быстро нашла телефон фирмы, предоставляющей автомобили в аренду, позвонила туда и попросила подготовить на завтра машину эконом-класса без водителя. На имя Виктора Егорова.

* * *

Ворожец был само радушие. После дождя заметно похолодало, и он предложил затопить камин. Сидеть и смотреть на огонь было приятно, разговора о застолье Петр Сергеевич пока не заводил, и Настя расслабилась. Время уже позднее, глядишь, и обойдется как-нибудь без обильного ужина. Беседа тоже была спокойной и нейтральной, никаких разговоров об участках. Настя то и дело ловила на себе насмешливый и вопрошающий взгляд Короткова: мол, как себя чувствует твоя голова, которую ты готова была прозакладывать?

Звякнул сигнал домофона, послышались торопливые шаги Инны, идущей из кабинета помощника к входной двери. Потом каблучки

застучали снова, на этот раз в сторону гостиной.

– Петр Сергеевич, приехал Рожков.

Ворожец немедленно поднялся.

– Прошу меня извинить, я ненадолго.

Настя ожидала, что хозяин проведет посетителя либо сюда, в гостиную, либо к себе в кабинет, но ошиблась. Судя по стуку входной двери, с этим невидимым Рожковым Петр Сергеевич предпочитал общаться за стенами дома. Инна сразу же скрылась в своей комнате, и Настя заглянула к ней.

– Петр Сергеевич назначает деловые визиты на одиннадцать вечера? – с деланным безразличием спросила она. – Не хотелось бы ему мешать. Если бы мы знали, что он занят и планирует встречу, мы бы давно разошлись по своим комнатам.

– Это начальник охраны химкомбината, – коротко ответила Инна. – Петр Сергеевич его не вызывал. Вероятно, что-то срочное на комбинате.

Настя вернулась в гостиную, села, вытянув ноги, и снова стала смотреть на огонь. Потом прикрыла глаза: мечущиеся в разные стороны языки пламени мешали выстроить мысли в правильном порядке, рассредоточивали. Наверное, на огонь хорошо смотреть, когда нужно успокоиться и разогнать тревожные или тяжелые мысли, не давая им улечься в стройную конструкцию. А вот когда нужна ясность и четкость мышления, смотреть на пламя противопоказано. Во всяком случае, ей, Насте Каменской.

Ворожец отсутствовал минут двадцать. Когда он вернулся в дом, по его лицу никак нельзя было сказать, что на комбинате внезапно произошло что-то серьезное. Хозяин дома выглядел сосредоточенным, сердитым, даже немного разочарованным, но никак не встревоженным и не озабоченным.

– Я тут поговорил кое с кем, – начал Петр Сергеевич, усаживаясь на свое место.

Настя кинула в сторону Короткова торжествующий взгляд. Вот и началось! Она была права.

– Если вам действительно приглянулся участок у Верхнего Озера, то есть возможность решить финансовую сторону вопроса. Владелец участка может существенно сбросить цену.

Она решила, что ослышалась. Верхнее Озеро находится с северной стороны. А по ее прикидкам, Ворожец должен быть заинтересован в том, чтобы трасса проходила с юга. Коротков сохранял невозмутимость, но по его лицу Настя поняла, что он тоже в недоумении.

– Спасибо, Петр! Это было бы весьма кстати! Но... А вдруг мой брат

действительно захочет повлиять на принятие проекта трассы?

– И что?

Весь вид Ворожца выражал полное непонимание.

– И тогда будет принят северный вариант.

– Ну да. И что из этого следует? Ваш брат купит участок, посодействует тому, что вскоре в нужном ему месте пройдет Федеральная трасса, он построит свой пансионат. Может быть, вы составите мне протекцию, и часть подрядов при этом строительстве получу я. Может быть, по вашей рекомендации Галина откроет в этом пансионате еще один салон. Все будут довольны. Что вас так удивляет в моем предложении? Вы видите, я с вами предельно откровенен, у меня есть свой интерес, и я его не скрываю, не делаю вид, что уговорю владельца участка снизить цену только из дружеского расположения к вам.

Ах, ну да, как же она забыла! Петенька ведь у нас честный и открытый, никаких закулисных игр, никаких тузов в рукавах.

– А как же звероферма? – осторожно спросила Настя. – Ведь мэр ваш друг, а он хочет сохранить ферму и добиться прокладки трассы с южной стороны. Разве не так?

Ворожец открыл каминную дверцу, поворошил кочергой угли, подбросил еще дров и снова сел.

– Анастасия, знаете, в чем разница между мной и Костиком?

– В том, что он мэр, а вы бизнесмен, – подал голос Коротков.

– Нет, друг мой. Разница между нами в том, что он все еще Костик, а я уже давно Петр Сергеевич. Все эти игры в сохранение зверофермы и в поддержание русских пушных традиций – не более чем детский сад. Смешно и глупо в пятьдесят три года цепляться за дорогие тебе воспоминания юности в ущерб реальным экономическим потребностям. Костик стал мэром, но менталитет руководителя города так и не приобрел. До сих пор в игрушки играет. А я дело делаю. То, что полезно для города, полезно и для бизнеса. А значит, полезно для меня.

– Достоинно, – одобрительно кивнул Коротков. – И о каком снижении идет речь? Что мне доложить Александру Павловичу?

– Владелец участка готов уступить пятнадцать процентов заявленной цены. Но если с ним поработать, я думаю, он опустится еще процентов на десять. Итого двадцать пять. На мой взгляд, это весьма существенная уступка.

– Без сомнения, – горячо заверил его Юрий. – Спасибо тебе огромное! На завтра у нас назначено совещание с Александром Павловичем по скайпу, я все ему передам. Надеюсь, все интересы будут соблюдены. Ася,

тогда ты завтра поезжай посмотри участок еще раз, повнимательнее.

– Машину уступишь?

– Не смогу, – покачал головой Коротков, – у меня на завтра назначены встречи в разных концах города и даже за городом. Вызови такси.

– Да ладно, я в аренду возьму, – беспечно улыбнулась Настя. – Сама сяду за руль, дешевле выйдет. Дорогу я помню, мы же там были. Ты мне только шпаргалку составь, что посмотреть и на что внимание обратить. Петр, я слышала, у вас в окрестностях есть музей под открытым небом?

– Есть, – охотно подтвердил Ворожец. – Там представлены образцы наших традиционных сибирских построек начиная с восемнадцатого века. Хотите посмотреть?

– Вот я бы завтра и съездила туда. После осмотра участка, разумеется. Юре это неинтересно, поэтому я уж молчу, вопрос не поднимаю, но если он меня отпускает на целый день, да еще с машиной... Можно, Юр?

Коротков притворно вздохнул. Идею поездки в музей подсказал им Егоров.

– Да поезжай, что с тобой сделаешь, любознательная ты наша. Витю Егорова попроси помочь, он же опер, наверняка точно знает, в каких фирмах машины попроще. А то откажет у тебя движок или колодки полетят, будешь торчать в чистом поле.

Эта фраза тоже была подготовлена заранее на тот случай, если кому-нибудь взбредет в голову проверять, брала Настя машину в аренду или нет. Конечно, она могла бы и сама съездить в фирму, но боялась потерять на этом лишнее время, а поездка ей предстояла долгая. И потом, не настолько хорошо она разбирается в автомобилях, чтобы сделать безошибочный выбор. Егоров справится с этим куда лучше.

– Зачем же брать машину в аренду? – запротестовал Петр Сергеевич. – Я дам вам машину с водителем...

– Ни в коем случае! – решительно отказался Коротков. – Петр, не обижайся, но это вопрос принципа и наших дальнейших деловых отношений, если все сложится. Одно дело – пожить в твоём доме и воспользоваться твоим гостеприимством, и совсем другое – использовать твои ресурсы для решения наших вопросов. У нас должны быть развязаны руки. Если Александр Павлович примет не то решение, которое тебе понравится, мы не должны чувствовать себя твоими должниками. Без обид, ладно?

– Ну что ж, – Ворожец выглядел вполне довольным, – тогда прошу к столу! Учитывая позднее время, ужин я попросил приготовить максимально облегченным, но зато с неповторимым местным колоритом.

Таких грибов вы никогда и нигде больше не попробуете! Наши, таежные, – с гордостью добавил он. – Выросшие в хвойном лесу, а не на плантациях с удобрениями.

Обед давно улегся, оставив по себе только добрую память, так что приготовленные поваром Надей грибы были съедены с огромным удовольствием.

Среда

Утром Настя Каменская собрала вещи, тщательно проверила все полки и ящички, чтобы ничего не забыть в доме Ворожца, и спустилась завтракать, отчаянно зевая: мало того, что разошлись по комнатам они глубокой ночью, так еще нужно было посмотреть в интернете информацию о музее таежного зодчества, почитать статьи и запомнить картинки. Вечером она вернется уже в гостиницу, но как знать... Петр Сергеевич человек не только открытый и честный, но еще и непредсказуемый, один вчерашний обед с начальником УВД чего стоил. Так что будет лучше, если Настя окажется во всеоружии и не проколется на сущей ерунде.

Ни в музей, ни тем более на Верхнее Озеро она ехать не собиралась. Водитель Володя отвез их с Коротковым в центр Вербицка, где в оговоренном накануне месте ждал Виктор с машиной. Володе была выдана та же легенда про озеро и музей, после чего Насте пришлось прослушать краткий курс молодого бойца с описанием наиболее оптимальных маршрутов и возможных трудностей. Она делала вид, что слушает, кивала с умным видом и мечтала только о том, чтобы инструктаж поскорее закончился.

Дорога к бывшему совхозу «Пламя Октября» пролегла по удивительно красивым местам, но Насте никак не удавалось насладиться видом, потому что машину немилосердно трясло: дороги здесь действительно были из рук вон плохими. Вопрос о строительстве Федеральной трассы в этом регионе более чем актуален. Психоневрологический интернат, в котором провел последние годы жизни Дмитрий Голиков, существовал давно, находился рядом с совхозом и за счет сельхозработ, не требующих высокой квалификации, успешно решал проблему трудотерапии своих обитателей. Конечно, за руль комбайна или какой другой сложной техники больного никто не посадил бы, но ведь в сельском хозяйстве много и ручного труда. Теперь совхоза уже не было, зато была частная ферма, сохранившая, как ни странно, старое название, и этой ферме труд людей с психическими заболеваниями не требовался.

Ехать пришлось, как и предупредил Егоров, около полутора часов: интернат находился на примерно равноудаленном расстоянии от Вербицка и еще двух райцентров, которые и направляли туда больных. Вот указатель поворота к ферме, значит, где-то совсем недалеко должно стоять здание интерната.

Настя притормозила, не доезжая метров пятидесяти до места, и какое-то время сидела, откинувшись на спинку сиденья. Ей нужно было настроиться и внутренне подготовить себя к тому месту, куда она сейчас пойдет. Обычный мир, в котором живут люди, наполнен самыми разными индивидуальными микрокосмосами – умами и душами. Все они не похожи друг на друга, не найти двух совершенно одинаковых, но их роднит одно: они поддаются пониманию, их можно хоть как-то постичь, было бы желание. Место, где находятся психически больные, тоже наполнено различными микрокосмосами – умами и душами этих людей, но постичь их невозможно. И как все неизвестное и непостижимое, это пугает. Пусть страх иррационален, но он все равно есть. И от этого никуда не деться. Да, в интернате нет буйных, нет людей в состоянии острого психоза. Умом Настя Каменская это понимала. Но не поддающийся контролю страх поднимался в ней каждый раз, когда ей приходилось переступить порог психиатрических стационаров или интернатов.

Состоящий из двух корпусов интернат выглядел ветхим и запущенным. Раньше, похоже, вокруг территории стояла ограда, теперь же в высокой траве валялись лишь жалкие обломки. Зато имелась волейбольная площадка с обвисшей грязной сеткой. Никто в волейбол, конечно же, не играл, больные – человек двадцать, некоторые в инвалидных колясках – мирно прогуливались между корпусами, на одном из которых висела покосившаяся табличка «Общежитие». Вероятно, так здесь именовалось отделение свободного режима. А в другом корпусе, по идее, должно находиться отделение наблюдательного режима. Именно в общежитие и направилась Настя: насколько она помнила, больные, проживающие в таких отделениях, свободно выходят из интерната, могут гулять, уходить куда угодно и возвращаться когда заблагорассудится, навещать родственников и знакомых. Конечно, в каждом интернате свои порядки, есть такие, где выход за территорию разрешен только коллективно и в сопровождении медперсонала, а есть и другие, где царит полная свобода, сотрудников для осуществления должного присмотра не хватает, и на больных, в сущности, всем наплевать. Если Дмитрий Голиков жил именно здесь, то есть хоть какой-то шанс узнать о нем что-нибудь интересное. Если же его содержали в отделении наблюдательного режима, откуда свободно не выпускают, значит, в его жизни ничего не могло происходить, кроме собственно пребывания в интернате.

Прямо в дверях она столкнулась с симпатичной медсестрой в накинутой поверх униформы ветровке: после вчерашнего ливня заметно похолодало.

– Вы к кому? – спросила молодая женщина, глядя на Настю с нескрываемым подозрением.

– Мне нужен начмед. Не подскажете, где его кабинет?

– Это в главном корпусе, пойдете, я покажу. Вы из собеса?

– Нет, я журналистка, – соврала Настя уже бог знает в который раз за последние дни. – А вы давно здесь работаете?

– Четвертый год, а что?

– Может быть, помните такого больного по фамилии Голиков?

– Так он же умер, – удивленно ответила медсестра. – Давно уже, года два назад примерно. Конечно, я его помню, я же к общежитию прикреплена, а он как раз здесь и жил. Зачем он вам?

Теперь в ее голосе подозрительность уступила место любопытству.

– У нас в общежитии всего тридцать пять человек находится, так что я всех знаю.

– Тогда, возможно, вы ответите на мои вопросы, – обрадовалась Настя. – Расскажите, каким он был.

Медсестра замялась и отвела глаза.

– Нет-нет, меня диагноз не интересует, – поспешила успокоить ее Настя. – Никаких медицинских подробностей. Просто каким он был, характер его, привычки. Уходил ли из интерната, если уходил, то куда, интересовался ли чем-нибудь. Может быть, его кто-то навещал? Родственники, друзья?

Она открыла молнию на сумке и вытащила один из нескольких приготовленных заранее конвертов. При виде конверта глаза медсестры оживленно блеснули.

– Ну, каким он был, – начала она задумчиво, – да никаким. Весь в себе, считал себя внуком фельдмаршала Кутузова и всем говорил, что пишет докторскую диссертацию о войне восемьсот двенадцатого года.

– Внуком или потомком? – уточнила Настя.

– Именно что внуком! И считал, что Кутузов еще жив и что он, Голиков то есть, ездит к деду на консультации по всяким там подробностям. Так-то он спокойный был, мирный. В светлые периоды гулять ходил, даже в лавке на ферме продукты покупал, то печенье, то конфетки какие-нибудь недорогие. На пенсию по инвалидности не разгуляешься.

– А светлые периоды часто были?

– При мне – нет, редко очень, пожалуй, раза два в год, недельки по две, а то и меньше. Может, раньше почаще и подольше бывали. Болезнь же прогрессирует. Он вообще слабенький был, по сердцу часто в обычную

больницу госпитализировали, ну и вообще... Кушал плохо, от еды отказывался. Худой, в чем только душа держалась!

– К нему кто-нибудь приезжал?

Девушка задумалась, пожала плечами.

– Не припомню.

– Может, забыли?

– Это вряд ли, – улыбнулась медсестра. – У нас такой контингент... Особенный. Никто к ним не приезжает, ведь чаще всего люди здесь оказываются именно потому, что за ними ухаживать некому. Или родственники не хотят с ними жить и вообще дело иметь. Половина больных – олигофрены-сиротки из детских домов, кто к ним приедет? Еще почти половина – переведены из стационара. Если их из психбольницы домой не забрали, то и навещать не станут. Конечно, бывают случаи, когда приезжают, бывают. Но редко-редко. И мы обычно такие случаи помним.

– А когда ваши больные умирают, где их хоронят?

– Если есть родственники, мы сообщаем им, а они уж сами решают. Если нет никого, то в обычном порядке, за счет государства. То есть не мы хороним, конечно. Мы сообщаем куда следует, решаем, в какой морг отправлять, в Вербицк, в Оружейное или в Макеевск, оттуда и забирают тело. А как там дальше – не наше дело.

– Голикова родственники забрали? Или за счет государства?

– Не знаю, – покачала головой медсестра. – Это вам действительно лучше у начмеда спросить, она здесь давно работает, все должна знать. А вы почему про Голикова спрашиваете?

– Да я, понимаете ли, пишу статью об одном преступнике, который вместе с Голиковым сидел. Вы же в курсе, что Голиков отсидел пятнадцать лет за убийство с изнасилованием?

– Конечно, мы все знали об этом.

– И говорят, что Голиков очень дружил с тем человеком. Вот я и подумала: а вдруг он сюда приезжал, навещал старого знакомого?

– А-а... – разочарованно протянула медсестра, очевидно, ожидавшая от Насти каких-то сенсационных открытий. – Ну, пойдемте, я вас к начмеду провожу.

Кабинет заместителя директора интерната по медицинской части располагался на первом этаже другого корпуса. Здесь режим был явно строже, все окна забраны решетками, двери запираются, внутри у входа сидел на обшарпанном стуле пожилой охранник, источающий сильный запах перегара. Начмед – немолодая, с усталым лицом и потухшими глазами женщина, встретила Настю не приветливо. В ход пошел еще один

конверт, после чего разговор потек более плавно. Начмед позвонила и попросила принести из архива личное дело Голикова.

– Вам в руки не дам, – сурово предупредила она, – но на вопросы отвечу, если смогу.

– Просто расскажите, что вы помните о Дмитриии Голикове, – попросила Настя.

– Тихий, мирный больной, мы про таких говорим: «поведение упорядоченное». В состоянии ремиссии мог сам себя обслуживать, выходил за территорию, подолгу гулял, даже читал что-то. Телевизор любил смотреть. Вне ремиссии из комнаты почти не выходил. Что еще вам рассказать? Обычный больной.

– А другие заболевания, соматические, у него были?

– У нас без этого не бывает, – усмехнулась начмед. – Сами понимаете, какой контингент. Но точно я вам скажу, когда принесут личное дело.

– Его кто-нибудь навещал?

– Да, – кивнула врач, – вот его-то как раз и навещал один старик, хотя, в общем, это явление у нас нечастое. Но давно это было. Я старика того лет десять, наверное, не видела. Думаю, что умер, уж больно стар был.

– Что за старик? Родственник?

– Насколько я поняла – нет. Ума не приложу, откуда они знакомы и что у них могло быть общего. Старик интеллигентный, говорили, что чуть ли не профессор.

– Профессор чего? Истории? Это его Голиков считал своим дедушкой Кутузовым?

– Да нет. – Тонкие, иссеченные ранними морщинами губы врача тронула улыбка. – Кутузов у него был отдельно, Голиков его с этим профессором не путал. По крайней мере, на словах. А уж что он там на самом деле думал – нам знать не дано. Но в те годы он был более сохранным, чем перед смертью. Я, конечно, у Дмитрия спрашивала про его гостя, он говорил, что профессор по звероводству. Ну, бред же, согласитесь? Какие могут быть профессора в звероводстве? Да еще в нашем интернате...

Звероводство... Профессор... Совсем недавно Настя слышала эти два слова вместе.

– Голиков фамилию старика не называл?

– Называл вроде бы. Но я уже не вспомню. Столько лет прошло... У меня голова другим занята.

– Тарасевич?

Подведенные черным карандашом брови начмеда взлетели вверх, в

потухших глазах мелькнуло подобие огонька.

– А ведь правда ваша, – удивленно протянула она. – Действительно, Тарасевич. Теперь я вспомнила. Вы его знаете?

– Увы, – вздохнула Настя. – Он тоже умер. Как вы и сказали, примерно лет десять тому назад. И больше никто к Голикову не приезжал?

– Приезжал один мужчина, незадолго до смерти Дмитрия. Раза два или три. Представился родственником. Не то муж двоюродной сестры, не то еще кто-то, не близкий. Но в периоды ремиссии не попадал, так что Дмитрий его и не узнавал даже. Этот мужчина ко мне заходил, про здоровье Голикова спрашивал, я ему сразу сказала, что поговорить с Дмитрием не удастся, он в своем мире пребывает. Он хотел все-таки попробовать, мы вместе зашли в палату, но Голиков на него никак не отреагировал. Потом еще приезжал, и опять неудачно.

– А его фамилию не вспомните?

– Фамилию... – Начмед задумалась. – Так она же должна быть в журнале выдачи справок о смерти. Он справку получал и тело забирал, родственник этот. Сказал, сам похоронит, потому что более близкой родни у Голикова нет. Думаете, это тот преступник, про которого вы статью пишете?

– Надеюсь, – улыбнулась Настя. – А журнал в архиве?

– Нет, у меня. Эти журналы живут подолгу, у нас же смертность невысокая, да и обитателей немного, одного журнала на несколько лет хватает. Сейчас посмотрим.

Пока начмед извлекала из сейфа толстый журнал, в кабинет принесли личное дело Дмитрия Голикова.

– Вот, нашла. – Палец начмеда остановился на одной из строчек. – Справку у нас получал Ворожец Петр Сергеевич.

Добрый искренний Петя Ворожец... Сам поехал, никому не поручил. Навещал старого друга, даже похоронами озаботился. Родственником назвался, чтобы разрешили тело забрать без лишних вопросов. Настя по опыту знала, что в таких случаях никто ничего особо не проверяет. Интересно, остальные двое, Смелков и Баев, знали, что он сюда приезжает? Сами не снизошли, но Петеньку вроде как делегировали «от лица всего коллектива»... Но почему только в последнее время? А раньше? Не знали, что он в интернате? Или что?

– Какова причина смерти?

Начмед извлекла из папки личного дела медицинскую карту, быстро пролистала.

– Острая сердечная недостаточность.

– Без всяких сомнений?

– Без всяких сомнений. Голиков много лет страдал миокардиодистрофией, ну и полиорганная недостаточность имела место. У него в анамнезе алкоголизация с четырнадцати лет. Этот его родственник тоже не сомневался, никаким криминалом там и не пахло. Вот, смотрите, в медкарте есть заявление Ворожца о том, что он просит выдать ему тело для захоронения без патологоанатомического исследования, потому что претензий к лечению не имеет и в диагнозе не сомневается. Когда диагноз доказан, вскрытие проводить не обязательно. А в случае с Голиковым диагноз полностью доказан, в медкарте есть все выписки из больницы, куда его несколько раз госпитализировали. А что, этот Ворожец и правда такой страшный преступник? Они с Голиковым сидели вместе? То есть он наврал, что родственник? – с беспокойством спросила начмед.

– Нет, – удрученно ответила Настя. – Петр Сергеевич Ворожец – уважаемый человек, бизнесмен. С Голиковым вместе никогда не сидел. Они с детства дружили. Он вас действительно обманул, но ничего плохого не хотел. Просто мне не повезло. Он не тот, кто мне нужен.

Значит, Дмитрий Голиков «писал докторскую диссертацию об Отечественной войне 1812 года»... Можно ли из этого сделать вывод, что он вел какие-то записи? Это может оказаться простым набором слов или полудетскими рисунками, но все равно, каким бы искаженным ни был микрокосмос больного, вряд ли в нем глагол «писать» означает «гулять». И Анастасия Каменская снова вернулась в общежитие. На этот раз ее интересовали санитарки. Но оказалось, впрочем, как и почти всюду, что санитарок не хватает и уже много лет уборку в помещениях производят сами больные. Те, что более или менее сохранны. И им даже начисляют за это какую-то зарплату.

Катя, крупная высокая женщина неопределенного возраста с гладким неподвижным лицом и слегка раскосыми глазами, утвердительно кивнула, когда ее спросили, помнит ли она Дмитрия Голикова, и произнесла невыразительным голосом:

– Дима.

– Ты убирала в комнате, где он жил?

Снова кивок.

– Катя убирала. Чисто.

– У него были какие-нибудь бумаги? Тетрадки, блокноты? Он записывал что-нибудь?

– Коробочка. Дима играл в коробочку.

– Какая коробочка?

- Коробочка. Красивая.
- А бумаги? Были бумаги?
- Нет. Не знаю. Коробочка.
- Помнишь, как Дима умер?

И снова кивок.

- Упал. Больно.
- Ты его вещи собрала?
- Да. Катя убирала. Чисто.
- И куда отнесла? Где они теперь?
- Он забрал.
- Кто?
- Он забрал. Диму хоронить. Дима хороший. И он хороший. Дал мне

конфеты. Много.

– Катя, вспомни, пожалуйста, что он забрал. Что там было? Папки? Пакеты? Книги? Какие вещи были у Димы?

- Коробочка.
- Покажешь мне комнату, где жил Дима?

Катя молча кивнула и зашагала на второй этаж. Здание давно нуждалось в ремонте, стены зияли прорехами отвалившейся штукатурки, ступени лестницы стерты так, что Насте приходилось постоянно смотреть под ноги, чтобы не оступиться. Навстречу им по коридору шла медсестра, с которой Настя уже разговаривала. Вероятно, она решила, что не полностью отработала содержимое конверта, потому что сразу остановилась и с готовностью спросила:

– Вам еще чем-то помочь?

– Я хотела узнать, не вел ли Голиков какие-нибудь записи? Может быть, в этих записях есть что-то касающееся того человека, который меня интересует. Вы сказали, он считал, что ведет научную работу, пишет диссертацию...

Девушка отрицательно покачала головой:

– Я ничего такого не видела. При мне ни разу не было, чтобы он что-то записывал. Он просто сидел на койке и смотрел в стену или в окно. Или в коробочку играл. У него была коробочка, небольшая такая, и в ней какие-то мелочи. Вот он их рассматривал, вынимал, ощупывал, раскладывал на койке, потом снова собирал и коробочку прятал. Больше я ничего у Голикова не видела.

Значит, коробочка действительно была... Но как-то это мало похоже на тайну, ради сохранения которой могли убить шеф-редактора телепрограммы Милюкову. Хотя если в ней было что-то ценное...

– Не припомните, какие именно мелочи были в коробочке? – с надеждой спросила Настя у медсестры.

– Да что-то совсем ерундовое. Пластмассовая заколка с каким-то цветком, фотография маленькая, еще что-то такое же... Наверное, на дороге подбирал, когда гулять выходил, складывал и играл в это.

– То есть не драгоценности, не ювелирные украшения?

– Да вы что! – Глаза медсестры округлились. – Мы бы сразу заметили. Если у человека есть драгоценности, они обычно хранятся у администрации. Нет, конечно, бывает, что больные не хотят сдавать ценные вещи на хранение, у нас и шкафчики специальные есть, где можно держать свое имущество. Но в любом случае мы всегда знаем, что у кого имеется. Вы же понимаете, за этим следить надо, а вдруг нож или еще что-то опасное?

Опять мимо. Ну ладно. Навещавший Голикова профессор Тарасевич – это уже немало. Можно возвращаться. Если Витя Егоров заинтересуется информацией о коробочке, он может сам приехать сюда и попытаться поспрашивать тех, кто жил с Голиковым в одной комнате. Именно попытаться, ибо полагаться на информацию, полученную у психически нездорового человека, вряд ли разумно. Если, конечно, эту информацию еще удастся получить, что само по себе под большим вопросом.

В самом деле, что могло связывать доктора наук, профессора Тарасевича с психически больным насильником и убийцей? Тарасевич, как рассказывал зверовод Леонид Иванович, был близок с ветеринарным врачом, которого в прошлом году нашли убитым. Это можно понять. Люди вместе работают, у них общие интересы, и практические, и научные. Но Тарасевич и Голиков... Не вяжется.

Всех троих нет в живых. Двое из них умерли по естественным причинам, один – насильственной смертью. Двое работали на звероферме, третий нигде не работал, сначала мотал срок, потом лечился в психиатрической больнице, потом жил в психоневрологическом интернате. Двое имели высшее образование, третий – только десять классов общеобразовательной школы. Двое – коренные жители Вербицка, третий – профессор Тарасевич – уроженец другой местности, если Леонид Иванович ничего не напутал. Сколько ни перебирала Настя Каменская известные ей факты и обстоятельства, ни один не объединял этих троих мужчин разного возраста.

Значит, она просто не там ищет. Или не то. И вообще, неизвестно, что она ищет и зачем. Она просто выполняет просьбу Виктора Егорова.

Егоров выслушал по телефону ее информацию без особого воодушевления, но сказал, что насчет профессора поспрашивает, есть у него человек на Вербицкой звероферме.

– Там какая-то завязка с Перовской фермой может быть, – напомнила Настя. – Может быть, Голиков был с ней как-то связан?

– Разберемся, – равнодушно бросил майор.

Насте стало неприятно и почему-то обидно. Обидно не потому, что результаты проделанной работы не вызывают интереса, это-то как раз дело самое обычное. А потому, что есть совершенно непонятная ситуация, разобраться в которой – слаще самой сладкой конфетки. Кстати, о конфетках... Она же хотела еще утром, когда забирала машину, спросить у Егорова, как прошла встреча Загребельного со следователем. Хотя в тот момент он мог этого еще не знать. И если у следователя возникнут какие-то сомнения в правоте старшего опера, пусть спросит у якобы потерпевшего про старый фантик от конфетки «Березовая роща». И посмотрит, как он поплывет, пытаясь объяснить, что это за фантик, откуда взялся и почему хранится в закрытом на молнию отделении старого портмоне. И, кстати, знает ли он вообще, что фантик хранится именно там.

Но размышления о психоневрологическом интернате, Дмитриии Голикове и его пока не разъясненных отношениях со старым профессором Тарасевичем совершенно вытеснили из Настиной головы и чемодан, и его мнимого владельца. Да бог с ними, ладно, она не убийством бомжа занимается, а убийством Камиллы Милюковой.

Она припарковала машину у гостиницы, как и договорилась с Виктором. Вечером он подъедет, когда освободится, Настя вынесет ему ключи, и он вернет автомобиль в прокатную фирму. Позвонила Короткову, получила указание «питаться самостоятельно», ибо у него еще много дел, с удовольствием прогулялась пару кварталов до итальянского кафе, которое заметила еще утром, съела зеленый салат и огромную порцию спагетти, выпила чашку кофе с тирамису, по достоинству оценила кухню и попросила упаковать ей на вынос несколько десертов. Сумка с вещами осталась у Короткова в машине, но ноутбук она предусмотрительно взяла с собой, и сейчас он, помещенный в специальную сумку, весьма ощутимо оттягивал плечо. На другом плече висела дамская сумка, в руках – связанные капроновой веревочкой три коробки с десертами. «Я как вьючная лошадь, – с усмешкой подумала Настя Каменская и тут же

поправила сама себя: – Вернее – как старая кляча...»

В номере она переоделась, уселась за письменный стол и включила компьютер. Надо попробовать поискать какие-нибудь сведения о профессоре Тарасевиче или хотя бы упоминания о нем. Конечно, надежды на это мало, потому что профессор умер давно, когда широко использовать интернет для хранения и передачи информации еще не привыкли. Но все-таки...

Ее опасения, к сожалению, полностью подтвердились. Упоминание имени профессора встречалось только в списках литературы и в сносках в учебной и научной литературе по звероводству. Труды, на которые имелись ссылки, были написаны в период с 1958 по 1980 год, особенно активно ученый работал и публиковался после 1963 года, являлся автором не только многочисленных статей и методических рекомендаций, но и учебников и монографий. После 1980 года – ни одной публикации. А ведь Тарасевич еще почти четверть века был жив... Леонид Иванович говорил что-то про судимости ученого. Наверное, дело именно в них.

Ради любопытства Настя решила почитать что-нибудь из тех текстов, в которых имелись ссылки на труды Тарасевича, выбрала пособие под названием «Рационы кормления пушных зверей клеточного содержания», но минут через пятнадцать ее отвлек сигнал телефона: пришло новое сообщение. Она посмотрела на экран и недоуменно хмыкнула. Опять Егоров разразился эпистолой! А вот когда открыла текст, то изрядно удивилась: «Я дурак. Ты не лучше. Позвоню. Соглашайся».

Из четырех коротеньких предложений вопросов не вызвало только третье, с обещанием позвонить. Почему Виктор назвал себя дураком? Он в чем-то ошибся, что-то неправильно оценил, чего-то не увидел или не понял? Почему она, Настя Каменская, не лучше, иными словами, тоже, выходит, дура? В чем ее ошибка? И, наконец, с чем она должна соглашаться? Можно подумать, майор Егоров сделал ей какое-то феерическое предложение, от которого она имела глупость отказаться...

Она сперва расстроилась, потом занервничала, позвонила в ресторан и попросила принести кофе. Что может быть лучше в такой ситуации, чем горячий кофе с вкусным десертом? Помня о пристальном и кем-то, вероятно, оплаченном внимании персонала к себе и Короткову, Настя закрыла страницу с текстом по звероводству, открыла сайт Минтранса, поставила ноутбук так, чтобы экран был хорошо виден тому, кто принесет заказ, и на всякий случай быстренько загромоздила журнальный стол первыми попавшимися схемами и планами. В результате этих манипуляций оказалось, что поставить поднос с кофейником и чашкой просто некуда, не

говоря уж о десертах, ждущих своего часа в мини-баре. Официант терпеливо стоял, держа поднос в руках, пока Настя суетилась, сдвигая документы на столе и освобождая необходимое пространство. Она старалась держаться спиной к нему и не поднимала глаз, чтобы не смущать молодого человека и дать ему возможность свободно обзреть и бумаги, и включенный компьютер.

Первый же проглоченный кусочек нежнейшего сырного торта вернул ее к действительности. Она что, с ума сошла?! Расстраиваться из-за того, что написал Егоров! Да это же прекрасно! Это означает, что его равнодушие в телефонном разговоре было показным, наигранным, с ним рядом кто-то находился, а на самом деле Виктор воспринял ее информацию всерьез. Не зря она полдня провела в поездке за город. «Почему я стала такой обидчивой? – озадаченно подумала Настя. – Почему первая мысль, которая приходит в мою голову, всегда негативная? Ведь это же так просто! Это же очевидно! А мне понадобилось целых пятнадцать минут, кусок сладкого торта и глоток кофе, чтобы это понять. Совсем недавно я поклялась себе стараться думать позитивно, но что-то у меня с полпинка это не получается, приходится делать над собой усилие, потому что в голову первым делом лезет только негатив. Интересно, я всегда была такой? Или это возрастное?»

Она лихо расправилась с чизкейком и уже почти доела шоколадно-ягодный мусс в лодочке из слоеного теста, когда позвонил Егоров.

– Вернулась уже? – бодро заговорил он. – Как съездила? Удачно? Музей посмотрела?

Настя быстро отчиталась о поездке на Верхнее Озеро и в музей таежного зодчества, делая в нужных местах паузы, чтобы Виктор мог вставить соответствующие реплики.

– Ты где машину оставила? – спросил майор.

Она прикусила язык, чтобы не ляпнуть: «Я тебе уже говорила: там, где мы и договаривались, у гостиницы». Помня предупреждение Егорова, она сократила фразу, убрав из нее первую часть.

– Нет, мне это неудобно, – решительно заявил Егоров. – Я в тех краях вечером не буду, а делать крюки по городу у меня здоровья нет. Это рабочее время у меня казенное, а ноги – они свои, родные. Ты подгони ее часам к семи к конторе, где я брал машину, я туда подъеду и сдам ее. Адрес записывай. И не забудь, ты мне должна.

Интересно, что означает эта фраза? Правильно ли Настя ее поняла?

– Трех бутылок хватит? – осторожно спросила она, словно нащупывая почву.

– Я что, алкаш подзаборный – пить в одиночку и без закуски?

Значит, все правильно. Слава богу.

– А там рядом есть какое-нибудь заведение, чтобы мы культурно посидели?

– Там рядом... Погоди, уточню.

Голос Егорова зазвучал тише, но все равно слышно было отчетливо: майор разговаривал с кем-то, кто находился рядом.

– Вадик, на Летунова есть забегаловка, где можно с приличными людьми посидеть? А то меня, видишь, отблагодарить хотят за мою нечеловеческую доброту... Да я машину для москвичей взял в аренду сегодня утром, надо вернуть...

Мужской голос что-то пробубнил в ответ, но слов Настя не разобрала.

– Слышь, москвичка, контора находится на улице Летунова, дом двенадцать, а в доме семнадцать пивнушка, мой коллега уверяет, что вполне пристойная, вот там я и приму твою благодарность. Значит, жду тебя в семь вечера у дома двенадцать, машину сдадим и пойдем по паре пива пропустим. Ну, бывай, до встречи. Мужик-то твой будет?

– Не знаю, он пока по делам мотается. А надо?

– Да это уж как сложится. Мне, главное, успеть машину сдать, контора в двадцать часов закрывается, если опоздаю – придется за второй день доплачивать. Ты ее там не покоцала, случаем? А то знаю я вас, баб, как вы водите...

Настя горячо заверила майора, что с автомобилем все в полном порядке, ни одной царапины.

Вот теперь ей стало понятно, почему Егоров назвал себя дураком и ее заодно к этому же определению приравнял. Им нужно иметь возможность, не вызывая ничьих подозрений, встретиться и поговорить о профессоре Тарасевиче. Судя по всему, разговор велся в присутствии того самого Вадима Хохлова, который считается «человеком Баева». Егоров сделал все необходимое, чтобы его встреча с московскими командированными выглядела как обычные посиделки малознакомых людей, которых не связывают общие интересы, но которые хотят проявить вежливость по отношению друг к другу. Вот если бы он, не проведя подобную подготовительную работу, просто приехал в гостиницу да еще поднялся бы к Насте в номер за ключами от машины и задержался у нее хотя бы на полчаса, один бог знает, какое впечатление это могло бы произвести и какие выводы были бы сделаны теми, кому это интересно.

Она снова вернулась к методическому пособию по кормлению норок, на этот раз обращая внимание на указанные в ссылках названия

издательства, в которых публиковался Тарасевич. «Урожай», «Наука», «Высшая школа», «Колос», специализированный журнал по звероводству... Ни одно из них, кроме «Колоса», не выжило после перестройки, во всяком случае, в первоизданном виде не сохранилось. Если профессор не публиковался после 1980 года, то найти людей, работавших в этих издательствах и знавших его, практически невозможно. А вот Научно-исследовательский институт пушного звероводства и кролиководства, взявший под крыло единственное уцелевшее издательство, как гласила информация в интернете, жив и даже имеет свой сайт. Именно в Трудах этого института опубликованы многие работы Тарасевича. И именно там есть неплохие шансы получить хотя бы минимальную информацию. Если где-то еще остались люди, помнящие профессора, то только там.

На сайте института указан номер телефона, по которому можно позвонить... В Москве на три часа меньше, рабочий день в разгаре, а до момента, когда нужно будет выдвигаться в сторону улицы Летунова, времени еще достаточно.

Настин расчет оказался правильным. Молодежь неохотно идет работать в академическую науку, там слишком мало платят, и если бюджетные научные учреждения еще как-то выживают, то исключительно благодаря энтузиазму пожилых ученых, стойко держащих оборону и продолжающих изыскания, несмотря ни на что. В Институте пушного звероводства и кролиководства довольно быстро удалось разыскать человека, прекрасно помнившего профессора Тарасевича и готового рассказывать о нем «журналистке из Перовской области, готовящей материал о Вербицкой звероферме, где последние годы своей жизни работал известный ученый». Правда, все, что удалось выяснить, касалось периода до 1980 года. Но и этого было немало.

* * *

После встречи с Егоровым, на которую успел приехать злой и уставший Коротков, биография Аркадия Игнатьевича Тарасевича выстроилась более или менее четко. Он родился в 1915 году в Москве в семье ученого-биолога, в 1940 году закончил Пушно-меховой институт в Балашихе по специальности «ученый-зоотехник». Работал на крупной звероферме, которую во время войны эвакуировали в Сибирь. Сферой его научных интересов с самого начала были проблемы кормления зверей, Аркадий Тарасевич занимался этим активно и углубленно, много читал,

постоянно экспериментировал.

После войны Тарасевич стал главным зоотехником крупного зверосовхоза. Но карьерный рост внезапно оборвался: в 1948 году почти 80 % поголовья пало от неизвестного заболевания. Тарасевича немедленно арестовали: нашлись энтузиасты, сообщившие «куда следует», что главный зоотехник экспериментировал с кормами и добавками, «черт его знает, что он там добавлял и смешивал, наверняка он зверей и потравил, интеллигентское отродье». Суд был скорым и суровым. Аркадия Тарасевича посадили за вредительство.

Амнистия после смерти Сталина позволила Аркадию выйти на свободу, а вскоре выяснилось, что в падеже поголовья виноват был ветврач зверосовхоза, по собственной халатности допустивший заражение зверей чумой плотоядных. Тарасевич добился реабилитации, клеймо «вредитель» было с него смыто, но главным зоотехником его назначать отчего-то побоялись, так что дальнейший путь он продолжал в должности зоотехника кормоцеха. И снова занялся своими исследованиями и экспериментами. Прикрепился соискателем в Институт пушного звероводства, собирал материал для диссертации, в 1962 году успешно защитился и стал кандидатом наук, после чего оставил работу в зверосовхозе и перешел на работу в НИИ пушного звероводства и кролиководства на должность старшего научного сотрудника в отдел кормления. Отдел был большим, около 30 научных сотрудников плюс биохимическая лаборатория, в которой трудились еще 11 человек, научный потенциал высочайший, исследования шли полным ходом. Аркадий Игнатьевич много публиковался, в 1972 году защитил докторскую диссертацию, в 1975-м получил ученое звание профессора. Он не только вел исследовательскую работу, но и преподавал и осуществлял научное руководство аспирантами...

Эта достойная во всех отношениях карьера ученого-подвижника должна была иметь и достойное завершение. Но... Все закончилось в 1980 году на «вызове». «Вызовом» для краткости называли официальное приглашение ученых института для оказания научно-консультативной практической помощи в зверосовхозы, когда там возникали какие-то проблемы, которые не удавалось решить своими силами. В данном случае вызов последовал, как было написано в документе, в связи с повышенным отходом зверопоголовья. Проще говоря: зверей почему-то умирало намного больше, чем обычно. На вызов, поступивший из Перовской области, направили Аркадия Игнатьевича. Беда случилась на Перовской звероферме. Тарасевич в буквальном смысле слова засучил рукава, надел спецодежду, направился во вскрывочную и вскрыл подряд тридцать тушек

павших зверей. То, что он увидел, позволило ему сделать вывод сразу же: повышенный отход связан со скармливанием некачественных кормов. При приготовлении корма перелили воды, корм оказался слишком жидким, его решили загустить рыбной мукой. До этого момента все было правильным и никаких нарушений не содержало, так поступали всегда и всюду. Однако в Перовском зверосовхозе руководитель кормоцеха допустил непростительную халатность, выдав работникам цеха вместо рыбной муки крилевою, которая содержит большое количество хитиновых чешуек, что и привело к ранению слизистой оболочки желудочно-кишечного тракта зверей. Норки подошли от острого энтерита.

Профессор начал писать заключение, но руководству совхоза выводы ученого-консультанта совсем не понравились. Пушнина – это валюта, а валюта – это государственная казна. Халатность в пушном звероводстве, повлекшая сверхнормативный отход норок и причинившая ущерб государству, могла иметь своим результатом не только оргвыводы по партийной и служебной линиям вплоть до увольнения директора с должности, но и уголовное дело, и судимость, и реальный срок. Тарасевичу предложили денег.

Если бы он их взял, его научная карьера продолжалась бы вплоть до действительно достойного завершения. Но он не взял эти деньги. Более того, отказался от них в резкой форме и вступил в непримиримый конфликт с руководством. Руководство, в отличие от профессора, было изворотливым и коварным, и Аркадий Игнатьевич глазом моргнуть не успел, как оказалось, что не ему предлагали сфальсифицировать заключение за взятку, а он сам эту взятку вымогал, более того, вскрытия тушек зверей производились с нарушениями, эти нарушения не позволили сделать достоверные выводы о причинах повышенного отхода норок и профессор буквально шантажирует руководство зверосовхоза, угрожая написать «плохое» заключение, если ему, приглашенному из Москвы специалисту, не будет заплачено. По инструкции вскрытие следует проводить в специальном помещении на ветпункте, но сплошь и рядом, если позволяют погода и климатические условия, стол из вскрыточной выносят на улицу. Этого делать не положено. Но все делают. И на Перовской звероферме в жаркий летний день приехавший консультант вскрывал тушки именно так, на свежем воздухе.

В цехе обработки шкурок всегда есть свои хитрости и особые приемы, позволяющие без ущерба для учетных записей «отщипывать» от принадлежащей государству пушнины небольшие, но лакомые кусочки. Несколько партийных и советских руководителей Перовской области

получили по шубному набору, вследствие чего против профессора Тарасевича тут же возбудили уголовное дело, закончившееся судом и приговором: восемь лет лишения свободы за вымогательство взятки в особо крупном размере.

Областное управление исправительно-трудовых учреждений никаких шубных наборов от руководства зверофермы не получало, поэтому стремлением к избыточности репрессий по отношению к профессору не страдало. После вынесения приговора было принято решение не отправлять на зону заслуженного ученого, интеллигентного, образованного, приятного человека, к тому же немолодого – Аркадию Игнатьевичу только-только стукнуло 65 лет. Его оставили отбывать наказание в Перовском следственном изоляторе, определив работать библиотекарем.

Именно там он и познакомился с Дмитрием Голиковым, осужденным в 1983 году по совокупности статей к пятнадцати годам лишения свободы. Вероятно, начальником следственного изолятора, а может быть, и кем-то из областного управления ИТУ был человек думающий и незлой, потому что и Диму Голикова оставили все в том же изоляторе: должен же кто-то и полы мыть, и баланду по камерам развозить. Голикова, конечно же, учитывая характер содеянного, направляли на судебно-психиатрическую экспертизу, признавшую его вменяемым. Но то ли следователь, то ли судья, то ли кто-то в самом СИЗО заметил, что парень не совсем «в себе». Тихий, спокойный, сосредоточенный, медлительный. Про таких обычно говорят «тормоз» и «зануда». Отправить его на зону означало бы отправить на верную гибель. То, что он совершил, сочувствия не вызывало, это понятно. И виновность его была полностью доказана. Назначая судебно-психиатрическую экспертизу, следователь ни минуты не сомневался в результате и был совершенно уверен, что у Голикова обнаружат серьезное психическое расстройство, на основании которого он будет судом признан невменяемым и отправлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу закрытого типа. Однако, получив заключение экспертов, увидел там совсем другое: всего лишь «шизоидную психопатию». И у суда не оказалось ни малейших оснований назначать подсудимому принудительные меры медицинского характера. Голикова, считавшегося психически здоровым, приговорили к длительному лишению свободы. Но брать грех на душу и отдавать не вполне адекватного парня на зону, а фактически – на растерзание, кто-то, видимо, не захотел.

На самом деле, точно не известно, познакомились ли Тарасевич и Голиков в Перовском СИЗО. Но это вполне могло иметь место. Никаких других точек соприкосновения между биографиями этих двух человек не

было.

Аркадий Игнатъевич освободился, отбыв две трети определенного ему судом срока. В Москву возвращаться не захотел: обиделся и на жену, подавшую на развод, как только его осудили во второй раз, и даже не приехавшую поговорить и объясниться; и на своих коллег, не заступившихся за него и сразу поверивших, что Аркадий Тарасевич – мздоимец и шантажист. В общем-то, для обид основания у него были. За время, пока Тарасевич сидел в СИЗО, выдавая книги подследственным и подсудимым, произошло немало перемен. Умер Брежнев, наступила эпоха Андропова, потом эпоха Черненко, а когда профессор освободился, уже шла перестройка Горбачева. Руководство Перовской области неоднократно менялось за эти годы, а следом за ней менялись и руководители предприятий и учреждений. Теперь Перовской зверофермой командовали совсем другие люди, к которым у Аркадия Игнатъевича не было личных претензий. И он пошел туда работать, чтобы продолжать то единственное, что было интересно ему в этой жизни: исследовать, изучать и экспериментировать, чтобы разработать самый оптимальный и при этом самый доступный по ресурсам рацион кормления пушных зверей.

В 1992 году давний знакомый Аркадия Игнатъевича приватизировал зверосовхоз в Вербицке, создал ООО и пригласил Тарасевича на должность главного зоотехника. На этой ферме профессор и проработал до самой смерти в 2005 году, не дожив буквально месяца до своего девяностолетия. Он активно продолжал заниматься проблемами кормления пушных зверей, ибо натуральные корма становились все хуже и хуже, много экспериментировал с биодобавками, рассчитывал варианты дозировок, комбинаций и режима кормления. Тарасевичу удалось добиться отличных результатов, и, при нарастающем дефиците хороших кормов, норки на Вербицкой звероферме выживали и плодились намного лучше, чем в других хозяйствах.

Две судимости и два отбытых срока сделали из Аркадия Игнатъевича человека нелюбимого, малообщительного и неприветливого. Единственным, с кем он общался постоянно и с удовольствием, был молодой ветврач Илья Чураков, который тянулся ко всему новому и обладал неукротимой жаждой знаний. Главный зоотехник и ветврач много времени проводили вместе, что-то обсуждали, иногда Чураков даже ночевал у профессора, когда им нужно было придумать очередной эксперимент или проанализировать полученные результаты.

Аркадия Игнатъевича многие на ферме не любили, но ценили и уважали, отдавая ему должное как специалисту высочайшего класса.

Поговаривали, что Тарасевич писал какую-то книгу по истории пушного промысла и пушного звероводства в России, но написал или нет – неизвестно, хотя знал про это очень много, рассказывал ветеринару Чуракову, а тот после смерти профессора охотно делился полученными знаниями со всеми, кому было интересно, постоянно ссылаясь на своего учителя.

Все это было занятно, но... Не давало никакого ответа на вопрос о том, действительно ли Аркадий Игнатьевич Тарасевич познакомился с Дмитрием Голиковым во время отбывания наказания и почему навещал его в психоневрологическом интернате.

* * *

Едва погрузившись в сон, Настя вдруг проснулась: ей показалось, что открылась дверь, соединяющая ее номер с номером Короткова. Так и оказалось: Юркин силуэт маячил на фоне окна.

– Ты чего? – испуганно спросила она.

– У тебя обезболивающее есть? – страдальческим голосом проговорил Коротков. – Какое-нибудь посильнее. Зуб запарил, начал болеть после обеда, я думал, сам пройдет, а он разошелся вовсю, заснуть не могу.

– Так ты поэтому был такой злой? – догадалась Настя. – Чего ж сразу не сказал?

Она зажгла бра и потянулась за халатом, лежащим в ногах.

– Я надеялся, что успокоится, не в первый же раз. А он уже дергать начал, – пожаловался Юрий, деликатно отступая в ту часть гостиной, из которой не просматривалась спальня.

– Дергать? Иди одевайся быстро! – скомандовала Настя. – Сейчас узнаем, где здесь круглосуточная стоматология.

– Да откуда здесь круглосуточная...

– Город – почти миллионник, наверняка есть! Хотя бы коммерческая должна быть.

– Я не поеду! – Коротков не на шутку испугался. – Дай таблетку, лучше две, и все пройдет.

– Не пройдет, – зловеще пообещала она. – Если дергает, то точно не пройдет, только хуже станет. Давай, Коротков, не трусь, укольчик сделают – и ничего не почувствуешь.

Настя позвонила портье, которая, судя по голосу, крепко спала, выяснила, куда можно обратиться среди ночи с острой зубной болью, и

попросила вызвать такси. По длинному гостиничному коридору Коротков плелся за ней, как овца, которую ведут на заклание. Машина уже ждала их у входа, водитель, услышав адрес, понимающе кивнул:

– Знаю. Минут пять – и будем на месте, сейчас дороги пустые.

Настя почему-то была уверена, что ночью в дежурной стоматологии пациентов не будет. Как же она ошибалась!

– А ты как думала! – невесело усмехнулся Коротков. – Все же умные. В частных клиниках принимают только по записи, никто не ждет, но дорого. А здесь или бесплатно, или дешево, поэтому днем не протолкнешься, и по записи идут, и с острой болью. Никому неохота в очереди сидеть, вот и приходят ночью, когда народу поменьше.

В коридоре имелось почему-то только два стула, на одном сидел мужчина лет тридцати пяти, на другом пожилая женщина. Еще трое мужчин разного возраста с выражением невыносимого страдания на лицах подпирали стены. Дверь кабинета врача открылась, вышла девушка, один из стоящих мужчин, судя по возрасту, ее отец, тут же подхватил ее под руку и повел к выходу. Настя облегченно вздохнула: значит, перед ними не пять человек, а только четыре. Выглянувшая медсестра пригласила следующего, пожилая дама поднялась со стула и проследовала в кабинет, ее место тут же занял один из стоящих мужчин. Второй, не успевший сесть, кинул на счастливчика взгляд, полный ненависти, получив в ответ от более удачливого конкурента самодовольную улыбку. Коротков легонько толкнул Настю в бок и шепотом заметил:

– А вот интересно, что было бы, если бы тот, который остался стоять, попросил того, который сел, уступить ему место?

– Он был бы послан, – прошептала в ответ Настя. – Но вообще это любопытный феномен, ты прав. Есть такая штука, как очередь. Люди, которые в нее встают, как бы договариваются между собой о порядке, в котором они намерены получить определенную услугу. И всегда есть такие, которые пытаются пролезть без очереди. Это всех возмущает, может начаться конфликт, даже до драки дело доходит. Но мы всегда, становясь в очередь, заранее закладываемся на то, что кто-нибудь захочет порядок нарушить. А вот с занятием места ситуация совершенно другая. Никому даже в голову не придет попросить уступить место для себя. Я не имею в виду ситуацию, когда место нужно старику, инвалиду, или женщине с ребенком, или беременной. Тут все понятно, и просить не надо, часто сами уступают. А вот так, как сейчас: два мужика примерно одного возраста, оба не инвалиды. Или две женщины-ровесницы...

Она запнулась. Какая-то мысль мелькнула и тут же исчезла. Мысль

тревожная, но неоформленная.

– И что женщины-ровесницы? – нетерпеливо спросил Коротков, которому все равно было, о чем говорить, лишь бы отвлекаться от боли и от страха перед стоматологическими инструментами.

– Социальная норма: «место занимает пришедший первым», – пробормотала Настя, пытаясь ухватить за хвост ускользающую мысль.

Она вспомнила, в какой книге читала об этом, и понимала, что внезапное чувство тревоги связано именно с этой книгой. Но в чем суть? Социальный психолог Стэнли Милграм... Восемидесятые годы... Эксперимент состоял в том, что группе студентов предлагалось проехать в метро и просить у сидящих людей позволения занять их место. Вежливо, но настойчиво. Результаты эксперимента показали, что примерно половина тех, к кому обращались с подобной просьбой, спокойно вставали и уступали место. Но куда более важным оказался еще один вывод: самым сложным было не уговорить незнакомых людей выполнить просьбу, а набраться наглости обратиться к ним и свою просьбу озвучить. Это означало, что социальная норма «место занимает пришедший первым» укоренилась в людях настолько глубоко, что ее нарушение требует значительных волевых усилий.

Да, наблюдение любопытное, вывод интересный, но откуда чувство тревоги? Какое отношение проблема занятого стула имеет к делу Милюковой? Или не к делу Милюковой? А к делу о чемодане? Виктор Егоров сказал, что Загребельный был у следователя Донниковой, но она, предупрежденная оперативником, начала задавать вопросы, которые Андрею Александровичу отчего-то не понравились. Во всяком случае, посреди допроса Загребельный вдруг заторопился, извинился и спросил, можно ли ему прийти завтра, потому что ему срочно надо... Следователь, конечно же, согласилась перенести допрос на другое время. Сам Егоров связался и с Краснокаменском, где, согласно паспорту, родился владелец чемодана, и с Тверью, где он проживал в настоящий момент. Полученные им сведения вызывали большие сомнения в том, что этот человек мог себе позволять на протяжении двадцати лет покупки вещей от Ларри Соррено: Загребельный жил более чем скромно, имел судимость и отбывал срок за мошенничество, в последнее время официально нигде не работал, ибо никакой востребованной профессией не владел, ни к какой крупной преступной группировке не примкнул, то есть источник его доходов не установлен. Одним словом, понятно, что владелец чемодана и вещей – не Загребельный, но к проблеме «кто первый встал – того и тапки» все это отношения не имеет.

Дверь кабинета снова распахнулась, но вместо пожилой дамы, которую Настя ожидала увидеть, вышел мужчина, тоже немолодой. И медсестра, пригласившая следующего пациента, была другой. «Там двое врачей принимают, – догадалась Настя, повеселев. – Значит, очередь пройдет быстрее, чем я ожидала».

– Очередь к стоматологу – это как раз тот случай, когда хочешь, чтобы она никогда не закончилась, – пробурчал Коротков.

Ждать, в конечном итоге, пришлось все-таки довольно долго, но, наконец, и Юра скрылся в кабинете. Настя умирала от желания спать. Теперь на стуле сидела только молодая женщина, пришедшая после них, второй стул был свободным, Настя села, прислонилась затылком к стене и тут же задремала. Небо за окном в конце коридора посерело, скоро рассвет. Если она не поспит хоть немного, работник из нее днем получится аховый. А может, договориться с Коротковым и вообще не работать один день? Что там осталось-то? Все вопросы он вроде бы уже решил, всю информацию собрал. Нужно, наверное, сегодня позвонить брату и сказать, что они закончили и возвращаются в Москву. Господи, как все надоело! Как хочется прийти домой, в свою маленькую квартирку на Щелковском шоссе, задернуть шторы, выключить телефоны, лечь в свою постель, подбить поудобнее свою подушку, накрыться своим одеялом и спать, спать, спать... «Лечь бы на дно, как подводная лодка, и позывные не передавать...»

Она вздрогнула и открыла глаза. Да, именно подводная лодка. Настя читала об этом в той же самой книге, в которой описывался эксперимент в метро. Книга называлась, если она не ошибается, «Мудрость толпы» и была посвящена проблемам коллективного разума и коллективных решений. 1968 год, американская субмарина «Скорпион». Подлодка возвращалась из похода в Северную Атлантику и внезапно исчезла с радаров. О том, где могла находиться лодка, можно было судить только очень приблизительно. Ее искали в зоне радиусом в двадцать миль и на глубине в тысячу футов. И не нашли.

Тогда морской офицер Джон Крейвен предложил план, который многим показался фантастическим, если не глупым. Он разработал серию сценариев, объясняющих, что могло произойти с субмариной. А затем собрал большую группу людей – математиков, спасателей, специалистов по подводным лодкам – и попросил каждого в отдельности оценить вероятность событий, описанных в каждом из сценариев. Проанализировав все полученные догадки и предположения, он применил теорему Байеса, чтобы вычислить окончательное местоположение исчезнувшей лодки. Когда через пять месяцев после исчезновения «Скорпион» все-таки нашли,

подлодка находилась всего в 220 ярдах от места, указанного модифицированным коллективным решением группы Крейвена. Чуть больше 200 метров...

«При чем тут лодка? – рассеянно подумала Настя. – Но это совершенно точно то место, которое меня беспокоило. Значит, там было что-то еще... что-то... Да, вывод: группа не имела никакой достоверной информации, никто не знал, почему лодка затонула, с какой скоростью она двигалась, с каким углом крутизны уходила на океанское дно. Хотя никто в группе не знал ничего, сама группа в целом, как оказалось, знала все».

Мудрость толпы. Безошибочность коллективных решений, при том что каждый человек в отдельности не знает правильного ответа. Теорема Байеса – способ вычисления того, как новая информация о событии меняет наши прежние ожидания относительно вероятности этого события. Формулу Настя помнит наизусть, это основы теории вероятности, предмет хорошо ей знакомый.

Пожалуй, прогулять завтра работу и поспать не удастся. Еще Короткова уговорить бы... Хотя если доктор сейчас починит ему зуб ловко и безболезненно, то есть шанс, что Юрка будет в хорошем настроении.

Четверг

– Ты в своем уме?! – бушевал вполне оправившийся от боли и стресса Коротков. – За каким лешим тебе в это соваться? Мы здесь чужие, приехали – сделали дело – уехали.

Настя решила не сдаваться до последнего. Еще не все аргументы исчерпаны.

– Юрочка, мы дело не доделали до конца. Мы хотим предложить Сашке участок с северной стороны, Ворожец же пообещал договориться о снижении цены. А с экологией этого места еще не все понятно. Ты про убийства экологов забыл? Про звероферму? Про лабораторию? Да, Володин родственник, этот Леонид Иванович, нас заверил, что никакой опасности норковая ферма представлять не может. Но ты уверен, что он прав? Ты можешь голову дать на отсечение, что он знает все точно и говорил нам правду?

– Ой, можно подумать, что ты своей оригинальной затеей эту правду выявишь! Да тебя пошлют – и будут правы.

– А если не пошлют? Юр, я уже старенькая девочка, я не боюсь, что меня пошлют, потому что точно знаю: я от этого не помру. И даже не заболею. Меня столько раз в жизни посылали, что у меня выработался стойкий иммунитет. Пошлют – значит, уедем, а Сашке скажем, что участок очень хороший, но экология не гарантирована. Предложим ему другие варианты, в которых мы более уверены. Но попробовать надо.

Коротков внимательно посмотрел на нее и покачал головой.

– С тобой спорить бесполезно. Я считаю, что ты не права. Но ты действительно уже старенькая девочка, поэтому имеешь право на свое мнение. Только признайся честно: ты ради Витьки Егорова стараешься? Хочешь ему помочь?

Настя пожала плечами. Помочь Егорову? Конечно, она бы с удовольствием сделала что-то полезное для него, но в данном случае, даже если у нее получится задуманное, Егорову от этого не будет ни холодно ни жарко. Он делом об убийствах экологов не занимается. Просто есть нерешенная логическая задача, и очень хочется попытаться решить ее ранее не опробованным методом. А вдруг получится? Ну интересно же! Кроме того, решение задачи поможет устранить неопределенности в информации об участках, а это, собственно, является их с Коротковым прямым заданием, которое должно быть выполнено в полном объеме.

Они завтракали в гостиничном ресторане, и возмущенный Настинными речами Коротков совершенно забыл про остывающий на его тарелке омлет. Холодный омлет оказался несъедобным, и Юра, сердито махнув рукой и бросив Насте сакраментальное «делай как хочешь», отправился за новой порцией. Настя Каменская задумчиво посмотрела ему вслед, дожевала сосиску, запила ее томатным соком и взялась за телефон. Егоров откликнулся сразу и наизусть продиктовал ей номер, по которому можно позвонить в приемную начальника УВД.

– Только если что – имей в виду, у него в десять оперативка.

Настя посмотрела на часы: четверть десятого. Если Баев уже на месте, то ей может повезти. Под пристальным неодобрительным взглядом вернувшегося Короткова она позвонила в приемную и представилась. Ее попросили подождать, и через несколько секунд в трубке зазвучал голос полковника:

– Слушаю вас. Что-нибудь случилось? Нужна помощь?

– Спасибо, Игорь Валерьевич, у нас все в порядке, нам помощь не нужна. Но мне кажется, мы с Юрием Викторовичем могли бы оказаться вам полезны. Хочется как-то отблагодарить вас и Петра Сергеевича за гостеприимство. Вы могли бы меня принять сегодня?

Коротков при этих словах нахмурился и начал бить себя ладонью в грудь. Настя покачала головой.

– У меня в десять совещание, – коротко ответил Баев.

– Я успею. И много времени не займу. Если вы согласитесь с моим предложением, все остальное можно будет сделать уже после совещания или даже во время него. Я просто прошу меня принять и выслушать.

– Хорошо. Приезжайте сейчас.

Она положила телефон на стол и стала большими глотками вливать в себя кофе. Надо еще быстро сбегать в номер за сумкой. Володя, как договаривались, должен ждать у гостиницы с девяти утра.

– Почему ты попросила принять тебя, а не нас? – требовательно спросил Коротков.

– Потому что я поеду одна. – Она поставила чашку на блюдце и промокнула губы салфеткой. – Раз ты такой трепетный и не любишь, когда тебя посылают, я решила избавить тебя от этой неприятности. Приму удар на себя. А ты останешься белым, пушистым и неглупым, если что.

– Ася! Обидеть хочешь?

Настя рассмеялась.

– Коротков, ты забыл, что у тебя сеанс связи с банкиром Каменским? В восемь по Москве, в одиннадцать по местному времени у вас конференция

по скайпу с ним и его директорами. Так что иди в номер, бери мой ноутбук, пароль я тебе на бумажке написала, и отчитывайся перед начальством.

– Блин! Чуть не забыл, – пробормотал Юра. – Ладно, делай как знаешь.

Настя пулей домчалась до лифта, потом по коридору до своего номера, схватила сумку и выбежала на улицу. Машина стояла там, где и обычно, Володя почитывал газетку.

– Что пишут? – весело поинтересовалась Настя, усаживаясь рядом с ним.

– Да хаот городские власти, как обычно, мэра нашего с грязью смешивают, опять про убийства экологов талдычат, дескать, мэр и руководство УВД ничего не предпринимают. Ну, эту газету Горчевский проплачивает, это всем известно.

– А в других газетах что?

– Да по-разному, кто за Смелкова глотку рвет, против Горчевского выступает, а кто наоборот. У нас перед выборами мэра всегда так.

Без двадцати десять Анастасия Каменская стояла в приемной начальника УВД. У нее двадцать минут. Всего двадцать минут на то, чтобы быть убедительной и не показаться сумасшедшей. Задача не из легких.

Игорь Валерьевич оторвался от бумаг, которыми был завален весь его стол, поднял голову, снял очки для чтения и хмурым взглядом уставился на Настю.

– Я вас внимательно слушаю, Анастасия Павловна.

– Игорь Валерьевич, я сейчас быстро и коротко расскажу вам одну историю. Если вы сочтете, что из нее можно извлечь полезные выводы, буду рада. Если вы так не сочтете, я просто уйду и больше не стану вам докучать.

– Ну, начинайте, – усмехнулся Баев. – Я весь внимание. Надеюсь, история не слезливая и не душераздирающая? Вы не будете просить помочь какому-нибудь бедолаге и прекратить в отношении него уголовное дело, потому что у него больная мама и маленькие сестры?

– Ни в коем случае, – заверила его Настя. – Помощь бедолагам – не мой профиль. Мой профиль – помощь коллегам. Итак: добрая старая Англия, тысяча девятьсот шестой год. Восемидесятипятилетний ученый Фрэнсис Гэлтон, всю жизнь писавший труды по статистике и теориям наследования. Ежегодная выставка животноводства и птицеводства. Вот такая экспозиция. На одном из стендов шли соревнования по угадыванию веса. Стоял здоровенный бык, а любой желающий мог за ерундовую сумму купить билетик и вписать в него свое имя, адрес и предполагаемый «на

глазок» вес быка. Тех участников, кто даст самые близкие к истинному весу быка ответы, ждали призы. Счастья решились попытать примерно восемьсот человек. Это была самая разная публика – и фермеры, и мясники, то есть люди, которые хорошо разбираются в вопросах оценки веса домашнего скота, и клерки, и обыватели, и студенты, одним словом – все подряд. Гэлтону стало интересно, он всю жизнь исследовал проблемы статистики, и в тот момент ему хотелось проверить, способна ли разнородная толпа давать разумные ответы на узкоспециальные вопросы, как это происходит, например, при выборах. Когда соревнование закончилось, он попросил у организаторов билеты и тщательно проанализировал цифры, которые были в них проставлены. В том числе сложил все оценки, разделил на количество участников и вывел усредненный ответ группы. Ученый был совершенно уверен в том, что средний ответ разнородной, состоящей бог знает из кого группы окажется весьма и весьма далек от истины. Ну каким же еще может быть коллективное решение толпы, в которой есть и мудрецы, и высокообразованные люди, и опытные, а есть посредственные, недалекие, неграмотные и незнающие? Разумеется, такое решение просто обязано быть неудачным. А знаете, что получилось?

– Что?

– Средний результат по билетикам составил тысячу сто девяносто семь фунтов. А когда забитого и освежеванного быка взвесили, то получилось тысяча сто девяносто восемь фунтов. То есть эта разнородная толпа случайных людей в конечном итоге ошиблась всего на один фунт. На четыреста пятьдесят три грамма всего.

– И?

– Убийства экологов. И таинственная лаборатория, которую никак не могут найти. А у вас предвыборная кампания и соответствующий аппарат для постоянного мониторинга общественного мнения. Вы и ваши друзья кровно заинтересованы в том, чтобы раскрыть преступления, потому что иначе избиратели отвернутся от Смелкова. Собственно, это все, что я хотела сказать. Я уложились в отведенное время?

Баев задумчиво рассматривал оправу очков для чтения, которые вертел в руках. Наконец перевел взгляд на Каменскую.

– Вам самой это для чего-то нужно?

Вопрос Настю обрадовал. Никаких «вы с ума сошли!» и «мы тут не в игрушки играем», которых она наслушалась за свою жизнь до оскомины. Вопрос правильный. Полковник просчитывает варианты.

– Только для прояснения вопроса об экологической ситуации на севере

района. Про участок я уже говорила позавчера. Мой брат очень им заинтересовался, тем более Петр Сергеевич обещал помочь договориться с владельцем о снижении цены. Больше никаких интересов у меня в данном вопросе нет.

Баев бросил взгляд на часы, потом снова уставился на Настю тяжелыми темно-серыми глазами. На дне этих глаз ей почудилось что-то... Нет, не понимание и даже не согласие. Нечто похожее на проблеск догадки.

– Подождите в приемной, я переговорю с мэром.

Она молча вышла в приемную, где уже собирались участники оперативного совещания. Настя поймала на себе несколько неприязненных взглядов. Ну что ж, никто ее здесь любить не обязан. Хотя она никому ничего плохого не сделала. Ей снова мучительно захотелось домой. К Лешке, любимому мужу. В свою квартиру. На свою работу, которую она, конечно, не любит так преданно, как службу в уголовном розыске, но все равно научилась ее делать более или менее прилично и даже получать от нее удовольствие. Здесь все были чужими. И все ей не верили и в чем-то подозревали.

Зажужжал селектор, офицер в приемной нажал кнопку.

– Каменскую пригласи, – послышался голос начальника УВД.

Теперь на нее смотрели уже с открытой ненавистью. Занятые люди, проблем по горло, явились на совещание к начальнику в точно назначенное время, а он держит их в приемной, при этом какую-то фифу незнакомую принимает вне очереди. Настя подавила вздох и вошла в кабинет.

– Идите к Лаевичу, он руководит предвыборным штабом у Смелкова.

– Спасибо, – сдержанно ответила Настя.

– Вот номер телефона, позвоните, он вам объяснит, как его найти.

Баев протянул ей маленький квадратный листок.

– Спасибо, – повторила она.

Ну и ничего страшного. Никто ее не съел. Даже сумасшедшей не назвали.

* * *

Геннадий Лаевич вызвал у Насти противоречивые чувства. Внешне он был ей крайне неприятен, хотя она не смогла бы объяснить почему. Некрасивые лица никогда не вызывали у нее отторжения, красивые же обычно оставляли равнодушной. А вот к поведению и познавательной активности руководителя предвыборного штаба у нее ни малейших

претензий не возникло. Он толково разъяснил, как найти штаб, и встретил Каменскую очень любезно и доброжелательно. Более того, по тому, как загорелись его глаза, когда она поведала ему одну за другой истории про вес быка и поиски затонувшей субмарины, стало понятно, что Геннадий косностью мышления не грешит и с готовностью бросается на все новое.

– Это крайне любопытно, крайне любопытно, – приговаривал он, выискивая какую-то информацию в своем компьютере. – Надо сегодня же сформулировать вопрос, добавить его в нашу обычную анкету, на завтра вызову группу интервьюеров, запущу их в поле, пусть работают.

– Вы хотите задать вопрос или предложить опрашиваемым сценарий? – спросила Настя, искренне радуясь, что встретила, наконец, единомышленника.

– А вы? – задал Лаевич встречный вопрос. – Я исхожу из того, что раз предложение ваше, значит, вы больше знаете по теме и лучше меня представляете, как правильно. Вы сами что посоветуете? Просто имейте в виду, что наши опросы очень короткие, люди не любят терять время на то, чтобы отвечать на вопросы наших анкет. Чем короче опрос, тем лучше. Больше шансов, что человек не начнет раздражаться и отвечать уже что попало, лишь бы отвязаться побыстрее. Если вы считаете, что нужно предложить сценарий, то он должен быть максимально емким. И написать его придется вам самой.

– Сценариев должно быть несколько, – поправила Настя. – Если сценарий только один, то мы и сможем получить только один ответ.

– Тогда тем более, ваша задача усложняется. Несколько сценариев изложить в краткой неутомительной форме еще труднее. Разумеется, я помогу вам всем, чем смогу. Давайте составим график при помощи обратного отсчета.

Это ей понравилось. По-деловому, четко и грамотно.

– Интервьюеров я вызываю на завтра, на девять утра. К этому времени все анкеты должны быть отпечатаны. Объем анкеты – не больше одного листа формата «А-четыре» с двух сторон. Печать всего массива анкет займет около часа. Кладем полтора на случай всяких непредвиденных вариантов: принтер засбоит, картридж сядет, компьютер полетит и придется переподключаться к другому. Электричество может подвести. С гарантией – два часа. К семи утра анкета должна быть полностью готова. В ней наши стандартные вопросы, они все имеются. Нужно будет только набрать ваш текст со сценариями. Сколько времени это займет?

Настя пожала плечами.

– Минут пять. Может, даже меньше, если я сумею написать совсем

короткие формулировки.

– Хорошо, включаем ваш текст в уже оговоренные два часа. Итак, дедлайн у нас – семь часов утра завтрашнего дня. Что вам нужно для формулирования сценариев?

– Информация. Все, что известно по делу об убийствах экологов и об их секретной лаборатории.

– Допустим, вы ознакомились со всей информацией. Сколько времени вам нужно, чтобы сформулировать текст для анкеты?

– Не знаю, – призналась она. – Я никогда этим не занималась, это будет мой первый опыт. Может быть, сразу получится, минут за тридцать-сорок. А может быть, несколько часов проковыряюсь.

– Плохо, – неодобрительно заметил Лаевич. – Как же можно планировать, не понимая, сколько времени уйдет на каждый этап работы?

– Нельзя, – послушно согласилась Настя, пряча улыбку. – И еще, Геннадий: всю информацию по делам об убийствах экологов нам никто не даст, просто помните о том, что она нам и не нужна. Нас интересует только та часть информации, которая касается лаборатории. Мы ищем лабораторию, а не тех, кто совершил эти убийства. Так что вашему шефу Константину Кирилловичу придется нам посодействовать.

– В каком смысле? – Геннадий вскинул голову, тряхнув длинной челкой, закрывающей пол-лица. – В чем должно выразиться содействие?

– В том, чтобы попросить начальника УВД дать мне эту информацию. Я не стану просить ничего секретного. Мне нужны только имена и адреса тех свидетелей, в показаниях которых есть упоминания о лаборатории или о том, что убитый в ней работал.

– Я скажу Константину Кирилловичу, – кивнул Лаевич.

Настя искоса посмотрела на него и незаметно усмехнулась. Наивный мальчик. Может, он хорошо разбирается в предвыборных технологиях, но в оперативно-разыскной деятельности и в работе следствия не понимает ничего. Все имена и адреса свидетелей есть у следователя, но следователь начальнику УВД не подчиняется и материалов из уголовного дела никогда в жизни никому не покажет, кроме собственного руководства, и то если оно будет настаивать. У оперов эта информация тоже есть, у каждого – свой кусочек. Оперов по делу работает много, во всяком случае, так утверждал Витя Егоров, когда говорил, что на дело экологов брошены все силы. Надо найти всех и каждого, дожидаться, когда они придут на рабочее место... За два часа – нереально. Даже за три.

– Мне нужны все материалы СМИ и все, что есть в интернете по убитым экологам, – сказала Настя. – Я поеду к себе в гостиницу, в моем

компьютере есть подборка, я уже смотрела эти материалы и делала закладки, это быстрее, чем сейчас искать заново.

Лаевич попросил ее постоянно звонить и докладывать, как идут дела. И, разумеется, немедленно обращаться, если будет что-нибудь нужно, пообещав, в свою очередь, сразу же предоставить в ее распоряжение материалы от оперативников, как только будет возможно. «Ага, жди, – фыркнула про себя Настя. – Разбежался Баев давать посторонним лицам доступ к оперативной информации. Но спросить я должна была, иначе это было бы неправильно понято».

Она вернулась в гостиницу, заехав по дороге все в то же итальянское кафе, где вчера покупала десерты. Неизвестно, как сложится день, а еда должна быть под рукой.

Подойдя к двери своего номера, она услышала доносящиеся изнутри голоса. Один голос точно принадлежал Короткову, второй – ее брату Саше, другие были незнакомыми. Ну да, все верно, в одиннадцать часов началось совещание... Ей казалось, что день начался так давно и сейчас должно быть далеко за полдень!

Коротков устроился в ее номере с полным комфортом, развалившись на диване и поставив Настин ноутбук на журнальный стол. Рядом с ноутбуком стоял поднос с кофейником и чашкой – Коротков заказал кофе в номер. Не произнося ни слова, Настя подошла, взяла чашку с недопитым кофе, отнесла ее в ванную, вымыла, вернулась, налила себе кофе и довольно бесцеремонно спихнула Юрия с центра дивана вбок, усевшись рядом с ним. На экране виднелся круглый стол, за которым сидели ее брат и еще какие-то мужчины серьезного вида.

– Привет! – беспечно заявила она. – Ничего, что я опоздала?

– Привет, сестренка, – улыбнулся Александр Каменский и быстро представил ей двух остальных участников совещания. – Юрий Викторович сказал, что твои предпочтения склоняются к участку возле озера, но там какие-то проблемы с экологией и ты с этим разбираешься.

– Все верно, – кивнула Настя. – Сколько времени ты можешь дать мне на прояснение этих вопросов?

– Сколько тебе нужно? Три дня? Неделя?

– Неделя всегда лучше, чем три дня, – глубокомысленно произнесла Настя, отпивая кофе. – Если для дела. А если с точки зрения проживания в чужом городе и желания вернуться домой, то три дня явно лучше, чем неделя. Саня, участок у Верхнего Озера действительно самый лучший, но это сугубо на мой вкус. Он же и самый дорогой, но здесь есть варианты. Дай мне максимум пять дней на экологию. Я думаю, что все прояснится

намного быстрее. Если на северной стороне действительно проблемы, то есть два очень неплохих участка с южной стороны, чуть похуже, но тоже вполне подходящие.

– Пять дней – много, Александр Павлович, – запротестовал один из директоров, лысый дядька в очках с тонкой оправой. – Финансовый план...

– Юрий Викторович, – перебил его Каменский, – что вы скажете? Согласны с моей сестрой?

– Согласен. Участок у озера действительно лучший по всем параметрам.

– А насчет пяти дней?

Настя, быстро прикинув расположение камеры, больно ущипнула Короткова, надеясь, что серьезным дяденькам из банка «АПК» этого не видно. Надо отдать должное Юрию, он и глазом не моргнул и даже не вздрогнул.

– Я думаю, мы справимся за три дня, – сказал он. – В крайнем случае, за четыре.

Вот же предатель!

Совещание закончилось, Настя вышла из скайпа и сердито посмотрела на Короткова.

– Друг, называется! Я думала, ты меня поддержишь, а ты... Что, так трудно было поддакнуть?

– Аська, не кипятись, – мирно улыбнулся Коротков. – Этот лысый крендель жутко противный тип, если бы я начал настаивать на пяти днях, он бы стал плешь проедать и упираться, и совещались бы мы еще часа три. А так – все быстро и не больно. Четыре дня тоже очень хороший срок. Будет сильно нужно – решим вопрос, брат же у тебя вменяемый. Санька с самого начала сказал: работайте столько времени, сколько вам нужно, хоть месяц.

– А чего тогда этот лысый упирается?

– Да не обращай ты внимания! У него своя тема в искусстве, ему к первому августа надо финплан на следующий год сверстать... Короче, это не твоя головная боль. Ну, что Баев?

– Ничего, – обиженно буркнула Настя. – Цела, как видишь, и не в психушке. Вали к себе, мне работать надо.

– Ой-ой-ой, как мы страшны в гневе! – расхохотался Коротков. – За то, что ты нахально пила мой кофе, я заберу у тебя одно пирожное и пойду спать. Из-за зуба этого треклятого вся ночь псу под хвост.

– Я, между прочим, тоже не спала из-за твоего зуба, – огрызнулась Настя.

– Ну так ложись и спи, кто мешает-то!

– Не могу.

Ну никак не получается у нее сердиться на Короткова больше трех секунд! Вот только что она готова была его убить, а сейчас с трудом сдерживается, чтобы не рассмеяться вместе с ним.

– Значит, Баев клюнул на твои рассказы про буржуазную лженауку?

– Вроде да. Созвонился с мэром и отправил меня в предвыборный штаб, они там социологические опросы регулярно проводят. Мне нужно сейчас сесть и заново перечитать все материалы, которые есть в сети об убийствах экологов.

– Сочувствую. – Коротков отечески потрепал ее по коротко стриженному затылку. – Но ты сам этого хотел, Жорж Данден. Трудись. А я посплю. Нужна будет помощь – буди, не стесняйся. Мой кофе можешь допить.

Он вытащил из брошенного на пол пакета одну коробку с десертом и закрыл за собой дверь.

Настя переделась и начала заново читать материалы про убийства экологов, на этот раз сосредоточившись только на упоминаниях об их работе в какой-то таинственной лаборатории и делая выписки в блокнот. Уже часа через полтора ее снова охватило острое недовольство собой: найденная в сети информация выглядела совсем иначе, нежели тогда, когда она, больная, читала ее впервые. То, что казалось ей в тот раз убедительным и бесспорным, сегодня выглядело как пустая болтовня. Если у оперативников информация такого же класса, то немудрено, что четыре убийства до сих пор не раскрыты. Или это только здесь, в статьях, все такое неопределенное, а у оперов сведения куда более точные? Нельзя, нельзя работать, когда болеешь, вот единственный и неоспоримый вывод! Нельзя полагаться на нормальное функционирование мозга и адекватное восприятие происходящего, если нездоров. Болеешь – сиди дома и читай любовные романы, только попроще, такие, которые не требуют интеллектуальных усилий, и не пытайся выполнить более или менее серьезную работу, потому что ошибок навалешь столько, что потом сто лет не разгребешь. Именно это она бы сейчас и сказала семнадцатилетней Насте Каменской, если бы представилась возможность. Как жаль, что возможность эта – чисто гипотетическая! Страшно подумать, сколько ошибочных выводов и неправильных решений она приняла, выходя, как и все ее коллеги, на работу и с простудой, и с температурой, и с гриппом, даже просто с ноющим желудком или больным зубом. Это считалось чуть ли не героизмом и вызывало уважение, но почему-то никому не приходило

в голову, насколько это рискованно для интересов дела.

Время нужно было экономить, поэтому Настя не вчитывалась в те места, где речь не шла о лаборатории. К пяти часам вечера все выписки были сделаны, надо приступать к составлению сценариев. Коротков наспался, теперь из его номера доносились звуки работающего телевизора: Юрка смотрел футбол.

«Гигиена умственного труда, – саркастически подумала Настя, вставая из-за стола и разминая затекшую от долгого сидения спину. – Сколько раз мы это слышали в молодости! И всегда хихикали, как будто речь шла о чем-то неприличном. А ведь в этом есть глубочайший смысл. Нужно обязательно делать перерывы и отвлекаться, чтобы мысль перестала бегать по одним и тем же тоннелям. Нет, древние были отнюдь не дураки, когда придумали театр для развлечения простого народа! И почему слово «развлечение» приобрело в наших умах такой негативный оттенок? Вроде как развлекаться стыдно. Надо работать, работать и работать. А толку-то от такой работы, если взгляд зашоренный и мысль не может пойти никаким другим путем, кроме уже однажды проложенного, привычного? Развлечение, или отвлечение, для того и придумали, чтобы мысль могла свободно двигаться дальше и рождать новый взгляд на проблему, новые идеи. Поэтому сейчас следует сделать перерыв, отвлечься на что-нибудь, а потом приступать к сценариям. Знать бы еще, как их писать...»

Она постучалась к Короткову, предложила ему сходить поесть и получила в ответ отчаянные жесты: футбол же! Как можно?! Ну, футбол – так футбол. Настя принесла десерты, к которым в кафе предусмотрительно прилагались пластмассовые вилочки и ножички, уселась рядом с Юрой и уставилась на экран, стараясь выбросить из головы экологов и сценарии и вникнуть в происходящее на футбольном поле. В футболе она не понимала ровным счетом ничего. «Все равно буду сидеть и смотреть, пока не почувствую, что в голове зашевелилась идея», – упрямо решила она.

Первый тайм закончился, Коротков, как почти все мужчины, тут же принялся нажимать кнопки на пульте и бегать по каналам, задерживаясь на каждом не больше 15-20 секунд. Этих секунд Насте вполне хватало, чтобы успеть перестроиться и постараться понять, что происходит и о чем вообще речь. Ей неожиданно пришло в голову, что привычка «бегать по каналам», так раздражающая большинство женщин, на самом деле является прекрасной гимнастикой для мозгов, заставляя их переключаться и вникать в новый материал. Пусть ненадолго и неглубоко, но здесь важен именно момент переключения. «Да, не только древние были умными. Мужчины инстинктивно делают в этой ситуации более правильные вещи, чем мы,

женщины, включающие один канал и смотрящие одну передачу с начала до конца. Может быть, поэтому у мужчин мозги более тренированные... А может, и нет».

После начала второго тайма она посидела с Коротковым еще минут десять и поняла, что созрела для продолжения работы. Чмокнула Юрку в темечко и ушла к себе. Позвонила Лаевичу, спросила, нет ли информации от начальника УВД. Информации, как она и ожидала, не было. «Ну и ладно, – подумала Настя спокойно. – Обойдусь. Идея мне понятна, а внести уточнения в формулировки я смогу и позже, если опера не пожадничают и дадут что-нибудь сверх того, что я уже и так знаю».

Первый вариант текста сценариев получился объемным, но она и не старалась его сокращать, просто записывала то, что приходило в голову. Теперь нужно структурировать и «сушить», чтобы не было ни одного лишнего слова. Лаевич ведь предупредил: чем короче вопрос, тем больше шансов, что опрашиваемый даст ответ обдуманый, а не с потолка. Руководитель предвыборного штаба будто услышал ее мысли, потому что немедленно раздался звонок от него.

– Как успехи? Когда можно ожидать результат?

– Думаю, часа через два все будет готово, – ответила Настя.

– Отлично. Сможете отправить мне на почту? Или прислать кого-нибудь забрать материал?

– Конечно, отправлю на почту, дайте адрес.

Ночь выдалась бессонной, поспать удалось только до того момента, пока ее не разбудил Коротков со своим ноющим и дергающим зубом. Настя мечтала о том, чтобы сделать задуманное и улечься в постель.

Она успела переформулировать и довести до максимальной краткости и четкости первый сценарий, когда явился Коротков.

– Аська, Ворожец организовал ужин с владельцем участка у Верхнего Озера, надо ковать железо, пока горячо, – заявил он. – Ты со мной?

Она отрицательно мотнула головой, не отрывая глаз от текста.

– Тогда я поехал. Проголодаешься – ужинай без меня.

– У меня еще пирожные остались. Будешь проходить мимо ресторана – попроси, чтобы мне кофе принесли, а то я засыпаю на ходу. Конечно, я могу сама позвонить, но должна же от тебя быть хоть какая-то польза, а то несправедливо получается: я работаю, а ты спишь, смотришь футбол и шляешься по трактирам.

– Смотри, скоро в штаны не влезешь, – оптимистично пообещал Коротков. – Сколько можно пирожные трескать?

– Отстань, а? – миролюбиво предложила она.

Ей удалось полностью закончить работу и набрать на компьютере текст минут за десять до истечения оговоренных двух часов. Дождавшись от Лаевича подтверждения, что письмо получено, Настя с удовольствием потянулась и отправилась в душ, мечтая о том, как будет долго и крепко спать.

* * *

Она провалилась в сон мгновенно, и когда над ухом оглушительно зазвенел гостиничный телефон, испуганно подумала, что уже утро. В комнате было темно. Настя нащупала трубку, сердито думая почему-то, что звонит Коротков и что она ему сейчас врежет... Почему Коротков звонит по местному телефону, а не на мобильный, она спросонья подумать забыла.

– Анастасия Павловна, портье беспокоит. Для вас привезли конверт.

– Какой конверт? Кто привез? – не поняла Настя.

– Одну минуту, я передам трубочку.

В трубке зазвучал незнакомый мужской голос:

– Старший лейтенант Яковлев. Прошу прощения за поздний визит, но полковник Баев велел доставить вам информацию.

Во как! Настя включила бра и посмотрела на часы: половина двенадцатого. Ай да Игорь Валерьевич! Наверное, зря она так плохо думала о нем. Человек слова.

– Спасибо. Оставьте у портье, я завтра заберу.

– Товарищ полковник сказал: лично в руки передать, – твердо ответил старший лейтенант.

Лично в руки... Любят же в этом городе Вербицке разводить тайны на пустом месте! И чего им в простоте не живется? Мысль о том, что нужно встать, одеться и спуститься вниз, вызвала содрогание. Но если из трех элементов оставить только один, то вполне можно пережить. Не одеваться и не спускаться, только встать и надеть халат.

– Поднимайтесь, номер шестьсот четвертый.

– Минутку, я передам трубку портье, а то меня не пускают, говорят, что после двадцати трех часов не положено.

«Господи, в каком мире мы живем? – усмехнулась про себя Настя. – Закон о запрете курения в общественных местах здесь не соблюдают, а правило о двадцати трех часах, после которых в гостиницах не должно быть посторонних, живет себе с советских времен и здравствует».

Завернувшись в халат, она вышла из спальни, пару раз махнула

расческой по волосам: если уж не одета, то хотя бы не взлохмачена. Конверт, который ей передал старший лейтенант Яковлев, оказался на удивление тонким. Вскрыв его, Настя обнаружила два листка, на одном из них – фамилии и адреса, на другом – послание от Баева: «Прилагаю список лиц, которые утверждают, что слышали о работе потерпевших в лаборатории. Все они допрошены следователем. Если захотите с ними побеседовать, сообщите мне, я дам команду, чтобы вам это организовали». Коротко и сухо. Ни здрасьте – ни спокойной ночи. Ну и ладно.

И что ей теперь с этого списка? Принесли бы его в первой половине дня, можно было бы успеть поговорить хотя бы с некоторыми из этих людей и сформулировать сценарии более точно. Изменения в анкету можно вносить только до семи утра, с девяти интервьюеры начнут опрашивать население. Поздно, поздно...

Она пробежала глазами приложенный список. Не сказать, чтоб уж очень длинный. Всего девять человек. Последняя фамилия в списке показалась ей знакомой... Нина Ляшенко. Где-то эта фамилия уже встречалась. Настя прикрыла глаза и попыталась вспомнить вид текста, в котором видела фамилию. Не рукописный... Не распечатанный на компьютере... Не типографский... Фон светло-коричневый, справа реклама какого-то автосалона... Да, правильно, эта фамилия упоминалась в нескольких публикациях в интернет-изданиях. Эта? Или такая же? Однофамильцев пруд пруди даже на одной улице, не то что в восьмисоттысячном городе. Но почему только эта фамилия? А остальные?

Она совсем забыла о том, что еще недавно смертельно хотела спать. Включила ноутбук и снова принялась просматривать подборку статей, которую уже читала сегодня. Но читала совсем с другой целью, выискивая сведения или хотя бы упоминания о лаборатории и не обращая особого внимания на имена. Сейчас же ее интересовали только встречавшиеся в тексте имена.

Имена потерпевших были. А вот информация о тех, кто располагал хоть какими-то сведениями, полезными для следствия, отсутствовала. За исключением имени Нины Ляшенко, получившей в результате ошибки почтового работника письмо, адресованное одному из убитых экологов.

Вообще-то все было правильным. Нельзя предавать огласке данные о свидетелях, пока следствие не окончено, да и после его окончания этого делать не следует. Даже после вынесения приговора частенько лучше сохранить в тайне личность того, кто давал показания. Так что отсутствие каких бы то ни было сведений, кроме имен самих потерпевших, вопросов не вызывало. А вот появление в печати имени Нины Ляшенко удивляло.

Для нее почему-то было сделано исключение из общего правила. Может быть, ее уже нет в живых?

За дверью, ведущей в номер Короткова, послышались шаги. Юрка вернулся. Настя заглянула к нему.

– Ну, как прошла встреча? Удалось договориться?

Коротков улыбался и выглядел вполне довольным. Владелец участка, с которым познакомил его Петр Сергеевич Ворожец, оказался чрезвычайно приятным и деловым человеком. Если Александр Каменский надумает покупать этот участок, то владелец готов вступить в переговоры и пойти на весьма существенные уступки в обмен на определенные преференции при выборе подрядчиков и закупке стройматериалов и техники.

– А у тебя как? Сделала, что хотела?

– Ага, – кивнула Настя. – И даже успела начать спать.

– Это я тебя разбудил, что ли? – испугался Коротков. – Сильно топал?

Настя рассмеялась.

– Да нет, Баев прислал поручика с любовной запиской, пришлось проснуться и встать. Юр, вот скажи мне по своему опыту, почему принимается решение имена одних свидетелей предавать огласке, а имена других – нет?

Он задумался, медленно ослабляя узел галстука и стягивая его через голову.

– Почему «нет» – понятно. Мы все заинтересованы, чтобы свидетели не светились, и опера, и следаки. А вот почему «да»... Хороший вопрос. Навскидку я бы сказал, что это делается для отвода глаз и человек на самом деле не свидетель и ничего не знает. То есть имеет место какая-то комбинация.

– А еще варианты?

– Не знаю. Аська, ну что ты опять завелась на ночь глядя! Ты на часы посмотри. Давай ложись, завтра поговорим.

– Хорошо, – покорно согласилась она, – поговорим завтра. И съездим тоже завтра.

– Куда съездим?

– К свидетелям, список которых дал Баев. Ко всем. И посмотрим, чем восемь человек, имена которых нигде не упоминаются, отличаются от Нины Ляшенко, имя которой названо в нескольких публикациях.

Коротков со стоном рухнул в кресло.

– Каменская, ты меня до инсульта доведешь! Какие еще свидетели? Зачем тебе это? Ты сценарии свои написала? Написала. Завтра вечером получишь результаты. Будешь считать по своим хитрым формулам. Что

тебе еще нужно?

Она пожала плечами.

– Ничего. Просто мне интересно. Не люблю, когда непонятно. Юр, ну не делай, пожалуйста, вид, что тебе все равно. Я же знаю, что тебе тоже интересно. Ты такой же, как я. Мы с тобой одной крови.

Юрий посмотрел на нее серьезно и немного грустно.

– Ты права, Аська, мы с тобой одной крови. Но разного семейного положения. У меня Анютка. И жена, которая через несколько дней уедет в экспедицию на съемки. Я хочу вернуться до того, как Ирка уедет, понимаешь? Да, можно договориться с няней, но у меня сердце не на месте, когда я думаю о том, что маленький ребенок целыми днями с чужим человеком. Человек-то хороший, надежный, Анютка будет присмотрена, но ты представь, что девочка ощущает, когда ни меня, ни Ирки нет рядом ни утром, ни днем, ни ночью. Короче, ты мою позицию знаешь: заканчивать здесь как можно быстрее и валить домой.

– Тогда помоги мне. Чем быстрее мы разберемся с этим невнятным экологическим вопросом, тем быстрее уедем.

– Ладно, – он безнадежно махнул рукой, – поедем завтра. Не понимаю, как Чистяков столько лет тебя терпит! Я бы уже давно убил.

– Ага, отсидел бы и уже вышел, – весело согласилась Настя. – И я снова выклевывала бы тебе мозги. И ты убил бы меня еще раз. Все, целую страстно, до завтра. Завтрак в восемь, выезд в девять.

– Садистка, – побурчал ей вслед Коротков.

О том, что полковник Баев велел непременно поставить его в известность, если она решит сама поговорить со свидетелями, Настя благоразумно умолчала. Нет, обманывать начальника УВД она не собиралась. Но зачем давать Короткову дополнительный повод для нотаций и увещаний?

Пятница

Она сделала все честь по чести и ровно в девять утра, сядясь в машину, позвонила Игорю Валерьевичу.

– Я свяжусь с начальником криминальной полиции и дам команду выделить вам сотрудника, который занимается этим делом, – сказал Баев.

– Мне неловко. – Настя старательно изображала смущение. – Люди и так заняты, у них работы выше крыши, я же понимаю, что на дело экологов брошены все силы. А тут такая работа... Неквалифицированная. Просто уточнение формулировок. Я понимаю, что мы для вас гражданские лица, нас нельзя подпускать близко к вашей работе, поэтому представитель от розыска, безусловно, нужен. Но, возможно, есть смысл не отрывать работающих оперов от выполнения их прямых задач? Пусть ваш зам по криминалке выделит нам кого попроще, кто не задействован активно.

– На Егорова намекаете? Вы же с ним вроде знакомы...

– Ну, майор Егоров – это было бы идеально. Тем более он не в теме совсем, по экологам не работает, он сам сказал. Так что будет свежий глаз.

– Хотите сказать, что у наших лучших сотрудников глаз замылился? – В голосе полковника явственно зазвучало недовольство.

– Никого не хочу обидеть, но это вполне возможно. У тех, кто занимается делом столько времени, сложились твердые убеждения, сформировались впечатления, на их основе сделаны выводы, а на основе этих выводов идет дальнейшая работа. Результата пока нет. Вам не кажется, что имеет смысл попытаться, хотя бы просто попытаться, получить другие впечатления?

– И, разумеется, эти новые полезные для дела впечатления получите именно вы, бывшие сотрудники МУРа, столичные профессионалы. Научите нас, провинциалов, как надо работать.

Настя не поняла, чего больше было в голосе Баева: злости или язвительности. Надо срочно отыгрывать назад. Она, пожалуй, зарвалась и построила весь разговор неправильно.

– Простите, Игорь Валерьевич. Я действительно лезу не в свое дело. Я давно отошла от практической работы, а профессионалы ушли далеко вперед. Просто у меня есть задание, и задание хорошо оплачиваемое, поэтому я должна его выполнить как следует. Я не могу вернуться в Москву, не разобравшись с экологической обстановкой в тех районах, где мой работодатель планирует покупать участки.

– Ваш брат, – поправил ее полковник.

Судя по тону, он немного смягчился.

– Это не играет роли. Он платит за мою работу, и я должна эти деньги честно отработать. Поверьте, я ни в коей мере не ставлю под сомнение квалификацию ваших разыскников. Но я кровно заинтересована в скорейшем получении ответа на свои вопросы. Вчера вы были со мной полностью согласны. Что изменилось сегодня?

Баев молчал. Пауза затягивалась. Настя поежилась, предчувствуя что-то неприятное.

– Вы так уверены, что ваш брат захочет приобрести именно участок у Верхнего Озера? – неожиданно спросил полковник.

– Вероятность очень высока. Вчера Петр Сергеевич организовал встречу с владельцем участка, предварительно мы договорились, цена будет более привлекательной.

Снова пауза. Потом короткий решительный ответ:

– Хорошо, пусть будет Егоров. Я дам указание.

Что-то царапнуло ее в словах Баева, причем ощущение было до боли знакомым. Нечто подобное она уже испытывала, и именно в связи с начальником УВД. Но погрузиться в ассоциации и вытащить наружу первопричину неприятного чувства она не успела, потому что Коротков попросил водителя Володю остановить машину возле магазина под предлогом «купить бутылку воды и сухариков». Сделав Насте жест, предлагающий идти вместе с ним, Юрий быстрыми шагами проследовал в двери небольшого сетевого супермаркета.

– Ну что, получила по самое «не балуйся»? – спросил он, шаря глазами по полкам в поисках сухариков нужной фирмы. – Зачем тебе Егоров? Он занимается поисками любовника Милюковой, вот и пусть занимается, не дергай его. Мы и вдвоем справимся.

– Юр, девять человек же! Как ты себе это представляешь? Кто-то дома, если повезет, а кто-то на работе, его ловить надо, кто-то не на работе, а просто по делам мотается. Командировка, больница... Втроем намного быстрее получится, по три свидетеля на каждого. А если с нами будет посторонний человек, которого мы не знаем и которому не доверяем, то нам придется всей толпой ходить. Он же не согласится составить пару одному из нас, а второго отпустить на вольный выпас. Он должен будет сам, лично, присутствовать при каждом нашем разговоре с людьми. Представь, сколько времени мы на это уьем. А Егоров – свой, проверенный, мы разделимся и за полдня все сделаем. У Вити будет еще целых полдня свободных, чтобы что-то свое подделать и не отчитываться за

это. Типа он с нами все время был.

– Ну... – Коротков задумчиво почесал переносицу. – Тоже верно, в общем-то. Посмотрим, с какой скоростью у них в Вербицкой полиции проходят команды.

Команды проходили, как оказалось, быстро. Настя еще выбирала шоколадку, решая, какой отдать предпочтение, с миндалем или с фундуком, когда позвонил Егоров.

– Чего удумала? – мрачно спросил он. – Мне от начальника криминалки указание спустили ехать с вами каких-то свидетелей повторно опрашивать.

Услышав, в чем состоит задача, Виктор неопределенно хмыкнул и попросил сбросить ему эсэмэской имена и адреса тех, с кем нужно пообщаться. Вернувшись в машину, посмотрели карту Вербицка и быстро распределили адреса с учетом территориальной близости. Настя взяла себе ту часть города, в которой проживала Нина Ляшенко – единственный свидетель, чье имя упомянуто в открытом интернет-пространстве.

– Володю, так и быть, уступлю тебе, как ты есть дама, – сказал Коротков. – Машину поймаю. Встретимся в гостинице.

* * *

Сегодня из встречи с Егоровым можно было не делать никакого секрета, поскольку все руководство в курсе. Настя вернулась первой, позвонила Юре и Виктору, выяснила, что у нее есть часа полтора до их появления, и решила позаниматься чем-нибудь полезным. В глубине сознания маячила смутная догадка, но для ее подтверждения или опровержения нужно было дождаться сведений о результатах разговора с другими свидетелями, а самое главное – получить анкеты с ответами и провести полный анализ и обсчет. А пока можно и почитать, проверяя возникшие соображения.

Чтение продвигалось медленно. Настя пробегала глазами абзац, потом закрывала глаза, пытаясь мысленно сформулировать суть прочитанного в краткой форме, потом снова читала медленно и вдумчиво, проверяя себя: правильно ли она уловила эту самую суть.

К приходу Егорова у нее уже слезились глаза – так напряженно она вчитывалась в каждое слово при повторном прочтении. Зато наступила кое-какая ясность.

Виктор выглядел очень плохо.

– Не болеешь? – сочувственно спросила Настя.

– Воздерживаюсь, – хмыкнул он. – Когда примешь на грудь – душа не так болит. А по трезвяни она болит постоянно. Врут все мудрецы, ни хрена время не лечит. Ну, чего у тебя?

– А у тебя?

– Лады, – кивнул майор, – подождем третьего. На троих оно всегда сподручнее, веселее. А то потом все равно повторять придется, когда Юрка явится. Я посижу пока, отдохну.

Он взгромоздился на диван, поерзал, усаживаясь, потом скинул ботинки и вытянулся, устроив голову на одном подлокотнике, а ноги – на противоположном. Настя проработала еще один абзац, подумала, написала в блокноте длинную фразу, потом обернулась и посмотрела на Егорова. Спит? Или просто лежит с закрытыми глазами?

– Витя, – негромко позвала она.

– Чего тебе? – откликнулся он, не открывая глаз.

– Вот послушай одну фразу.

– Зачем?

– Ну, просто послушай. Я потом скажу зачем.

– Давай.

Она взяла исписанный листок и прочитала вслух в среднем темпе:

– Я как человек, очень заботящийся о своем здоровье и понимающий необходимость для человеческого тела прогулок на свежем воздухе, в общем-то, люблю гулять на улице, но как, опять же, человек разумный и понимающий, что все должно быть сообразно с обстоятельствами (которые – увы! – в нашей жизни очень часто непредсказуемы), я принимаю во внимание, что могу и подхватить простуду или – не дай бог! – грипп, поэтому при теперешних морозах (а я уверен, что сегодняшние «минус двадцать», а то и «минус двадцать пять» – не предел, что будут и «минус двадцать семь», и «минус двадцать восемь») нужно очень хорошо позаботиться об одежде, потому что в «минус двадцать восемь» требуется и несколько кофт надеть, и пуховик специальный на стеганом подкладе, и валенки.

– И чего это за хрень? – вяло спросил Егоров, по-прежнему не открывая глаз.

– В двух словах перескажи, о чем речь.

– О том, что какой-то чувак в минус двадцать восемь ходит в валенках.

Ты меня на уровень интеллекта проверяешь, что ли?

– Нет, Витя, – усмехнулась она. – Я себя проверяю. На самом деле суть этой фразы простая и короткая: «Я люблю гулять, но боюсь заболеть»,

поэтому в морозы тепло одеваюсь».

Егоров приоткрыл один глаз и переменял позу, повернувшись на бок.

– И чего? Зачем было огород городить, вместо того чтобы коротко и ясно сказать?

– А это, Витя, именно для того, чтобы написать вроде бы правду, но чтобы из всей этой правды ты зафиксировал внимание только на градусах и валенках. На самом деле, ни «минус двадцать восемь», ни «валенки» фактической правдой не являются, это всего лишь предположение о том, что если будет такой сильный мороз, то человеку, может быть, придется надеть валенки. Если и может быть, понимаешь, в чем фокус? А ты воспринял это как доказанный факт, как данность. Есть такое правило: чем больше слов в предложении, тем дольше вязнет в нем сознание. Фраза такая сложная, многокомпонентная и перегруженная, что ты из нее усвоил только две позиции: «минус двадцать восемь» и «валенки». Про то, что человек любит гулять, что он боится заболеть, что он считает себя разумным и понимающим, предусмотрительным и осторожным, что он ожидает усиления морозов, то есть все, что действительно является правдой, – про все это ты прослушал, пропустил мимо ушей, мимо сознания. Для того чтобы текст был доходчивым, предложения должны быть сложными, но минимальной структуры: два, максимум – три простых предложения в составе одного сложного. Например, «в сильный мороз я надеваю валенки, потому что боюсь простудиться». Понятно?

– Ну. Не тупой же. И к чему это все?

– Юрка вернется – объясню, – пообещала Настя. – Просто мне нужно было проверить себя. А то вдруг мне чего-то там показалось, а на самом деле все не так.

Егоров снова прикрыл глаза, а Настя проработала еще один абзац. Чтобы утвердиться в своих догадках, нашла в интернете другие публикации по проблемам экологии, авторы которых – серьезные ученые и публицисты с именем. Да, в этих текстах все иначе. Не так, как в текстах с Вербицких сайтов. Есть понятие фрейма – условных рамок, в которые помещается значение слов и в которых эти слова воспринимаются. Если использовать в тексте по экологической проблематике такие словосочетания, например, как «учитывая долговременные последствия» или «для будущих поколений», то человек, читающий текст, будет рассматривать проблему именно так: как глобальную, решение которой важно для его дальнейшей жизни и для благополучия его потомков. Если же эти или подобные конструкции не использовать, а вместо них применять слова «сегодня» и «сейчас», внимание читателя или слушателя

окажется сосредоточенным на сегодняшнем дне и нынешнем неблагополучии. Именно этот вариант четко просматривается в текстах, посвященных убийствам экологов и их работе в лаборатории. Что это? Неумение авторов правильно подать проблему? Случайность? Или намеренное действие, имеющее в теории нейролингвистического программирования название «рефрейминг контекста и содержания»?

Она открыла табличку, которую составляла сама для себя по мере проработки текстов. За каждым длинным, тяжелым и совершенно неудобоваримым предложением следовало более короткое, простое и легкое для восприятия. И в этом более коротком и четком предложении снова звучали слова и выражения, которые в предыдущей фразе подавались всего лишь как возможность, вероятность, предположение или догадка. Элементарная технология закрепления в сознании недоказанного факта как установленного. И при этом ни слова лжи. Мастерство высокого класса!

Но зачем это нужно? Кому? С какими целями это делалось?

Настя Каменская уже не сомневалась ни в том, что ей предстоит услышать от Егорова и Короткова, ни в том, какими окажутся результаты анализа анкет.

– Вить, – снова позвала она.

– Ну? – глухо откликнулся Виктор.

– А что там с делом Милюковой? Любовника на красной машине нашел? Или другого какого-нибудь?

– Ищу. Изображаю активность. Знаешь, москвичка, я даже благодарен, что вы меня сегодня сдернули на другое дело. Хоть расслабился и отдохнул чуток, а то постоянно в напряжении. Вадик Хохлов надо мной как коршун кружит, взгляд вправо, взгляд влево – уже побег. За каждым словом следить приходится. Не моргнешь лишний раз. Он в этом деле плотно повязан. Я ж сегодня под вашим прикрытием еще одну штуку успел проверить.

Егоров поднялся, поставил ноги на пол, сел, потер помятое лицо ладонями. Он выглядел уставшим и каким-то опустошенным. Человеком, которому все надоело и больше ничего не интересно.

– Письма эти с угрозами, которые мы в столе у Милюковой нашли...

– Да, помню. И что с ними не так?

– Криминалисты сказали, что на них пальцев Милюковой нет.

– А чьи есть?

– А чьих нету. Кроме пальцев того, кто их из стола при обыске вытаскивал. Точнее, там полно каких-то невнятных следов, но, как говорится, к идентификации не пригодных.

– А кто их из стола вытаскивал?

– Угадай с трех раз, – хмуро усмехнулся майор.

Значит, капитан Хохлов. Это очень похоже...

– Но как? – спросила Настя удивленно. – Ты же там тоже был, и следователь ваш был, и понятые в дверях стояли. Неужели никто не заметил?

– Вот это я как раз и проверял сегодня. Вадик наш шустер не по годам, он приехал на телевидение, представился вахтеру, спросил, где кабинет Милюковой, вскрыл его отмычкой и подложил письма. Потом захлопнул дверь и пришел в комнату редакторов, типа как он только что приехал. Даже на голубом глазу спросил во всеуслышанье, у кого ключи от кабинета. Где кабинет находится, он тоже якобы не знал. И дверь в нашем присутствии открывал тоже он, то есть со всех сторон подстраховался, чтобы кто-нибудь не заметил, что замок плохо проворачивается, если он там отмычкой что-нибудь повредил. Вахтер Вадика и все его вопросы хорошо запомнил. И возле кабинета Милюковой его видели до того, как он в комнату редакторов заявился.

– Получается, что с ведома начальника УВД проворачивается двойная комбинация: скрыть истинного убийцу, а заодно перевести стрелки на Горчевского и набрать очки для Смелкова в предвыборной гонке?

– Получается, что так, – вздохнул Егоров. – И мне в этой комбинации отвели самую поганую роль: найти крайнего, которого можно подставить. Если не найду – сам стану крайним. Знаешь, москвичка, мне сейчас уже не так важно узнать, кто там убил эту хренову Милюкову. Мне главное – уцелеть в этой игре. Кстати, об играх: чемоданчик-то наш опять бесхозный получается. Загробельный сбежал. Видать, сильно не понравились ему вопросы нашей следачки Донниковой. Ну, она девка цепкая, молодая, карьеру хочет сделать и потому старается изо всех сил. Все по правилам делает. Так что будем ждать, когда еще кто-нибудь объявится, кто продолжит нелепую игру и заявит свои права на чемоданчик.

Он снова опустил веки и начал тихонько мурлыкать себе под нос хрипловатым голосом:

А вот оно стоял мой чемоданчик...

А вот оно стоял, а вот оно стоял...

За стеной хлопнула дверь: вернулся Коротков.

– Юра, мы здесь! – громко крикнула Настя.

Егоров вздрогнул, прекратил напевать и открыл глаза.

– Чего ты орешь как подорванная! Я только-только в нирвану начал погружаться...

– Ну, извини, – усмехнулась она. – Больше не буду. Пошли к Юрке в номер, а здесь я окно открою, надо проветрить, накурили мы с тобой.

Виктор нехотя поднялся и в номере Короткова немедленно занял точно такую же позицию, но уже на его диване. Обмен впечатлениями много времени не занял, ибо впечатления эти были, в сущности, совершенно одинаковыми: все опрошенные свидетели подтверждали, что говорили и оперативникам, и следователям о работе потерпевших в таинственной лаборатории. Но это были показания, что называется, с чужих слов. Свидетелям об этом кто-то рассказал. Кто-то. Но не сами потерпевшие. Одни свидетели вообще не могли вспомнить, откуда знают об этом, другие припоминали, что слышали о лаборатории от посторонних незнакомых людей. В правильности информации ни один из них не сомневался.

Единственным исключением оказалась Нина Ляшенко, своими глазами читавшая письмо, адресованное убитому экологу, и принеся его в полицию. Письмо было принято по всей форме и приобщено к уголовному делу, Ляшенко и ее муж, тоже читавший письмо, допрошены следователем.

– Письмо убитому экологу, – медленно повторил Егоров. – А с какого перепугу они все решили, что он был экологом?

– Подозреваю, что здесь та же песня, что и с лабораторией, – отозвался Коротков. – Аська, ты же читала материалы из сети, там указано, где и кем работали убитые?

Она отрицательно покачала головой.

– В статьях ничего конкретно не указано, а в блогах и социальных сетях говорится с полной определенностью: занимались экологией, или в связи с официальной работой, или неофициально. Все это, ребята, фикция с начала и до конца. Сел умный человек и написал два десятка материалов, часть разместил сам на разных сайтах, часть за деньги пристроил через местных журналистов, которые должны были подписать тексты своим именем. Главное условие – чтобы они не меняли в этих текстах ни одного слова. Потом завел штук тридцать левых ай-пи адресов, с которых вел блоги и общался с народом в соцсетях, обеспечил на популярных городских сайтах нужное число ссылок, чтобы люди находили эти блоги и читали их, завязал активную дискуссию. Тот же самый умный человек организовал людей, которые шатались поблизости от места жительства убитых, вступали в разговоры с их соседями и ненавязчиво внедряли им в головы информацию о лаборатории и о том, что потерпевшие интересовались экологией. Обратите внимание: информация о том, что потерпевшие

занимались проблемами экологии, ни разу не появилась в первый же момент. Она всегда всплывала уже позже. В первом случае – вообще через год после смерти человека, в последнем – через несколько дней. Но никогда сразу. Шито белыми нитками. Дальше все шло само по себе, механизм включился. Информация стала распространяться и обрастать подробностями, как любой слух. И вербицкие журналисты, попавшись на эту удочку, начали уже сами писать статьи, ничего не проверяя. Это как умело запущенная цепная реакция.

– И полиция купилась, – удивленно протянул Егоров. – Неужели так легко заморочить голову целому городу? Никогда не поверю.

– Это не легко, Витя, – ответила Настя. – Это достаточно трудно. И для этого нужно быть очень хорошим специалистом. Но кто сказал, что тот, кто все это придумал и организовал, плохой специалист? Он все просчитал очень точно: достаточно заставить поверить и забеспокоиться одного-двух человек из руководства УВД или прокуратуры, чтобы те начали бегать и раздавать указания подчиненным «проверить и раскрыть». Подчиненные-то эти статьи вряд ли читают, а уж блоги и чаты всякие в сетях – тем более. Они команду получили – и выполняют, начальству виднее, у начальства информация проверенная. Это ведь тоже эффект рефрейминга: если вышестоящий руководитель сказал, что факт имеет место, и если все вокруг носятся как поджаренные, чтобы с ним разобраться, тебе даже в голову не придет, что факта-то на самом деле нет. Твое восприятие помещено в рамочку «факт был, нужно найти подробности», и за рамочку ты в своем мышлении уже не выходишь.

– Ты со словами-то поаккуратнее, – недовольно заметил Егоров. – Не все тут такие сильно грамотные, как ты, москвичка.

– Прости. – Настя виновато улыбнулась. – Это специальный термин. Означает изменение размеров рамки, в поле которой воспринимается информация. Можно сделать ее пошире, а можно и поуже, для этого есть свои фокусы. И наш гипотетический специалист этими фокусами отлично владеет.

– Хороший спец стоит дорого, – заметил Коротков. – Надо платить большие деньги. Вся эта возня с экологами идет во вред нынешнему мэру. Вывод: спеца оплачивает Горчевский. С этим понятно. Мне непонятно другое: откуда этот мифический гениальный специалист взял реальные трупы? Если бы это была игра Баева, то и вопросов нет, у него есть вся информация про нераскрытые убийства в городе, бери любые и делай вид, что потерпевшие – экологи. Но Баев – близкий друг Смелкова, от того, кого выберут мэром, зависит, останется ли он в должности. Получается, Витя,

что кто-то в вашей конторе сливал информацию этому спецу.

– Интересно, почему я не удивляюсь... – пробормотал Егоров. – А ведь ты прав, кто-то сливает инфу. Я же помню, какой шухер поднялся, когда про Нину Ляшенко и письмо ее соседу написали в газете. Баев хвоста накрутил начальнику криминалки, а тот, соответственно, начальникам отделов. Потом и нам всем досталось. Крик стоял – аж страшно вспомнить!

– И этот кто-то имеет доступ одновременно и к старым материалам, и к дежурной части, – добавила Настя.

– Блин! – выдохнул майор. – Неужели Ксюха? Она в архиве сидит. Ксюха Демченко. А Серега Демченко из дежурки – ее двоюродный брат. Он ее и устраивал к нам на работу лет пять назад. Она все никак замуж не могла выйти, а очень хотела, вот и попросила брата устроить ее куда-нибудь, где мужиков больше, чем баб.

– И как? Успешно? – ехидно поинтересовался Коротков. – Нашла Ксюша себе мужа?

– Да куда там. Так и сидит в своем архиве. Характер у нее... Правда, в последнее время...

– В последнее время она стала лучше выглядеть и лучше одеваться, да, Витюня? – подхватил Коротков. – Все правильно. Так и должно быть. Не бесплатно же она тому гениальному спецу помогала, не за просто так. Если глаз горит, значит – любовь, если бриллиант горит, значит – деньги. Что у вашей Ксюши горит? Глаза или новые цацки?

– Все равно не верю, – упрямо проговорил Виктор. – Уж больно неправдоподобно.

Юрий сделал равнодушное лицо и пожал плечами.

– Ну и не верь, ради бога. Вот смотри: Ксюша хочет замуж. Она с удовольствием знакомится с приятным холостым мужчиной. Он ей запудривает мозги какой-то байкой, а может быть, рассказывает чистую правду, этого мы не знаем. Мы можем предполагать только одно: через Ксюшу этот приятный во всех отношениях мужчина получает доступ к сданным в архив приостановленным делам. То есть к нераскрытым. А также к тем, где имело место самоубийство. Сам ли он смотрел дела и выбирал подходящие или Ксюше поручил – вопрос десятый и не самый важный. Убийств в вашем городе происходит вполне достаточно, чтобы количество нераскрытых давало возможность для выбора. Он выбирал такие, по которым информации о потерпевшем очень мало или совсем нет. Человек нигде не работал официально, был нелюдимым, замкнутым, ни с кем не общался, о нем мало что точно известно. Если родни нет или есть, но в другом городе, тоже очень хорошо. Чем меньше официально

подтвержденной информации, тем легче впарить слух о том, что человек негласно занимался экологией в какой-то никому не известной лаборатории. Одинокий, замкнутый, безработный – это с высокой степенью вероятности суицид, а не убийство. Аська, были там суициды?

– Были, – подтвердила Настя. – Один – точно был. Есть заключение судмедэкспертизы. Его поставили под сомнение, но поскольку тело кремировали, то перепроверить точно не удалось. Берешь все материалы о суицидах, из них выбираешь те, где невозможно провести эксгумацию, потом выбираешь тех, кого можно назначить на роль жертвы убийства. Дел на два часа.

– А что еще там было?

– Приезжая женщина, проживавшая в хостеле, – типичное убийство с целью ограбления. Последний, которому адресовано то пресловутое письмо, сбит насмерть машиной, это, скорее всего, обычное ДТП, при котором водитель скрылся с места происшествия. Всего-то и нужно: посмотреть все ДТП со смертельным исходом и с неустановленным виновником за последний год и выбрать подходящего по характеристикам потерпевшего.

– А самый первый? – не сдавался Егоров. – Самый первый-то был пенсионер, женатый, и там точно не суицид и не ДТП.

– Значит, просто нераскрытое убийство, – ответил Коротков. – Мало их, что ли? Я с его вдовой сегодня разговаривал, это она следователю сказала, что, дескать, муж интересовался проблемами экологии, ездил в какую-то лабораторию и в последнее время перед смертью был очень воодушевлен. Я задал ей простой вопрос: почему она не сказала об этом следователю тогда, когда убили ее мужа? Почему только через год появились эти показания? И знаешь, Витюня, что она мне ответила?

– Догадываюсь, – угрюмо произнес Виктор. – Она совсем недавно об этом узнала.

– Именно. Ее муж действительно периодически отлучался и не говорил куда, и жена была уверена, что у него любовница, с которой он тайно встречается. Ревновала ужасно! А когда ей кто-то сказал, что покойный интересовался проблемами экологии, ее это совершенно не удивило, поскольку по образованию он инженер-химик. Более того, ей сказали, что ее муж сам рассказывал о работе в лаборатории и о том, что они пришли к каким-то очень важным выводам. Можете себе представить, как несчастная обрадовалась! Значит, муж ей не изменял, и его тайные отлучки, и его воодушевление были связаны не с любовной историей, а с экологической! Ей так хотелось в это верить, что она поверила сразу и

безоговорочно. И выдавала эту информацию уже как достоверную, известную ей от самого мужа. Здесь просто все, Вить. Главное – оказывать постоянное психологическое давление и не давать поднять голову, чтобы обзреть поле боя. В прессу и интернет не дали ни одного имени свидетелей, чтобы никому, ни одному журналисту или просто любопытствующему субъекту, не пришло в голову поговорить с ними еще раз и понять, что они что-то знают только с чьих-то слов. Список свидетелей целиком есть только у следователя, который их по одному разу допросил и больше трогать не станет, это все понимают. Нину Ляшенко назвали только потому, что она видела письмо своими глазами. Это тоже часть спектакля: написать письмо, дожидаться, когда его доставят, чтобы на нем были все штампы, все честь по чести, изъять из почтового ящика и бросить в ящик в соседнем доме, чтобы обеспечить огласку. Нужен был факт, вещдок. И полиция его получила. А заодно и общественность. Наличие письма опровергнуть невозможно, поэтому очень даже уместно и имя свидетеля назвать, пусть все, кто хочет, сами у нее спросят.

В комнате повисло тягостное молчание. Коротков рассматривал потолок, запрокинув голову на спинку кресла, Егоров, наоборот, уставился на рисунок коврового покрытия у себя под ногами, Настя листала блокнот, в который записывала то, что ей рассказывали опрошенные свидетели. Да, специалист, нанятый предположительно Горчевским, действительно оказался большим умельцем. Он точно знал, где, как и какую информацию нужно вбросить, чтобы все внимание было сосредоточено на поисках лаборатории. Чтобы никто не вздумал перепроверять сведения о занятиях и интересах убитых. Чтобы эти сведения казались очевидными, достоверно установленными и не нуждающимися ни в какой дополнительной проверке. Чтобы, в конечном итоге, все сводилось к наличию экологического неблагополучия на севере района и к результатам, полученным в некоей лаборатории. И чтобы мэра Смелкова обвиняли в сокрытии проблемы и в неоправданной пассивности в поисках этой лаборатории.

Которой на самом деле нет.

Или все-таки она есть?

Насте стало страшно. К ней вернулся тот страх, которого она не испытывала уже давно, с тех самых пор, как вышла в отставку. Страх, что она ошибается и эта ошибка может иметь катастрофические последствия и обойтись слишком дорого.

Ничего, кое-что из высказанных гипотез можно попробовать проверить. Например, ай-пи адреса, с которых велись блоги и переписка в

соцсетях. Техническую часть она делает сама, остальное – Егоров, если захочет. Что еще можно предпринять? Можно попытаться вычислить этого уникального специалиста. Это намного труднее, чем проверить адреса, но в принципе реально. Зная его имя, можно разрабатывать Ксюшу Демченко из архива. При грамотном подходе она все расскажет сама и в подробностях.

И завтра утром Геннадий Лаевич отдаст ей заполненные и обработанные анкеты с ответами граждан Вербицка. Сначала, само собой, будет произведен подсчет рейтинга Константина Кирилловича Смелкова, на это уйдет вся сегодняшняя ночь, а потом уж наступит черед проверки сомнительной теории, с которой она, Анастасия Каменская, явилась вчера к начальнику УВД.

Скорее всего, завтра станет окончательно понятно, что никакого экологического неблагополучия на севере, в районе норковой фермы, не существует. И можно будет с чистой совестью возвращаться в Москву и докладывать брату, что участок под пансионат выбран.

Уехать и оставить сибирский город Вербицк содрогаться от ударов, которые наносят друг другу два схватившиеся в борьбе лидера: Смелков, пытающийся свалить на Горчевского заказное убийство, и Горчевский, старающийся настроить население против мэра.

Как известно, когда паны дерутся, то зубы трещат вовсе не у них, а у холопов.

Настя посмотрела на часы: начало девятого. Можно ехать. Она встала и шагнула к двери, чтобы уйти к себе.

– Мальчики, вы тут предавайтесь размышлениям о судьбах мира, а я съезжу в одно место.

– Надолго? – встрепенулся Коротков. – Тебя ждать? Или можно жить по своему графику? Ты на свидание, что ли, собралась?

– Да ты что! – расхохоталась она. – Какое свидание? Опомнись!

– А почему тогда одна едешь? Почему никого из нас с собой не берешь? Что за секреты? – с подозрением спросил Юра.

– Никаких секретов, вот чтоб мне пропасть! – искренне поклялась Настя. – Просто вы оба такие уставшие, мне вас жалко. Посидите, отдохните, может, имеет смысл выпить по рюмочке для расслабления. А я и одна справлюсь.

На лице Егорова отразились мучительные колебания. Но ему хватило всего нескольких секунд, чтобы их преодолеть.

– Я с тобой поеду, – решительно сказал он, поднимаясь с дивана. – А то, не ровен час, поддамся на твои уговоры и соблазнюсь. Мне сейчас нельзя, могу сорваться. А если сорвусь, то уж точно глупостей навалю, и

головой мне не сносить. Момент уж больно стрёмный.

Коротков тоже встал, положил руку на плечо Виктора.

– Брось, Витюня, это ж Аська просто так сказала насчет выпить, оставайся, я тебя соблазнять не буду. А хочешь, ночуй у меня, вот на диванчике, он удобный. Дома-то одному тебе наверняка труднее будет удержаться. Ты прости, что я так... По больному. Но я знаю, о чем говорю. И знаю, каково тебе. Сейчас от того, сорвешься ты или нет, зависит вся твоя дальнейшая жизнь.

Егоров аккуратно снял руку Юры со своего плеча и грустно улыбнулся.

– Поеду я все-таки. Отвлекусь. Когда что-то делаешь, легче. А ночевать вернусь, спасибо, что предложил. Не возражаешь, москвичка? Получается, я вроде как тебе навязался. Может, у тебя какие-то свои планы, и я тебе помешаю?

Настя улыбнулась в ответ.

– Витя, я мужняя жена, о чем ты говоришь? Неприличных планов у меня быть не может. Поехали.

С водителем Володей она договорилась, что он съездит домой поужинать и после восьми вечера будет ждать ее возле гостиницы.

– Отпустила бы ты его, – ворчал Виктор, пока они спускались в лифте. – Я же с колесами, сам бы тебя отвез, зачем парня гонять?

– А ты уверен, что ему платят только на работе? – заметила Настя. – Лично я – нет. В вашем славном городе у меня быстро выработалась дурная привычка никому не верить и всех подозревать. То, что за нами присматривает весь персонал гостиницы, это и к гадалке не ходи. Какие у меня основания думать, что Володю не тронули? Мы в машине обсуждаем только то, что можно. И стараемся изо всех сил делать вид, что нам от водителя скрывать нечего. Максимальная открытость. Если я его отпущу и поеду с тобой, начнутся всякие предположения, а оно нам надо? Пусть знает, что мы вместе, и пусть знает, зачем мы едем и к кому.

Они вышли на первом этаже, но Егоров остановился и придержал Настю за руку.

– Тогда скажи, зачем мы едем и к кому. Должен же я разговор поддержать, если уж на то пошло.

– Едем мы, Витя, к родственнику нашего водителя, к дядьке его. Он зверовод, всю жизнь на норковой ферме проработал. И мы с тобой, в рамках поставленной задачи о поиске лаборатории, хотим поспрашивать у него про ферму. Мол, как там с соблюдением санитарных норм, какое топливо, как навоз утилизируют, какое загрязнение сточных вод и всякое

такое. И еще мы хотим спросить у Леонида Ивановича, не интересовался ли кто-то посторонний работой фермы, не крутились ли там незнакомые люди, не пытался ли кто-то чужой проникнуть на территорию. Все строго в экологической тематике.

– Угу, – кивнул майор. – А на самом деле?

– Мы и на самом деле едем к старому звероводу, Володиному дядьке. Только экология нас не интересует. Нас интересуют профессор Тарасевич и вдова убитого ветврача Чуракова. Было бы хорошо успеть еще и с ней поговорить сегодня. Пошли, Вить!

Настя предприняла новую попытку двинуться к выходу на улицу, но Егоров крепко ухватил ее за предплечье.

– Сначала объясни, чего ты хочешь, – потребовал он. – Я тебе не мальчик, чтобы меня втемную использовать.

«Да кто тебя использует! – чуть было не вырвалось у нее. – Я вообще собиралась одна ехать, ты сам вызвался составить мне компанию». Но она вовремя прикусила язык. Не время сейчас и не место для выяснения отношений.

– Я хочу понять, что общего могло быть у профессора Тарасевича и тихого сумасшедшего Голикова. То, что они одновременно отбывали срок в одном учреждении, мне ни о чем не говорит. Там много кто сидел в это время. А навещал Тарасевич только его одного. Или не только его? Нам об этом неизвестно. Профессор общался в основном с Чураковым. Чураков убит. Профессор умер. Голиков тоже умер. У кого спросить? Остается только жена, то есть вдова, ветеринара, с которой муж, возможно, делился какими-то сведениями о профессоре. Эта вдова – наша последняя надежда. Витя, Милюкову убили потому, что она что-то узнала от старушки Федюниной. Мы с тобой уже выяснили, что Федюнина не сказала почти ничего нового по сравнению с тем, что уже было известно. Исключение – запойное пьянство молодых парней перед уходом в армию, роман Смелкова с какой-то девушкой Юлей и Дмитрий Голиков.

– У меня нет задачи раскрыть убийство Милюковой, – огрызнулся Виктор. – У меня задача – найти крайнего. Любого. Я ж не идиот – Вадику Хохлову подставляться. Хохлов – это все равно что сам Баев. А ты меня хочешь под монастырь подвести?

– Наоборот. – Настя осторожно высвободила руку из крепких пальцев Егорова. – Я хочу тебя обезопасить. Ты должен знать, кто и почему на самом деле ее убил, чтобы ненароком не наступить ему на мозоль. Потому что если наступишь, сам того не ведая, – вот тогда точно кранты. Ну поехали, Витя! Время идет!

Он тяжело вздохнул и укоризненно покачал головой.
– Ох, москвичка, принесло же тебя на мою голову...

* * *

Водитель Володя поднялся вместе с ними к родственнику, передал какие-то гостинцы от своей супруги и немедленно получил указание от дядюшки топать на кухню и начистить и нажарить картошечки.

– Моя красотуля к родне в деревню махнула, с огородом надо помочь, так что я тут один холостякую, – пояснил зверовод. – Вот Вовка почти каждый день что-нибудь подбрасывает, то пирожков, то котлеты привезет, то щец банку. Сам-то я к кухне не приспособлен, только хлеб и колбасу нарезать могу.

Хозяин дома был в прекрасном настроении, причина которого разъяснилась очень быстро: вчера и сегодня на ферму приезжал сам мэр. Правда, ненадолго, но это и понятно, руководитель города, человек занятой. Ходил, смотрел, вопросы задавал. Да такие вопросы, что сразу видно: ничегошеньки человек в звероводческом деле не смыслит. Какое слово ни скажешь – у него глаза навывкат, дескать, впервые слышит. А как в кормоцех и в ветеринарный пункт повели, так он весь затрясся и побледнел, там же запахи... Нет, работники фермы к мэру с полным уважением, это само собой, но все равно смешно! Говорят, на днях еще телевидение приедет, снимать будут, как мэр ферму посещает. Вся эта ситуация опытного зверовода изрядно веселила, и в разговоре он то и дело к ней возвращался, отпуская шуточки в адрес Смелкова, который страшно удивлялся, когда ему объясняли, как именно звероводы узнают, что конкретная самка готова к покрытию. А про самцов-дублеров ему раза три пришлось объяснять, все не верил. Обхохочешься!

Надежды на Леонида Ивановича не оправдались, о профессоре Тарасевиче он знал не больше, чем рассказал в первый раз. Конечно, он вспомнил массу подробностей о характере Аркадия Игнатьевича, о его привычках, о любимых словечках, но на связь профессора с Дмитрием Голиковым никакого дополнительного света пролить не удалось.

– Чего ему со мной разговаривать? – приговаривал Леонид Иванович. – Кто я – и кто он? Нет, Игнатьич, само собой, со всеми рабочими общался, за зверьми-то мы наблюдаем, а ему все время надо было знать, кто заболел, как гон проходит, как самцы кроют, у кого аппетит плохой... Ну, все такое. При бонитировке, опять же, он с нами в контакте. Но о себе ничего не

рассказывал. Если он куда и ездил в свободные дни, то нам об этом не говорил.

– А Чуракову мог сказать? – спросила Настя.

– Конечно. Если кто и знал, так только Илюша. Илюша ему вместо сына был. Он все знал про Игнатъича. И секреты его кормленческие знал. Потому его и убили, Илюшу-то. Перовские, с тамошней фермы, убили. Я ж об этом еще в тот раз говорил, только ты с другим мужиком приходила, с плечистым таким. Я все помню! Из ума не выжил еще.

Леонид Иванович хитро прищурился и погрозил пальцем.

– А с женой Чуракова вы знакомы?

– С Танюшей? Ну а как же! Когда Илюшу убили, мы все на похороны пришли и на поминки, потом на сорок дней собирались, девять дней-то пропустить пришлось, Илюшу не сразу нашли, да и тело долго не отдавали, все экспертизы какие-то проводили, так что его и хоронили, когда уж девять дней давно миновало. Нас ведь много, тех, кто на ферме работает, и все попрощаться с ним хотели и помянуть, а работа у нас сменная, все в одно время прийти не могли, так что каждые поминки в три захода организовывали прямо у нас, в столовке, в административном корпусе. Танюшке одной было не потянуть столько хлопот, она и без того горем раздавлена, да еще двое детей маленьких. Так что мы все время с ней рядом были. Очень Илюшу у нас на ферме любили, хороший он был доктор, зверей любил и понимал, чувствовал.

– Значит, и телефончик ее знаете? – поинтересовался Егоров.

– Конечно, знаю. И адрес. Она тут недалеко живет, через два дома.

Вот это повезло! Ну, хоть в чем-то же должно было повезти...

Леонид Иванович с удовольствием согласился составить протекцию и позвонить Татьяне Чураковой. Вламываться без предупреждения почти в десять вечера к вдове с двумя маленькими детьми – наверняка провалить все дело.

– Как от меня выйдете – направо, дойдете до магазина канцтоваров, мимо пройдете и в первый же подъезд заходите, поняли? – строго напутствовал он Настю и Егорова. – Там на третьем этаже тридцать вторая квартира. Вовка! – гаркнул он неожиданно сильным голосом.

Через несколько секунд в комнату заглянул раскрасневшийся племянник в фартуке и с ножом в руке.

– Чего, дядя Леня?

– Дожарил, что ли?

– Нет, только засыпал недавно.

– Долго возишься, – недовольно пробурчал Леонид Иванович. – Я уж

думал, гостей картошечкой жареной попотчует.

– Да я чистил долго, – начал оправдываться Володя, – у тебя ножи тупые. Пока точил... А что, уже уходим?

– Ты оставайся, – поспешил успокоить его Егоров. – Мы тут еще в одно место неподалеку заглянем, пару вопросов зададим. Дожаришь – ешь спокойно и спускайся, в машине жди. Раньше чем через час не понадобишься.

– Ага, – кивнул Володя и скрылся на кухне.

На улице накрапывал мелкий дождик, пришлось достать из сумки зонт, который галантно понес Егоров.

– Рисковая ты, москвичка, – насмешливо и чуть вопросительно заметил Виктор. – В машине лапшу на уши вешала водителю про экологию, а ну как он спросит у своего дядьки, о чем мы разговаривали, чем интересовались. Не боишься?

– Спросит, – согласилась Настя. – И Леонид Иванович ему скажет, что разговор шел про экологию. Ты опять все прослушал.

– Да ты... – начал было возмущаться Егоров, но Настя со смехом прервала его:

– Вить, я ж тебе весь вечер талдычила про рамочки. Зря воздух сотрясала, что ли? У тебя в голове рамка «связь профессора и Голикова», ты всю информацию в нее помещаешь, что не влезает – то мимо сознания. А у Леонида Ивановича в голове другая рамка, та, которую мы с Коротковым в прошлый раз обрисовали: может ли ферма нести экологическую опасность. Я в разговоре несколько раз эту тему краешком задевала, и теперь он искренне уверен, что мы приходили с тем же интересом, что и в первый раз.

– Не говорила ты ничего про экологию!

– Говорила-говорила. Ты просто не заметил. Оно в рамочку не влезало, и ты мимо ушей пропустил.

– Ну ты даешь, москвичка! Это кто ж тебя таким фокусам научил? Неужели дядя Назар?

– Да нет, – усмехнулась она, – нашлись добрые люди...

– А если Володя твой все слышал из кухни?

– Не слышал. Я проверила. Зря, что ли, я попросила разрешения стакан водички налить? Если бы оказалось, что из кухни слышен разговор в комнате, я бы попросила Володю съездить в гостиницу и привезти мне что-нибудь совершенно необходимое. Вить, ты не забывай, сколько мне лет и какой стаж работы в розыске. Я, конечно, совершаю ошибки, как и все люди, и даже чаще, чем хотелось бы, но на таких мелочах не

прокальываюсь. Вот магазин канцтоваров, нам сюда. – Она прибавила шаг, направляясь к нужному подъезду.

Татьяна Чуракова, вдова погибшего ветврача, оказалась приятной женщиной лет тридцати семи с обильной ранней сединой. В квартире стоял невообразимый гвалт, с одной стороны доносился громкий мультяшный голос, с другой – кричали друг на друга участники популярного ток-шоу, а прямо в прихожей, на пороге одной из комнат, бурно выясняли отношения девочка лет шести и паренек года на три постарше. Как успела уловить Настя, девочка хотела смотреть кино про какую-то Алису и требовала, чтобы мальчик вынул из проигрывателя диск со «Шреком». Мальчик уступать не собирался и горячо, повышая голос и хватая сестру за воротничок платица, доказывал, что «Алиса» – это девчачья дурь и если хочешь быть умным, то надо смотреть взрослое кино. Их маму, судя по всему, такой шум совершенно не смущал. Однако при гостях она строго одернула детей, велела прекратить ссориться, выключить телевизор на кухне и убавить звук в «Шреке». Девочка обиженно надула губы и собралась плакать.

– Мам, скажи ему, пусть уберет своего «Шрека» и кино про Алису мне поставит. Ну скажи ему, мам! – ныла она, дергая Татьяну за край футболки.

– Поставь ей «Алису» на... – Чуракова посмотрела на часы. – На пятнадцать минут. Потом уложишь ее спать и можешь досматривать свой фильм. Все, Миша, ты уже большой мальчик, бери сестру и не мешай мне, видишь – ко мне люди пришли по делу.

Девочка немедленно забыла, что собиралась зареветь, и с жадным любопытством уставилась на гостей.

– А где ваша собачка? – требовательно спросила она. – Чем она болеет?

– Зайчик, иди смотри свое кино, никакой собачки нет, и она ничем не болеет, – с улыбкой ответила Татьяна.

Только что враждовавшие дети схватились за руки и дружно, вприпрыжку убежали в ту сторону, откуда слышалась знакомая музыка из «Шрека».

– Вы извините, нам придется на кухне посидеть, – сказала Татьяна. – У нас всего две комнаты, в одной дочка будет спать, в другой сын кино смотрит. Только у меня там не убрано, я после ужина не успела прибраться, гладку вот затеяла...

– Это вы нас извините, мы в такое позднее время вас побеспокоили, – ответил Егоров с мягкостью, которой Настя от него не ожидала.

На вопросы о покойном муже Татьяна отвечала охотно и подробно, а о

его дружбе со старым профессором отзывалась с огромным уважением.

– Илюша очень вырос профессионально, когда начал вместе с Аркадием Игнатьевичем работать. Вы мне поверьте, я могу об этом судить, я ведь тоже ветврач, только после Илюшиной смерти мне пришлось уйти из ветлечебницы, теперь принимаю на дому, и денег больше, и дети присмотрены.

Значит, вот что означал вопрос девочки о больной собачке!

– Мы и познакомились с ним, когда оба в Ветеринарной академии учились, – продолжала Татьяна. – Вернее, тогда это еще был институт, это уже потом его в академию переделали, как модно. Аркадий Игнатьевич учил Илюшу мыслить иначе, смотреть на вещи шире. Сколько придумок они вместе осуществили! Сколько экспериментов поставили! Аркадий Игнатьевич и сподвигнул Илью прикрепиться в академию соискателем, набирать материал и готовить кандидатскую диссертацию. Необыкновенный был человек! Илюша очень горевал, когда Тарасевич умер. Даже хотел в память о нем добиться, чтобы какую-нибудь новую улицу у нас в городе назвали именем Окаемова. Письма писал в мэрию... Только не добился ничего. Не успел.

– Окаемова? – изумленно переспросила Настя. – Почему Окаемова? Кто это?

Татьяна сглотнула выступившие было слезы, тряхнула головой.

– Афанасий Окаемов был местной легендой. Выдающийся охотник, охотовед. Родился в конце девятнадцатого века. Во всей Сибири ему равных не было – настолько он знал повадки зверей! Когда в двадцатые годы стали пытаться разводить соболей в неволе, ни у кого ничего не получалось. Любой зверь так или иначе поддавался клеточному разведению, а соболь – ни в какую. Самцов подсаживают, они кроют, а самки не беременеют, потомства не дают. Тогда Окаемов поехал в Москву и стал добиваться приема у самого высокого начальства, чтобы объяснить, почему с соболеводством ничего не получается. Его выслушал какой-то мелкий чиновник, поднял на смех и прогнал. Да еще пригрозил в психушку засадить, если настырный сибиряк не перестанет свои глупости рассказывать. Окаемов в какие только двери ни стучался – никто его слушать не хотел. То, что он говорил, казалось бредом и религиозной мифологией, а тогда к религии сами знаете, как относились. Опиум для народа и все такое. В конце концов, его арестовали за распространение вредных идей. Статью какую-то уголовную придумали, чтобы убрать его с глаз долой. Так до самой войны и просидел в лагерях, потом штрафбат, вернулся героем, орденосцем, без руки и без ноги. А еще лет через

десять-пятнадцать ученые додумались, наконец, до того, о чем Окаемов тридцать лет назад пытался сказать. Аркадий Игнатьевич очень болел душой за доброе имя Афанасия Окаевова, хотел, чтобы все о нем знали и помнили. Он в своей книге целую главу этой истории посвятил.

– Так в чем был фокус-то? – с любопытством спросила Настя. – Почему с соболоводством ничего не получалось?

– У всех пушных зверей период гона – февраль – начало марта, период щенения – конец апреля – май. И самки соболей щенятся в это же время, вот все и считали, что у них все так же, как у других. А Окаемов знал, что период гона у соболей летом, в июле-августе. Это единственный вид пушного зверя, у которого восьмимесячная латентная беременность. Яйцеклетка оплодотворяется и засыпает на восемь месяцев, потом просыпается, и за тридцать – тридцать пять дней развивается нормальная беременность. Как только это выяснили, так и клеточное соболоводство пошло в гору. Меха русского соболя на весь мир гремел. А про Афанасия нашего все забыли.

Значит, Леонид Иванович не ошибался, когда рассказывал, что профессор Тарасевич писал книгу по истории пушного звероводства. Вот и Чуракова подтверждает...

– Скажите, Татьяна, какова судьба научного наследия Аркадия Игнатьевича? Может быть, он что-то оставлял вашему мужу? Результаты наблюдений, экспериментов, теоретические статьи.

– Конечно, он все оставил Илюше, – кивнула женщина. – А Илюша отдал все бумаги Зое Григорьевне, директору фермы. Когда Аркадий Игнатьевич умер, взяли нового главного зоотехника, и Илюша хотел, чтобы все разработки Тарасевича сохранились и использовались. Новый зоотехник, конечно, не был ученым, таким, как Тарасевич, сам ничего нового не придумал, но все идеи прежнего зоотехника воплощал. Во всяком случае, Илюша так говорил.

– Значит, если бы кому-нибудь захотелось завладеть кормленческими секретами Тарасевича, ему нужно было бы обращаться на ферму, к директору или к главному зоотехнику? – уточнил Егоров.

– Да, именно так. Так я и сказала тому человеку, который собирал материал для книги.

Вот тебе здарсьте! Еще один человек и еще одна книга! И почему убийство ветврача постоянно приводит к профессору Тарасевичу, умершему за много лет до убийства? Наверное, хватит уже списывать все на случайности. Что-то их многовато получается. Как говорится, то, что происходит один раз, может никогда больше не повториться, но то, что

случается два раза, непременно случится и в третий, и в четвертый.

– Профессору Тарасевичу на будущий год исполнится сто лет, – пояснила Чуракова. – И к его столетию хотели выпустить книгу, в которую вошли бы и воспоминания о нем, и его наиболее выдающиеся статьи и отрывки из монографий. Такой фундаментальный труд. После смерти Илюши, примерно месяца через четыре, ко мне приходил такой приятный молодой человек, спрашивал, не осталось ли у нас каких-нибудь бумаг Тарасевича и не вел ли мой муж дневники, в которых записывал бы свои впечатления о профессоре и работе с ним. Илюша дневников никогда не вел. А то, что он мне рассказывал о профессоре, я этому человеку пересказала. Ничего особенного-то я и не знала. Ну, своими личными впечатлениями тоже поделилась, мы ведь были знакомы, и если Илюша оставался у Тарасевича ночевать, я им горяченькое что-нибудь привозила, а то так и просидели бы до утра на хлебе и кефире.

Татьяна улыбнулась своему воспоминанию. Улыбнулась печально и светло.

Вот, значит, как...

– Татьяна, ваш муж когда-нибудь упоминал в связи с Тарасевичем имя Дмитрия Голикова? – снова задал вопрос Егоров.

Настя поняла, что Виктору наконец-то стало по-настоящему интересно. Похоже, он пришел к тем же выводам, что и она. Выводам странным и неутешительным.

– Вы имеете в виду ученика Аркадия Игнатьевича?

Егоров поперхнулся, а Настя в этот раз успела отреагировать быстрее.

– Да, ученика. Профессор что-нибудь о нем рассказывал? Или, может быть, ваш муж?

– Нет. – Чуракова покачала головой. – Я никогда о нем не слышала, пока тот молодой человек мне не рассказал.

– И что он рассказал?

– Да в сущности – ничего. Он тоже спросил, не называли ли Тарасевич или Илюша фамилию «Голиков», а я спросила, кто это такой. Он ответил, что это один из любимых учеников Аркадия Игнатьевича и, дескать, хорошо бы его найти, потому что он может рассказать о профессоре много интересного. Но тут уж я ничем ему помочь не могла, Илюша никогда ни о каком Голикове не упоминал, и профессор тоже.

– А книга? – настойчиво спросил пришедший в себя Егоров. – Книга по истории пушного звероводства, которую писал профессор? Рукопись сохранилась? Она у вас?

Татьяна снова отрицательно покачала головой. На этот раз по ее лицу

промелькнуло выражение не то удивления, не то растерянности.

– У Илюши ничего такого не было. Мы с ним вместе разбирали то, что ему передал профессор, когда уже понимал, что умирает. Аркадий Игнатьевич так и сказал: разберите, приведите в порядок и передайте тому, кто придет на мое место. Мы, конечно, до самой его смерти ничего не трогали, как Илюша принес от профессора эту кучу толстенных папок, так они и лежали. А после похорон все разобрали, разложили по темам, подобрали по хронологии, купили новые папки, надписали. Илюша все Зое Григорьевне передал.

– Вы точно уверены, что директор фермы передала эти материалы новому главному зоотехнику?

– Совершенно уверена, – твердо ответила Чуракова. – Я с ним знакома, он приходил к нам два или три раза на Илюшин день рождения. Он очень благодарил и говорил, что почерпнул много полезного и нового в этих бумагах. Да и по работе фермы видно же, что уровень не падает. Корма-то становятся хуже год от года, денег дают все меньше и меньше, и если бы разработки Тарасевича не использовались, все поголовье передохло бы уже давно. И приплода бы не было. После смерти Аркадия Игнатьевича девять лет прошло, а ферма живет и процветает.

– Значит, в папках не было ничего, кроме научной документации по вопросам кормления? Никаких материалов по истории пушного звероводства?

– Никаких, – подтвердила вдова ветеринара.

– А почему? – непонимающе спросила Настя. – Если профессор работал над книгой, то почему не отдал материалы вашему мужу?

– Зачем? – недоуменно откликнулась Татьяна. – Материалы по кормлению – да, отдал, чтобы они попали к кому следует и приносили пользу. А книга была не дописана, какой с нее прок? Просить кого-то закончить работу? Никто не возьмется, это никому не нужно, никому не интересно. Да и трудоемко. У Аркадия Игнатьевича была превосходная память до самого конца, возраст его, как говорится, не брал, и все, что он знал о пушном деле и пушном звероводстве в России, он держал в голове. А знал он очень много, у пушного промысла, мехового дела и клеточного звероводства богатейшая история, Тарасевич прочел тысячи книг, статей, архивных материалов, когда еще в Москве жил. Он все это хранил в памяти и на разрозненных листках, где делал только ему понятные краткие пометки, и на основе своих знаний писал книгу. Кто, кроме него самого, мог бы ее закончить? Никто, – ответила она сама себе.

– А тот молодой человек, который хотел писать книгу о Тарасевиче,

назвал свое имя? Представился как-то? – продолжал Егоров гнуть свою линию.

– Да, он назвал свою фамилию, но я на нее внимания не обратила, мне не до того было. Он из Института пушного звероводства и кролиководства, вот это я запомнила точно.

«Ага, оттуда он, – удрученно подумала Настя. – То-то когда я звонила в институт, никто даже не вспомнил, что профессору в следующем году исполнилось бы сто лет. Если бы там готовили такую книгу, то обязательно упомянули бы об этом».

– И последний вопрос, – сказала Настя, вставая. – Как вы думаете, где могут находиться рукописи Тарасевича по истории?

– Вот не знаю, – огорченно призналась Чуракова. – Мне и в голову не приходило этим поинтересоваться. Илюша тоже об этом не думал. Он же врач, ветеринар, ему важно, чтобы звери были здоровы и хорошо размножались, историей он не очень интересовался. Иногда только пересказывал мне что-нибудь уж очень яркое из того, что ему говорил Аркадий Игнатьевич. Вот, например, про Афанасия Окамова и еще про мягкую рухлядь я запомнила.

– А что это? – в один голос спросили Настя и Егоров.

– Так в средневековой Руси называли пушнину. Правда, забавно? А что до рукописи, то вы попробуйте поговорить с новым владельцем участка, на котором стоял дом Тарасевича. Наследников у профессора не оказалось, участок признали выморочным и выставили на торги, его купил какой-то бизнесмен средней руки, дом Аркадия Игнатьевича снес и новые хоромы себе построил. Да, впрочем, какой там дом... Развалюха!

– Адрес дадите? – с надеждой спросил Егоров.

– Конечно. Хабаровская, восемь. Это на самой окраине.

– Знаю, – кивнул Виктор. – Найду.

Они уже стояли в прихожей, когда Татьяна робко спросила:

– Все, что вы спрашивали... Это как-то поможет найти тех, кто убил Илюшу?

– Поможет, – твердо пообещал Егоров.

Настя подивилась такой уверенности майора. Сама она никаких гарантий давать не стала бы.

По лестнице спускались в полном молчании. Егоров заговорил только на улице.

– О чем в машине будем трюндеть? Если ты думаешь, что твой водитель при делах, то надо о чем-то побазарить, чтобы у него сомнений не было. Он ведь наверняка уже знает, к кому мы ходили.

– Поговорим о Перовской звероферме и об их интересе к секретам профессора.

– Думаешь, тот парень, который приходил к Чураковой, был из перовских?

– Уверена, что нет, – ответила Настя. – Да ты и сам в этом уверен. Поэтому будем делать вид, что да.

– Ну, тоже верно, – вздохнул Егоров. – Слушай, москвичка, вляпались мы с тобой куда-то... Не пойму, то ли ты меня втянула, то ли я тебя.

Настя пожала плечами.

– Какая разница, кто кого втянул? Важен результат.

– Ну да, ну да, – согласился майор и задумчиво добавил: – А результат получается хреновый. Тихий сумасшедший Голиков, насильник и убийца с десятью классами образования, оказывается, любимый ученик известного ученого-звероведа профессора Тарасевича! Чудны дела твои, Господи! Умеют же люди врать, а?

Машина стояла там же, перед домом, где жил Леонид Иванович. В салоне горел свет, Володя с карандашом в руке с увлечением решал sudoku.

– Как сходили? Успешно? – спросил он с нескрываемым любопытством.

– Более или менее, – ответил Егоров, пристраиваясь на сиденье. – Слышь, Володя, а что у нас в городе говорят о Перовской звероферме? Вроде ходили слухи, что они у нашей фермы основное стадо хотят перекупить. Не знаешь?

Володя с удовольствием пустился в рассуждения, основанные большей частью на публикациях в местных газетах, которые он читал постоянно, ожидая своих пассажиров, и на том, что краем уха слышал от самих пассажиров. Ничего нового Настя из его слов не узнала, зато у водителя за все десять минут поездки сложилось твердое убеждение, что ее и Егорова интересует именно этот вопрос.

В гостинице, проходя мимо стойки портье, Настя бросила на дежурившую девушку такой взгляд, что та, открыв было рот, чтобы произнести сакраментальное «После двадцати трех часов гостей приводить нельзя!», тут же его захлопнула.

Войдя к себе в номер, Настя обнаружила дверь, ведущую к Короткову, распахнутой настежь. Ноутбука на столе не было, зато из соседнего номера слышались веселые голоса самого Короткова, его жены Ирины и внучки Анютки. Девочка, захлебываясь от восторга, рассказывала дедушке про новую онлайн-игру, которую она сегодня освоила. Лицо Егорова на мгновение исказила непереносимая боль, которую он постарался тут же

спрятать.

– Слышь, москвичка, у тебя дети есть? – спросил он негромко.

Настя отрицательно покачала головой:

– Нет.

– Вот и у меня нет, – тихо и горько проговорил он. – Больше нет. И уже не будет. Мне сеструха старшая все твердит, что какие мои годы, и можно еще раз жениться, и детей нарожать. Я б женился, чего уж тут... Но какие дети могут быть при моей жизни? Калеки да уроды. Не пил бы все эти годы, так, может, и срослось бы чего-нибудь... Ладно. Это я так. Я смотрю, у Юрки жена молодая, дочка маленькая совсем. Он ведь тоже из оперов, значит, пил крепко. А ничего, рискнул.

«Сеструха старшая сказала... Сеструха... Сестра... Кажется, мэр Смелков из многодетной семьи, значит, у него должны быть братья и сестры. Да, точно, об этом и сам Егоров говорил, когда пересказывал содержание материалов, собранных для телепрограммы и найденных у убитой Милюковой, и старушка Федюнина. Можно подумать в этом направлении», – быстро промелькнуло в голове у Насти.

– Это внучка, – мягко объяснила она. – У Юрки тоже беда, у него сын с невесткой сильно пьющие, он у них девочку отсудил себе под опеку.

– А детей, значит, нет от молодой жены? Чего так?

– Да Ирка глупостей по молодости наделала, вот и... Для нее это тоже боль, она очень детей хотела, когда за Короткова замуж вышла. Так что не у всех гладко и сладко, ты не думай. Под каждой крышей свои мыши.

В дверном проеме возник Коротков, держа обеими руками ноутбук.

– А сейчас я тебе покажу комнату тети Насти, – говорил он ласковым «дедушкинским» голосом. – Вот она как раз и пришла. Поздоровайся с тетей Настей!

Он повернул экран так, чтобы Настя попала в камеру.

– Привет! – задорно сказала она. – Как твои дела, Анютка? Вы с Ирой справляетесь без деда?

– Привет! – Далеко в Москве маленькая Анютка помахала ей рукой. – Как твое горлышко? Больше не болит? Ты поправились? Ты была такая смешная, когда не могла разговаривать!

– Совсем не болит.

– А кто этот дядя? – пытливо спросило дитя. – Твой любовник, что ли?

– Аня! – строго воскликнул Коротков, но не удержался и расхохотался. – Где ты набралась этих слов? Разве мы с Ирой разрешали тебе смотреть кино для взрослых?

– Ира роли учит, а я слушаю, – гордо сообщила Анютка. – У тети Насти муж – дядя Леша, я знаю. А это не дядя Леша.

Егоров откашлялся, словно у него запершило в горле.

– Анюта, я полицейский. Мы с твоим дедом и тетей Настей вместе работаем, – сдавленным голосом проговорил он.

– А-а-а, – протянула девочка и тут же переключилась на другую тему. – Деда, а когда ты вернешься? А то Ира скоро уедет, я останусь с Лидией Алексеевной, а она меня все время заставляет читать и считать и английские слова учить.

– Скоро, Анютка, скоро. Вот поработаем еще немножко, все дела доделаем и вернемся.

– Когда? – не отставала внучка.

На экране появилось лицо Ирины.

– Анютка, не тереби деда, он на работе. Привет, Настюша. Здравствуйте, – улыбнулась она Егорову.

– Здравсьте, – буркнул Виктор и отошел в сторону.

Настя покосилась на него. Ей показалось, что в глазах у него стоят слезы. Она сделала знак Короткову заканчивать семейную сцену. Юра понимающе кивнул и скрылся в своем номере вместе с Настиным ноутбуком.

– Моя младшая была такой же, когда... ну, в общем, тогда, – проговорил Егоров, не глядя на Настю. – Сейчас уже большая была бы. А жена у Юрки красивая. Лицо знакомое.

– Она актриса, много в кино снимается. Наверное, видел по телевизору.

– Ну да, ну да... Чего, спать будешь?

– Кто? Я? – изумилась Настя. – Да ты что, какой сон! Работы полно. Надо быстро сделать все максимально возможное и уезжать отсюда, пока целы. Не век же нам в Вербицке сидеть. Это огромная удача, что в Москве на три часа меньше, можно еще народ разными вопросами озадачить.

– Мне тоже дай работу какую-нибудь, – неожиданно попросил Виктор. – А то на душе как-то... Погано невыносимо. Выпить нельзя, так хоть отвлечься.

– Это легко, – улыбнулась она. – У тебя есть человек, имеющий доступ в базы данных и готовый еще какое-то время не спать? Только он должен быть надежным. Таким, которому ты веришь и который тебя не подставит.

– Из моего отдела – никого. Погоди, я сейчас узнаю, кто сегодня в дежурной группе.

Он куда-то позвонил и через несколько минут с довольным видом

произнес:

– Есть человек. Он мне по жизни должен. И сегодня как раз дежурит.

– Договорись с ним. Пусть даст мне адрес своей почты и сидит у компьютера, я буду сбрасывать ему информацию, а он будет искать и присылать мне на почту ответы.

– А я-то что буду делать? – недовольно нахмурился Егоров.

– А ты будешь его ответы читать и анализировать. И задавать ему дополнительные вопросы. Вот тебе мой айпад, вот тебе страница с моей почтой, как что-то придет от твоего человека – так будешь работать. Звони, договаривайся. Денег обещаю, если надо. Мы заплатим.

– С ума, что ли, сошла? – возмутился майор. – Какие еще деньги? Он мне должен, вот пусть и отработывает. Не бойся, москвичка, он не сдаст. А Юрка что будет делать? Или ты его спать отпустишь?

– Размечтался! – фыркнула Настя. – Он пусть осуществляет общее руководство.

– Ладно. А если в двух словах, что мы с тобой делаем?

– Мы, Витя, ищем ответ на вопрос: почему при наличии в городе крупного химкомбината проблема экологического неблагополучия обсуждается применительно к несчастной звероферме. Ведь если в городе плохо с экологией, то химкомбинат, производящий удобрения, должен был стать первым кандидатом на положение эпицентра скандала. Однако комбинат никто не трогает. А терзают норковую ферму, от которой никому никакого вреда.

– Так это ж понятно. – Виктор посмотрел на нее, как на недоумка. – Владелец химкомбината – Ворожец, кто с ним будет связываться? Кто его тронет? Он же друг нашего мэра.

– Я знаю. Но ферма по каким-то сентиментальным причинам очень дорога вашему мэру. Он хочет ее сохранить. Он хочет, чтобы трасса прошла с южной стороны и чтобы ферму не тронули. Получается, что тот, кто затеял эту экологическую лабуду, боится Ворожца, друга мэра, но не боится самого мэра. Значит, какой вывод у нас получается?

Егоров долго смотрел на нее, потом медленно кивнул.

– Получается, что этот человек – не местный, у него нет в Вербицке никакого бизнеса и ему не нужен административный ресурс мэра. А благосклонность Ворожца нужна. И Горчевский тут, судя по всему, вообще никаким боком... Или наоборот, Горчевский идет в связке с Ворожцом. То есть тот, кто все это затеял, – человек из криминальной или полукриминальной структуры...

– ...в которой у Ворожца до сих пор есть сильные позиции и

авторитет, – закончила Настя. – Поэтому первое, что я сейчас сделаю, – позвоню в Москву и попрошу прислать мне информацию на Петра Сергеевича и весь его жизненный путь. А твой человек пусть проверит, что есть на него в ваших местных базах.

– Да у нас базы-то... – Егоров безнадежно махнул рукой. – Ведутся только с шестого года, когда компьютерами всех обеспечили. До этого – все на бумажках.

– Ничего, – утешила его Настя, – если с шестого года, то это целых восемь лет. Вполне может оказаться что-нибудь интересное. Теперь дальше: мне нужно, чтобы твой человек нашел координаты родственников Смелкова. Всех, каких сможет выявить, кроме родителей, если они еще живы, жены и дочери. Братья, сестры, племянники-племянницы, дядья и тетки. Желательно, проживающие в других городах, не в Вербицке. И последнее: я попробую покопаться и выяснить, кто такие эти блогеры-активисты, которые так успешно заморочили голову целому городу. А твой человек должен будет мне в этом помочь. Ну, и ты вместе с ним, само собой.

Наконец, появился довольный Коротков с ноутбуком.

– У вас тут совет в Филях, что ли? – оживленно поинтересовался он, пребывая в прекрасном настроении.

– Что-то вроде того, – ответила Настя. – Присоединяйся. Мы сейчас расскажем тебе массу нового и интересного. Только Витя сначала позвонит. И ты тоже не сиди без дела, звони в Москву.

– Кому? Зачем? – опешил Коротков.

– Кому хочешь. Колобку, Заточному, Лесникову, черту лысому – на твой выбор. Нам срочно нужна вся доступная информации о Петре Сергеевиче. Ты позвони, а я потом все объясню.

– А вы спать вообще собираетесь? – скептически осведомился Юрий. – Время – первый час ночи. Аська, ты же вроде говорила, что завтра утром тебе анкеты привезут и ты будешь их обрабатывать. Тебе понадобится свежая голова.

– Ничего, – усмехнулась она. – Как-нибудь.

Суббота

Проснувшись от телефонного звонка, Анастасия Каменская обнаружила себя на диване, одна нога в тапочке, вторая – босая. Рядом, на журнальном столе, мерцал «заснувшим» экраном невыключенный ноутбук. Коротков спал в кресле, запрокинув голову и сладко похрапывая. Егорова не было видно.

Она решила оставить осмысление диспозиции на потом и стала искать телефон, который обнаружился на письменном столе. Лаевич.

– Где вам удобнее работать с анкетами? У себя или у нас? У нас программа, позволяющая сканировать ответы, и...

– Не надо, – оборвала его Настя. – Я сама, мне так привычнее. Вы свою часть обработали?

– Конечно! – В голосе руководителя предвыборного штаба звенело удовлетворение. – По рейтингу Константина Кирилловича результаты просто отличные! Сегодня же дадим их в прессу.

Н-да, не скажешь, что человек всю ночь не спал. Вот оно, преимущество возраста. Сама она чувствовала себя ужасно: голова словно набита стекловатой, в глазах какое-то противное мельканье, сердце колотится, будто она только что марафон пробежала.

– Но вы ввели в компьютер и обработали всю анкету целиком?

– Конечно. Ваша часть тоже обработана. Вам осталось только проанализировать свободные ответы, если они есть. Я могу выслать вам на почту все таблицы.

– Мне нужны сами анкеты, – твердо ответила Настя. – И таблицы тоже. Чтобы я не делала лишнюю работу.

– Разумеется, я пришлю. – Теперь в голосе Лаевича звучало сомнение. – Но я не понимаю, зачем они вам, если каждая анкета сканирована и результаты обработаны программой. Почему вам недостаточно таблицы?

– Пожалуйста, сделайте так, как я прошу.

– Хорошо. Когда вы предполагаете получить результат?

– Как пойдет, – усмехнулась Настя. – Надеюсь, к вечеру. Может быть, раньше, если повезет.

Несмотря на то что в результате она была уверена еще со вчерашнего дня, Настя решила сделать все по правилам. У нее должны быть аргументы, чтобы убедить других. Того же Лаевича. А если придется – то и

самого мэра, и начальника УВД. Ночная вахта, которую она выстояла вместе с Коротковым, Егоровым, должником Егорова и теми, кому Юрка звонил в Москву, принесла свои плоды. Теперь можно было не сомневаться в том, что блогеры-активисты (впрочем, вполне возможно, это был всего один человек, но весьма знающий и одаренный) пользовались чужими ай-пи адресами, с которых заводи́ли свои странички и вели бурную переписку, при этом настоящие хозяева адресов ни сном ни духом об этом не ведали. У Насти под утро еще хватило сил вдумчиво и серьезно проанализировать тексты, выброшенные в интернет, и она не могла не признать, что составлены они были строго на научной основе. Теория гласит: слух распространяется тем быстрее, чем выше его значимость для человека и чем больше неопределенность. При этом на скорость распространения слуха влияют еще два фактора: степень доверия людей официальным новостям и наличие или отсутствие доказательств достоверности. Тут самое главное – соблюсти правильную пропорцию, слух широко распространяется, если отсутствуют доказательства его достоверности, но при этом слушатель воспринимает его как правдивую информацию и в то же время не верит официальным новостям.

Настя нашла в интернете формулу Олпорта – Постмана «интенсивность есть функция от значимости и неопределенности», которую изучала еще в 1998 году, во время финансового кризиса и нарастающих панических настроений, пробежалась по ссылкам, прочла нужные куски из исследования российских ученых 2009 года, где к уже известной формуле добавлялись несколько новых факторов, и пришла к заключению, что неуловимый блогер подготовился очень хорошо и задачу свою выполнил на сто процентов. Каждый абзац, каждый пассаж в его сообщениях строго соответствовал результатам научных изысканий, а подрыв доверия к официальной информации осуществлялся изящно и убедительно. Ошибаются все, журналисты и репортеры – не исключение, и ни малейшего труда не составляет каждый день находить в газетах, интернет-СМИ или публичных выступлениях должностных лиц какую-нибудь неточность. Достаточно лишь опровергнуть ее с доказательствами в руках, чтобы из ошибки или оплошности вырастить попытку намеренного обмана населения. Даже к выбору сайтов, на которых велась наиболее активная работа, этот человек подходил с научной точки зрения, насаждая слухи в первую очередь среди людей наиболее тревожных. Уровень тревожности участников дискуссий и просто посетителей он определял по тематике сайтов и групп в социальных сетях и по содержанию оставленных комментариев. Тревожный человек, как гласит все та же теория слухов,

более склонен к их распространению.

Вторым существенным результатом ночного бдения было выявление давней и прочной связи Петра Сергеевича Ворожца с Акционерным обществом «Прометей НЕО груп» – крупным холдингом, в состав которого входили производственная компания «Прометей НЕО Лакокрасочный завод» с тремя предприятиями в Новосибирске, Ельце и Самаре, торговая компания «Прометей НЕО Сэйлз Хаус», маркетинговая компания «Прометей НЕО Маркетинг», а также управляющая сетью магазинов компания «Прометей НЕО Менеджмент». Причем связь эта была отнюдь не деловой. Ворожец производил удобрения для сельского хозяйства и к лакокрасочной промышленности никакого отношения не имел, ничего у «Прометея» не покупал и ничего им не продавал. Зато имел самое непосредственное отношение к некоторым директорам холдинга, еще в недавнем прошлом хорошо известным тем сотрудникам правоохранительных органов, которые занимались вопросами борьбы с организованной преступностью. Видимо, Петр Сергеевич любил свое криминальное прошлое нежно и трепетно, потому что не только поддерживал постоянный контакт с некоторыми давно знакомыми директорами «Прометея», вместе с которыми принадлежал когда-то к одной преступной группировке, но и взял на работу на свой химкомбинат несколько человек из «старых связей». Ну что ж, похвально. Своих не бросают. Если человек хочет завязать с криминалом и честно работать, почему не предоставить ему такую возможность?

Все выглядело вполне невинно, бело и пушисто. И продолжало бы выглядеть. Если бы не один маленький и почти совсем незаметный факт: зафиксированные заинтересованными оперативниками и их агентурой контакты Ворожца с людьми из руководства «Прометея» происходили нечасто, примерно два раза в год, и всегда на территории Вербицка. Директора приезжали на охоту, которую организовывал Петр Сергеевич. В декабре ходили на кабана, в апреле стреляли глухарей. Такой ритм выдерживался в течение последних семи лет. Сам Петр Сергеевич в Москву наведывался редко и во время коротких визитов с «Прометеем» не контактировал, решал свои проблемы и улетал в Сибирь. Внешне складывалось вполне достоверное впечатление, что дружеские связи Ворожца и людей из холдинга ограничиваются только охотой, сопутствующим ей застольем и обязательной баней. Однако в этом году размеренный ритм оказался нарушен: через две недели после апрельской охоты Ворожец вылетел в Новосибирск, где пробыл всего два дня, и именно в эти два дня на Новосибирский лакокрасочный завод прибыли из

Москвы трое директоров – приятелей вербицкого бизнесмена.

Ну и подумаешь, что в этом такого-то... Встретились старые друзья, посидели, выпили, закусили, повспоминали былые подвиги, помянули тех, кто оставил эту грешную землю.

Ну и подумаешь? Может быть. Только еще через неделю умный и хорошо подготовленный блогер провел свою первую атаку на умы жителей Вербицка. Еще через неделю отреагировали журналисты и появилась первая статья в местной прессе.

Настя помнила, что ночью хотела проверить еще одну вещь, но у нее страшно разнылась спина, она перенесла ноутбук на журнальный стол, чтобы посидеть на диване... И провалилась в забытие, из которого ее выдернул звонок Лаевича.

Вот теперь пришло время осмысленно взглянуть на поле брани. Десять минут девятого. Коротков спит. Она прокралась на цыпочках в соседний номер и обнаружила Егорова лежащим ничком в спальне на кровати, поверх покрывала. В отличие от нее и Короткова, майор все-таки успел снять хотя бы обувь и джемпер и лежал в джинсах и футболке. «Надо же, как нас всех срубило, – с удивлением подумала Настя. – Вроде мы все трое – привычные к бессонным ночам и к круглосуточной работе. Впрочем, Виктор, может быть, и в предыдущие дни ночью не спал, а мы-то с Юркой... Неужели правда, что человек устает намного сильнее и быстрее, когда мозги кипят? Я давно читала, что от умственного напряжения наступает общая усталость, но считала, что это байки из склепа. Оказывается, не байки...»

Мужиков надо разбудить и накормить. И нужно все-таки проверить то, что она собиралась проверить под утро, когда ее сморил крепкий сон. А еще нужно ровно в девять часов позвонить Баеву и попросить оставить Егорова ей в помощь на сегодняшний день. Это будет несложно сделать, учитывая, что от Лаевича привезут анкеты. Ручная обработка анкет – прекрасный предлог попросить помощника. Будем надеяться, что полковник Баев не силен в вопросах программного обеспечения социологических опросов. Вообще-то сегодня суббота, у начальника УВД день нерабочий, так что, может быть, в девять утра рановато звонить? Впрочем, она ведь будет звонить в приемную, где сидит дежурный офицер, связаться с Баевым напрямую она все равно не может. Полковнику передадут, что Каменская его искала, и он перезвонит, когда сможет. Виктор, правда, говорил, что Игорь Валерьевич по субботам всегда на службе, а частенько и по воскресеньям...

Настя потрясла головой, стараясь расставить мысли по своим местам.

Быстро нырнула в ванную, приняла душ, переоделась и разбудила Короткова и Егорова.

– Мальчики, подъем! – бодрым голосом объявила она. – Быстро все умываются, чистят зубы, бреются и строятся на завтрак. Витя, идешь в мою ванную, чистое полотенце на полке.

Мужчины, кряхтя и постанывая, перевели тела в вертикальное положение и разбрелись по сануздам. Пока они приводили себя в порядок, Настя проверила даты последних выступлений гениального блогера. Как она и ожидала, в июле он уже молчал. И в конце июня тоже. Последние его сообщения датированы 23 июня. Ну что ж, осталось уточнить еще одну деталь. В принципе, ответ она вроде бы помнила и сама, но в таком деле «вроде бы» не годится, а на память свою она уже не полагалась так уверенно, как в молодости.

Дождавшись, когда Егоров вышел с мокрыми волосами и принялся запихивать в свою сумку «дорожный набор работающего опера» – маленький несессер с зубной щеткой, тюбиком пасты, миниатюрной мыльницей и станком для бритья, она осторожно спросила:

– Витя, ты не помнишь точно, какого числа убили бомжа?

Вопрос был настолько неожиданным и «не в тему», что он даже не сразу сообразил, о каком бомже спрашивает Каменская.

– Точно не скажу, но где-то после двадцатого июня. Ты опять про чемодан вспомнила, что ли?

– Двадцать третьего? Двадцать четвертого?

– Ну да, где-то так. А что случилось-то? Зачем тебе этот бомж?

– Ты мог бы узнать точно? – не отставала Настя. – Это важно, правда.

Егоров посмотрел на нее с жалостью.

– Настырная ты, москвичка, все тебе нейдет... Сейчас, погоди, в дежурку позвоню, пусть по журналу уточнят. Да не смотри ты на меня так! – прикрикнул Виктор, заметив выражение настороженности на ее лице. – Сегодня другой дежурный до десяти утра, не Демченко, не бойся.

Спустя пару минут Настя получила тот ответ, которого и ждала: убийство бомжа произошло в ночь с 23-го на 24 июня. Значит, чемодан «Ларри Соррено» украли 23 июня. Именно в тот день, после которого блогер перестал активничать в сетях.

– Вить, – она улыбнулась с облегчением, – это он.

– Кто? Бомж?

– Блогер. Он в последний раз вбросил информацию в интернет и уехал. А на вокзале у него сперли чемодан. Он не мог пойти в полицию и заявить о краже, потому что ему вообще нельзя было светить свое

присутствие в городе. Он наверняка и жил не в гостинице, а где-нибудь в частном секторе, и имя свое настоящее не назвал, и хозяев выбрал попроще, таких, которые паспорт не спрашивают. А может, у него липовая ксива была. Он уехал и стал ждать. Когда Ксюша из архива узнала от своего брата о чемодане, наш блогер начал искать, кого бы прислать сюда за своими пожитками. И нашел Загребельного. Подготовил его, как смог, заставил выучить наизусть перечень всего, что есть в чемодане, даже, наверное, картинки показывал. Но одного он сделать не смог: обеспечить наличие внутри чемодана следов рук Загребельного. Может, он вообще об этом даже не подумал. А если и подумал, то решил рискнуть, ведь крайне мало шансов на то, что кому-нибудь придет в голову усомниться и проверить.

Егоров озадаченно посмотрел на нее и опустил в кресло.

– Ффуххх! – выдохнул он. – Меня аж в жар бросило... Слушай, а складно выходит. Одно к одному. Только звучит уж больно неправдоподобно.

– Почему неправдоподобно? Мы же всю ночь проверяли, все сходится. Реально все ай-пи адреса зарегистрированы на людей, которые на роль активных пользователей сети никак не тянут. Твой парень прислал нам всю информацию о них. Один уже полгода в отъезде, и неизвестно, когда вернется, женился на барышне из Кемерово, другая вообще в больнице с тяжелейшими травмами после автоаварии, и все остальные такие же. И по датам все сходится. У Ворожца возникла проблема, он попросил своих друзей из «Прометей» о срочной встрече, они встретились в Новосибирске, перетерли, и эти друзья прислали Пете такого вот засекреченного гения. Что тебя смущает?

– Кого тут что должно смущать? Об чем базар?

Коротков, свежий и румяный, как будто полноценно проспавший в удобной постели часов семь-восемь, ворвался в Настин номер.

– Пошли на завтрак, – поторопила его Настя, – мы тебе все расскажем в ресторане. Время дорого, Юрик, вам сегодня еще дамочек окучивать.

– Дамочек? – Коротков оживился еще больше. – Молодых?

– Как поделитесь, – усмехнулась Настя. – Я в процессе окучивания не участвую, мне сейчас анкеты привезут, так что уж вы вдвоем трех дам между собой распределите.

Они спустились в ресторан. Проходя мимо портье, Настя предупредила, что ей должны привезти пакет и она его заберет сама на обратном пути. Девушка подозрительным взглядом окинула Егорова, но промолчала. В ресторане Коротков попросил завтрак гостя записать на его,

Короткова, счет. Егоров, как выяснилось, здорово проголодался и набрал столько еды, что им с трудом удалось уместить на столе все тарелки.

Сведения, раздобытые бессонной ночью коллегой Егорова, оказались малоутешительными: родни у мэра Смелкова было немного. Родителей давно нет в живых, есть две тетки по отцовской линии, одна жила в Магадане, другая в Калининграде. Родной брат со всем семейством давно уехал в Чехию и развернул там бизнес. А вот младшая сестра Константина Кирилловича проживала здесь же, в Вербицке, была в разводе. У нее имелся сын, в настоящее время проходивший срочную службу.

– Его призвали в армию, когда Смелков уже был мэром, – заметил Коротков. – И мэр ничего не предпринял. Видно, отношения с сестрой у него не очень хорошие. Это внушает надежду.

– Ну да, – подтвердила Настя. – Одинокая женщина, мужа нет, с родным братом не общается, сын в армии. У таких всегда масса воспоминаний о счастливой юности и множество старых фотографий.

Егоров мгновенно расправился с блинами и приступил к рисовой каше.

– И что ты ей скажешь? – недоверчиво заметил он. – Как заставишь показать тебе эти фотографии, а потом не стукнуть братцу? Мало ли, что он ее сына от армии не отмазал. Это не показатель. Они могли с тех пор сто раз помириться и теперь прекрасно общаются каждый день.

– Это ты прав, – снова согласилась Настя. – Поэтому ни я, ни вы к ней соваться не станем. Мы к ней Лорика отправим.

– Это еще кто? – прошамкал Виктор с набитым ртом.

– А это дочка Смелкова. У девочки есть один маленький, но очень неприятный секрет. Я думаю, ради того, чтобы папа с мамой о грязном секретике не узнали, она на многое готова. Но к ней нужно правильно подойти и правильно поговорить. Кто из вас возьмется?

– Я – пас. – Егоров отодвинул от себя пустую тарелку, словно подчеркивая, что точно так же он отодвигает предложение поработать с дочерью мэра. – Я на такое дело не гожусь.

Настя перевела смеющиеся глаза на Короткова.

– Тогда ты, Юраша. Больше все равно некому.

– А какие еще варианты? – поинтересовался Юрий. – У меня должен быть выбор.

– Зоя Григорьевна Деревянко, директор зверофермы, и Ксюша в юбочке из плюша, работающая в архиве.

Она посмотрела на часы. Без пяти девять. Через несколько минут можно звонить начальнику УВД и просить откомандировать ей в помощь

майора Егорова еще на один день.

– Мальчики, решайте быстрее, мне нужно знать, что врать Баеву. Суть моего вранья напрямую зависит от того, куда отправится Виктор, на ферму или в архив.

– Погоди, – остановил ее Егоров. – Какой секрет у дочери Смелкова?

– Сожитель – наркоман и наркодилер. Есть идеи?

– Нет, у меня в наркоконтроле своих людей нет. Были, да все разбежались. Если ты, Юра, будешь работать старым проверенным способом, который называется «личный сыск», то у тебя до фига времени уйдет. Если и справишься, то только к позднему вечеру. Это я к тому говорю, что мне придется и на ферму смотаться, и в архиве посидеть. Только надо, чтобы Ксюху на службу вызвали, архив же по выходным закрыт.

– Ладно, – кивнула Настя. – Так и скажем твоему руководству. Пусть все обо всем знают и никто ничему не удивляется. Самая лучшая ложь – это неполная правда.

«Какая замечательная у меня профессия, – думала она, ожидая, пока ее соединят с полковником Баевым. – Профессия, вся сплошь выстроенная на лжи. Ибо, говоря всем правду, никогда ни одного преступления не раскроешь. Когда люди говорят о профессиональной деформации сыщиков, они обычно имеют в виду, что мы привыкли к виду чужого горя, к трупам, к общению с отморожками. Никому даже в голову не приходит, что наша профессиональная деформация состоит совсем в другом. Мы просто отвыкаем говорить правду. Даже когда искренне хотели бы ее сказать, все равно врем».

Баев, к счастью, оказался у себя в кабинете. Настя пропела начальнику УВД довольно складную балладу о помощи в ручной обработке анкет и о необходимости в целях получения наиболее точной интерпретации полученного результата задать несколько вопросов гендиректору зверофермы. Кроме того, ей нужно посмотреть кое-какие архивные материалы о преступлениях и правонарушениях на северной окраине города за последние пять лет, но поскольку она не является сотрудником Вербицкой полиции, в архив ее никто не пустит, и эту часть работы она тоже хотела бы поручить майору Егорову. Да, и хорошо бы, чтобы архив все-таки был открыт, несмотря на субботний день.

– И когда станет известно, принесла ваша затея плоды или нет? – сухо спросил Игорь Валерьевич.

– Надеюсь, что сегодня к вечеру. В самом крайнем случае – завтра утром. Всю ночь буду работать, если нужно, – горячо заверила его Настя.

Баев помолчал, о чем-то размышляя.

– Хорошо, я дам команду начальнику криминальной полиции, майор Егоров на сегодняшний день может работать с вами. Архив для вас откроют, сотрудника вызовут. Но у меня большие сомнения, имейте в виду.

Вот так. У него сомнения, понимаете ли. Зато у Насти Каменской их уже не было. Был только азарт человека, ввязавшегося в игру и не знающего правил. И еще был жуткий, парализующий страх ошибиться и не успеть уехать до того, как земля начнет гореть под ногами.

* * *

Короткова «в поле» проводили с напутствием заехать в какой-нибудь магазин и купить толстовку с капюшоном – излюбленную униформу наркоманов и тех, кто торгует наркотиками.

– Да мне не по годам в «кенгурухе» ходить, – упирался Юра.

– А ты свои года под капюшоном как раз и скроешь, – подбодрил его Егоров. – Адрес девушки ты знаешь, места скопления этой публики я тебе тоже дал, если будут какие-то непонятки – звони, я на связи. Как я уже сказал, в наркоконтроле у меня своих людей нет, а в ГИБДД – навалом, так что ты дуй за одежкой, а я пока попробую узнать, где сейчас машина смелковской девицы. Вряд ли она тебя дома дожидается.

– Осторожно, Витя, – испугалась Настя, – ты же номер назовешь, они сразу смекнут, что ты дочкой мэра интересуешься. Наверняка ее машину каждый сотрудник знает. Нам этого не нужно.

Егоров насмешливо посмотрел на нее.

– Пугливая ты, москвичка. Не бойсь, я еще кое-что умею.

– Да я тоже не все забыл, что умел, – подмигнул Коротков. – Проверим, на что годится старая гвардия.

Настя занялась анкетами, Егоров же, чтобы не отвлекать ее, перешел в номер Короткова и плотно прикрыл за собой дверь.

Она слабо представляла себе, что и как нужно делать, потому что занималась этим впервые в жизни, но решила положиться на логику и интуицию. Математическая часть была понятна, а вот все остальное... Но времени на раздумья не оставалось. Хорошо, что все нужные программы есть в ее компьютере.

Скрипнула дверь, в комнату тихонько вошел Виктор.

– Порядок, – сообщил он почему-то шепотом. – Есть адресок. Наверное, там ее хахаль и обретається. Юрке я уже сообщил. С Деревянко

созвонился, она сейчас подъедет на работу, говорит, все равно собиралась, ей с главным зоотехником надо какую-то проблему срочную решить. Говори, чем помочь. Или мне уже на ферму отправляться?

– Погоди, есть еще одно дело. Возьми мой айпад и найди все, что можешь, про конфеты «Березовая роща».

– Это еще зачем?

От изумления Виктор сразу забыл, что только что старался говорить тихо, чтобы не нарушать рабочий процесс.

– Попробуем через конфетку найти блогера. Не зря же он фантик в бумажнике хранил. Видно, он ему дорог как память о чем-то.

– Надо же... – Егоров покачал головой. – Я о таких и не слышал никогда. Что за конфеты-то? Хоть вкусные?

– Понятия не имею, я их в глаза не видела.

Виктор управлялся с поиском информации не так ловко и быстро, как она сама, да и интернет изрядно тормозил работу, загружаясь в час по чайной ложке, но все равно примерно через час майор получил прекрасный результат. Конфеты под названием «Березовая роща» изготавливались Тверской кондитерской фабрикой в начале девяностых, с 1996 года их выпуск прекращен в связи со сменой владельца предприятия и перепрофилированием.

– И кто у нас владелец? – спросила Настя, быстро щелкая мышкой.

– Некто Шульмин Эдуард Артемьевич.

– Что на него есть?

– Искать, что ли? – переспросил Егоров.

– Нет, пряниками кормить, – огрызнулась Настя. – Искать, конечно.

Егоров обиженно засопел у нее за спиной, но Настя уже не обращала внимания. Она поняла, наконец, что и как нужно делать, и с этого момента ее невозможно было ни отвлечь, ни сбить с мысли.

Еще через некоторое время раздался голос Виктора:

– Помер он. В две тысячи третьем году.

– Молодым? Старым?

– Написано, на шестьдесят третьем году жизни.

– Чем занимался?

– Тут написано, что был крупным партийным и советским работником с восьмидесятого по девяносто первый год, занимал какие-то высокие должности в Калининe, потом акционировал местную кондитерскую фабрику, в девяносто шестом году продал ее и ушел в строительный бизнес. Больше ничего нет.

Этого следовало ожидать. Информации о том, что происходило до

начала эры интернета, всегда оказывалось маловато. Но от того, что узнал Егоров, уже можно было отталкиваться. И почему у человека только две руки и одна голова!

Зато у двурукого и одноглавого человека есть родственники и друзья. А у них имеются компьютеры, которые работают намного быстрее, чем ее айпад, подключенный к беспроводной сети. И это вселяет оптимизм. Программа начала обсчитывать результаты анкетирования, и Настя схватилась за телефон. Ее племянник, сын брата Александра, конечно, оболтус, но зато компьютер у него превосходный, интернет высокоскоростной, а сам парень – чрезвычайно продвинутый пользователь. Настя благоразумно не стала додумывать мысль до конца, чтобы не дойти в размышлениях до слова «хакер». Единственное, о чем она забыла подумать, – о трехчасовой разнице во времени. В Вербицке полдень, а в Москве Санек, обычно сидящий за компьютером до глубокой ночи, наверное, еще глаза не продрал. Особенно сейчас, в каникулы, когда не нужно ходить в институт.

Судя по голосу Александра-младшего, тетка его выдернула из сладких снов.

– Это срочно? – вяло спросил он, позевывая.

– Это очень срочно, Санечка. Очень срочно и очень важно. Поможешь?

– Где смотреть-то?

– А где хочешь – там и смотри, – беззаботно разрешила Настя. – Мне нужен результат, и как можно быстрее. Мой ноутбук занят, а айпад страшно тормозит и все время виснет. У меня каждая минута на счету.

– Еще раз название скажи, – попросил племянник.

– «Березовая роща». Тверская кондитерская фабрика.

– Ладно, – пообещал он. – Ща включусь.

Но энтузиазма в голосе Настя не услышала, поэтому не могла быть уверена, что ее просьба будет выполнена.

На нее вдруг навалилась огромная усталость. Даже показалось, что она не сможет довести начатое до конца. У нее просто не осталось сил.

– Поезжай на ферму, Витя, – негромко сказала она. – Как закончишь – позвони, может, какая-то новая информация будет. Без нее тебе в архиве делать все равно нечего.

Виктор сунул ноги в ботинки, озабоченно посмотрел на Настю.

– А ты чего вдруг скуксилась, москвичка? Только что такая деловая была, и вдруг как будто воздух из тебя выпустили. Случилось что? Или болит где-то?

Она через силу улыбнулась.

– Все нормально. Просто устала. Поезжай.

Ноутбук издал мелодичный звоночек: программа закончила работу. Настя метнулась к экрану, посмотрела на полученный результат.

– Все правильно, Витя. Никакой лаборатории нет и не было. Все это полная туфта от начала и до конца. Народ не обманешь.

– Но ведь все были уверены... – растерянно проговорил Егоров. – Ты же сама говорила, что рейтинги Смелкова из-за этого упали, значит, все поверили. А ты говоришь, что никто не верит. Как это может быть?

– Фокус в правильной постановке вопроса. В тех самых рамках, про которые я вчера говорила. Вбрасывается информация о некоем неблагополучии, потом начинает усиленно муссироваться вопрос о том, что власти ничего не предпринимают. Постепенно акценты смещаются, о самом неблагополучии каждый раз говорится всего одна фраза, зато о том, что руководители города и УВД бездействуют и демонстрируют полную беспомощность, пишутся целые абзацы, не жалея красок. И у людей закрепляется в голове связка «мэр бездействует – руководство города слабое – нам такое не нужно». Вот и все. Никто уже не помнит толком ничего ни про лабораторию, ни про якобы убитых якобы экологов, зато все постоянно думают о том, что нужно избрать другого мэра. А во время вчерашнего анкетирования людей попросили подумать именно о лаборатории и о том, где она могла бы находиться, предоставив им все имеющиеся сведения. Результат ты видишь сам. Лаборатория находится «нигде». Коллективный разум всегда дает правильное решение, даже если отдельные люди почти ничего не знают и мало разбираются в проблеме.

Виктор удрученно покачал головой и пробормотал:

– Вот же блин... Ладно, поеду. Позвоню потом.

Оставшись одна, Настя Каменская прикинула, как правильно распределить время. С анкетами она закончила, можно использовать ноутбук для поиска информации. Пока Санек занимается конфетами, хорошо бы найти что-нибудь про хозяина кондитерской фабрики Шульмина Эдуарда Артемьевича. Если племянник бродит по статистическим и экономическим сайтам, то она попробует поискать счастья в других местах. Крупный руководитель, партийный и советский деятель, потом директор фабрики, Шульмин наверняка не избежал внимания журналистов, у него брали интервью, нужно только их найти. Начать можно с сайта Союза журналистов, в котором должны быть ссылки на региональные отделения. А там и до персональных сайтов самих журналистов рукой подать. Настя по опыту знала, что очень многие представители прессы, имеющие свои странички, создавали в них архив публикаций, где можно было прочитать

все, что этот автор написал. Если на сайтах СМИ старых, доинтернетных, публикаций, как правило, не бывало, то в журналистских архивах они как раз были.

Расчет оправдался, и уже через несколько минут Настя читала статьи, помещенные в архивы журналистами, подходящими по возрасту, то есть работавшими в период с середины восьмидесятых до середины девяностых годов. Некоторые материалы она отвергала с ходу: уже по заголовку было видно, что о Шульмине там вряд ли будет упомянуто. Другие просматривала по диагонали, стараясь найти фамилию, третьи читала от первого до последнего слова. Она еще не закончила проработку публикаций, когда позвонил племянник.

– Твои конфеты не производят с девяносто шестого года, – заявил он.

– Я в курсе. Это все, что ты нашел? – зло спросила Настя.

Стоило терять столько времени, чтобы получить от Санька те же сведения, которые она и без того знала!

– Не, я там еще залез кое-куда... Ну, короче, эту «Рощу» твою в девяносто втором и девяносто третьем годах в магазинах почти не брали, объем товарооборота составил всего десять процентов от объема производства. В девяносто четвертом году конфет произвели столько же, и они все ушли. В девяносто пятом объем производства вырос на пятьдесят процентов, и тоже все продали. В девяносто шестом выкинули в магазины раза в два больше, чем в предыдущем году. Потом производство прекратили.

– А до девяносто второго года что было?

– Не нашел. Перетер кое с кем, говорят, всю статистику, которая от советской власти осталась, в других архивах держат. Но могу полазить, поискать, если сильно надо. Кинуть тебе ссылку, где я это все выкопал?

– Давай. Теперь, Санечка, еще одна просьба. Посмотри на местных тверских сайтах, может, кто-нибудь что-нибудь упоминает об этих конфетах? Ну, например, что массовое отравление было или еще что-нибудь такое.

– Ну ты даешь, Насть! – возмутился Александр-младший. – Кто это в четырнадцатом году будет вспоминать о конфетах, которые ел двадцать лет назад!

– Санечка, никто, конечно, не будет говорить о конфетах, если не заводить о них разговор, – мягко сказала Настя. – Никто не отвечает на вопрос, который не задан. Помогите мне, дружок. У меня жуткий цейтнот и ноутбук занят.

– Ладно, – пробурчал племянник. – Только от меня теперь уже не

зависит, когда ответят.

– Ты все-таки попробуй. – Она посмотрела на часы, что-то прикинула. – У тебя есть еще час. А вдруг повезет?

Она все читала и читала, и в какой-то момент ей показалось, что она уже знает все о промышленности Твери в девяностые годы и о том, как шла объявленная Горбачевым перестройка во второй половине восьмидесятых. От постоянной смены шрифтов и фонов ломило глаза...

И вдруг она нашла то, что искала. Большое интервью 1994 года с Эдуардом Шульминым. Много вопросов о семье, о том, как Эдуард Артемьевич проводит досуг, чем увлекается, что читает, какие хобби имеет. Любит ли сладкое, и едят ли его домашние продукцию, выпускаемую его фабрикой. О конфетах «Березовая роща» не сказано ни слова. Зато есть три фотографии: Шульмин сидит на диване с котом на коленях, Шульмин на рыбалке, Шульмин с женой Еленой и сыном Евгением. Фотографии хорошего разрешения, но Настя на всякий случай их увеличила. Долго рассматривала. Потом полезла в закладки и снова долго что-то искала и рассматривала.

И, наконец, расслабленно откинулась на спинку стула. Вот оно и сошлось.

На Шульмине галстук «Ларри Соррено» из коллекции 1993 года. Его сын, красивый юноша лет двадцати с серьезным лицом и умными глазами, одет в джинсы и сорочку, верхние пуговицы сорочки расстегнуты, хорошо виден шейный платок. Тоже «Ларри Соррено», только коллекция 1992 года. Вряд ли сам купил, скорее всего, одолжил у отца для съемки.

«Вот, значит, ты какой, северный олень, – подумала она насмешливо. – Гениальный блогер и распространитель целенаправленных слухов. Владелец чемодана, перенявший у родного папеньки любовь к определенному бренду. Евгений Эдуардович Шульмин».

Разумеется, о Евгении Эдуардовиче Шульмине в интернете она не нашла ни слова. И этот факт только упрочил ее догадки.

Когда минул ровно час после звонка в Москву, она снова взялась за телефон.

– Пока только одна тетка откликнулась, – сообщил Санек. – Активный народ в основном по вечерам и по ночам выходит в сеть, а днем все больше пенсионеры.

– Так мне пенсионеры и нужны. Молодежь об этих конфетах и знать не знает.

– Ага... Ну, короче, тетка эта написала, что в начале девяностых пиццевики охамели и оборзели и стали производить и выбрасывать на

прилавки всякую дрянь, вредную для здоровья. Много химии, консервантов и всяких вредных добавок. Поскольку до этого был жуткий дефицит продуктов и в магазинах вообще ничего не было, то народ начал без разбору хватать все, что продавали. А «Березовая роща» была чистым продуктом, без вредных примесей, ее поэтому в России невозможно было купить, она вся шла на экспорт в Европу, потому что в Европе давно уже озаботились здоровым питанием, а наших людей травили всем подряд. Когда народ это расчухал, конфеты других фабрик вообще перестали в магазинах покупать, все только «Рощу» хотели, гонялись за ней, в очередях стояли, когда она появлялась.

– Спасибо, Санечек, – с чувством произнесла Настя. – Ты настоящий друг. С меня причитается. Что тебе привезти?

– Привезти? – удивился тот. – А ты где? Не в Москве, что ли?

– Я в Сибири, в Перовской области. Проси, что хочешь.

– В Сибири... – Санек задумался. – А, ну да, я вспомнил, предки говорили, что ты уехала. Может, кедровых орехов притащишь? Я их люблю, но у нас вкусные редко попадаются, в основном мыльные какие-то. Только чищенные, ладно?

– Ладно, – рассмеялась Настя, – привезу.

Она выключила компьютер, аккуратно сложила стопку анкет, распахнула окно и с удовольствием сделала глубокий вдох. Рано вы начали свой творческий путь, Евгений Эдуардович, уже лет в двадцать вы придумали и талантливо осуществили операцию по формированию общественного мнения в нужном вам русле. В те годы еще не было интернета, и методы у вас, вероятно, были тогда более кустарными. Вы сами стояли в очередях и вступали в беседы с гражданами, внедряя домыслы об экологически опасных продуктах других производителей и о необыкновенной «чистоте» и полезности продукции кондитерской фабрики, принадлежащей вашему батюшке? Или нанимали для этого помощников? Но в любом случае, тексты этих «посланий» придумывали вы сами. И сделали из своего первого опыта хороший плацдарм, на котором построили свою будущую профессию. Вы набирались опыта, матерели, у вас появлялась и крепла репутация, вас передавали из рук в руки, вы, надо полагать, кочуете из одной предвыборной кампании в другую. Поэтому и продолжаете жить в Твери, бывшем Калининe. Вам все равно, где жить, потому что в родном городе вы проводите совсем мало времени, разъезжая по всей стране и организуя то, на что есть спрос. В одних местах продвижение товара, в других – продвижение структуры, в третьих – продвижение человека. Или наоборот, дискредитацию. Одним словом, на

что есть спрос, то и делаете. И заработки ваши растут год от года. Вы прекрасно маскируетесь, нигде не оставляя следов, вас никто не знает, кроме тех, кому положено вас знать. Да и они, скорее всего, не в курсе, как вас зовут, и не видели вас в лицо. Вы действуете, как опытный киллер, тщательно скрывающий род своих занятий от окружающих, а свою личность – от заказчиков. Для всех прочих вы – просто Евгений Шульмин, научный работник или журналист, милый человек, красивый мужчина. Думаю, что в романтических отношениях вы весьма успешны, вы же сентиментальны, бережете символ своего первого успеха – фантик от «Березовой рощи». Женщинам обычно нравятся такие мужчины. Надо же, как некстати у вас поперли чемоданчик! И как некстати на вашем пути попались мы с майором Егоровым.

Вот теперь можно встречаться с Баевым.

– Игорь Валерьевич в мэрии, – ответили ей в приемной.

Ого! В Вербицке и чиновники мэрии по субботам трудятся? Впрочем, можно понять: выборы на носу.

Разумеется, номера мобильного телефона начальника УВД у Насти не было. И просить его бесполезно.

– Передайте ему, пожалуйста, что я готова дать ответ.

Баев перезвонил минут через десять.

– Я сейчас в мэрии, буду у себя минут через сорок, подъезжайте, – коротко скомандовал он.

«Вот уж фигурки тебе, – хмыкнула про себя Настя. – Мне от тебя ничего не нужно, я уже все получила, экологическую ситуацию на севере прояснила. Остальное нужно тебе и твоему дружку мэру».

– Я бы предпочла встречу на нейтральной территории.

– Чем вас не устраивает мой кабинет?

– Тем, что это ваш кабинет. – Она сделала акцент на слове «ваш». – И как хозяин кабинета вы можете себе позволить выгнать меня в любой момент, если вам не понравится то, что я скажу. А я очень не люблю, когда меня выгоняют. Я люблю уходить сама.

– Вот, значит, как, – протянул полковник. – Настолько все серьезно?

– Серьезней не бывает.

– Хорошо, назовите свое место.

– Гостиница «Сибирь», бар на четвертом этаже. Не на первом, на четвертом. На первом всегда много народу, а на четвертом никого не бывает до вечера.

– Буду через полчаса.

Теперь эсэмэска Егорову: «Евгений Эдуардович Шульмин, около 40

лет, красивый». На всякий случай Настя сделала скрин-шот страницы с фотографией и отправила Виктору. Пусть разбирается с Ксюшей из архива.

Полчаса – какое-то дурацкое время, ни поспать толком, ни поесть не спеша, ни погулять с удовольствием. Можно только тупо сидеть, прикрыв глаза, и пытаться отдохнуть. Заодно и подготовиться к предстоящему разговору с Баевым. А легким разговор не будет, это точно.

* * *

Найдя не без труда дом, рядом с которым стояла машина Ларисы Смелковой, Коротков поискал удобную для длительного наблюдения позицию. В магазине, куда он заскочил, чтобы купить «кенгуруху», оказались только зимние варианты из флиса, и Юрию, несмотря на довольно прохладную погоду, было в ней отчаянно жарко. Он вообще редко мерз и обычно одевался легко.

Прежде чем начать наблюдение, он быстро обошел окрестности и прикинул, какими маршрутами может двигаться Лариса, если ее возлюбленный попросит принести ему дозу. Возможно, он и сам пойдет, но все-таки вероятность того, что он пошлет Ларису, выше: сам наркодилер может легко попасть в какую-нибудь облаву, а приличного вида девушку, да еще дочь мэра, никто не тронет, даже в голову не придет ее задерживать и обыскивать. Скажет, что мимо проходила. Впрочем, Петр Сергеевич говорил Насте, что этот тип еще и торгует, значит, ему приносят товар или он его где-то получает. Но зачем рисковать и светиться, если за товаром можно послать Лорика? Вот же ловко устроился этот парень! Правильную девушку себе выбрал. Девушку, влюбленную настолько, что ее можно использовать в качестве страховки. Пока что он эксплуатирует только искреннее чувство Ларисы, а когда поймет, что привязанность ее начинает ослабевать, просто подсадит девочку на иглу, тогда она уже никуда не денется. Неужели сам Ворожец этого не понимает? Зачем покрывает ее и помогает врать родителям, если знает, чем дело закончится? Или он так уверен, что Лорик никогда его не обманет и он сможет сразу распознать неблагополучие и принять меры?

Впрочем, все расчеты могут оказаться неправильными. Товара у этого дилера сейчас достаточно, доза ему не нужна, и никуда он Ларису посылать не станет. Тогда придется ждать хоть до позднего вечера, хоть до завтрашнего утра, пока девушка не выйдет из дома.

Или поторопить этого наркомана... Предварительно проведенная

«методом личного сыска» работа на местности и среди соответствующей публики принесла некоторые плоды: теперь Коротков знал не только номер дома, где жил любовник Ларисы, но и имя того, на кого нужно сослаться, чтобы он открыл дверь и продал дозу. Оставалось дожидаться, пока кто-нибудь придет к нему отовариваться, чтобы определить номер квартиры.

Коротков открыл бумажник, пересчитал наличность, покачал головой и отправился к находящемуся неподалеку отделению какого-то банка в надежде, что там есть банкомат. Банкомат был. Юрий снял деньги с карты, то и дело посматривая в окно, чтобы не упустить Ларису, потом вернулся на исходную точку.

Примерно через полчаса появился клиент. Их Коротков распознавал с полувзгляда. Парень вошел в подъезд, Юрий последовал за ним, двигаясь тихо и осторожно. Квартира на третьем этаже. Но какая именно из четырех? Ничего, где один клиент – там и второй не за горами. Поднявшись на четвертый этаж, он сел на ступеньку и стал ждать.

Ждать пришлось недолго, за очередной дозой пришла девица лет шестнадцати, бледная до синюшности, с темными кругами под запавшими глазами. Юрий с тревожной тоской подумал об Анютке: еще лет десять, и девочка вступит в опасный возраст. Как уберечь ее? Как оградить? Рецепта на этот случай пока никто не придумал...

Зато теперь он уже знал номер квартиры. Активненько у этого парня берут! Получается, либо у него хранятся большие партии, либо товарчик вот-вот закончится. Выждав еще минут двадцать, Коротков спустился к квартире и позвонил.

– От Давида, – коротко бросил он, когда тусклый голос из-за двери спросил: «Чего надо?»

Дверь приоткрылась, но цепочка ее надежно удерживала. Света на лестничной площадке было мало, но Коротков на всякий случай надвинул капюшон поглубже. Если не видеть лица и седины, вполне можно принять его за молодого мужика. У возлюбленного Ларисы было лицо ангела, но ангела истощенного и запуганного. Да, такой, пожалуй, сам никуда ходить не будет, если есть возможность послать нарочного.

– Бабки покажи, – потребовал ангел.

– А ты товар покажи, – глухо отозвался Коротков. – Я все забираю, мне много нужно. Давид сказал, у тебя есть. Так есть или нет? Если нету, я к Погрызухе пойду, она вчера только загрузилась, у нее точно есть.

Фраза была составлена из обрывков информации, которой удалось разжиться, и Коротков не был уверен, что в ней все правильно. Но, как говорится, кто не рискует...

– У меня чеков двадцать, – сказал ангел. – Берешь?

– А больше нет? Мне нужно не меньше тридцати.

– Все, что есть. Пустой остаюсь. Давай бабло.

– Товар неси, – усмехнулся Коротков. – Посчитаем, сколько у тебя. И скидочку за опт не забудь.

– Перебьешься, – огрызнулся помятый ангел, – я тебя в первый раз вижу, скидка полагается только постоянным покупателям.

Дверь захлопнулась, Коротков остался стоять на лестничной площадке. Подошел поближе, прижался ухом к двери. В квартире определенно зазвучал женский голос. Через пару минут дверь снова открылась, ангел вернулся, в руке у него был маленький пакетик.

– Двадцать один, – сообщил он. – Давай. Без скидок.

Юрий отсчитал деньги, протянул их ангелу и забрал пакет. Спускаясь с третьего этажа, засунул наркотики за батарею. Не хватало еще, чтобы его повязали с «крупным размером» в кармане! Кому потом что докажешь?

Он вернулся на свой наблюдательный пункт, где его самого можно было заметить, только подойдя вплотную. Вот теперь куда больше шансов, что Ларисе придется выйти.

Так и получилось. Не прошло и четверти часа, как девушка показалась на улице и направилась к припаркованной рядом машине. Если бы Юрий не ждал ее, а просто случайно встретил где-нибудь, то ни за что не признал бы дочку мэра, которую видел в театре, со сложной прической и в вечернем платье, в этой девице, одетой в рваные джинсы и в длинный бесформенный джемпер с глубоким вырезом.

Коротков совершил быстрый маневр и успел открыть заднюю дверцу в тот момент, когда Лариса сняла блокировку замков. Он с такой скоростью и ловкостью забрался в маленький автомобильчик, что девушка даже не сразу отреагировала на появление у нее за спиной незнакомого человека.

– Вы кто?! – в ужасе воскликнула она. – Что вам нужно?!

– Только поговорить, – как можно спокойнее и мягче ответил Коротков. – Бояться меня не нужно, я тебя пальцем не трону.

– Да ты знаешь, кто я?! Я сейчас полицию вызову! Или орать начну. Выметайся из машины, придурок!

– Вызывай, – мирно согласился Коротков. – Пусть полиция, а потом и твои родители узнают, почему ты здесь оказалась и кто в этом доме живет. Если я сейчас выйду из машины, то на обратном пути тебя тормознут и обыщут. Догадываешься, каким будет результат?

Лариса повернула к нему бледное лицо, в глазах плавала и покачивалась растерянность.

– Вы кто? – запинаясь, спросила она совсем тихо. – Чего вы хотите?

Коротков вздохнул.

– Дорогая Лариса Константиновна, знаете ли вы главное правило любых переговоров?

– При чем тут...

– Не перебивайте старших, это дурная манера. Так вот, если вы хотите, чтобы переговоры прошли успешно, нужно перво-наперво убедить собеседника в том, что в результате сделки он получит определенную выгоду. Ваша выгода в том, чтобы ваш отец не выиграл выборы. До тех пор, пока он занимает должность мэра, к вашей персоне будет приковано повышенное внимание. И ваши родители будут постоянно требовать от вас упорядочить свою личную жизнь. Вы собираетесь еще и следующие четыре года показывать им Олега? Кстати, где он? Не знаете? Или вы планируете каждый раз приводить с собой нового подставного ухажера? Если уважаемый Константин Кириллович снова займет кресло мэра, вам с вашим чудесным наркошей никакой жизни не будет. Вы замучаетесь прятаться и врать. Более того, у вашего отца в случае победы появится намного больше недоброжелателей, чем сейчас, потому что ему будут стараться подставить подножку те, кто проиграет. И не факт, что вас удастся прикрывать с прежним успехом. Если же ваш отец выборы проиграет, вас оставят в покое. Вам это интересно?

– Что вам нужно? – снова повторила Лариса.

– Очень немного. И, в отличие от вашего дружка, я не прошу ничего криминального и даже просто опасного. Вы давно общались со своей тетушкой Валерией Кирилловной?

– Я... – Лариса запнулась и полностью развернулась на сиденье, чтобы видеть собеседника.

Но увидеть ей все равно удавалось только общие очертания фигуры.

– А при чем тут тетя Лера? Я сто лет у нее не была.

– Плохо, Лариса Константиновна, – отечески пожурил ее Юрий. – Родственников надо навещать. Теперь вы видите, что я не ужасный злодей, не разбойник и не насильник. Я просто человек, который знает о вас достаточно много и у которого тоже есть свой интерес. Давайте-ка отъедем отсюда хотя бы на пару кварталов, остановимся и спокойно поговорим.

Лариса послушно включила двигатель. Руки у нее тряслись.

Когда Виктор Егоров получил сообщение от Каменской, он уже двигался от окраины города в центр. Разговор с Зоей Григорьевной Деревянко никаких неожиданностей не принес: да, спустя некоторое время после смерти ветеринарного врача Чуракова приходил некий молодой человек, но он попал в очень неудачный период: поздняя осень, как раз шел убой на шкурки, начинался этап подготовки зверей к гону, нужно было обеспечить полноценное кормление, а с кормами трудно, качество отвратительное, одним словом, голова у Зои Григорьевны была забита звероводческими проблемами и множеством организационных вопросов. Она даже не помнит, кем этот молодой человек представился, помнит только, что он собирал материал для книги, посвященной столетию профессора Тарасевича. Директор сразу сказала, что все материалы у главного зоотехника, сама она их не читала, только просмотрела по диагонали. Нет, ничего, кроме научно-практических материалов, в папках не было, ни дневников, ни мемуаров, а молодого человека интересовали именно они.

– А к главному зоотехнику он ходил?

– Ходил, – кивнула Деревянко. – Я сама его и отвела. Только Николаичу нашему тоже не до разговоров было, я же говорю: период сложный. Так что гость этот от него вышел минут через десять, мне потом с проходной звонили, выпускать его или нет.

– Поговорить с ним можно, с этим вашим Николаичем? – спросил Егоров.

– Отчего ж не поговорить, – улыбнулась директор. – Сейчас позовем.

Главный зоотехник фермы, Василий Николаевич, повторил слово в слово все, что рассказывала Зоя Григорьевна. На имя, названное посетителем, внимания он не обратил, а то, что незнакомец представился сотрудником Института пушного звероводства и кролиководства, запомнил, но это и без того было уже известно от вдовы ветврача. Нет, никаких материалов, кроме научных, никаких писем, дневников, мемуаров и прочего в переданных Чураковым папках не было, он так и сказал посетителю.

– Значит, к научным материалам этот человек интереса не проявил? – задумчиво уточнил Егоров.

– Ни малейшего. Я, честно признаться, был уверен, что он из Перова, с той зверофермы, у них ведь такие же проблемы с кормами, как и у всех. Думал, они нашими ноу-хау хотят разжиться. Даже одно время боялся, что после появления этого гостя у нас какие-нибудь бандиты нарисуются, будут силой заставляя поделиться нашими секретами. Но ничего, никто так и не

объявился.

Сигнала от Каменской пока не поступало, и Виктор решил заехать на Хабаровскую улицу, где когда-то жил профессор Тарасевич. Это же совсем рядом, да оно и понятно, вряд ли Аркадий Игнатьевич в столь преклонных летах мог бы ежедневно бывать на ферме, если бы жил далеко.

Татьяна Чуракова назвала дом нового владельца участка хоромами, и Виктор готовился увидеть действительно помпезную постройку, чуть ли не с колоннами и с бронзовыми львами у крыльца. Однако все оказалось намного проще: скромный кирпичный двухэтажный дом весьма незамысловатой конфигурации. Участок небольшой и не сказать, чтобы очень ухоженный. Вероятно, эстетические идеалы «регулярного парка» хозяевам не близки. Да и не похоже, чтобы эти люди были очень состоятельными: в дальнем конце участка, за домом, виднелись обгоревшие останки какой-то постройки. Похоже, там был сарай, который сгорел, а до расчистки руки так и не дошли. По-настоящему обеспеченные хозяева давно бы уже вызвали рабочих, чтобы те привели участок в порядок.

Зато на участке оборудована детская площадка с качелями, лесенками, шведской стенкой и маленькой песочницей. В песочнице возились двое малышей, судя по одинаковой одежде – близнецов, на качелях летала вверх-вниз девочка лет пяти-шести, на шведской стенке упражнялся мальчик-подросток. Рядом на узкой скамеечке сидела немолодая дама, внимательно наблюдающая за детьми.

– Извините, пожалуйста, – крикнул Егоров через забор, – вы хозяйка?

Дама оторвала взгляд от ребятни и посмотрела в его сторону.

– Вы что-то хотели?

– Я из полиции, мне нужно задать несколько вопросов о прежнем хозяине.

– Тогда заходите. – Дама приветливо махнула рукой. – Я должна смотреть за внуками, отвлекаться не могу. Калитка не заперта.

Оказалось, что внуками приятной дамы были только мальчик на шведской стенке и девочка на качелях, а близнецы в песочнице – правнуки, дети ее старшей внучки.

– Мы все вместе живем, одним домом, – пояснила она. – Дети с семьями и я. Вместе как-то проще многие проблемы решать, да и маленькие под присмотром. У меня трое детей, все работают, на нянях разориться можно. Вот сложились, у кого сколько было, и построили дом. Не дворец, конечно, но места всем хватает. А что вы хотели про прежнего хозяина узнать? Мы ведь его лично не знали, участок купили уже после его

смерти.

– Может быть, оставались какие-то вещи профессора? Одежда, книги, бумаги...

– Ах вот вы о чем! – Дама широко улыбнулась. – Конечно, это все было. Участок продавался вместе с домом, хотя какой это дом... одно название! Непонятно, как в нем еще можно было жить. Так что перед тем, как его сносить, мы вещи прежнего владельца разобрали. Одежда, правда, была сильно поношенная, мы ее в церковь отдали, они два раза в год устраивают благотворительные акции для совсем нищих, для бездомных. Посуду тоже отдали. Мебель разваливалась прямо в руках, ее всю жучок поел. А книги и бумаги рука не поднялась выбросить, я ведь в прошлом – учитель русского языка и литературы, так что мое отношение к печатному и рукописному слову, да и вообще к слову, вы можете себе представить.

Егоров настороженно кивнул. Неужели все окажется так просто? Вот сейчас эта милая женщина скажет: пойдете, я вам все отдам, у нас все сохранилось. Неужели чудеса действительно бывают на этом свете, переполненном грязью, ложью и подлостью?

Но чудес все-таки не бывает. К сожалению. Книги и многочисленные бумаги покойного профессора были сложены в деревянный сарай, который в прошлом году сгорел.

– Мальчишки окрестные баловались, я так думаю, – вздохнула хозяйка дома. – У нас же забор совсем низенький, на сколько денег хватило – такой и поставили, от воров не уберезет, зато малыши не убегут. Да мы воров и не боимся, брать у нас все равно нечего. А пацаны по ночам, наверное, в наш сарайчик шастали, курили и вино попивали, ну, как все подростки. Вот и бросили непотушенную сигарету.

Значит, не судьба.

– Когда пожар случился? – дежурно спросил Егоров, просто чтобы что-нибудь спросить, дожидаясь ответа и еще немного посидеть в этом уютном радостном месте.

– Да года еще не прошло, прошлой осенью. И знаете, что самое обидное? Нелепое стечение обстоятельств. К нам прошлой осенью приехала погостить моя старинная подруга, и так получилось, что она целый день пробыла дома одна, дети и старшая внучка на работе, внуки в школе и детском саду, а я с близнецами в поликлинику поехала. Когда вернулась, подруга мне рассказала, что приходил какой-то очень симпатичный молодой человек, интересовался бумагами прежнего хозяина, и она ему сказала, что, мол, бумаги все в целости, и книги тоже, огромная

научная библиотека, все в сарае сложено. Он попросил показать, но подруга у меня боязливая, чужих опасается, и не рискнула постороннего человека пускать. Сослалась на то, что она тут не хозяйка, и посоветовала прийти в другой раз, когда хозяева будут дома. А на следующую ночь сарай сгорел. Я тогда подумала: вот жаль, что она его не впустила и бумаги профессора не отдала! Может, пригодились бы кому-нибудь, как-никак научное наследие. А так – пропало все безвозвратно.

Так все-таки бывают чудеса или нет? Неужели настырная москвичка права в своих догадках и профессор Тарасевич знал что-то такое, что очень нужно тем, кто искал его рукописи по истории пушного дела? Никакие секреты кормления пушных зверей никого почему-то не интересовали, хотя тут просматривается прямая экономическая выгода. А вот неоконченная книга по истории, с которой никому никакого навару, интересовала.

По дороге к управлению внутренних дел, получив сообщение от Каменской, Виктор остановился возле киоска, торгующего хот-догами, взял булочку с сосиской и кетчуп, вернулся в машину и не спеша перекусил. Теперь ему предстоит визит в архив УВД и общение с Ксюшей Демченко. Ее нельзя ни в коем случае ни напугать, ни насторожить, иначе, если москвичка правильно вычислила, Ксюшин ухажер, завернувший в Вербицке всю эту байду с экологами и лабораторией, мгновенно обо всем узнает. И фиг его знает, какие меры он предпримет. Виктор вспомнил, что минут десять назад слышал сигнал телефона: пришло еще одно сообщение, но он в этот момент нес в одной руке хот-дог, в другой картонное блюдо с кетчупом, и лезть в карман за телефоном ему было неудобно. Он вытащил телефон и не спеша рассмотрел присланную Каменской фотографию с пояснениями: «Наш дружок с мамой и папой 20 лет назад». Прищурился, всмотрелся повнимательнее. Родинка справа от подбородка. Годится.

Егоров вышел из машины, выбросил в урну картонные тарелки и использованные салфетки и двинулся на работу. Как там москвичка сказала полковнику? Преступления и правонарушения в северной части пригорода за последние пять лет? Ну-ну.

В помещении архива кроме стола самой Демченко имелся еще один стол, за которым разрешалось смотреть дела тем, кто не являлся сотрудником УВД. «Своим» позволялось, расписавшись в журнале, уносить материалы к себе в кабинеты и оставлять в сейфах, посторонним же, принесшим соответствующую бумажку, приходилось работать здесь, под неусыпным надзором старшего лейтенанта Ксении Демченко. Сегодня за «гостевым» столом сидела давняя знакомая Егорова – адвокат по гражданским делам Екатерина Семеновна, специализирующаяся в области

семейного права. Ей частенько приходилось обращаться к архивным материалам, чтобы доказать в суде, что человек и раньше вел себя небезупречно, особенно если дело касалось алиментов или родительских прав.

Усталым и недовольным тоном Егоров сообщил Ксюше, симпатичной, но почему-то совершенно не обаятельной молодой женщине, какие дела ему требуются.

– И как я их тебе искать буду? – мгновенно окрысилась та. – У меня дела по номерам, а не по территориям расписаны. Мало того, что из-за тебя меня в субботу на работу выдернули, так ты еще и сам не знаешь, что тебе нужно.

– А ты найди мне карточки первичного учета из Николаевского и Октябрьского райотделов, я их вручную переберу и нужные номера выпишу. А уж по номерам ты мне и дела подберешь.

– Надо же, – фыркнула Ксюша, – алкаш, а соображаешь.

Она встала из-за стола и направилась к нужным стеллажам. Егорову стало неприятно. Неприятно до спазмов в желудке. Разве посмела бы эта соплюха так разговаривать со старшим по званию, если бы на его месте сейчас стоял кто-то другой? Пьют все. А в должности понизили только его... Но Виктор тут же сообразил, как из Ксюшиной грубости можно выкрутить хоть что-то полезное.

– Грубая ты, Демченко, – громко произнес он, стараясь привлечь внимание Екатерины Семеновны, чтобы втянуть ее в разговор.

Адвокат подняла голову и улыбнулась старому приятелю.

– Здравствуй, Витя. А я, видишь, воспользовалась случаем поработать, встретила Ксюшу на улице, она мне сказала, что ей велели архив открыть. Со вторника сажусь в тяжелый процесс, надо подготовиться как следует, а тут такая возможность...

– Привет, Катерина. Вот теперь ты понимаешь, почему на нашей Ксюхе никто жениться не хочет? Меня, старого заслуженного сыскаря, взяла и обозвала прилюдно. А я, может, к ней интерес испытываю. Может, я жениться на ней хочу! А чего? Я мужчина одинокий, в хорошем возрасте, квартирка имеется двухкомнатная в центре города. Чем не жених? Так она вот этими своими выпадами всякие чувства убить может. Слышь, Ксения? – Он еще больше повысил голос, чтобы отошедшая довольно далеко Демченко его услышала. – Не груби мне! Перспективного жениха потеряешь!

– Больно надо! – презрительно фыркнула Ксюша.

Егоров демонстративно втянул носом воздух, будто принимался.

– Чем это так хорошо пахнет? – спросил он. – Катерина, твоими духами, что ли?

– Я не пользуюсь духами, – ответила адвокат, делая выписки из дела. – У меня аллергия.

– Что, неужто Ксюхины? – сделано и по-прежнему громко удивился Егоров. – Ксюш, слышишь меня?

– Слышу. Чего тебе? Помог бы лучше, тут этих карточек как грязи! Какую тебе форму? Первую? Или вторую тоже надо?

– И первую, и вторую, и третью заодно.

Егоров подошел к ней, помог снять нужные пачки карточек и оглядел Ксюшу с ног до головы, изображая восхищение.

– Духи у тебя – зашибись. Вроде раньше другие были, да? По-другому пахли. И прическа тебе идет.

– Клинья подбиваешь, что ли? Так не старайся попусту, – сердито ответила Ксения.

– Да я так, дурака валяю, – примирительно проговорил Егоров. – Не сердись. Работа у нас собачья, вот и юмор скотский. Я же понимаю, что против твоего мужика у меня шансов нет. Да и ни у кого в нашей конторе шансов нет.

Ксения остановилась как вкопанная. Казалось, каждая ее мышца мгновенно превратилась в комок стали.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она деревянным голосом.

– Да я видел тебя весной, ближе к лету, с таким красавцем, что прямо обалдел.

– С каким красавцем? – Голос старшего лейтенанта из деревянного превращался в металлический.

– Ну, такой высокий, волосы каштановые, рожа как с обложки модного журнала. Да, родинка у него была, вот здесь. – Егоров показал на своем лице место, где «видел» родинку у Ксюшиного поклонника.

– Ты обознался, – холодно произнесла старший лейтенант Демченко. – Это была не я. У меня нет таких знакомых.

– А-а-а... Ну, может быть, может быть, – сразу согласился Егоров. – Я тоже тогда засомневался, уж больно ты на саму себя была не похожа. Мы ж тебя здесь только в форме видим, а одежда сильно внешний вид меняет. Так что и правда мог обознасться. Показывай, где расписаться, и я пойду к себе. Через часок вернусь со списком дел. Не уйдешь никуда?

– У меня рабочий день до восемнадцати ноль-ноль, – отчеканила Ксения ледяным тоном. – Указание руководства.

«Господи, девочка, кто ж на тебе женится-то с таким характером! –

сокрушался Егоров по пути в кабинет. – Вроде и ладная, и симпатичная... Никакого чувства юмора, одна сплошная злоба».

Сгрузив архивное добро на свой стол, он перекинулся парой слов с двумя операми, играющими в шахматы за соседним столом, посетовал на общую несправедливость жизни и, убедившись, что на него никто не смотрит, написал Каменской сообщение: «Это она».

* * *

В баре на четвертом этаже было сумрачно и безлюдно, в углу за столиком сидел единственный клиент, попивавший чай и что-то читавший с гаджета. Настя выбрала место по своему вкусу, попросила кофе и бутылку воды без газа. Она пришла чуть раньше, чтобы попробовать настроиться на разговор и сосредоточиться. Из динамика негромко лился голос Хулио Иглесиаса, исполнявшего популярную песню «If you go away». Песня старая, написана в середине прошлого века, Настя помнила, как в детстве, занимаясь французским, много раз слушала ее в исполнении автора – певца и композитора Жака Бреля. Даже тогда, будучи ребенком, она сумела уловить, сколько боли и отчаяния звучало в голосе певца. Иглесиас, конечно, замечательный певец, но так, как Брель, ему не спеть. «Ne me quitte pas...» «Не покидай меня...» Иглесиас пел французскую песню на английском, и Настя машинально принялась сравнивать соответствие переводного текста и оригинала. Разница слышна даже в названии: «Не покидай меня» у Бреля и «Если ты уйдешь» в переводе. «Если ты уйдешь, в мире не останется ничего, во что можно верить...»

Сейчас придет Баев, и Насте придется сказать ему очень неприятные вещи. Всегда трудно принимать мысль о том, что тебя предал тот, кому ты верил. Баев наверняка свято верил в своего друга Ворожца. Знал, что тот не стерильно чист перед законом, но верил, что предать их многолетнюю дружбу Петя не сможет. Будет ли больно полковнику, когда он выслушает Настю? Поверит ли он ей? Будет благодарен или, наоборот, возненавидит, как гонца, принесшего плохую весть? Скорее второе, нежели первое. Игорь Валерьевич мало похож на человека, которому свойственно испытывать благодарность. Если она, Настя, правильно разглядела, то главный стержень всего способа отношения к людям у полковника – недоверие. Значит, он изначально закладывает на то, что все плохие и каждый может обмануть. Каждый. Только не старинные верные друзья – Смелков и Ворожец. Им он верит безоговорочно.

Впрочем, может быть, не так уж безоговорочно? Она определенно заметила, как менялись взгляд и голос Баева, когда она упоминала о том, что Петр Сергеевич готов поспособствовать смягчению финансовых условий при приобретении участка с северной стороны. Эта информация была явно новой для начальника УВД. Новой и неожиданной. Так что, возможно, он подсознательно уже готов к тому, что Настя собирается ему сказать. Но все равно...

«Мне бы стать тенью твоей тени, чтобы удержаться возле тебя...» – отчаянный крик беспомощности. Она опять вспомнила голос Брея, его интонации, и на одно-единственное мгновение ей стало мучительно, чуть ли не до слез жалко полковника. Перед глазами мелькнул образ огромного лохматого бездомного пса, которого вывезли в лес и бросили. Пес растерянно оглядывается по сторонам и ждет хозяина, еще не понимая, что его оставили здесь насовсем и теперь у него больше не будет человека, которого собака считала своим другом. Другом верным и надежным. Другом, который не может предать.

«Может, – с печальной злостью подумала Настя, стряхивая с себя ненужное и такое неуместное сейчас наваждение. – Человек такая скотина, которая может все. В отличие от животного».

Баев опаздывал, но она не сердилась и не нервничала. Пусть у него будет еще несколько минут покоя, а у нее – еще немного времени собраться и изгнать из себя невесть откуда появившееся сочувствие. Невозможно всем помочь. Как и невозможно всех пожалеть. И неправильно чувствовать свою вину за все грехи, совершенные другими. Когда она была значительно моложе, ей всегда с трудом давались разговоры с родственниками и близкими потерпевших, словно это она, сотрудник уголовного розыска Анастасия Каменская, была виновата в смерти тех, кто стал жертвой убийства. Но еще более острое чувство вины она тогда испытывала, если приходилось объяснять этим близким, за что убили человека, и рассказывать о том, что убитый был далеко не ангелом. Рассказывать вещи малоприятные, иногда оскорбительные для близких, а порой совершенно невыносимые. И каждый раз она думала: «Это я виновата в том, что им сейчас приходится выслушивать горькую правду. Они ее не знали. А мы ее выяснили. Не выясняли бы – и людям не было бы так больно. Это я виновата». С годами пришли мудрость и умение не чувствовать себя виноватой по крайней мере там, где не было ее собственной вины. Но сколько же нервных клеток было убито в таких ситуациях, сколько не видимых никому слез пролито. Да, была бы возможность – она сказала бы сейчас молоденькому лейтенанту Каменской: «Не бери на себя

ответственность за чужую боль. Ты в ней не виновата».

– Я вас слушаю.

Она вздрогнула и подняла глаза. Перед ней за столиком сидел полковник Баев. Как ему удалось подойти и сесть совершенно бесшумно?

Ну что ж, Игорь Валерьевич хочет сразу перейти к делу, минуя стадию приветствий. Ладно, так тому и быть. Не будем терять время.

– Начнем с хорошей новости. – Настя лучезарно улыбнулась. – Вы можете успокоиться сами и успокоить мэра. Никакой лаборатории нет. И убийств экологов тоже нет. Вербицкая норковая ферма совершенно безопасна, и экологическая обстановка на севере района не хуже, чем была всегда.

Лицо Баева осталось бесстрастным, только глаза едва заметно расширились. Да, этому человеку нужно отдать должное: он прекрасно владел собой и очень быстро воспринимал и оценивал информацию. «Только не жалей его, – скомандовала себе Настя, почувяв, как симпатия к начальнику УВД снова подняла голову. – Только не жалей».

– Вы это выяснили в результате вашего эксперимента? – сдержанно спросил он.

– Да, но не только. Мы это выяснили другим способом, а результаты эксперимента всего лишь подтвердили наши догадки.

– Я должен знать, как вы это выяснили, чтобы понимать, могу ли я полагаться на ваши выводы, – жестко проговорил Баев.

Ну, чего-то в таком роде она и ожидала. Ничего, этот этап можно проскочить и переходить к главному.

– Если вы настаиваете – я расскажу. Но не сейчас. Это займет много времени, а его нет ни у вас, ни у меня. Сейчас пришла очередь плохой новости. У вас будут все возможности ее проверить, тогда вы перестанете сомневаться в наших выводах.

Снова едва заметное движение глаз, но ни одна мышца в лице полковника не дрогнула. Настя собралась было продолжить, но в этот момент к ним подошел официант. Баев попросил двойной эспрессо и пятьдесят граммов коньяку. Пришлось сделать паузу, пока заказ не принесли.

– Игорь Валерьевич, правильно ли я поняла, что Петр Сергеевич получил карт-бланш на любую деловую активность? Правильно ли я думаю, что его деятельность в сфере бизнеса никто не проверяет и не контролирует?

– Допустим. Петр Сергеевич – личный друг мэра, его не трогают. Дальше?

– Дальше последует еще один вопрос: вы знаете о том, что только вам и Константину Кирилловичу он звонит сам? Ну, еще помощнице Инне, разумеется. Все прочие контакты осуществляются через Инну. По крайней мере, именно так утверждает сама Инна.

– В курсе. Дальше?

– Одним словом, стиль поведения вашего друга вам хорошо известен, – кивнула Настя. – Вы бы удивились, узнав, что он контактирует с работником комбината, минуя Инну? Не вызывая его к себе через нее, как он вызывает директора того же комбината? Более того, этот работник комбината может приехать к Петру Сергеевичу поздно вечером и без предупреждения. Можете как-то это прокомментировать? За что такие преференции?

– О ком идет речь?

– Некто Рожков, начальник охраны химкомбината.

Снова пауза, полковник несколько секунд обдумывал услышанное.

– У вас есть ответ? – наконец, спросил он.

– Есть. Но это только предположение. Проверить его я не могу, у меня нет таких возможностей. А у вас они есть. Поэтому если вы захотите, вы сами все проверите. И тогда не будете больше сомневаться в наших выводах.

– Слушаю.

Да уж, многословным и болтливым полковника Баева не назовешь!

– Я изложу только факты, так получится быстрее. Выводы вы сделаете сами. Возможно, вы со мной не согласитесь. Но в любом случае, у вас будет возможность все проверить. У Петра Сергеевича было весьма бурное прошлое, для вас это не новость. Три десятка лет в криминальных структурах – это не пустяк. У него колоссальный круг знакомств в соответствующих сферах. Однако тесные контакты он поддерживает только с теми своими старыми знакомыми, которые владеют холдингом «Прометей НЕО групп». Это тоже химическое производство, но совершенно иного профиля. У Ворожца – минеральные удобрения из апатита, у «Прометея» – лаки и краски. Одним словом, ничего общего. С людьми из «Прометея» Петр Сергеевич на протяжении многих лет встречался только два раза в год, они приезжали сюда на охоту. И вдруг в этом году через две недели после весенней охоты – внеочередная встреча. А еще через неделю в Вербицке появился человек, который является величайшим мастером формирования общественного мнения. Помните дорогой чемодан, хозяин которого так и не объявился?

– Это домыслы, – ответил начальник УВД без малейших колебаний в

голосе.

– Это факты, – спокойно возразила Настя. – Пока что я излагаю только факты. Каждый из них можно проверить. Мне известно имя того, кто запустил и умело поддерживал в городе слухи о лаборатории и убийствах экологов. Слухи, которые он сам же путем тонких манипуляций превратил сначала в мнение, потом в убеждение. В ложное, ошибочное знание. Разумеется, он не справился бы с этой задачей в одиночку. Он отлично знает, что и как нужно делать, у него двадцатилетний опыт, но ему нужна первичная информация, на которой можно построить свою конструкцию.

– И кто, по-вашему, ему помогал?

– Сергей Демченко из дежурной части вашего УВД и его двоюродная сестра Ксения Демченко из архива. А имя мастера – Евгений Эдуардович Шульмин, уроженец города Калинина, зарегистрирован, скорее всего, там же, в Твери, или в области. Это вы тоже можете проверить. Вашему другу Петру Сергеевичу почему-то очень нужна федеральная трасса, проходящая именно с северной стороны. Он готов помочь нам в приобретении участка у Верхнего Озера, более того, он прямо поинтересовался, достаточно ли у моего брата, банкира Каменского, возможностей повлиять на уровне правительства на принятие решения о проекте трассы. Его заинтересованность в северном варианте абсолютно очевидна. Так же, как очевидна заинтересованность вашего мэра в том, чтобы трасса проходила с юга. Впрочем, господин Ворожец своего интереса и не отрицает, по крайней мере, перед нами. Ему до такой степени нужен северный вариант, что он попросил помощи у своих друзей из «Прометей» и не поскупился на оплату невероятно дорогого специалиста. Специалиста уникального и потому чрезвычайно высоко оплачиваемого.

– Насколько мне известно, у Петра Сергеевича нет деловых интересов на севере. Зачем ему продавливать северный вариант трассы? Вы ошибаетесь с начала и до конца, – уверенно проговорил Баев, сделав глоток кофе. – Тем более в эту вашу схему никак не укладывается начальник охраны химкомбината.

Настя помолчала. Факты закончились. Ну, почти закончились. Наступил черед догадок и предположений, а это почва ох какая зыбкая...

– Игорь Валерьевич, – осторожно начала она, – у поведения Петра Сергеевича могут быть два объяснения. Вернее, объяснение одно и то же, но сформулированное разными словами. Можно сказать: «Мне нужна трасса с севера». А можно сказать: «Мне не нужна трасса с юга». Понимаете разницу? Может быть, дело вовсе не в деловых интересах на севере, а в остром нежелании, чтобы трасса проходила с южной стороны. И

это не просто «Я не хочу». Это страх, Игорь Валерьевич. Страх за свою жизнь.

– И что там такого, на юге? – Баев позволил себе скупое усмехнуться. – Страшные драконы? Ожившие мамонты? У вас буйная фантазия, Анастасия Павловна.

– Может быть, – согласилась она. – Знаете, мои начальники тоже обычно мне не верили. Так что ничего неожиданного вы не сказали. Я всего лишь человек, и я могу ошибаться. Но согласитесь, если бы я всегда оказывалась не права, меня не держали бы на этой работе. Меня просто сочли бы непригодной к службе в розыске и выгнали куда-нибудь бумажки перебирать. А я дослужилась до полковника, и выслуга у меня – тридцать лет. Так вот, я попросила своих друзей из Москвы выяснить все, что можно за такой короткий срок, о холдинге «Прометей НЕО групп» и о его руководителях. И обнаружилась одна любопытная деталь: холдинг-то занимается лакокрасочным производством, а вот группа директоров имеет побочный бизнес – производство электронной и лазерной техники. Разумеется, через подставные фирмы, не напрямую.

– Это криминал? – Губы полковника искривились в презрительной улыбке.

– Отнюдь, – рассмеялась Настя. – Однако в этом производстве необходимы редкоземельные металлы. А их крайне мало, рынок не насыщен. Это тоже факты, и они легко проверяются, вся информация есть в интернете, ее можно найти за пять минут. Что я, собственно говоря, и сделала. Теперь я озвучу еще один проверяемый факт, а потом перейду к догадкам. Вам известно, что по меньшей мере пять человек, работающих на комбинате у Ворожца, являются людьми из «Прометей»? Директор комбината, главный инженер, начальник охраны, начальник одного из цехов и начальник участка в этом цехе. Все они были приняты на работу одновременно, семь лет тому назад. Именно тогда, когда начались регулярные приезды директоров холдинга в Вербицк на охоту.

– Что в этом необычного? Люди встретились, договорились о совместной деятельности, вероятно, речь шла о каких-то услугах, которые «Прометей» мог оказать нашему комбинату, взамен Петра попросили трудоустроить на хорошие должности тех, кому «Прометей» хотел бы помочь. Обычная практика. Не вижу здесь ничего особенного.

– Да я бы тоже не увидела, Игорь Валерьевич, – со вздохом призналась Настя. – Но черт меня сподобил позвонить знакомым химикам, чтобы проконсультироваться. Я же все-таки юрист, в химии совсем не разбираюсь, и в химическом производстве тоже, поэтому никогда не

позволила бы себе без помощи специалистов делать выводы о том, есть что-нибудь общее между удобрениями и красками или нет. Вот мне и сказали, что общего ничего нет. Зато между удобрениями и производством электронной и лазерной техники – есть, как оказалось. Мои друзья-химики вспомнили, что был человек, разработавший метод извлечения редкоземельных металлов из фосфогипса. Видите ли, редкоземельные металлы потому так и называются, что их мало и получить их трудно. Существует целая государственная программа научных исследований, направленных на решение этой проблемы. И вот нашелся талантливый химик, который придумал, как для этого использовать фосфогипс. Только он не захотел получать за это жалкие гроши, которые наше государство платит ученым. Он захотел больших денег, и, согласитесь, его трудно в этом упрекнуть.

– Фосфогипс? Что это?

– Это отходы, которые получаются при производстве удобрений из апатитов. То есть именно те отходы, которые в огромном количестве образуются на комбинате у вашего друга Петра Сергеевича. Конечно, для этого требуется сложное и дорогое оборудование и реактивы. Так что, скорее всего, как опять же предположили мои знакомые ученые-химики, на вашем комбинате получают концентрат, содержащий редкоземельные металлы, отправляют его в «Прометей», на один из заводов, например, в Новосибирск, это ближе всего, а там уже доводят дело до конца. Беда в том, Игорь Валерьевич, что при выделении концентрата тоже образуются отходы, и по химическому составу они совсем не похожи на те отходы, которые образуются при производстве удобрений. Это тоже факты, и их вы тоже можете проверить. Здесь нет ни слова выдумки. А теперь я задам вопрос. Можно?

– Слушаю.

– У вас рядом с городом есть полигон для утилизации токсичных отходов. Вы знаете, кто им руководит?

– Разумеется. Дальше?

– У этого человека есть какое-то личное отношение к Петру Сергеевичу?

– Допустим.

– Допустим «плохое» или допустим «хорошее»?

– Петр Сергеевич вступил с владельцем полигона, скажем так, в неразрешимый конфликт. – Теперь Баев уже почти улыбался. – Началось все с бизнеса, а закончилось Галиной, вы с ней знакомы. Но Галина была просто последней точкой, основной конфликт лежал именно в деловой

сфере.

– И кто на кого обиделся?

– Владелец полигона ненавидит Петра. И Галину заодно, поскольку она ушла к Петру. Вы хотите сказать, что в такой ситуации Петр просто не может себе позволить рисковать и вывозить на полигон отходы, которые по химическому составу отличаются от заявленных в лицензии?

– Да, именно это я и хочу сказать.

Настя отодвинула пустую чашку и налила в высокий стакан воду из бутылки.

– Если бы не было конфликта, с полигоном легко можно было бы договориться. За деньги сегодня в нашей стране можно, к сожалению, договориться о чем угодно и с кем угодно. Но тут вопрос принципа. Коса нашла на камень. Уверена, что все отходы, привозимые на полигон, утилизируются без всяких проверок, за исключением отходов химкомбината. Петр Сергеевич об этом прекрасно знает, поэтому он вынужден проявлять предельную осторожность.

– И?

– И он вывозит отходы в тайгу. С южной стороны. А они токсичные, происходит заражение почвы. Если с южной стороны будут строить трассу, непременно возьмут пробы грунта. Обнаружат токсичность, начнут искать, вызовут соответствующие службы. И рано или поздно эту тайную свалку найдут. Проведут анализ отходов и дадут однозначный ответ: что это за производство, при котором они образовались. Думаю, вы прекрасно понимаете, что последует за этим. Химкомбинат – первый и единственный кандидат на тотальную проверку. Все эти годы никто ничего не проверял, никакой контроль к Ворожцу даже не совался, все понимали, что он друг мэра и ваш. Но это, так сказать, местный колорит. Строить трассу будут область и федерация, а для них Петр Сергеевич священной коровой не является. Вся эта ситуация вскроется, Петр Сергеевич заплатит огромные штрафы, но я не думаю, что он их сильно боится. На штрафы любого размера он плевать хотел, не обеднеет. А вот то, что в результате проверок редкоземельную лавочку прикроют, – это действительно опасно. Он смертельно боится своих друзей из «Прометея», потому что у них производство. У них цепочка. И Ворожец – звено в этой цепочке. Звено порвалось – цепь повисла и перестала выполнять свои функции. Ворожец дал гарантии, что все будет бесперебойно и беспроблемно. Под эти гарантии люди из «Прометея» вложили деньги в оборудование и реактивы и поставили своих людей на нужные места: директор, главный инженер, охрана, цех, в котором стоит оборудование. Если возникнут перебои и

проблемы, ему этого не простят. А нравы в этой среде жесткие, не мне вам рассказывать – не вам меня слушать. Вот почему Петр Сергеевич так не хочет, чтобы с южной стороны велись строительные работы. Вот почему он заинтересован в северном варианте прокладки трассы. И вот зачем он нанял специалиста, который сделал все возможное, чтобы настроить население города «за» северный вариант и «против» мэра, заинтересованного в южном варианте. Петр Сергеевич панически боится за собственную жизнь. Ему во что бы то ни стало нужна победа Горчевского, у которого финансовая заинтересованность как раз в северном варианте.

Она залпом выпила стакан воды. Вот и все. Теперь очередь Баева.

– Это полный бред, – невозмутимо ответил полковник. – Вы сами себя слышите? Зачем все эти трудности, если можно просто вывезти отходы оттуда, где они сейчас лежат, в другое место? Туда, где точно не пройдет ни южная, ни северная трасса. И не иметь головной боли. Мне жаль, что я потратил столько времени на встречу с вами.

Он сделал небольшой глоток коньяку, поморщился и отставил бокал.

– Кофе здесь приличный, а вот коньяк плохой. Мой вам совет: если будете выбирать место встречи еще с кем-нибудь, не назначайте свидание здесь. Всего доброго, Анастасия Павловна.

Он легко и бесшумно поднялся из-за столика.

– Одну минуту, – остановила его Настя. – У меня больше нет фактов, которые вы могли бы перепроверить сами. Но есть догадка, которая легко может превратиться в доказанный факт. Уделите мне еще две минуты, на большее я не претендую.

Баев повернулся, внимательно посмотрел на нее, но садиться не стал.

– Слушаю.

– Ваш друг Петр Сергеевич принципиально ничего, ну, почти ничего, не делает сам. Это его позиция, и он ее не скрывает. Неужели вы полагаете, что он сам садился за руль грузовика и вывозил отходы в тайгу? Нет, для любых поручений у него есть люди, которым он платит. Вам не приходило в голову, что он просто не знает, где именно свалены бочки с отходами? Тайга огромная, мне ли вам это объяснять.

– Но ведь знает тот, кто их вывозил, – пожал плечами полковник. – Не вижу проблемы.

– А он погиб, – сообщила Настя почти весело. – Вы об этом забыли? Помощник Петра Сергеевича, его ближайшее доверенное лицо, погиб. Кстати, вместе с водителем какого-то грузовика. Вот я и думаю: а не в этом ли вся проблема? Петр Сергеевич, конечно, вывез бы отходы в другое место, если бы знал, где они сейчас. Но он не знает. И спросить не у кого,

все умерли. Очень, знаете ли, удобно жить, ничем не нагружаясь и все перепоручив надежным людям, только знай плати. Но в этом есть и свои подводные камни. Конечно, он поручил кому-то искать, не сомневаюсь. Подозреваю, что это как раз начальник охраны, которому в связи с чрезвычайной важностью поручения разрешено являться к хозяину без приглашения и без предупреждения. Признаюсь вам честно: то, что я сказала, это всего лишь догадка. Но если вы проверите, кто такие эти погибшие помощник и водитель грузовика, откуда они взялись, когда были приняты на работу и кто их рекомендовал, то, вполне возможно, моя догадка превратится в доказанный факт. Вот теперь у меня действительно все. Вы по-прежнему считаете, что напрасно потратили время?

Баев какое-то время молча смотрел на нее, потом протянул руку к бокалу с недопитым коньяком, сделал один большой глоток.

– Я обдумываю вашу информацию, – сухо сказал он. – Всего доброго.

Настя смотрела ему в спину, пока Баев шел к выходу. Ровная походка, прямые широкие плечи, если судить на глазок – ни малейшего напряжения во всей фигуре. Проходя в дверь, он задел плечом косяк. И только это убедило Настю в том, что начальник УВД ей поверил.

* * *

Виктор Егоров крепко спал на диване в номере Короткова, сам Коротков отзвонился и сказал, что все сделал и сейчас будет ловить машину, чтобы вернуться в гостиницу, а Настя предавалась любимому занятию: лазила по интернету в поисках информации. Ей пришла в голову совершенно сумасшедшая идея! Полный бред, конечно, как выразился бы полковник Баев, но почему не проверить, если есть время и компьютер? Она хорошо помнила, что именно ее зацепило, когда она в один из первых дней пребывания в Вербицке читала интервью и предвыборные программные выступления мэра Смелкова. Ей тогда понравилось обилие сведений по истории охотничьего промысла в Сибири и о том, какую традиционно важную роль играет пушное звероводство. Собственно, исторические пассажи оказались для Насти Каменской самыми интересными, потому что в них была фактура, доньше ей неизвестная, а узнавать все новое ей очень нравилось. Теперь же она, находя в выступлениях мэра подобную информацию, немедленно проверяла источник, из которого она могла быть взята. Результат оказался весьма любопытным: часть фактов она нашла в имеющихся в интернете старых

статьях и учебниках профессора Тарасевича, другую же часть не нашла вообще. Значит, вот в чьих руках оказалась незаконченная рукопись профессора! Никакие мальчишки в сарай новых хозяев участка не залезали, туда залезли те, кто был столь охоч до бумаг Аркадия Игнатьевича, забрали папки, а сарай подожгли, чтобы никто не заметил пропажу. Но зачем? Зачем вся эта возня? Не ради предвыборных речей же! Просто смешно... Нет, эти люди определенно искали что-то другое, а материалы по истории просто удачно использовали, коль уж те подвернулись. Но что они могли искать? Понятно, что не книгу, а дневники, письма и прочие личные записи. И что в этих записях могло быть такого, что ради них имело смысл нагородить весь этот немислимый огород?

Она на цыпочках подошла к Егорову, прислушалась к дыханию, поправила соскользнувший на пол плед и вернулась к себе, прикрыв поплотнее дверь. Позвонила Короткову.

– Ты на каком этапе, Юраша?

– Выхожу из машины, – сообщил он усталым, но довольным голосом. – Через три минуты буду.

– Заходи сразу ко мне, – попросила Настя. – У тебя в номере Егоров спит.

Коротков ввалился в номер сияющий, но когда Настя попыталась по привычке поцеловать его в щеку, резко отшатнулся:

– Аська, я вонючий, не подходи ко мне близко. Весь день потел в этой чертовой «кенгурухе». В свой душ пустишь?

– Иди, конечно, – рассмеялась она. – Только два слова скажи: что? Я уж по телефону тебя спрашивать не стала, мало ли с кем ты там...

– Вот, держи! Жалкие плоды моих титанических усилий!

С этими словами он вытащил из кармана и положил на стол две черно-белые любительские фотографии, на каждой – четверо юношей и девушка. Молодых Смелкова, Баева и Ворожца она распознала сразу. Четвертый, судя по всему, и есть тот самый Дмитрий Голиков. А девушка? Наверное, Юля, с которой крутил роман юный Костя Смелков и про которую рассказывала Анна Макаровна Федюнина. Очень красивой девушкой была эта Юля... На черно-белой фотографии трудно с точностью определить цвет густых длинных волос, но она не блондинка и не брюнетка, скорее, темно-рыжая или шатенка. Тяжелые волны волос прихвачены с обеих сторон одинаковыми заколками с цветком.

Голиков – Юля – заколка... Вот такая странная связка. Связка, у которой есть какая-то тайна, и ради сохранения этой тайны убили любознательную и предприимчивую Камиллу Милюкову. Что же там

может быть эдакого? Ну, допустим, Дима Голиков был тихо и безответно влюблен в девушку своего друга без малейшей надежды на взаимность. И что? Ерунда полная! И вообще, не факт, что заколка, которая была у Голикова и которую забрал вместе со всеми вещами умершего друга Петр Сергеевич Ворожец, та самая. Мало ли на свете заколок с разными цветочками... Конечно, это можно проверить и уточнить, но ответ на вопрос все равно повисает.

Узнать бы фамилию этой Юли, найти ее да спросить, что там за история приключилась... Но на это нужно время. И ресурс. Ни того ни другого у них нет. Свою работу Настя с Коротковым закончили, можно возвращаться в Москву хоть завтра. Дело до конца может довести и Егоров, если захочет, конечно. Если не побоится. И если ему дадут такую возможность.

Она почувствовала себя предателем. Если бы она не вмешалась, если бы не вызвалась поговорить с соседями Милюковой и свидетелями, ничего не выплыло бы. И работал бы себе Витя спокойно, горя не зная. Получается теперь, что Настя втравила его невесть во что и собирается быстро слинять в Москву, бросив Виктора на произвол судьбы и на растерзание тех, кто на самом деле пытается скрыть настоящего убийцу Милюковой. «Ты не можешь помочь всем, – сказала она себе. – Ты не можешь отвечать за все».

Но в голове уже поселилась какая-то неудобная мысль, словно насекомое, настырно бегавшее по извилинам. Настя прислушалась к себе: нет, неудобство не связано с чувством вины перед Егоровым. И нет тут никакой ее вины, Виктор большой мальчик и в состоянии сам принимать решения, никто его не заставляет искать истину, он вполне может ограничиться тем, что будет выполнять то, чего от него ждут. Что-то другое... Она прибегла к старому проверенному способу – попыталась вспомнить последовательно, что именно она подумала и какими словами перед тем, как противное насекомое оживилось и принялось возиться в мозгах. Узнать фамилию Юли, найти ее, спросить... Нужен ресурс и время, которого у них с Коротковым нет...

«Насекомое» впилося зубами в оболочку извилины и больно укусило. У шеф-редактора Милюковой не было ни ресурса, ни времени. А ее все-таки убили. Значит, она представляла реальную опасность. Почему? Да потому, что выяснить фамилию этой Юли не составляет ни малейшего труда, это могла бы сделать даже Милюкова за минимальное время. И заинтересованные в сохранении тайны люди прекрасно об этом знали.

Придется будить Егорова... Жалко. Он так сладко спит. А когда спит –

не мучается желанием выпить. Пусть бы поспал подольше...

– Есть хочешь? – спросила она Короткова, когда тот вышел из душа в ее халате.

– Ой, нет, я целый день какой-то дрянью напихивался с горя: то чипсами, то печеньем, то сухариками, – чтобы не опупеть от бесконечного ожидания. Ничего, что я твой халатик позаимствовал? А то мое все пропотело, если пойду к себе за чистой одеждой – Витьку разбужу.

– Все равно придется его будить, – вздохнула Настя и в двух словах поделилась с Юрой своими соображениями.

– Похоже на правду, – согласился он. – Но к чему спешка-то? Пусть человек поспит, мы с тобой завтра улетим, а он будет спокойно заниматься своим делом.

– Мы завтра не улетим.

– Почему это?

– Потому что мы улетим послезавтра. А завтра мы сделаем еще одну плохую вещь. Вернее, начнем делать ее уже сейчас. Сегодня начнешь ты, завтра подключимся мы с Виктором, потом мы ее все вместе доделаем, и вот тогда уже можно будет улетать, – с улыбкой сказала Настя.

Коротков выслушал ее план и горестно развел руками:

– Если твой брат надумает еще где-нибудь покупать землю...

– ...то ты костями ляжешь, чтобы меня с тобой не посылали, – закончила она. – Я поняла. Бери телефон и делай, как я прошу. Юр, сыщик – это состояние ума и души, это пожизненный приговор. Невозможно перестать быть опером, выйдя в отставку. Оно нас не отпускает до самой смерти. Прими как данность и не сопротивляйся.

– Куда ж от тебя деваться-то... – пробормотал он, поднимая брошенную на пол «кенгуруху» и шаря по карманам в поисках телефона. – Но ты даешь мне честное слово, что послезавтра мы улетим в Москву?

– Клянусь! Хочешь, прямо сейчас билеты бронирую?

– А вот хочу! – с вызовом проговорил он. – Давай бронируй, чтобы я видел. А еще лучше – оплати их, мне так спокойнее. И рейс выбирай утренний. Чем быстрее мы отсюда свалим, тем лучше для всех.

Он отправил сообщение Инне, помощнице Ворожца, встал у Насти за спиной и придирчиво наблюдал за процедурой покупки билетов на самолет.

– Почему в одиннадцать пятьдесят? – сварливо заметил Коротков. – Там еще в пять утра был рейс, я только что видел.

– Юр, ну возьми же себя в руки! – возмущилась Настя. – Если вылет в пять, то во сколько вставать придется? Мы отлично улетим в одиннадцать пятьдесят.

Он помолчал какое-то время, потом спросил:

– А может, это все зря, а, Аська? Может, Баев уже сейчас у Ворожца? И вся твоя затея – пустая?

Она отрицательно помотала головой и начала вводить в поле цифры из номера кредитной карты.

– Баев никому не верит на слово. Он не пойдет к Ворожцу, пока сам не проверит хотя бы что-то из того, что услышал от меня. А на это нужно время. Долго тянуть с выяснением отношений Баев не станет, это правда, но минимальную проверку проведет обязательно. Ни один мужик в здравом уме не станет подвергать риску старую дружбу из-за того, что ему наболтала какая-то малоизвестная баба. Думаю, до завтрашнего вечера ему времени как раз хватит.

– А если нет? Если завтра ничего не произойдет? Ты захочешь поменять билеты и ждать, пока полковник созреет?

– Юраша, я же пообещала тебе: послезавтра мы улетим. Не произойдет – значит, не произойдет. Не судьба. Оставим это Егорову, захочет – доделает. Нас это больше не касается. Все, билеты оплачены. Иди буди Витю и одевайся. Салон связи за углом, я видела.

– Почему я-то? – попытался возмутиться Коротков. – Я и так весь день на ногах.

– Потому что у Вити паспорта с собой нет, только служебное удостоверение. По удостоверению ему никто номер не оформит. Можно, конечно, договориться, используя служебное положение, но зачем ему светиться? А вдруг Баев его проверит? Он ведь наверняка начнет проверять телефон Ворожца, и Витя может просто попасть под раздачу. Кто-нибудь возьмет и ляпнет, что, мол, ваш офицер тут новый номер брал. А тебя проверять никому в голову не придет.

– Тебя послушать, так Баев просто гигант мысли, – недовольно проворчал Юра.

– Он и есть гигант, – улыбнулась Настя. – Ты же знаешь мой принцип: битва проиграна уже в тот момент, когда ты только допустил мысль, что противник глупее тебя. Давай, Юрочка, давай, пока салон не закрылся.

* * *

С Егоровым все согласовали и отправили майора домой. Звонка Инны решили ждать в ресторане: вредная еда, которой весь день пичкал себя Коротков, все-таки куда-то провалилась, и часам к десяти вечера и он, и

Настя почувствовали себя ужасно голодными. Водителя Володю сегодня не вызывали, и когда обсуждали вопрос с транспортом, Егоров предложил оставить им свой автомобиль.

– Раз вы в водителе не уверены, то и не трогайте его сегодня, – посоветовал Виктор. – И завтра не трогайте. Ты, москвичка, можешь завтра на моем драндулете поездить, если не побрезгуешь.

– А как же ты? – озаботилась Настя.

– Обижаешь, – хмыкнул Виктор. – Я в этом городе родился и всю жизнь прожил. Что ж я, не найду, у кого тачку позаимствовать на денек?

Коротков в принципе согласился с идеей, но внес коррективы.

– Нехорошо получится, если мы водителя два дня подряд не вызываем. Если мы никуда не ездим и вопросы не решаем, то чего тогда мы тут штаны просиживаем? Почему в Москву не возвращаемся? Ты сама говорила: не нужно будить излишние подозрения. Сегодня, допустим, мы ждали какого-нибудь решения или согласования, а завтра надо вопросик порешать, чтобы послезавтра с тщательно вымытой шеей уезжать. Вот так будет правильно.

– И куда ты поедешь завтра? – поинтересовалась Настя. – Ты не забыл, что завтра воскресенье? Какие вопросики ты собираешься порешать, когда у людей законный выходной?

– Придумаю что-нибудь, у меня вся ночь впереди, – беззаботно отозвался Коротков. – Среди людей существуют не только чиновники, но и бизнесмены, которые функционируют в круглосуточном режиме.

Они проводили Виктора и теперь сидели в гостиничном ресторане, работающем до часу ночи, и ждали. Ужин был съеден, чай выпит, а помощница Ворожца все не давала о себе знать.

Звонок раздался без четверти двенадцать.

– Что-то случилось, Юрий Викторович? Нужна помощь? – спросила Инна.

– Вам удобно разговаривать?

– Да, вполне. Вы же ясно изложили свою просьбу позвонить, когда Петр Сергеевич меня отпустит. Я в машине, уже въехала в город. Если хотите, могу к вам подъехать, куда скажете.

– Мне нужно поговорить с вами. Но так, чтобы об этом знало как можно меньше людей. Так что давайте лучше я подъеду, куда вы скажете. Наверное, к вам домой неудобно?

– Ну что вы, почему неудобно? Мой муж...

– Инна, – мягко перебил ее Коротков, – я сам муж. Причем уже не в первый раз. И точно знаю, что никакому, даже самому лучшему, мужу на свете не понравится, если к его жене в первом часу ночи заявится в гости

посторонний мужчина. Вы живете далеко от гостиницы «Сибирь»?

– В ночное время минут за десять можно доехать.

– Скажите мне адрес, я буду ждать вас возле дома. Надеюсь, что не задержу вас надолго.

– Хорошо.

Коротков записал адрес, похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли ключи от машины Егорова и оба мобильных телефона.

– Ну, все, Аська, благослови. Будем надеяться, что помощница у Ворожца вменяемая. Терпеть не могу, когда твоя собственная безопасность зависит от посторонних женщин! Сначала Лорик эта, теперь вот Инна... – посетовал он.

– Ты же сказал, что уверен в Ларисе, – заметила Настя.

– Я, конечно, постарался вести себя правильно, чтобы напугать ее ровно в меру. Думаю, что в ближайшие три-четыре дня она никому ничего не скажет. А вот дальше, когда она остынет, все обдумает и успокоится, гарантировать не могу.

– А дальше нам и не нужно, мы в это время уже дома будем. Удачи тебе, Юраша. Буду тебя ждать в номере.

Коротков умчался, Настя позвала официантку, подписала счет и поднялась к себе. Надо чем-то себя занять, отвлечься, чтобы ожидание не было столь мучительным. Теперь, отправив Юру с вроде бы хорошо обдуманым и выстроенным планом разговора с Инной, она начала сомневаться и нервничать. Правильно ли они составили систему аргументов? Они оба исходили из того, что успели за несколько дней понять в характере этой женщины, но понять-то они сумели совсем немного. Разве несколько дней поверхностного знакомства – это срок?

Если можно что-то исправить в плане, то нужно делать это быстро, пока Коротков не встретился с Инной. А может быть, нужно было Насте самой поехать? Почему она решила, что лучше именно Короткову разговаривать с помощницей Петра Сергеевича? Потому, что слова мужчины воспринимаются обычно более серьезно. И еще потому, что у Короткова есть то самое обаяние сильного зрелого мужика, которое заставляет людей, особенно женщин, верить ему безоговорочно. Нет, правильно, что поехал он, а не Настя.

Или все-таки зря они решили не использовать диктофон? Диктофон намного надежнее. Но неизвестно, когда состоится встреча Баева с Ворожцом. И неизвестно, сможет ли Инна потом передать запись. После разговора с начальником УВД Петр Сергеевич может проявить недюжинную подозрительность и осторожность, и все передвижения и

контакты помощника будут взяты под жесточайший контроль. Кроме того, встреча вообще может состояться не завтра. Нет, с телефоном, конечно, более рискованно, но зато обеспечено своевременное поступление информации.

Ее начало знобить. Так бывало всегда, когда она сильно нервничала. Главное, что должен сделать Коротков, – это пробиться сквозь стену честности и преданности. Инна работает на Ворожца, верно ему служит. Очень трудно заставить человека сделать что-то во вред тому, кто дает работу и платит большие деньги. Вся надежда только на острый ум Инны, на умение видеть перспективу и на ее желание вернуться в свою основную профессию. Они с Коротковым сделали ставку именно на эти три качества. А вдруг они ошиблись? А вдруг Инна вовсе не такая? Их главный аргумент состоит в том, что Петр Сергеевич своими неосмотрительными действиями поставил себя в ситуацию, у которой есть только три окончания: либо его убьют люди из «Прометея», либо Баев и Смелков полностью перекроют ему кислород, не простив предательства, либо он ударится в бега. Других вариантов нет. И при любом из них Инна все равно не сможет работать у него и получать свою немаленькую зарплату. Так что держаться за место ей смысла нет. Если же ситуация будет развиваться по самому плохому сценарию и дело дойдет до разборок с «Прометеем», то помощник легко может стать жертвой вместе со своим хозяином.

Нет, ничего более умного и правильного не придумывается. Значит, остается только тупо ждать. Ох, как же Настя Каменская этого не любила! Она открыла дверь в номер Короткова и принялась ходить, проложив маршрут от прикроватной тумбочки в своей спальне до такой же тумбочки в спальне Юры. Получилось по двадцать шагов в каждую сторону. Минут на пять этого хватило, потом нервный мандраж стал еще сильнее. Схватив карту-ключ, телефон и сигареты, она выскочила из номера в коридор, дошла до лифта и спустилась вниз. Промчавшись мимо входа в ресторан, откуда доносились громкая музыка и гул голосов, Настя направилась в бар, где тоже, как она знала, было многолюдно и шумно. Это хорошо, это как раз то, что надо. Все силы уйдут на борьбу с раздражением, ибо громких звуков она не выносила. Но зато раздражение и попытка его унять отвлекут хоть как-то.

Все столики оказались заняты, Настя нашла свободный стул у барной стойки и попросила какой-нибудь безалкогольный коктейль. Бармен посоветовал нечто под названием «Снежинка» и быстро приготовил напиток, который оказался не очень вкусным, но зато освежающим.

– Можно вас угостить? – послышался из-за спины незнакомый голос.

Она резко обернулась и увидела мужчину лет тридцати пяти, симпатичного, но изрядно навеселе.

– Ой, простите, – растерянно пробормотал он, увидев Настино лицо.

Она от души рассмеялась. Именно про такие ситуации говорят: сзади – пионерка, спереди – пенсионерка.

Мужчина подумал какое-то время, потом, похоже, решил, что ситуация сложилась не очень красивая и ее надо сгладить. Девушка, сидевшая справа от Насти, докурила свою сигарету и ушла, и новоявленный кавалер немедленно взгромоздился на освободившееся место.

– Я очень извиняюсь, – начал он, – я не хотел вас обидеть... Вы не обиделись?

– Я не обиделась, – улыбнулась Настя, надеясь, что на этом инцидент можно будет считать исчерпанным.

Но кавалер, судя по всему, полагал несколько иначе.

– Я ничего не имел в виду... Вы очень симпатичная женщина... – продолжал он. – Вы даже, можно сказать, красивая... Ну и что же, что не молодая... Но вы точно не обиделись? Правда?

– Я не обиделась, – повторила Настя медленно и четко. – Все в порядке.

– А давайте выпьем в знак того, что вы меня простили! – обрадовался мужчина.

– Я не пью. Успокойтесь, пожалуйста, я не обиделась и не сержусь.

Она собралась было проявить непреклонность и сказать что-нибудь резкое, если он не отстанет, но вдруг подумала, что бессмысленное пререкание с нетрезвым мужичком – тоже способ отвлечься.

– Но вы же что-то пьете... А давай на ты, а? Выпьем на брудершафт, я буду точно знать, что ты не обиделась.

От него несло свежим перегаром, и Насте стоило изрядных усилий не морщиться от запаха. Она внезапно развеселилась.

– А давай! – согласилась она. – Только мне что-нибудь безалкогольное.

– Болеешь, что ли? – с сочувствием спросил кавалер.

– Ага. Ты ж сам видишь: я старая уже. Болезней миллион, таблетки пью горстями.

– Сделай даме... – Мужчина собрался сделать бармену заказ и запнулся.

Было очевидно, что безалкогольной продукцией он отродясь не интересовался и названий никаких не знает.

– «Снежинку», – подсказала Настя.

– Во! «Снежинку» даме наморозь, – обрадовался мужчина. – А мне

вискаря с колой.

Бармен как-то странно усмехнулся, неодобрительно посмотрел на Настю, но через минуту поставил на стойку два стакана: один – высокий и узкий – с коктейлем, второй – пониже и пошире – с виски, разбавленным пепси-колой.

– Ну, поехали!

Кавалер выставил вперед согнутую в локте руку со стаканом. «Выпить-то я выпью, – подумала Настя, – тем более что пить действительно хочется. А вот потом же целоваться придется... Как бы от запаха перегара не помереть».

Ее спас Коротков. Вернее, телефон, издавший сигнал о получении сообщения. Быстро допив свой напиток, Настя ловко уклонилась от пьяных объятий и вытащила телефон:

– Извини, срочное дело.

Мужик попытался обидеться, но она уже забыла про него, впившись глазами в экран, на котором светились такие чудесные слова: «Порядок. Еду».

Воскресенье

Утром Коротков, надев костюм вместо вчерашних джинсов и придав лицу выражение деловитой собранности, сел в машину к Володе и поехал «решать вопросы». Настя же, одевшись попроще, как для неспешной прогулки, покинула гостиницу через полчаса после Юрия, прошла два перекрестка и свернула в переулок, где еще вчера Егоров оставил для нее машину. В гостинице за ними, конечно же, наблюдали, это понятно, а вот за ее пределами – крайне маловероятно. Наружное наблюдение – штука дорогая, если осуществляется профессионалами. А если лохами – то Настя и Коротков заметили бы их в первый же день.

Сев за руль старенькой машины Егорова, она порадовалась: все было знакомым и понятным, потому что навыки вождения Настя Каменская получала много лет назад на автомобилях как раз этого поколения. Дорогу до психоневрологического интерната она помнила хорошо и преодолела уверенно, не заглядывая в карту на каждой развилке.

Той медсестры, с которой Настя разговаривала в первый приезд, не было, сегодня не ее дежурство, но ведь если Дмитрий Голиков прожил в интернате много лет, то его коробочку с сокровищами наверняка видели все сестры, и не по одному разу. Медсестра средних лет, похожая на сдобную булочку, сразу поняла, о чем ее спрашивают.

– Конечно, я помню, – закивала она. – А что случилось?

Настя достала фотографию, показала женщине.

– Ой, так это же Дима наш, – заверещала медсестра. – Какой молоденький! Это сколько же ему здесь лет?

– Восемнадцать.

– И вот этого я помню. – Она ткнула пальцем в Ворожца, который на снимке стоял в центре группы, обнимая одной рукой Голикова, другой – девушку, которую предположительно звали Юлей. – Только постаревший, само собой. Он к Диме нашему приезжал, как раз в мою смену. Все расспрашивал о нем, как он да что, как чувствует себя, что говорит. Потом в комнату к нему прошел, посидел с ним немножко. Вышел расстроенный такой! Ничего, говорит, Димка не помнит и меня не узнает.

– Он всего один раз приезжал? – спросила Настя.

– В мою смену – один раз, это точно. Но мы ж работаем сутки через трое. Может, другие девочки его видели.

Ладно, захочет Егоров – сам приедет и с медсестрами из каждой смены

поговорит. Времени и так в обрез.

Настя попросила посмотреть повнимательнее на изображенную на снимке девушку.

– Обратите внимание на заколки. Они похожи на ту, которая была у Голикова?

Медсестра долго щурилась, то отставляла руку с фотографией подальше, то приближала к глазам, потом не выдержала и, сконфуженно улыбнувшись, достала из кармана очки.

– Никак не привыкну, – вздохнула она. – Все кажется, что очки для чтения – признак старости. Говорят же: возрастная дальнозоркость. Ужасное слово какое: возрастная! Особенно для нас, женщин.

Она подняла глаза на Настю.

– А вы пользуетесь очками?

– Конечно, – рассмеялась Настя, – давно уже. Постоянно ношу с собой.

Она открыла сумку и показала медсестре очечник. Та снова вздохнула, не то с пониманием, не то с облегчением, и принялась рассматривать фотографию.

– Вроде такая же, – неуверенно произнесла она. – У Димы была черная, пластмассовая, с большим красным цветком. А здесь цвет не разберешь...

– Но в целом, по виду, похожа?

– Похожа. Очень похожа. А что случилось-то? – повторила она свой вопрос, ответа на который так и не получила.

Зато получила конверт, после чего перестала проявлять любопытство. Однако напоследок все-таки добавила:

– Я должна буду сообщить дежурному врачу о нашем разговоре. У нас с этим строго, знаете ли.

– Конечно, – улыбнулась Настя, – сообщите. Никаких секретов у меня нет.

Похоже, вчерашние соображения нашли свое подтверждение. Дмитрий Голиков хранил заколку Юли, девушки своего друга. Ну и что? Юля – красавица, наверняка в нее были влюблены все четверо. Нет, тут что-то еще... Что-то такое, что ей, Насте, в голову пока не пришло.

* * *

– И слава богу, что она больше не объявлялась! – сварливо заявила изможденного вида немолодая женщина с натруженными руками и

глубокими морщинами. – Толку из Юльки все равно не вышло бы, а куда нам ее с младенцем в подоле? Своих ртов хватает, еле-еле концы с концами сводим. И не выгонишь, сестра ведь. Так и сидела бы на нашей шее, ребеночка бы подкинула нам и хвостом крутила бы.

– Насчет ребеночка – это точно? – спросил Егоров, уже минут сорок выслушивавший злобные, полные ненависти слова старшей сестры Юлии Ульянцевой, найти которую и в самом деле не составило особого труда. – Она была беременна, когда уехала?

– Ну, это вряд ли, – фыркнула женщина. – Юлька очень о себе много понимала, в артистки собралась, была бы тяжелая – не уехала бы. Вечно ей все самое лучшее доставалось, она ж младшая, когда родилась – мне уже почти двадцать лет было, да и остальные братья и сестры подросли, вот родители на Юльку все внимание и кинули. И красавица-то она, и умница, и талантливая, и большое будущее у нее. У нас всех, понимаешь ли, нет никакого будущего, кроме как метлой махать и уголь грузить, да на огороде вкалывать, а у нее есть!

– Тогда почему вы упомянули о ребенке? – не унимался Виктор. – Она вам сообщила после отъезда, что родила?

– Да прям! Будет она нам сообщать, дожидайся! Мы для нее мусор. Как уехала в Москву – так и все, с концами. Ни письма, ни звонка по телефону, и не приехала ни разу, хоть бы родителей навестила, сучка, пока они еще живы были. А я тебе так скажу: какая она артистка, к едрене фене? В проститутки она подалась, вот в этом я не сомневаюсь, таким, как Юлька, одна дорога. Ну, а где койка со всеми подряд, там и беременность рядом. На шалаве-то какой дурак женится? Значит, останется с ребеночком одна да без работы своей подстилочной. Куда ей деваться? Только к нам, сюда, на нашу шею. Она ж принцесса, едрена вошь, нормальной работой ручки марать не будет. Ну, раз не вернулась, значит, обошлось без ребеночка. Может, мужика нашла какого-нибудь. А может, и померла уже.

Ни малейшего сожаления в голосе старшей сестры Юлии Ульянцевой Егоров не услышал. То ли обида так и не прошла, то ли в этой семье вообще не принято любить родню и помогать ей, самим бы выжить...

– А Костю помните?

– Это какого Костю? – Женщина злобно прищурилась. – Рыжего такого, через два дома от нас жил?

– Нет, Костю Смелкова, с которым Юля любовь крутила.

Фамилия не произвела на нее никакого впечатления. То ли не знала, что это имя нынешнего мэра города, то ли не сообразила сразу.

– Да с этой шалавой кто только любовь не крутил! Полгорода у нее под

юбкой перебивало. Только мне и забот их по именам помнить. Да я и не знала, у меня к тому времени уже своя семья была, трое детей, мы с мужем колотились, как могли, чтобы всех прокормить и одеть-обуть, в те времена-то – не то что сейчас, полторы ставки максимум можно было получать, много не зарабатываешь. Вот мы с ним на двух работах вкалывали да еще шабашили, где могли, чтобы лишнюю копейку заработать, света белого не видели. А ты про Юлькиных хахалей спрашиваешь! Не до них мне было.

– Тогда последний вопрос: когда Юля уехала?

– А я помню? – Женщина развела руками. – Столько лет прошло... Но отец тогда сильно ругался, а мать ему говорила, что Юлька, дескать, уже совершеннолетняя, имеет право сама решать, где ей жить и на кого учиться. Значит, восемнадцать ей исполнилось. Может, девятнадцать. Или двадцать. Не помню. Давно это было.

Разговор разбередил Егорову душу. У него не осталось семьи, и с этой болью он до сих пор не мог справиться. Он даже не был уверен, что хочет другую семью, новую. Ему нужны были те, кого больше нет, и заменять их на других людей он не собирался. Может, и хорошо, что у него теперь нет семьи? Разве лучше было бы, если б она оказалась такой, как у Ульянцевых, когда каждый ее член рассматривается в качестве потенциальной обузы, и если от него нет ощутимой пользы, то пусть лучше такого члена семьи не будет совсем? Нет, невозможно даже представить, что его сын и дочка выросли бы и превратились в таких вот Ульянцевых, ненавидящих своих старых и немощных родителей, которые нуждаются в помощи и заботе. Его дети такими не стали бы! Или стали бы?

Снова захотелось выпить, захотелось мучительно, непреодолимо. Но почему-то было неловко перед москвичами. «Завтра, – решил Виктор. – Дотяну до завтра. Они уедут, и я оторвусь по полной. И гори все синим пламенем».

* * *

Он снова стоял в храме, в самом углу, и старался собраться с мыслями. Это был уже другой храм, не тот, в который он заходил на днях, находящийся в центре Вербицка, а тот, мимо которого он проезжал по дороге к дому Петра. Этот храм был большим и помпезным, и никому не было дела до притулившегося к стене в темном углу крупного мужчины в неприметной серой куртке.

«Зачем я убил ту птицу...» Зачем, зачем все это было? Зачем все это

есть? Мир полон зла и грязи, политика лжива, экономика уродлива, любовь преходяща. Ни на что нельзя опереться. Есть только одно, во что можно верить и на что можно положиться во всем этом мраке: настоящая мужская дружба. Баев верил в нее. Надеялся на нее. Искал в ней опору и поддержку. И оправдание всему, что он делал. Нельзя подвести Костика. Нельзя подвести Петю. Они все втроем – одно целое, с самого раннего детства. Что бы ни случилось, как бы ни повернулась жизнь, они никогда не предадут друг друга.

Первый шаг сделал Костик, публично открестившись от Петра, на деньги которого провел свою первую предвыборную кампанию. На пресс-конференции, которую давал новоизбранный мэр, Смелков искренне благодарил всех, кто его поддерживал, кто верил в него и финансово помогал. Он назвал всех поименно. Всех, кроме Ворожца, чей вклад был самым весомым. Костик перестал приглашать Петю на публичные мероприятия, куда созывался весь цвет предпринимательства и бизнеса. Он ни разу не назвал Петиного имени, когда рассказывал о своей работе на строительстве зверофермы. Да, он продолжал тесно общаться с Петром, но делал это скрытно, словно стесняясь.

Петя его простил. Обида иногда прорывалась, Баев это замечал, но знал, что Петр – разумный и деловой человек и прекрасно понимает, что так действительно лучше для имиджа мэра. В реальной помощи Ворожцу Костик никогда не отказывал, это правда. Но кто знает, что для Петьки важнее: получать помощь в организации бизнеса или занимать официальную позицию лица, приближенного к руководству. Почему-то Баев всегда, с самого детства, был уверен, что для его друга Пети главное – деньги. Они стоят на первом месте. Они были нужны, чтобы прокормить себя и тащить мать-алкоголичку, работавшую уборщицей и мгновенно пропивавшую аванс в день аванса, а получку в день получки. Никому из друзей не приходило в голову не то что презирать Петю, а даже просто упрекать в том, что он зарабатывает бог знает на чем. Да и отец Игоря Баева, участковый, как-то сказал: «Бедный парень. Разве у него есть другой выход? Я могу упрятать его мамашу в ЛТП, это без вопросов, а дальше что? Отца нет, родни нет, значит, Петьку определяют в детский дом. А так он хоть при матери растет».

У Петра в голове только деньги. Так думал Игорь Баев. Думал до вчерашнего дня. Вчера после разговора с Каменской он вдруг понял, что Петя отчаянно боролся за сохранение позиции лидера. Не за деньги. А за то, чтобы быть главным. Быть тем, к кому приходят за советом, к кому прислушиваются, с кем считаются. Быть таким, каким он был для них,

пацанов, потом подростков, потом юношей. А Костя его отстранил. Отодвинул.

И когда возникла проблема, Петя без жалости и колебаний вонзил нож в спину друга. Еще вчера Игорь Валерьевич задействовал все связи и информационные возможности, чтобы проверить то, что говорила Каменская. Сегодня к середине дня он получил ответы. Не все и не самые полные, но содержащие вполне достаточно сведений, чтобы убедиться: она говорила правду. Петька действительно все это сделал. Петя Ворожец наплевал и на дружбу с Костей, и на дружбу с Баевым, пребывание которого в должности напрямую зависит от того, кто будет избран новым мэром. Он мешал Косте даже в Перове, на уровне областной администрации: Костя простодушно и недальновидно делился с друзьями планами задумываемых интриг, а Петька немедленно предупреждал кого следует, чтобы у Смелкова ничего не вышло. И каждый раз Костик расстраивался и удивлялся, что хорошо, как ему казалось, продуманная комбинация непонятно почему сорвалась. Знал бы он...

Если посадить в одну и ту же почву несколько семян и одинаково ухаживать за ростками, все равно выросшие растения никогда не будут идентичными. Более того, они могут оказаться совершенно разными. С людьми происходит то же самое. И не имеет значения, что пацаны росли на соседних улицах и ходили в одну и ту же школу, играли в одни и те же игры и читали одни и те же учебники. Не имеет значения, что они вместе ходили в кино, курили сигареты из одной пачки, пили водку не просыхая и совершили один и тот же грех. Прошло тридцать пять лет, и в каждом из них это общее и одинаковое проросло по-разному. В Костике Смелкове – легкостью и уверенностью, что ему все дозволено. В Петьке Ворожце – цинизмом и бесчувственностью. В нем, Игоре Баеве, – тяжелой давящей виной. Виной, которую он пытался отогнать от себя и задушить, оправдываясь дружбой, той самой настоящей мужской дружбой, предать которую невозможно.

Но внезапно оказалось, что дружбы нет. А если есть, то ее легко можно предать. И между Баевым и его огромной Виной больше не осталось преград. Никакие идеи о настоящей дружбе больше не защитят его. Огромная и страшная Вина придвинется вплотную и поглотит его. Убьет.

Он вышел из храма, несколько секунд постоял на крыльце и вернулся в машину, которую оставил за оградой.

– Петр Сергеевич ждет вас в кабинете, – с деловитой приветливостью сказала помощница Ворожца, открыв Баеву дверь.

Он отлично знал, где на втором этаже находится кабинет Петра, но Инна, как положено, проводила его до самой двери.

– Что-нибудь нужно, Петр Сергеевич? – спросила она.

– Скажи Наде, пусть подаст чай. Ну и к чаю чего-нибудь. Ужинать будем позже. Ты ведь останешься на ужин, Игорек?

Баев промолчал, сделав вид, что не услышал вопрос. Петр с довольным видом развалился в кресле.

– Ну что, начальник, какие новости?

– Никаких, – глухо ответил Баев.

– Значит, что-то случилось? – Лицо Ворожца вмиг приобрело выражение озабоченности и готовности оказать любую помощь. – Проблемы?

– Что ж ты творишь, Петька? – проговорил полковник едва слышно.

– Ты о чем? Что я творю?

– Я о Шульмине. Об убитых экологах, о лаборатории. О «Прометее». Ты что же, думал, я не узнаю? Ты меня за кого держишь? За мальчика на побегушках?

Ворожец задумчиво смотрел на Баева, потом едва заметно усмехнулся.

– Значит, знаешь... Ну ладно. И что теперь?

– Как ты мог? – Баев повысил голос. – Ты же Костю этим гробишь, победу Горчевскому обеспечиваешь. Почему, Петя? Неужели только потому, что Костя тебя отодвинул и публично не признал близким другом? Неужели из-за этой ерунды?

– Я, Игорек, жить хочу. Я жизнь свою спасаю. Если ты знаешь так много, то знаешь и то, какие люди стоят за «Прометеем».

Значит, Каменская не ошиблась и в этом... Или она знала точно? Впрочем, какое это теперь имеет значение! Важно, что это правда.

– Петя, ты идиот? Ты забыл, почему Костя так бьется за южный вариант трассы и за сохранение зверофермы? Ты забыл, что мы там четыре трупа закопали? По трупу на каждого из нас. Это ведь была твоя идея: после Юльки доказать, что никто из нас Костика не сдаст, а для этого мы все должны кого-нибудь грохнуть и в тот же котлован спрятать. Ты все забыл, да, Петенька?

Ворожец сделал успокаивающий жест рукой, и полковник понял, что

непроизвольно повысил голос. За дверью послышались шаги, вошла повар Надя с подносом, быстро сервировала чай и скрылась. Петр налил чаю себе и Баеву, но пить не стал. Дождавшись, когда стихнут шаги на лестнице, негромко произнес:

– Не надо кричать, Игорек. Я не идиот. И поверь мне, снос зверофермы, при котором будут вскрыты все фундаменты, никому из нас ничем не угрожает. Подожди, не перебивай меня. Я все помню: и что скелеты там, и одежда, и личные вещи. Скандал поднимется, шуму будет много. Но ни тебя, ни Костика он не коснется. Даже меня он не коснется.

– Что ты хочешь сказать? – Баев нахмурился. – Как ты себе это представляешь?

Ворожец повернулся на вращающемся кресле, снял с полки несколько папок и открыл спрятанный за ними сейф. Достал из сейфа маленькую картонную коробочку, открыл ее и протянул Игорю Валерьевичу.

– Что это? – недоуменно спросил тот.

– Это, Игореха, наша «охранная грамота». Нам всем невероятно повезло. Димка брал с каждого трупа что-нибудь себе на память. Брал потихоньку, тайком от нас, пока мы не видели. У него с головой уже тогда было не все в порядке, просто мы по молодости не заметили, не поняли. Эту коробочку он дома хранил, а когда после отсидки его в психушку засунули, взял с собой. И с тех пор с ней не расставался. Ее в интернате все видели. И легко подтвердят, что это Димкины вещи. И все трупы можно будет списать на него. Никто даже сомневаться не станет, на Димке уже есть доказанное убийство с изнасилованием, и диагноз у него тоже есть. А самого Димки нет. Даже если ферму ликвидируют, здания и сооружения снесут, а фундаменты вскроют, даже если вторая заколка Юлькина еще не сгнила за тридцать пять лет и ее там найдут, я вовремя вспомню, что точно такая же заколка лежит среди вещей, принадлежавших моему покойному другу детства. Я навещал его в интернате, я его хоронил, я же и забрал его вещи, часть которых оставил себе на память. Все можно подтвердить. О том, что он совершил четыре убийства, не знали ни ты, ни я, ни Костик. И никто, – слышишь, Игореха! – никто и никогда не докажет обратного. Так что трасса с севера нам не страшна. А вот трасса с юга опасна лично для меня. Я подыхать пока не готов, знаешь ли. Знаю, что ты сейчас скажешь, знаю. – Ворожец скупо улыбнулся. – Что моя борьба за северную трассу будет стоить Костику места мэра, а тебе – места начальника УВД. Да, согласен, и политическая карьера Костика, и твоя служебная карьера пострадают. Но вы в любом случае останетесь живы и как-нибудь устроите свои дела. А лично для меня моя собственная жизнь дороже, чем ваши

карьеры. Уж не обессудь. – Он картинно развел руками. – Я все сказал. Теперь я готов выслушать, какая я сволочь и как ты во мне разочаровался. Только давай быстрее. И пойдём ужинать.

«Каждый из нас может предать...» Именно эти слова и произнес тридцать пять лет назад Петька Ворожец. Произнес дня через три после того, как измученный ревностью, исстрадавшийся пьяный Костя Смелков убил бросившую его Юльку, которая заявила, что рядом с ним, постоянно нетрезвым работягой со стройки, у нее нет будущего и свою жизнь она будет строить отдельно, в столице, в театральном институте. Убил и бросил в котлован, вырытый под фундамент одного из зданий будущей зверофермы.

Они все тогда плохо соображали, пили не просыхая. И Петькины слова восприняли как руководство к действию, не обдумывая. Никто не хотел показаться слабаком. И никто не хотел, чтобы его заподозрили в предательстве «настоящей мужской дружбы».

Фундамент залили в котлован, ферму построили. И никто никогда не узнал бы о спрятанных трупах, если бы не возникла опасность, что ферму ликвидируют и все постройки снесут. Все силы мэра и начальника УВД были брошены на то, чтобы не допустить строительства трассы на севере района. Если найдут останки – первым делом будут искать и отрабатывать тех, кто в тот момент работал на строительстве. Вспомнят про Диму Голикова. А вдруг окажется, что он кому-то рассказал об их отвратительной тайне? Конечно, Димка псих, кто ему поверит? Но все равно страшно: а если тот, кому он рассказал, хоть и не поверил, но запомнил? Вот старик со зверофермы, профессор, ездил же к Димке в интернат... Зачем ездил? Чем Димка ему так приглянулся? О чем рассказывал, какими секретами делился с этим профессором, пока они вместе срок мотали? А ветеринар Чураков, друживший с Тарасевичем и проводивший с ним много времени? Бог мой, сколько усилий было потрачено! И сколько грехов взято на душу...

И еще до вчерашнего дня Смелков и Баев были уверены, что в этой борьбе их не двое. Их трое. С ними Петр Ворожец.

«Каждый из нас может предать...»

– Димка умер два года назад, – пробормотал Баев. – Ты его хоронил. И вещи забрал. Значит, все эти два года ты знал, что никакой опасности нет? Ты все это еще тогда придумал?

– А я вообще парень сообразительный. Удивлен?

– Ты знал, – продолжал Баев. – И спокойно смотрел, как мы с Костей с ума сходим от страха, что все вскроется. Тебе нравилось на это смотреть, да? Ты хотел быть главным. Ты хотел быть выше нас, сильнее нас. Ну что

ж, у тебя это получилось. Ты ведь не просто смотрел, как мы дергаемся, ты не останавливал меня, когда я делал то, что делал. А я много чего сделал для того, чтобы выяснить, не проболтался ли Димка профессору, с которым вместе сидел, о нашей ферме. С ветеринаром этим, с рукописями профессора... Вы с Костиком оставались в стороне, все в белом, один я в дерьме по уши.

– Про девку с телевидения не забудь, – цинично усмехнулся Ворожец. – Ее ведь тоже твой мальчик приговорил, которого ты для таких вот особых поручений за собой перетащил. Но отдаю тебе должное: твои люди хорошо следили за всем, что происходит вокруг Кости. Как только какая программа или статья – во все глаза смотрели, кто какой материал собирает и в какую сторону копает. Девку-то эту, Милюкову, в пять секунд вычислили, как только она к бабке Федюниной зашла. Помню я эту Федюнину, вечно ко всем лезла, все про всех вынюхивала, все про всех знала. Так что мальчик твой молодец, не оплошал. Выпиши ему премию от моего имени. Хотя старался он зря. Но ты прав, Игорешка, мне было приятно наблюдать за тем, как вы с Костиком пыхтите и из-под себя выпрыгиваете, чтобы сохранить Косте место мэра и не допустить ликвидации фермы. Костик стал стесняться открыто дружить со мной. Ты тоже меня предупредил, что если что – покрывать не станешь, руку помощи не протянешь. И на что ж вы рассчитывали, дорогие мои друзья детства? Что я – мать Тереза, все прощу и все пойму? А я вот не понял. И не простил. Мне было приятно видеть, как вы боитесь. Такие все важные, светские, при должностях, при регалиях, почетные с ног до головы – и боитесь, аж трясетесь от страха и нервов. Ну, я сказал достаточно, чтобы ты, наконец, плюнул на идеалы дружбы и назвал меня подонком? Или добавить?

Баев прикрыл глаза, чтобы боль не выплеснулась наружу. Что Петька может добавить? Какую еще гадость он сделал? Догадка отозвалась еще одним всплеском тупой боли где-то в груди.

– Я сам добавлю, – едва шевеля губами, проговорил Игорь Валерьевич. – Ты Лорика покрывал, чтобы в нужное время все выплыло и ударило по Косте. Ты берег этот козырь до того момента, когда наступят выборы. Чтобы уж наверняка.

Он говорил совсем не то, что хотел сказать. Не то, о чем догадался. Но произнести это вслух не было сил. Может, промолчать? Как будто это спасет! Невысказанное знание о факте не отменит сам факт.

Баев поднялся. Ему больше нечего здесь делать. Ворожец не встал, чтобы проводить гостя, только смотрел на него насмешливо и выжидающе.

– Значит, ужинать не останешься? Убийцы у нас теперь такие гордые, что с подонками за один стол не сядут? Ранг не тот?

Шагнувший было к двери полковник обернулся.

– Ты, Петька, тоже убийца. Не прибедняйся. Это ведь ты Димку?.. Конечно, ты. Ты боялся, что он все-таки что-то помнит и может кому-нибудь сказать. А когда увидел эту коробочку несчастную, сразу понял, что даже если Димка кому-то что-то и рассказал, то коробочкой всегда можно будет прикрыть задницу. Только хорошо бы, чтобы виновный был уже мертв. Что ты ему дал? Сердечный препарат? Так что я, Петька, конечно, убийца, но и ты не лучше.

Ну вот, он все-таки сказал. Но легче не стало. Навалилась тяжелая безысходность. Точно такая же, как тогда, когда он задремал в кабинете у отца Николая и видел тот странный сон. Зачем он убил птицу? Нет ответа...

– Я же тебе говорил, что я сообразительный, – ухмыльнулся Петр Сергеевич. – Но и ты не хуже. Иди, обрадуй Костика, что он может больше не бояться ликвидации фермы. Уж с ним-то ты не побрезгуешь выпить-закусить за одним столом.

Он протянул руку к телефону, лежащему на столе, одним движением выбрал нужный номер.

– Инна, проводите Игоря Валерьевича, он уходит.

* * *

Минут через пять после ухода начальника УВД Петр Сергеевич Ворожец спустился в столовую ужинать. Инну он пригласил составить ему компанию, но помощница от горячего отказалась и пила чай, сидя у противоположного края стола.

– Как кондиционер в кабинете? – спросила она. – Все в порядке? Работает? Мастер сказал, что проблем быть не должно, он все почистил, фильтр поменял, жидкость залил.

– Нормально. Кстати, я его, кажется, не выключил.

Инна немедленно встала.

– Я выключу, не беспокойтесь.

Она поднялась в кабинет, нашла на столе пульт и выключила кондиционер, который и в самом деле оказался включенным. Подняла спрятанный на полу за диваном мобильник, полученный накануне от Короткова, посмотрела на индикатор заряда батареи, на котором дрожала

тоненькая красная полоска, нажала кнопку «отбой» и сунула его в карман. Хорошо, что начальник УВД приехал не слишком поздно. Ей удалось включить и оставить телефон заранее, когда хозяин предупредил, что ждет Баева. Зарядки едва-едва хватило. Если бы Баев приехал хотя бы на полчаса позже – могло и не хватить.

Понедельник

На протяжении всего перелета от Вербицка до Москвы Настя Каменская крепко спала, положив голову на плечо Короткова. Всю минувшую ночь ее терзали мысли о том, что делать с полученной информацией. Если не сносить здания зверофермы, то вся эта информация – не более чем пустой звук. Тридцать пять лет назад четыре парня, ушедших в запой длиною в месяц, убили четырех человек. Начали с Юлии Ульянцевой, бросившей Костю Смелкова и собравшейся в Москву «поступить в артистки», перехватив ее, по-видимому, в тот момент, когда она с чемоданчиком добиралась до вокзала. Ее семья пребывала в полной уверенности, что девушка уехала в столицу и там «загуляла». Ее никто не искал. Потом убили еще троих, имена которых неизвестны. Их, скорее всего, тоже выбирали с умом: из бомжей или проституток с трассы, то есть тех, на исчезновение кого внимания особого не обратят. Лидер компании Петя Ворожец подкинул идею «повязать всех кровью», парни пошли на поводу, ничего не соображая в алкогольном отупении. А спустя много лет начали убивать тех, кто мог поспособствовать раскрытию тайны, скрепившей их многолетнюю дружбу. Только выяснилось, что тайна не связала их, как казалось вначале, не объединила, а разделила. И что с этим делать? Не доказав тех, первых, убийств, невозможно доказать причастность к убийствам нынешним. Оставить все как есть? Никому ничего не говорить? А как же справедливость? Идеи возмездия? Наказание виновных, преступивших закон?

Она до рассвета мучилась этими мыслями и горьким чувством беспомощности. И успокоилась только с первыми лучами солнца. «Вспомни, сколько раз убийца, в виновности которого ты была уверена на сто процентов, уходил от ответственности, потому что не хватало доказательств, – сказала она себе. – Это нормально. Это происходит во всем мире. И дело не в том, что ты живешь в насквозь коррумпированной стране. Просто так устроен этот мир. Так устроена жизнь. Ты не можешь раскрыть все преступления. Ты не можешь помочь всем. Ты не можешь всех пожалеть. Ты вообще можешь очень мало. Прими это и смирись».

Она не спеша и тщательно собрала и упаковала вещи, в восемь утра разбудила Короткова, они в последний раз позавтракали в гостиничном ресторане и уехали в аэропорт.

Летели на запад, поэтому прибыли в Москву почти в то же время, что

и вылетели из Вербицка: в двенадцать десять. Александр Каменский позаботился о том, чтобы сестра и Коротков шли через ВИП-зал, и уже через несколько минут после выхода из самолета Настю крепко обнимал Чистяков, а на Короткове повисла визжащая от восторга Анютка, которую привезла Ирина.

– Ты неважно выглядишь, – заметил Леша, разглядывая жену. – Осунулась, под глазами круги. Даже, кажется, похудела. Это потому, что болела? Или просто устала?

– Устала. – Настя счастливо улыбнулась. – И по тебе скучала. Сильно-сильно.

– Вот же врушка! – рассмеялся Чистяков.

Эпилог

В сентябре в Вербицке стало совсем холодно, и Нина Ляшенко, увидев на лавочке возле подъезда своего мужа, читающего газету, в первый момент испугалась, не слишком ли легко он оделся. Не дай бог, простудится! Реабилитационный санаторий оказался очень хорошим, теперь муж мог не только спуститься вниз, но даже дойти до ближайшего магазина и купить продукты. Только тяжести он пока носить не мог, но зато взял за правило, пока жена на работе, выходить за покупками три раза. За три похода он как раз и приносил все необходимое.

– Посиди со мной, – улыбнулся муж, когда Нина подошла к нему. – День такой хороший, солнечный.

– Холодно, – заметила она. – Ты бы не простыл.

– Ничего, я тепло оделся. Вот жду тебя, газетки почитываю.

Нина уселась рядом, положив сумку на колени, прижалась к мужу.

– И что едят? – вяло поинтересовалась она, наслаждаясь тем, что любимый муж рядом с ней, поправляется, и теперь можно верить, что все будет хорошо. Очень хорошо!

– Да ты и сама знаешь. Небось, вся ваша контора с утра гудит.

– У нас ревизия со вчерашнего дня, мы головы не поднимаем, какие уж тут новости. А что? Инопланетяне прилетели?

– Ты что, правда, ничего не слышала?

Муж слегка отодвинулся, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Начальник нашего УВД Баев застрелился. А наш мэр Смелков снял свою кандидатуру с выборов.

– Да ты что! – ахнула Нина. – А почему? Что случилось?

– Никто ничего толком не знает, но предполагают, что это как-то связано с владельцем нашего химвкомбината. Он же в бега ударился еще в прошлом месяце.

– Ну да, – кивнула она, – это я как раз помню. А какая может быть связь?

– Да бог его знает, – вздохнул муж. – Разве нам, простым людям, скажут правду?

– Жалко... – протянула Нина. – При Смелкове хоть квартплату не поднимали. Теперь новый мэр придет – обязательно поднимут. Ну, пойдём домой, мой хороший.

Май 2014 – январь 2015